ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ
СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1745 годъ.

Дѣло Грюнштейна.—Судьба Татищева.—Вятскій архіерей Варлаамъ.—Насильственные поступки противъ духовенства.—Обращеніе инородцевъ въ христіанство.—Стараніе Елисаветы о поддержаніи православія.—Дѣло о продажѣ церковныхъ книгъ.—Хлопоты объ изданіи Библіи.—Мысль объ иностранной цензурѣ; канцлеръ не даетъ ей осуществиться. — Хозяйственныя заботы Сената: забота о соли; дѣла о желѣзномъ, полотняномъ, суконномъ и шелковомъ производствахъ.—Разбои; пожары.—Ревизія.—Семейные хлопоты императрицы. — Свадьба великаго князя. — Раздраженіе противъ принцессы цербстской и отъѣздъ ея изъ Россіи.—Брюммеръ и Лестокъ теряютъ вліяніе. — Перемѣна въ отношеніяхъ Воронцова къ Бестужеву. — Отношенія Россіи къ западной Европѣ по поводу войны Фридриха II-го съ Саксоніею.—Совѣщаніе въ Петербургѣ о томъ, должно ли сдержать прусскаго короля поданіемъ помощи Саксоніи.—Рѣшеніе двинуть русское войско на помощь Саксоніи.—Дѣла шведскія.—Дѣла датскія.—Дѣла турецкія.

Не всѣ лица, отправившіяся съ императрицею въ Москву, возвратились съ нею назадъ въ Петербургъ: не доставало человѣка очень замѣтнаго. Мы упоминали о Петрѣ Грюнштейнѣ, который выставился на первый планъ между преданными цесаревнѣ гвардейцами во время переворота 25 ноября и въ приготовленіяхъ къ нему. Успѣхъ дѣла отуманилъ голову Грюнштейна. Несмотря на богатое награжденіе за свою услугу онъ былъ недоволенъ, выказывалъ притязанія на большее значеніе и старался напоминать о себѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Мы упоминали о недостаткѣ соли и о причинахъ его; но толпа обыкновенно не углубляется въ изслѣдованіе причинъ и любитъ складывать всю вину на одного человѣка: такъ и тутъ посыпались

упреки на генералъ-прокурора князя Трубецкого, и Грюнштейнъ явился представителемъ толпы: онъ пришелъ къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и началъ ему говорить, что если тотъ, пользуясь расположеніемъ государыни, не убѣдитъ ее удалить генералъ-прокурора, то онъ, Грюнштейнъ убьетъ на мѣстѣ этого явнаго измѣнника, спасая императрицу и государство отъ самаго зловреднаго человѣка [1]. Трубецкого Грюнштейнъ не убилъ, отъ слова до дѣла далеко; но скоро онъ столкнулся съ самимъ Разумовскимъ.

По возвращеніи императрицы изъ путешествія въ Кіевъ, она получила слѣдующую жалобу: 19 сентября въ Нѣжинѣ, во второмъ часу ночи бунчуковый товарищъ Власъ Климовичъ съ женою своею Агаѳьею Григорьевною со двора отъ матери Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, а отъ своей тещи ѣхалъ на свою квартиру, и въ темнотѣ столкнулся съ Грюнштейномъ, который, выскоча изъ коляски, началъ кричать: «что за канальи ѣздятъ и для чего генералитету чести не отдаютъ, а съ дороги не сворачиваютъ»? Послѣ чего велѣлъ стащить съ лошади ѣхавшаго передъ коляскою Климовича слугу его Дегтяренко, который сказалъ, что ѣдетъ сестрица графа Разумовскаго съ мужемъ. Услыхавъ это, Грюнштейнъ началъ бранить Разумовскаго скверными словами, кричалъ: «Я Алексѣя Григорьевича услугою лучше и онъ чрезъ меня имѣетъ счастіе, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ, его государыня жалуетъ, а мы погибаемъ!» и, крича это, ударилъ въ лицо кучера Климовичева и столкнулъ съ козелъ, велѣлъ бить и другихъ слугъ Климовича. Когда самъ Климовичь вступился въ дѣло, то Грюнштейнъ ударилъ и его по лицу и началъ бить палкою; перестали бить только послѣ униженной просьбы жены Климовича. Но когда избитый Климовичь, садясь въ коляску, велѣлъ Дегтяренку ѣхать къ тещѣ Разумихѣ и разсказать ей, какъ ея зятя лейбъ-компанія избила, то Грюнштейнъ закричалъ: «Лейбъ-компанія, принимайтесь!» Лейбъ-компанцы принялись, схватили Климовича за волосы, повалили на землю и начали бить, и Грюнштейнъ кричалъ: «Вашъ богъ Разумовскій воскресъ чрезъ меня, а мы теперь страждемъ!» И жену Климовича ругали и били дубиною. Между тѣмъ Дегтяренко далъ знать о происшествіи въ домъ Разумихи и служня ея прибѣжала выручать Климовичей. Тогда Грюнштейнъ закри-

чалъ: «Намъ Разумовскихъ и надобно!» и велѣлъ командѣ своей бить на повалъ, на смерть. Тутъ выбѣжала на улицу сама Разумиха и стала упрашивать не драться, но вмѣсто того и ее чуть не прибили. На другой день, когда горячка уже прошла, Грюнштейнъ пришелъ къ Разумихѣ и требовалъ письменнаго заявленія, будто зять ея Климовичь его бранилъ и намѣревался бить тростью. Разумиха отвѣчала: «Какъ забойство начали дѣлать, такъ и росписку въ Москвѣ берите.» Грюнштейнъ сказалъ на это: «Меня государыня жалуетъ: я не только зятю вашему, но хотя бы и сыну вашему не уступилъ», и съ этими словами вышелъ.

До сихъ поръ Грюнштейну все сходило съ рукъ, его государыня жаловала, въ немъ заискивали какъ въ человѣкѣ опасномъ для враговъ и при случаѣ очень полезномъ для друзей. Но столкнованіе съ фаворитомъ, и въ такой формѣ, не могло пройти даромъ. Немедленно по возвращеніи въ Москву Грюнштейнъ попалъ въ Тайную Канцелярію, потому что вспомнили о другихъ дѣлахъ, о которыхъ, можетъ быть, и позабыли бы безъ нѣжинскаго происшествія. Грюнштейна спрашивали: 1) до кіевскаго похода ты объявилъ императрицѣ, что тебѣ въ окно подкинули письмо, гдѣ было сказано, что лейбъ-компанія ея величеству не надежна, и сказалъ императрицѣ, что ты это письмо изодралъ, тогда какъ ты его и распечатывать не смѣлъ, а долженъ былъ отдать куда слѣдуетъ.—Грюнштейнъ отвѣчалъ: «Письмо было не запечатано и въ немъ было написано, что Французъ прислалъ въ Москву деньги, чтобъ перевесть лейбъ-компанію, а сказалъ я императрицѣ, что лейбъ-компанія ей ненадежна въ этомъ смыслѣ, и когда Шетарди выслали, то я письмо разодралъ какъ ненужное больше». 2) Къ кэмеръ-юнгферѣ Беатѣ Андреевнѣ ты приходилъ и сказывалъ, что компанія великая сбирается и тебя звали.—Грюнштейнъ отвергъ это показаніе, но объявилъ слѣдующее: «Я былъ въ ссорѣ съ князь Никитою Трубецкимъ, и помирилъ насъ Брюммеръ въ комнатѣ принцессы Сербской (цербстской). Брюммеръ давно мнѣ говорилъ: «Помирись съ князь Никитою, потому что онъ человѣкъ добрый?» Какъ добрый? сказалъ я: онъ интересанъ! — «Еслибъ не онъ, говорилъ Брюммеръ, то мы такихъ проклятыхъ дѣлъ не знали бы: надѣялись (враги наши), что великій князь не женится на молодой принцессѣ (цербстской). И старая принцесса упрашивала

меня помириться съ Трубецкимъ. Послѣ мира, отведши меня къ окну, Трубецкой говорилъ: «Вотъ когдабъ ты боленъ не былъ, то увидѣлъ бы ты, какъ россійскій генералитетъ и сенаторы веселы были когда прибыла великая княжна; они смотрятъ въ землю и прибытія великой княжны не желали, хотѣли принять польскую принцессу.»—Всѣ ли они таковы? спросилъ я. — Трубецкой отвѣчалъ. «Голицыны добрые люди, особенно князь Михайла. Чрезъ архіереевъ ея величеству толковали, что свадьбѣ быть нельзя: родня! А ты самъ разсуди, что на мнѣ польской кавалеріи нѣтъ; я растолковалъ ея величеству, что свойства нѣтъ; понеже люторская вѣра еретическая, а когда великая княжна приняла уже православную вѣру, то уже за свойство признавать не надлежитъ.» И при томъ Трубецкой весь генералитетъ и сенатъ уничтожилъ и объявлялъ, что свадьба великаго князя чрезъ него одного сдѣлана. 3) Ты говорилъ лейбъ-компаніи вице-сержанту Ивинскому, что теперь кромѣ Бога служить никому не хочешь: въ какой силѣ такія слова говорилъ? Грюнштейнъ отвѣчалъ: «Въ той силѣ, что боленъ; думаю, что скоро умру и думалъ проситься въ отставку.»

Наконецъ дѣло дошло и до нѣжинскаго происшествія. На выше изложенное обвиненіе Грюнштейнъ отвѣчалъ, что начали ссору люди Климовича, требовавшіе, чтобы онъ очистилъ дорогу, ругали его и замахивались плетьми. Климовичъ билъ его палкою, онъ только оборонялся; Климовичъ замахивался на него съ обнаженною саблею, но другіе лейбъ-компанцы отводили удары. У матери Разумовскаго онъ былъ и докладывалъ, что зять ея его билъ, при чемъ отнято у Климовича оружіе, и не хочетъ ли она это оружіе взять подъ росписку; говорилъ, что для Разумовскаго онъ на Климовичѣ искать не будетъ, но чтобъ Климовичъ впредь такъ не поступалъ, генераловъ не билъ.

Дѣло перешло въ 1745 годъ. 18 февраля былъ дополнительный допросъ Грюнштейну, который объявилъ, что утверждается въ прежде сказанномъ. Свидѣтель лейбъ-компанецъ Журавлевъ показалъ, что Грюнштейнъ съ командою остановился ночью въ Нѣжинѣ на большой кіевской дорогѣ и люди мазали колеса при свѣчахъ, какъ вдругъ на дорогѣ показалась коляска съ двумя верховыми напереди; одинъ изъ вершниковъ кричалъ, чтобъ очистили дорогу и всѣхъ бранилъ непристой-

ными словами; Грюнштейнъ сталъ отругиваться; тогда Климовичь, вышедъ изъ коляски, и подойдя къ Грюнштейну, ударилъ его палкою по головѣ раза три или четыре; Журавлевъ ухватилъ палку, а Грюнштейнъ, усмѣхнувшись и перекрестясь, ударилъ Климовича по щекамъ раза три или четыре. Черезъ день послѣ этого допроса Грюнштейна привели въ застѣнокъ: онъ признался, что о подкинутомъ письмѣ донесъ ложно; но относительно ссоры съ Климовичемъ утвердился на прежнихъ показаніяхъ.

Слѣдователи — Ушаковъ и Александръ Ив. Шуваловъ подали мнѣніе, что Грюнштейнъ не только подозрителенъ, но и очень виновенъ оказался, потому что дѣлалъ ложные доносы. У Грюнштейна съ Журавлевымъ должны быть стачки; надобно бы допросить другихъ свидѣтелей — лейбъ-компанцевъ, но у нихъ должна быть также стачка; надобно будетъ пытать, отъ чего можетъ произойти немалое кровопролитіе, а истины найти нѣтъ надежды, и потому слѣдствіе надобно оставить. Императрица велѣла сослать Грюнштейна съ женою и сыномъ въ Москву, гдѣ онъ содержался въ Тайной Конторѣ; потомъ отправленъ въ Устюгъ [2].

Въ томъ же 1745 году произнесено было осужденіе гражданской дѣятельности одного изъ птенцовъ Петровыхъ, одного изъ самыхъ видныхъ членовъ «ученой дружины», созданной временемъ преобразованія. Мы оставили Татищева въ 1739 году, когда онъ былъ отданъ подъ судъ. Жалобщиковъ на злоупотребленія Татищева легко было найти, когда противъ него былъ Биронъ. Во время регенства Бирона Татищевъ, разумѣется, не могъ ждать для себя ничего хорошаго; но и послѣ паденія регента дѣла его не поправлялись, потому что при новой правительницѣ близкимъ человѣкомъ былъ врагъ его, графъ Михайла Головкинъ. Татищевъ обратился къ сопернику Головкина Остерману, и тотъ присовѣтовалъ ему просить прощенія въ винахъ; не видя другого выхода, Татищевъ исполнилъ совѣтъ, но подвергся только напрасному униженію: судная коммиссія по его дѣлу не прекратила своихъ работъ. 31 іюля 1741 года состоялся указъ о назначеніи Татищева къ калмыцкимъ дѣламъ, порученіе трудное и важное въ то время, но сановникъ, на котораго оно было возложено, оставался по прежнему подъ судомъ.

Мы видѣли какъ много хлопотъ было русскому правительству съ Калмыками при Петрѣ Великомъ и его преемницѣ, видѣли здѣсь дѣятельность Волынскаго и жалобы его на трудность дѣла [3]. Волненіе не прекращалось между варварами. Въ 1731 году Дундукъ-Омбо поразилъ намѣстника Черенъ-Дундука, принудилъ его бѣжать въ Саратовъ, и овладѣлъ 15,000 кибитокъ; но, не смѣя вступить въ борьбу съ русскимъ войскомъ, ушелъ въ крымскую сторону. Черенъ былъ возстановленъ; но русское правительство убѣдилось окончательно въ его неспособности, и рѣшилось отослать его въ Петербургъ, вызвать Дундукъ-Омбо и дать ему ханство. Дундукъ-Омбо служилъ вѣрную службу во время турецкой войны, опустошая Кубанскія владѣнія Татаръ; но послѣ смерти этого энергическаго хана начались опять въ степяхъ волненія, для прекращенія которыхъ и былъ отправленъ Татищевъ. Въ то время, какъ онъ исполнялъ свое трудное порученіе, мирилъ калмыцкихъ князьковъ, такъ однако, чтобъ оставалась всегда возможность ссоръ, т. е. чтобъ новый намѣстникъ ханства Дундукъ-Даши не могъ усилиться окончательно,—въ это время, въ декабрѣ мѣсяцѣ пріѣзжаетъ къ нему изъ Петербурга капитанъ Приклонскій съ извѣстіемъ, что воцарилась дочь Петра Великаго, что Головкинъ подъ арестомъ, а Трубецкой, Черкасовъ и Бестужевъ, съ которыми у Татищева была старая дружба, въ большой милости. Новая императрица велѣла сказать Татищеву, что она его помнитъ. Татищевъ отвѣчалъ ей: [4] «Присланный отъ вашего имп. величества капитанъ Приклонскій объявилъ мнѣ словесное вашего имп. величества всемилостивѣйшее о мнѣ недостойномъ рабѣ вашемъ напоминаніе. А понеже я чрезъ такъ многіе годы за мои вѣрные и радѣтельные къ ихъ величествамъ и государству службы отъ злодѣевъ государственныхъ тяжкое гоненіе и разореніе терпѣлъ и въ такомъ отчаяніи находился, что ничего кромѣ крайней гибели ожидать не могъ; нынѣ же нечаянно яко во тмѣ сидячаго оставшій свѣтъ Петра Великаго паки на меня возсіялъ и единою печаль и страхъ отрѣшилъ: того ради наипаче сего вашего имп. величества показанную ко мнѣ недостойному милость чувствуя, хотя возблагодарить и заслужить до гроба моего не могу, но только прошу всещедраго Бога, да умножитъ лѣтъ живота вашего имп. величества и утвердитъ престолъ въ наслѣдіи Петра Великаго въ безконечныя вѣки неподвижно».

Радость Татищева была впрочемъ непродолжительна: его не вызвали въ Петербургъ, оставили при прежней трудной калмыцкой коммиссіи, присоединивъ къ ней не менѣе трудное управленіе пограничною астраханскою губерніею; судная коммиссія надъ нимъ не была закрыта, слѣдовательно печаль и страхъ не были отрѣшены. Причиною было то, что Татищеву изъ Астрахани трудно было слѣдить за петербургскими отношеніями, поддерживать дружбу сильныхъ людей и отражать удары могущественныхъ враговъ. Злой врагъ Татищева, Головкинъ былъ сосланъ, но на его мѣсто съ важнымъ значеніемъ сенатора и предсѣдателя военной коллегіи, въ большой милости при дворѣ явился изъ ссылки старый фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, который не могъ простить Татищеву за ревностное участіе въ уничтоженіи замысла Верховниковъ, что повлекло паденіе Долгорукихъ. Надѣясь на старую дружбу съ княземъ Никитою Трубецкимъ, однимъ изъ членовъ «ученой дружины», какъ видно изъ отношеній къ нему Кантемира, Татищевъ велъ дѣятельную переписку съ генералъ-прокуроромъ, не зная, что между Трубецкимъ и Бестужевымъ непримиримая вражда; Бестужевъ сердился на Татищева и вредилъ ему по иностранной коллегіи, куда астраханскій губернаторъ долженъ былъ постоянно обращаться по дѣламъ Калмыковъ и другихъ пограничныхъ народовъ. Наконецъ Татищевъ имѣлъ неосторожность вооружить противъ себя принца Гессенъ-гомбургскаго, оспоривъ его проектъ о построеніи астраханской крѣпости. Мы должны привести переписку Татищева съ Черкасовымъ, потому что она имѣетъ далеко не одинъ біографическій интересъ.

21 генваря 1742 года Татищевъ уже писалъ Черкасову: «Понеже я, какъ вамъ чаю уже не безызвѣстно, за мои вѣрныя къ государямъ и государству услуги отъ злодѣевъ государственныхъ такъ гонимъ и разоряемъ былъ, что уже не радъ былъ животу, и хотя многократно объ отставкѣ просилъ, токмо и того къ большему мнѣ огорченію не улучилъ, ея же имп. величество о томъ неизвѣстна, и опасаясь, чтобъ мои злодѣи не нашли способа болѣе меня оскорблять, принужденъ вамъ какъ моему другу обстоятельно донести. Вамъ, чаю памятно, какъ государыня Екатерина Алексѣевна въ 1724 году съ великимъ обнаде-

живаніемъ изволила меня опредѣлить въ монетную канцелярію, гдѣ я столько труда моего изъявилъ, что ея имп. величество всемилостивѣйше изволила письмомъ обнадежить, что мой трудъ безъ награжденія оставленъ не будетъ; однакоже за скорою кончиною ея величества того лишился. Потомъ я въ учрежденіи монетномъ хотя явныя великія пользы пріобрѣлъ; но по злости на меня бывшаго графа Головкина и лакомствомъ Бирона отъ того отрѣшенъ; компанія передѣла мелкихъ денегъ невинно разорена и не малая сумма съ монетныхъ дворовъ подъ именемъ новой прибыли потеряна, при чемъ Головкинъ съ Дудоровымъ довольно получили, въ чемъ явно обличиться могутъ дѣла ихъ. Въ 1734 году ея имп. величество повелѣла меня отправить въ Сибирь для размноженія заводовъ, гдѣ я чрезъ три года такъ оные размножилъ и старые исправилъ, что безъ сумнѣнія надѣялся высочайшую милость ея имп. величества и довольное награжденіе получить, особливо видя всегда въ указахъ всемилостивѣйшія обѣщанія, ни о чемъ болѣе какъ о пользѣ государственной прилежалъ, токмо и въ томъ обманулся тѣмъ, что Биронъ, увидя отъ заводовъ такъ великую государству пользу и прибыль каждогодную, вознамѣрился себѣ доходъ похитить, и вначалѣ опредѣлили начальникомъ саксонца Шомберга, который ничего о желѣзныхъ заводахъ и о пользѣ нашего государства не разумѣетъ и оному меня подчинили; а вскорѣ потомъ меня отлучили и чрезъ имя Болохонца Осокина главные заводы Благодать похитить вознамѣрились, чему я явно съ твердыми доводы противное мнѣніе представилъ; они же оставя ту околичность, явно отдачу Шомбергу или паче тому бывшему герцогу отдали, а на меня крайне озлобились и заводы оные съ великимъ государству вредомъ разорили. Сія его злоба хотя мнѣ довольно видима была, и видѣлъ, что искали порока, но не нашли, въ 1737 году перевели меня въ оренбургскую коммиссію, которую, какъ видно, по обману Тевкелева и Кириллова для частнаго великаго прибытка начали, я жь, прибывъ, усмотрѣлъ, что оное вымышлено болѣе для собственной, нежели казенной пользы, сталъ истину доносить и тѣ обманы обличать, которымъ того бывшаго герцога и Остермана наипаче озлобилъ. За сіе какъ они скоро свѣдали, что Тевкелевъ и другіе за ихъ неправости и безпорядки смиряеми жаловались на

меня, то Остерманъ велѣлъ имъ бить челомъ, и представилъ ея имп. величеству, по оному велѣли меня спросить, то секретарь бывшей Яковлевъ сочинилъ мнѣ вопросные пункты, противные формѣ суда и точнымъ указамъ, ибо имя челобитчиковъ не показалъ, изъ челобитья избралъ непорядкомъ, но смѣшивалъ и одинъ пунктъ разбилъ на многіе, а многое отъ себя прибавилъ, чего въ челобитьѣ нѣтъ. Получа они мои отвѣты и видя, что всѣ тѣ клеветы съ доказательствомъ опровергнуты, а доносители плутовства обличены, наипаче озлобясь, доносили ея величеству, будто тяжкія преступленія мои явились и учредя особливую коммиссію и велѣли для учиненія мнѣ обиды судить, выбирая изъ гражданскаго и военнаго правъ, и хотя коммиссія или за страхъ или собственными прихотями чрезъ три года прилежно и разными образы трудилась, токмо обвинить меня чѣмъ не нашла; потомъ какъ милостивые указы отъ бывшаго герцога курляндскаго и потомъ отъ принцессы Анны объявлены и всѣ коммиссіи велѣно оставить, но по моей велѣно наикрѣпчайше слѣдовать; и хотя я не одну челобитную подавалъ, прося о скоромъ и справедливомъ того рѣшеніи, но видя, что то не успѣваетъ, по совѣту отъ Остермана чрезъ его креатуру подалъ повинную, прося въ винахъ прощенія, ибо я видя себя въ крайнемъ разореніи, принужденъ то учинить, но никакой милости не получилъ. За тѣмъ я хотя не скоро какъ для важнаго дѣла отправленъ, но вмѣсто мнѣ поохочиванья, жалованья удержаннаго не выдано и опредѣленнаго на сей годъ выдана половина, а въ коммиссіи подтверждено, чтобы наикрѣпчайше слѣдовали за мной. Сіе какъ мнѣ огорчительно и страшно ни было, ибо видѣлъ, что меня въ такое трудное дѣло опредѣлили безъ всякой помощи, а особливо и безъ инструкціи отправили, прилежалъ колико возможно вѣрность мою засвидѣтельствовать и благодатію Божію сдѣлалъ столько, чего господа министры не чаяли и калмыцкихъ хановъ въ такое подданство и порядокъ привести, въ какомъ не бывали. За сей мой трудъ получилъ отъ ея имп. величества всевысочайшую грамоту съ похвалою и высокимъ обнадеживаніемъ; но на той же почтѣ указъ отъ бывшаго кабинета съ великимъ мнѣ оскорбленіемъ и обидою, которымъ мнѣ повелѣно по затѣйному челобитью вѣдомаго вора и публично наказаннаго Семена Иноземцова противъ уло-

женья и формы суда отвѣтствовать. И хотя я присягать готовъ въ томъ, что невененъ, и челобитья такъ бездоказательнаго, а паче, что онъ билъ челомъ на меня, перво въ держаніи невинномъ подъ карауломъ, а спустя четыре годы сталъ показывать взятки и свидѣтеля представляетъ казанскаго купца Микляева, о которомъ я слышалъ, что г. камергеръ Брылкинъ, какъ обязанный другъ явнаго плута Иноземцова принудили письмо дать, того ради посылаю при семъ челобитную и прошу васъ моего государя оную при удобномъ случаѣ подавъ ея импер. величеству, рѣшеніе исходатайствовать, а наипаче просить господъ министровъ о выдачѣ мнѣ невинно удержаннаго жалованья и чтобъ меня отсюда взяли, ибо я для пользы и чести импер. величества въ великой убытокъ напрасно вошелъ, которое прежде всѣмъ было давано казенное, и для того нынѣ принужденъ здѣсь занять 1000 рублевъ, надѣясь, что отъ ея величества оставленъ не буду и на васъ какъ на моего друга, надѣяся, пребываю всегда и проч.

Въ февралѣ того же года Татищевъ такъ описываетъ Черкасову состояніе астраханской губерніи, и на свое назначеніе туда губернаторомъ смотритъ какъ на заключеніе въ тюрьму безъ объявленія вины:

«По волѣ ея импер. в—ства хотя и безъ объявленія вины въ сіе узилище я опредѣленъ, гдѣ я чрезъ нѣсколько дней разсматривая съ прилежаніемъ вижу, что сія губернія такъ разорена, какъ недовольно свѣдучей повѣрить не можетъ, понеже люди разогнаны, доходы казенные растеряны или расточены, правосудіе и порядки едва когда слыханы, что за такъ великимъ отдаленіемъ и недивно. Причина же сего есть главная, что неколико губернаторовъ суда вмѣсто ссылки употреблялись, и не имѣя смѣлости, или ничего или боясь кого по нуждѣ неправильно дѣлали, а можетъ и то, что не имѣя достаточнаго жалованья принуждены искать прибытка, не взирая на законы; особливо здѣшняя канцелярія болѣе отъ того безпорядочна, что секретарямъ и подъячимъ дѣлъ такихъ, отъ которыхъ достаточный доходъ имѣть можно, мало, а жалованья нѣтъ, то принуждены коварствами и безпорядками доставать; купцы сильнѣйшіе чѣмъ болѣе торгуютъ или отъ чего имъ великое обогащеніе какъ токмо отъ хищенія казенныхъ и разоренія без-

сильныхъ, они же, не желая къ защищенію ихъ, какъ мню, не скупо предстателей закупили, то и видя ихъ непорядки нужно губернатору смотрѣть сквозь пальцы, опасаясь, чтобъ и за вѣрность, какъ я въ томъ искусился, и такъ равномѣрно о себѣ разсуждаю, что и отъ меня ея импер. в—ство и сія губернія пользы болѣе видѣть не могутъ, ибо мнѣ, не имѣя надежды и смѣлости, болѣе прежде бывшихъ трудиться невозможно.»

1743-й годъ Татищевъ начинаетъ тѣми же жалобами и просьбами объ освобожденіи изъ тюрьмы.

«Я твердо увѣренъ, что вы къ показанію ко мнѣ милости и ко освобожденію отъ сего узилища трудъ прилагать изволите.» Причины своего желанія освободиться изъ Астрахани, Татищевъ выставляетъ слѣдующія: 1) губернскія дѣла и сборы или доходы весьма упущены и люди разорены, и хотябъ поправить можно, только надобно снабденіе людьми и власть, безъ котораго исправить не можно, а камеръ-коллегія не разсмотря обстоятельствъ, бранитъ и штрафами грозитъ, мнѣ же, видя такое упущеніе, весьма не безгорестно, что имѣя ко исправленію смыслъ и желаніе да не могу. 2) Пограничныя дѣла такожъ не въ надлежащемъ порядкѣ находятся, а паче какъ дознаюсь отъ того, что господамъ министрамъ иностранной коллегіи къ разсмотрѣнію времени не достаетъ, а я оное писать опасаюсь, чтобъ болѣе злобы не нажить, къ тому жъ мимо коллегіи о тѣхъ дѣлахъ писать запретили. 3) Вы уже довольно извѣстны, что я за мой трудъ и не малую по калмыцкой коммиссіи услугу вмѣсто милостиваго награжденія терплю обиду и стыдъ; но чтобъ вамъ при случаѣ можно обстоятельнѣе говорить, для того оные пространнѣе представляю. По губерніи имѣемъ токмо три канцеляриста, одинъ у иностранныхъ, одинъ у прокурора, одинъ у судныхъ (дѣлъ) и прихода; подканцеляристовъ и копиистовъ съ пьяницами и негодными 9, коими никакъ по указамъ исправить не можно. Татарской судья Шахматовъ хотя велѣе вреда чѣмъ пользы приноситъ, и Татары болѣе отъ его лакомства и несмотрѣнія разбѣжались, токмо онъ подъ протекціею коллегіи ни на кого не смотрѣлъ; однакожъ я, несмотря на то, велѣлъ его судить и на мѣсто его иного опредѣлить. Сборы кабацкіе, таможенные и прочіе отъ того упущены, что здѣсь за малостію купцовъ или посадскихъ принуждены, переходя

отъ одного сбора къ другому, всѣ у дѣлъ (быть), а никто не считанъ и считать нельзя, отъ неимѣнія же страха крадутъ какъ хотятъ и вы, какъ чаю извѣстны, какъ невѣроятно великая доимка со здѣшнихъ прошлаго года сложена, почему и впредь не меньше если не усугублена будетъ; не упоминаю о рыбной и соляной конторахъ, которыя особо правятся, и Армянъ, что отъ посада увольнены, а торги имѣютъ болѣе посадскихъ, чрезъ что здѣсь русскимъ купцамъ въ состояніе придти не можно. Мнѣ же, видя, что каждый своихъ протекторовъ имѣетъ, а въ Сенатѣ по моимъ представленіямъ злоба безсовѣстная или недосуги ко внятному разсмотрѣнію несходныя резолюціи или молчаніе вижу: и такъ принужденъ молчать. По коллегіи иностранной нынѣ я получилъ указъ, чтобъ коммиссію Калмыцкую оставить и служителей въ Москву отпустить: оное хотя мнится не довольно разсмотря поспѣшили, но я радъ, что тѣхъ хлопотъ избавился. Въ Персіи, какъ вижу, интересы весьма въ презрѣніи тѣмъ, что въ такъ нужное время опредѣленъ мальчишка переводчикомъ Братищевъ, который кромѣ безпутно многорѣчивой реторики весьма мало дѣла знаетъ и пишетъ такія обстоятельства, что смотрѣть иногда стыдно. Правда, что онъ, видя предковъ своихъ Аврамова и Калушкина изъ такого жъ убожества хотя чрезъ многіе годы и не знаю, если съ пользою россійскою сходно, великое богатство по 100 или 200,000 рублей нажили, не лѣнится собирать и друзей или протекторовъ искать, да какъ сіе полезно государству не знаю; а я бы мнилъ послать человѣка надежнаго, несмотря что языка не знаетъ, ибо у насъ въ Туркахъ и Персіи никакой министръ знающій ихъ языка не былъ, а дѣла лучше знающихъ правили; мнѣ же видится, что нынѣ посланнаго совѣтника Грека туда норовятъ, токмо не знаю, съ какихъ разсужденій такому повѣрять. Что моей обиды принадлежитъ, то извѣстны вы, что я при его импер. в—ствѣ Петрѣ Великомъ пожалованъ совѣтникомъ въ Бергъ-Коллегію съ жалованьемъ полнымъ по 600 рублей; потомъ былъ въ Сибири и оренбургской миссіи у военной команды, жалованье полное противъ армейскихъ получалъ; при отправленіи же сюда въ указѣ изъ Кабинета въ Сенатъ написано жалованье выдать полное; но Головкинъ, пославъ рентерею, велѣлъ выдать половинное за прошлый годъ, а за сей уже никакого не имѣю;

и хотя я не могу сказать, чтобъ мнѣ безъ онаго жить было нечѣмъ, токмо тяжка обида: генералъ-поручикъ Бакаръ и генералъ-майоръ Долгорукой безъ меня дѣлать ничего не могутъ, я долженъ имъ совѣтомъ и дѣломъ помогать, наставлять и за ними надзирать; они полное жалованье получаютъ, а по окончаніи вѣдаю, что и награжденіе получатъ, по мнѣ ничего. Да и просить уже болѣе ничего не смѣю, токмо увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, дабы единою отъ такихъ безпорядковъ и досадъ, а паче предъ Богомъ и государственныхъ отвѣтовъ свободиться.»

Чѣмъ началъ Татищевъ 1743 годъ, тѣмъ и кончилъ. Въ декабрѣ онъ писалъ Черкасову: «Нынѣ, видя себя въ крайней горести, принужденъ васъ, моего государя, яко надежнаго благодѣтеля, просить, чтобы меня отсюда взять, и если я ни къ какой услугѣ негожусь, въ домъ отпустить, ибо отъ клеветъ ненавидящихъ никакого полезнаго дѣла начать, ни прилежно на поступки подчиненныхъ смотрѣть и отъ продерзостей удерживать не можно, терпѣть же видимые безпорядки и вреды мнится мнѣ противъ должности и присяги моей. Съ великою мнѣ горестію слышу разсѣянныя на меня отъ моихъ злодѣевъ сущія клеветы, якобы я персидскихъ денегъ ни въ казну, ни другимъ купить не допускалъ, а купилъ на себя многія тысячи; другое, якобы я съ аглинскимъ капитаномъ Элтономъ, который въ Персіи, общій торгъ имѣю; третіе, якобы я у пойманной мною ханши Джины (вдовы Дундукъ-Омбо) насильно шубу соболію отнялъ.»

Если было много людей, которые отзывались неодобрительно о поведеніи Татищева, распускали о немъ «сущія клеветы», по его выраженію, то и самъ онъ, въ постоянномъ раздраженіи, не щадилъ другихъ; иподно распоряженіе правительства не заслуживало его одобренія. Самолюбіе послѣдняго «изъ ученой дружины» было страшно оскорблено; онъ считалъ себя способнѣе многихъ, а между тѣмъ эти многіе, находясь у источника власти, распоряжались, не спрашивая его совѣта, а онъ былъ загнанъ въ «узилище», откуда голоса его не было слышно. Въ октябрѣ 1744 года онъ писалъ Черкасову: «Рыбный промыселъ здѣсь въ полной конфузіи, что промышленникамъ отказали, а Раевскому[5] вступить не можно, прибыльщики или откупщики ничего не знаютъ, работниковъ нѣтъ, деньги растеряютъ и, чаю,

прибыли не сыщутъ, только я не вступаюсь. Слышу, что князя Михайлу Голицына посломъ въ Персію посылаютъ, а какъ довольно знаю, что человѣкъ хотя не глупъ, да не развязенъ, опасно болѣе худа, особливо, что мы при настоящемъ случаѣ могли бы многую пользу пріобрѣсти, если человѣкъ способный, и лучше князь Алексѣй или иной кто проворный и ласковый, особливо не скупой.» Тутъ же Татищевъ писалъ Черкасову, что можетъ принять на себя составленіе исторіи Петра Великаго и представлялъ условія: «о Гисторіи Петра Великаго хотя мнѣ сама государыня императрица Анна Іоанновна изволила говорить и госпожа Чернышева по приказу ли или собою неоднова говорила, но я, вѣдая намѣреніе, отговорился тѣмъ, что лгать не хочу, а правду писать можетъ кому противно будетъ, ибо много тѣхъ, которые сущую правду за обиду почтутъ; нынѣ же тѣхъ многіе уже пресѣклись или подъ защитою ея имп. в—ства будутъ безопасны, то приняться можно, если потребное къ тому не оскудѣетъ и суще: 1) люди не столько для письма, сколько для исканія временъ тѣхъ по чужестраннымъ гисторіямъ, и совѣта, какимъ порядкомъ, согласно съ правилами гисторическими изъяснить, ибо славный гисторикъ Пуфендорфъ, сочиняя шведскую, а потомъ бранденбургскую гисторію, знатныхъ и въ немаломъ числѣ помощниковъ имѣлъ. 2) Денегъ къ тому не много надобно, кромѣ жалованья, но и тѣ болѣе отъ другихъ услугъ получаютъ. 3) Чтобъ потребныя извѣстія отовсюду давали, о чемъ и прежде во всѣ губерніи помнится въ 1736 году указы посланы, чтобъ къ сочиненію географіи мнѣ требуемыя извѣстія присылали, и многое получено, но туне осталось. 4) Домъ, и болѣе ничего, и если ея имп. в—ство за способна меня къ тому усмотрѣть изволитъ, я съ охотою трудиться готовъ и ваше превосходительство произведеніемъ такъ полезнаго всему государству дѣла не малую честь пріобрѣсти можете, а ея величество болѣе нежели великимъ иждивленіемъ древле въ Египтѣ и Римѣ музолеями или надгробными великими строеніями таковою гисторіею вѣчную память и славу родителю своему и отцу всея имперіи безконечно устроитъ, слѣдственно и ея величеству слава и благодареніе безсмертное умножится; но за всѣмъ тѣмъ я, помня приказъ мнѣ послѣдней отца моего ни на какое дѣло не напрашиваться, но отъ тягчайшей услуги не отбиваться, такъ

единственно остаюсь въ воли и повелѣніи ея импер. величества.»

Вслѣдъ за этимъ письмомъ написалъ онъ другое, въ которомъ представилъ перечень своихъ заслугъ, а вмѣстѣ и непріятностей, претерпѣнныхъ имъ съ самаго начала служебнаго поприща: «что моея здѣсь горести и едва сносной трудности принадлежитъ, то я воистинно радъ бы какъ можно отсюда освободиться, ибо вижу, что хотя много трудился и вѣрную услугу мою показалъ яко вся калмыцкая коммиссія, въ персидскихъ, кабардинскихъ, салтонутскихъ и киргизскихъ дѣлахъ столько сдѣлалъ, чего болѣе требовать не могли и въ указахъ вижу, чего не надѣялись; внутреннія же: канцелярію весьма въ лучшій порядокъ привелъ, дѣла трудныя чрезъ много лѣтъ тянувшіяся по крайнему разумѣнію, не льстяся ни на какіе посулы, по правости и законамъ перевершилъ, обиженныхъ прилежу оборонить и воровъ и разбойниковъ надлежаще осудилъ, здѣшнему городу многія пользы открылъ и показалъ, доходы казенные умножилъ, и тягостные народу или вредительные частію отставилъ, частію къ разсмотрѣнію представилъ: но за все оное не токмо награжденія не вижу, но и надежды не имѣю, паче же отъ злодѣевъ горестное оклеветаніе и поношеніи терплю и мой трудъ другимъ преписавъ, награжденіе и милость у ея величества исходатайствовали, мнѣ же и жалованья дать не хотятъ. Ваше превосходительство довольно зная прежнія мои приключенія, сколько я терпѣлъ и несмотря на злость сильныхъ и чинительныя мнѣ препятства, вѣрно государю и государству служить прилежалъ: 1) Демидовъ чрезъ адмирала графа Апраксина такъ меня предъ его величествомъ (Петромъ В.) оклеветалъ, что всѣ думали о моей погибели; но я, вѣдая мою правду, надѣясь, что его величество самъ дѣло внятно разсмотритъ и неправую клевету наказать не оставитъ, смѣло поступалъ и оправдався, большую его величества милость получилъ. 2) По смерти его величества сколько Меншиковъ за вымышленныя имъ вредительныя деньги на меня озлобился, что и въ ссылку послать указъ въ Сенатѣ записалъ, но устыдясь самъ и милостію ея величества тогда я избавился яко невинный. 3) Долгорукіе перво съ вами въ ссылку послать опредѣлили; потомъ какъ они вознамѣрилися честь государя и цѣлость отечества разрушить, которымъ я сильно воспротивясь съ прочими удержалъ, они мнѣ висѣлицу

и плаху суля, сами посрамились. 4) Биронъ, ища себѣ ненадлежащей власти и силы, вздумалъ, что я ему въ томъ, якоже и въ похищеніи великаго отъ сибирскихъ заводовъ дохода препятствовать буду, разными образы искалъ меня губить, перво ссоривалъ съ Черкаскимъ, Салтыковымъ и Головкинымъ, что всѣмъ было извѣстно; но видя, что недостаточно, принудилъ на меня плутовъ бить челомъ и беззаконно судить велѣли, дважды безъ всякой вины подъ карауломъ держали; но Богъ по невинности моей меня избавилъ. Нынѣ Долгорукой, вспомня ту злобу, смертельно меня обидитъ, поноситъ и бранитъ и можетъ что и ея величеству клевещетъ: токмо я не ужасаюсь, вѣдая, еслибъ я его злобу ему явно истолковалъ, то какъ онъ, такъ и другіе со стыдомъ принуждены были меня въ покоѣ оставить».

Но враги не хотѣли оставить Татищева въ покоѣ, и въ началѣ 1745 года онъ могъ ясно увидѣть, что человѣкъ, на дружбу котораго онъ больше всего полагался, Черкасовъ счелъ нужнымъ для себя уклониться отъ посредничества между нимъ и императрицею: онъ далъ знать Татищеву, чтобъ отъ доносилъ о дѣлахъ прямо императрицѣ. Старикъ однако не понялъ намека и по прежнему отвѣчалъ Черкасову длиннымъ письмомъ: «Хотя я многимъ письмомъ на сей почтѣ вамъ скученъ явлюся и можетъ осердитесь, токмо сейчасъ услыша отъ Кобякова приказъ вашъ, чтобъ я о дѣлахъ нужныхъ прямо ея импер. величеству доносилъ, и сіе бы весьма ея величеству полезно быть могло, ибо такими случаи можно бы многія пользы произвести, и вредныя упущенія пресѣчь; но противо тому къ государю надобно съ доношеніемъ дерзнуть такому, ктобъ довольно на собственную ея милость или на сильныхъ защитниковъ надѣялся, въ чемъ я наипаче всѣхъ недостаточествую, и хотя подлинно имѣлъ бы нужду всеподданне донести, но за страхъ большее злодѣйство на себя нанести, принужденъ съ терпѣніемъ оставлять. Два дѣла, которыя весьма требуютъ внятнаго разсмотрѣнія: 1) Калмыки сначала поручены были мнѣ въ полную власть и оное я началъ было въ такое состояніе приводить, чтобъ Россія вѣчную пользу отъ нихъ имѣть, а опасностямъ какъ прежде происходили никакихъ страховъ имѣть не могла, къ чему главный способъ, чтобъ у хана власть отнявъ болѣе ввѣрить губернатору; но нынѣ оное все превращено и намѣстникъ Дун-

дукъ-Даши, какъ человѣкъ великаго коварства, такую силу и власть получилъ, что уже не малой опасности виды показались, и хотя я многократно о томъ съ различными представленіи доносилъ и требовалъ скорой резолюціи, такожъ и онъ намѣстникъ послалъ посланца, а отвѣты чрезъ 4 мѣсяца получить не можемъ, чрезъ что онъ болѣе въ сумнительствѣ остается, и я что дѣлать не знаю, жаловаться же самое было бы мое безуміе. 2) Я многіе вижу здѣсь въ тягость и неправильно положенные сборы, яко орѣшной, свѣшной, извозной, водовозной, дворянской—все безъ указовъ отъ губернаторовъ въ тягость и разореніе народа прежними губернаторы введены; противно тому, подлежащіе въ казну доходы безпорядками весьма упущены, а наипаче кабацкіе и таможеные хотя гораздо умножилъ, но еслибы дали въ полную власть, тобъ чаялъ еще столько умножить, о чемъ въ разныя коллегіи и Сенату представлялъ, которое оставлено туне. Весьма мнѣ прискорбно было отъ пріѣхавшаго слышать неповинныя на меня сумнительства и злостныя оклеветанія, яко первое дружба или переписка съ Трубецкимъ поистинѣ никакому сумнительству подвержено быть не можетъ, ибо въ томъ никакой противности пользѣ ея величества нѣтъ, но паче для умноженія пользы нужное, ибо мнѣ часто случается о скоромъ по посланнымъ доношеніямъ рѣшеніи просить, и вмѣсто того, что другіе у оберъ-секретарей того ищутъ, я по старой дружбѣ его просилъ, когда же онъ за представленіе мое о рыбныхъ промыслахъ озлобился, такожь увидавъ, что другіе меня перепискою тою бранили и за то хотя неповинному мнѣ злодѣйствовали, то я оную пресѣкъ и сего года ни одного письма не писалъ и писать не буду. Другое о взяткахъ: сіе наипаче удивительно; вопервыхъ отъ подрядовъ какого званія они есть, я подписаться готовъ, что никто копѣйкою не обличитъ, и когда солепые приносили, отказалъ и не принялъ. Судебныхъ дѣлъ весьма мало, и въ тѣхъ такой обычай имѣю, ни отъ кого обѣщанія не слушая, менше же прошу, въ чемъ меня никто обвинить не можетъ; но когда кому благодѣяніе сдѣлаю, то я по закону божескому принять приносимое безъ зазрѣнія могу. Что же о Армянахъ упоминалъ, что я въ ихъ пользу и увольненіи отъ магистрата старался, оное по должности яко о пользѣ государственной писать имѣлъ при-

чину и ничего отъ нихъ за то не биралъ, въ чемъ подъ смертью подписаться готовъ. Сіе довольно видимо, что я ихъ тѣмъ обнадежа, знатныхъ капиталистовъ въ подданство россійское призвалъ и фабрики знатно чрезъ нихъ умножилъ; но нынѣ какъ отъ главнаго магистрата указъ услышали, весьма опечалились [6].»

Письмо было написано 23 апрѣля, а уже двадцатью днями прежде, 3 апрѣля въ Сенатѣ было рѣшено дѣло по докладу старой слѣдственной коммиссіи надъ Татищевымъ. Рѣшеніе состояло въ слѣдующемъ: употребленныя тайнымъ совѣтникомъ Татищевымъ безъ указовъ, произвольно, въ ненадлежащіе расходы казенныя деньги и полученныя взятки и подарки взыскать съ него, а именно: 1) издержанные на строеніе имъ въ Самарѣ дома и канцелярскихъ покоевъ 2645 рублей; а всѣмъ ли обывателямъ за сломанные у нихъ дворы деньги Татищевымъ безобидно выданы, о томъ оренбургской губернской канцеляріи изслѣдовавъ, прислать въ Сенатъ доношеніе. 2) Если не заплатилъ 1050 рублей за взятую имъ казенную золотую и серебряную посуду, то взыскать и эти деньги. 3) Взыскать 195 рублей за полученныя имъ съ русскихъ купцовъ взятки, овчинками, волчьими мѣхами и лошадьми. 4) Взыскать за упущенную сумму въ отдачѣ имъ въ новостроющихся городкахъ питейной продажи на откупъ съ уменьшеніемъ оклада противъ акцизнаго сбора. 5) Взыскать 30 рублей за передаточныя деньги при покупки лошадей въ казну. 6) Взыскать 126 рублей за взятки лошадьми съ инородцевъ. 7) Взыскать 36 рублей за взятыхъ у донскаго атамана и есаула лошадей. 8) За взятые съ нихъ же волчьи мѣха и лошаеей 76 рублей. 9) 300 рублей, взятыя съ купца Кубышкина за немедленную выдачу казенныхъ денегъ при подрядѣ вина. 10) 50 рублей за двойное взятіе изъ казны денегъ на покупку красныхъ юфтей. 11) 36 рублей за лошадей, взятыхъ съ воровъ Башкирцевъ за отпускъ ихъ изъ-подъ караула на поруки.—12) 1441 рубль издержанные на канцелярскихъ служителей, курьеровъ и на канцелярскія принадлежности, тогда какъ эти издержки велѣно было производить на счетъ виноватыхъ по оренбургской коммиссіи. Татищевъ явился виновнымъ также: 1) въ отправленіи при ташкентскомъ караванѣ собственныхъ товаровъ. 2) По смѣнѣ брата своего родного Никифора Татищева, бывшаго коммиссаромъ по оренбургской экспедиціи,

не считалъ его въ канцеляріи, но отправилъ къ нему нарочно бухгалтера, и протоколиста Маркова безъ канцелярскаго опредѣленія сѣкъ плетьми. 3) Во время пріѣзда въ Оренбургъ къ присягѣ киргизъ-кайсацкаго хана Абулхаира, выдалъ жалованье непорядочно: прежде хану, салтанамъ и старшинамъ и Средней ордѣ, что Меньшая орда поставила себѣ за обиду, и при раздачѣ жалованья Киргизы поссорились, а главный старшина Меньшей орды Буксибаибатырь безъ присяги уѣхалъ, да и Киргизовъ Средней орды Татищевъ привелъ къ присягѣ не всѣхъ, а только старшинъ; жалованье раздавалъ одинъ безъ общаго согласія и канцелярскаго опредѣленія, протоколъ сочинилъ самъ и закрѣпилъ одинъ спустя не малое время. 4) Отпустилъ главныхъ заводчиковъ воровства, башкирскихъ старшинъ, не отослалъ въ коммиссію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску. 5) Не исполнилъ рѣшенія консилиума 1736 года, не выслалъ воинскихъ командъ для скорѣйшаго прекращенія башкирскаго бунта раннею весною и въ распредѣленіи по границѣ войскъ учинилъ оплошность. 6) Въ 1737 году подалъ неосновательное представленіе, что полковникъ Бардекѣевичъ бралъ башкирскихъ лошадей, скота, и прочее и тѣмъ привелъ Бардекѣевича къ слѣдствію напрасно; въ 1740 году коммиссія оправдала его, съ чѣмъ согласились и кабинетъ-министры. По этому взыскать съ Татищева жалованье, которое не получилъ Бардекѣевичъ во время слѣдствія надъ нимъ [7].

Татищевъ прислалъ оправданіе: строеніе въ Самарѣ производилъ онъ не безъ указа, ибо въ инструкціи Кириллову и ему велѣно поступать по своему разсмотрѣнію и въ строеніи городовъ дана полная власть. Относительно казенной посуды все вычтено изъ жалованья тогда же, на что онъ имѣетъ квитанцію. Юфть требовалась въ казну, и онъ продалъ свою съ уступкою противъ торговой цѣны. Относительно взятокъ овчинами, волками и лошадьми—челобитчиковъ нѣтъ и судить нельзя, о цѣнѣ, кромѣ доносителя, никто не показалъ, но такихъ дорогихъ лошадей у Кайсаковъ, гдѣ онѣ куплены, никогда не бывало. Съ отпущеннаго Башкирца лошадей онъ не бралъ; а что ханскіе дѣти дарили лошадей, то не брать было нельзя, по обычаю, и онъ отдарилъ ихъ гораздо богаче. Козаки также дарятъ лошадей по обычаю своему, за что командиры ихъ угощаютъ, и это извѣстно всему генералитету и Военной Коллегіи. По совѣсти

онъ не помнитъ, чтобъ взялъ съ Кубышкина. По формѣ суда и указамъ Петра Великаго, доносителямъ и челобитчикамъ должно къ суду явиться со всѣми документами; Тевкелевъ, Бардукевичъ и Иноземцевъ ничего не доказали, справки вожены и курьерамъ прогоны даваны напрасно. Чтобъ судьямъ и приказнымъ служителямъ кто съ суда платилъ жалованье, о томъ въ указахъ и уложеньи нѣтъ [8].

Между тѣмъ 21 мая Бестужевъ доложилъ императрицѣ, что необходимо перемѣнить астраханскаго губернатора, потому что онъ въ ссорѣ съ намѣстникомъ калмыцкаго ханства; самъ Татищевъ проситъ объ увольненіи отъ астраханскаго губернаторства, а намѣстникъ проситъ объ отрѣшеніи Татищева отъ калмыцкихъ дѣлъ. Императрица согласилась и назначила преемникомъ Татищева оберъ-прокурора Брылкина. Но указъ объ этой перемѣнѣ не подписывался цѣлый мѣсяцъ. 22 іюня Бестужевъ опять доложилъ, что Татищева надобно поскорѣе перемѣнить, потому что Дундукъ-Даши, по враждѣ къ нему, можетъ уйти на Кубань или въ Персію. Елисавета отвѣчала, что перемѣна уже рѣшена, но исполнена будетъ послѣ свадьбы великаго князя.

Въ самомъ Сенатѣ приговоръ надъ Татищевымъ не обошелся безъ протеста. Оберъ-прокуроръ Брылкинъ объявилъ, что имѣетъ сумнительства: 1) присужденныя коммиссіею ко взысканію съ прочихъ деньги взыскать велѣно съ одного Татищева, а тѣ люди на него по нѣсколькимъ пунктамъ не доказали; 2) вина ему отпущена по милостивымъ указамъ 1741 и 1744 годовъ, и губернаторомъ быть не велѣно, тогда какъ въ этихъ указахъ повелѣно возвращенныхъ изъ ссылки годныхъ опредѣлить по прежнему въ службу и къ дѣламъ [9].

Послѣ брачныхъ торжествъ указъ написанъ въ такомъ смыслѣ, что Татищеву, сдавъ дѣла своему преемнику, ѣхать изъ Астрахани, и, для излѣченія болѣзни, жить въ деревняхъ. Татищевъ рапортовалъ въ Сенатъ, что за высочайшую милость рабски благодарствуетъ, что у него есть деревни въ дмитровскомъ уѣздѣ, но за тяжкою болѣзнію доѣхать до нихъ не можетъ, а будетъ зимовать гдѣ случится на пути [10]. Зимовать пришлось ему въ Симбирской деревнѣ его сына, откуда онъ написалъ послѣднее изъ дошедшихъ до насъ письмо къ Черкасову. Татищевъ умиралъ для служебной дѣятельности—и послѣднія слова его были — о Петрѣ Великомъ. «О себѣ вамъ

доношу: изъ Астрахани выѣхалъ я 17 ноября, а сюда въ синбирскую сына моего деревню прибылъ 22 декабря, и хотя мнѣ домъ приготовленъ былъ въ Синбирскѣ, которой я, будучи въ Самарѣ, для пріѣзда построилъ, но избѣгая отъ людей безпокойства, разсудилъ жить здѣсь; однакожъ и тутъ хотя благодарю Бога, что въ своемъ домѣ и отъ дѣлъ приказныхъ досадъ не вижу, но другіе не меньше досады наносятъ, вопервыхъ, что такою трудною ѣздою болѣзнь паки отяготила, и для пользованія не токмо доктора, но лѣкаря достать не могу; второе, хотя здѣсь не далеко драгуны на квартирахъ стоятъ, но разбои въ самой близости чинятся: за пять дней до моего пріѣзда близь моей деревни разбили заводъ винной, гдѣ въ близости стоялъ капитанъ съ ротою, но никакого взысканія не учинилъ, и если сіе для великой здѣсь въ житахъ дороговизны происходитъ, то къ веснѣ безсумнѣнно гораздо оныхъ умножится, понеже многіе крестьяне чѣмъ сѣять не имѣютъ. Третіе: многіе купцы и шляхетство якоже и прочіе по знаемости пріѣзжая, въ разговорахъ съ великою горестію и слезами приносятъ жалобы на воеводъ, полицеймейстеровъ, поставленныхъ для искорененія воровъ по Волгѣ и по винтеръ-квартерамъ офицеровъ и рядовыхъ, и хотя я отъ нихъ молчаніемъ и разсужденіями причинъ отхожу, но по ревности моей къ пользѣ отечества не могу безъ горести остаться, а паче видя, что за отдаленіемъ бѣдные люди скоро справедливости сыскать не могутъ, доходы же государственные невидимо умаляются, и притомъ какъ вспоминаю намѣреніе его импер. в—ства (Петра В.) о учрежденіи коллегіи государственной экономіи, чрезъ которую надѣялся правосудіе возставить, а наглыя немощныхъ обиды и коварныя ябеды пресѣчь, доходъ государственный безъ отягощенія народа умножить и расходъ по достоинству и потребности уравнять, чтобъ войско жалованьемъ и прочимъ удовольствовать, а народъ оному разорять способы и случаи пресѣчь, разсмотрѣніе по предѣламъ, гдѣ какія подданнымъ пользы умножить, а вреды отвратить; о училищахъ, чрезъ которые бъ во всѣхъ обстоятельствахъ разсужденіями государству пользы приносились. Сіе сначала мнится князь Яковъ Ѳедоровичъ сочинялъ, потомъ графъ Брюсъ съ Фикомъ и старымъ Любрасомъ изъяснялъ и дополнялъ, что я у него съ нѣмецкаго на русскій переводить давалъ.

Начало онаго было письмо въ поллистѣ и на многихъ мѣстахъ приписывано рукою его величества, токмо мнѣ онаго кромѣ заглавія читать не давалъ, а изъ перевоженныхъ можетъ нѣчто у меня осталось, все же оное къ великому государственному сожалѣнію кончиною его величества не токмо яко еще не извѣстное угасло, но паче то сожалетельно, что весьма государству полезныя дѣла, которыя уже при его величествѣ въ дѣйство произведены были, по немъ разными образы уничтожены и премѣнены, такъ что горшія коварства и ябеды въ судахъ, а немощныхъ отъ сильныхъ обиды и разоренія происходить начали было, что всякому вѣрному подданному воспомянуть не безгорестно, ибо ея импер. в—ству неудобно о всемъ томъ вѣдать. Для избѣжанія такихъ въ отдаленіи горестныхъ обстоятельствъ намѣренъ я весною, если живъ буду, переѣхать въ дмитровскую деревню, которая отъ Москвы 50 верстъ, гдѣ я надѣюсь всѣхъ тѣхъ тягостей и недовольствъ избѣжать; токмо прошу васъ, государя моего, дать мнѣ знать, не будетъ ли то противно: хотя въ указѣ, гдѣ мнѣ жить, точно ненаписано, но ваше было разсужденіе, чтобъ мнѣ здѣсь жить» [11].

Съ астраханскимъ губернаторомъ порѣшилъ Сенатъ; но отъ прошлаго года оставалось дѣло о вятскомъ архіереѣ Варлаамѣ [12], съ которымъ не легко было порѣшить. Въ первое же засѣданіе свое по возвращеніи изъ Москвы, 11 января Сенатъ выслушалъ донесеніе обоихъ, Варлаама и воеводы Писарева и приказали: въ св. Синодъ сообщить копіи и написать, что для изслѣдованія дѣла надобно назначить достойную духовную особу, а Сенатъ, съ своей стороны, назначитъ достойную свѣтскую особу [13]. Но дѣло замолкло на цѣлый годъ. Синодъ хотѣлъ непремѣнно отстоять архіерея въ его ссорѣ съ воеводою, несмотря на явную неправость и архіерея, позволившаго себѣ расправиться съ воеводою вовсе не по архипастырски. Между тѣмъ Синодъ не переставалъ требовать отъ Сената удовлетворенія по другимъ случаямъ насилія свѣтскихъ властей надъ духовными лицами; Синодъ жаловался, что въ Петербургѣ, въ полночь объѣздной изъ полицмейстерской канцеляріи подпоручикъ Малеръ съ драгунами разломалъ двери въ домѣ дьякона сергіевской церкви Иванова; драгуны, взявши дьякона съ собою и привязавъ его къ лошади на арканѣ, погнали на лошадяхъ;

въ такой скорой ѣздѣ, не могши бѣжать наравнѣ съ лошадьми, дьяконъ палъ отъ безсилія и разбился о камень; но драгуны, не обративъ на это вниманія, поволокли его на арканѣ по землѣ и притащили въ полицію подъ караулъ съ великимъ ругательствомъ, и отъ такого увѣчья дьяконъ едва черезъ долгое время началъ приходить въ память. Такъ было въ столицѣ: что же въ областяхъ? Въ Старицѣ въ церковь св. Параскевы пришелъ ко всенощной подъячій Григорьевъ, и въ то же время пришелъ къ церкви прикащикъ дворянина Чоглокова Семеновъ съ нѣсколькими людьми и дожидался выхода Григорьева, чтобъ его бить, потому что у Григорьева съ помѣщикомъ Чоглоковымъ была ссора, неизвѣстно почему-то Семеновъ хотѣлъ прибить также и дьякона церкви св. Параскевы Ѳедорова; зная объ ожидавшей ихъ участи, Григорьевъ и дьяконъ, по отправленіи всенощной изъ церкви не вышли и были въ ней заперты священникомъ. Во время литургіи вошелъ въ церковь самъ Чоглоковъ; увидавши его, Григорьевъ ушелъ въ алтарь, гдѣ и стоялъ безвыходно. Послѣ обѣдни Чоглоковъ изъ церкви вышелъ, но прикащикъ его съ товарищами остался. Видя, что Григорьевъ не выходитъ изъ алтаря, они подошли къ алтарю, начали заглядывать туда, потомъ врываться; одинъ изъ нихъ, чтобъ схватить Григорьева, ходилъ прямо между престоломъ и царскими дверьми, а Григорьевъ оборонялся отъ него обнаженнымъ кортикомъ, держась другою рукою за престолъ; Семеновъ съ товарищами подавали голосъ сквозь царскія двери, вызывали Григорьева съ великимъ сквернословіемъ и шумомъ; дьяконъ сталъ было въ сѣверныхъ дверяхъ, чтобъ не пускать нападающихъ въ алтарь, но одинъ изъ людей Чоглокова ударилъ его рукою въ високъ, другіе схватили его за волосы, вытащили вонъ изъ церкви и отдали стоявшимъ подлѣ нея крестьянамъ Чоглокова подъ стражу. Явился староста поповскій, но освободить Григорьева не могъ; ходилъ за помощію къ воеводѣ, но тотъ никакой помощи не далъ, въ слѣдствіе чего Григорьевъ съ женою, дочерью и племянницею, вошедшими во время литургіи, оставался около сутокъ запертымъ въ церкви, окруженной толпою народа съ дубьемъ; наконецъ пришелъ коллежскій ассессоръ Сытинъ, отогналъ отъ церкви крестьянъ Чоглокова и выпустилъ Григорьева съ семьею [14].

Приходили жалобы съ Востока по поводу обращенія инородцевъ. Синодъ давалъ знать Сенату, что Ярцевъ по прежнему жалуется на несносныя обиды новокрещеннымъ: такъ въ одномъ сельцѣ разорили ихъ драгуны, которые даже забрали лѣсъ, приготовленный на строеніе церкви, и употребили его на конюшни. Новокрещены уже не требуютъ за обращеніе въ христіанство денежнаго награжденія, просятъ только милостиваго указа объ охранѣ ихъ отъ обидъ. Сенатъ распоряжался какъ могъ: приказалъ Военной Коллегіи изслѣдовать, взятое насильно взыскать съ виноватыхъ и впредь насилій не дѣлать [15]. Нижегородскій архіерей Димитрій все не ладилъ съ Мордвою; онъ доносилъ, что въ Терюшевской волости, въ деревняхъ Романихѣ, Березниковой, Клюнхѣ Мордва имѣла многочисленное собраніе и посланнаго для крещенія желающихъ въ селѣ Сарлей попа Алексѣя Мокѣева били смертно, а на посланнаго съ командою для взысканія доимокъ дворянина Бездѣлкина нападали многолюдствомъ: команда заперлась въ избѣ, всѣ исповѣдались и причастились, готовясь къ смерти. Послана была другая команда, но и ея начальникъ донесъ, что не сладитъ, Мордва собралась многолюдствомъ съ рогатинами, бердышами, стрѣлами и дубьемъ, взять себя не даютъ и помощь къ нимъ идетъ изъ другихъ деревень, все некрещеная Мордва [16]. Отправленъ былъ драгунскій капитанъ Иванъ Аксаковъ съ 75 человѣками, и скоро губернская канцелярія извѣстила, что вся Мордва приняла крещеніе, и потому надобно ли слѣдовать дѣло о попѣ Мокѣевѣ? Сенатъ отвѣчалъ, что не нужно слѣдовать, и объявить Мордвѣ, что хотя она подлежала жесточайшимъ истязаніямъ и смертной казни, но за воспріятіе христіанства прощается [17]. Но скоро потомъ Мордва той же Терюшевской волости подала просьбу императрицѣ, что епископъ Димитрій насильно принуждаетъ ее къ принятію христіанства, держитъ многихъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ кандалахъ и колодкахъ, бьетъ мучительски, смертно; многихъ и въ купель окунали связанныхъ и крестъ надѣвали на связанныхъ же; кладбища ихъ и моленные амбары архіерей всѣ пожегъ и домы разорилъ, отъ чего многіе разбѣжались и живутъ въ лѣсахъ, оставшіеся пришли въ конечное разореніе, такъ что податей и помѣщичья доходу стало платить нечѣмъ. По выѣздѣ своемъ изъ ихъ волости Димитрій

оставилъ протопопа, который бьетъ ихъ и мучитъ, а губернская канцелярія правитъ на нихъ подушныя доимочныя деньги 7000 рублей будто за принявшихъ православную вѣру. Сенатъ приказалъ: такъ какъ въ Терюшевской волости осталось мало некрещенныхъ и 7000 заплатить нельзя, то подождать взыскивать до будущаго разрѣшенія; въ Синодъ сообщить вѣдѣніе, чтобъ отнюдь принужденія къ вѣрѣ не было, и Синоду разсмотрѣть дѣло по мордовской челобитной [18]. Но кромѣ Мордвы роковой Терюшевской волости, и Чуваши ядринскаго и курмышскаго уѣздовъ подали просьбу императрицѣ на игумена Неофита, на курмышскаго протопопа Кипріанова, на двоихъ дьячковъ и крестьянъ Дудина монастыря, что били ихъ мучительски, разоряли и крестили неволею [19].—Кромѣ Мордвы и Чувашъ, обращаемы были въ христіанство Калмыки, крещенные владѣльцы которыхъ увеличивали собою число русскихъ княжескихъ фамилій: крестившейся ханшѣ, вдовѣ Дундука-Омбо, названной Вѣрою велѣно называться княгинею, двумъ ея дочерямъ Надеждѣ и Любви княжнами, сыновьямъ—Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу князьями Дундуковыми. На Востокѣ распространяли христіанство между инородцами; на Западѣ хотѣли охранить православіе у своихъ русскихъ и соплеменниковъ православныхъ. 15 іюня Елисавета при докладѣ канцлера съ удовольствіемъ говорила о дворянахъ посольства въ Парижѣ, о которыхъ получила извѣстіе, что хорошо тамъ учатся: но при этомъ велѣла туда отписать, чтобъ они особенно вѣры и закона не забывали, а такъ какъ русской церкви и священника въ то время тамъ не было, то велѣла отправить въ Парижъ церковь съ утварью и священникомъ какъ для дворянъ посольства, такъ и для другихъ русскихъ людей, которые тамъ временно бываютъ; также велѣла отправить церкви и ко всѣмъ дворамъ, гдѣ министрами были русскіе. Еще прежде, будучи въ иностранной коллегіи для слушанія дѣлъ, императрица приказала между прочимъ: хотя не теперь, но со временемъ приложить стараніе, чтобъ въ Вѣнѣ находящимся тамъ единовѣрнымъ греческаго исповѣданія людямъ позволено было имѣть публичныя церкви и при нихъ колокола, взаимно какъ въ Россіи такое позволеніе дается для римскихъ церквей [20].

Сильно продолжала занимать Синодъ секта вертящихся, которую начали называть Хлыстовщиною или Христовщиною, указывали

также на сходство ея съ Квакерской сектой. Такъ какъ открывали все болѣе и болѣе членовъ этой секты, то въ началѣ года учредили особую слѣдственную коммиссію въ Москвѣ изъ троихъ свѣтскихъ членовъ (Бергъ-Коллегіи совѣтника Казаринова съ двумя ассессорами) и изъ троихъ духовныхъ (московской Славено-Греко-Латинской академіи ректора архимандрита Порфирія съ двумя бѣлыми священниками) [21]. Армянамъ отказано было въ позволеніи отправлять богослуженіе въ старыхъ ихъ церквахъ [22]. Въ описываемое время у Сената съ Синодомъ происходила любопытная переписка относительно продажи церковныхъ книгъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. На желаніе Сената понизить цѣны Синодъ отвѣчалъ, что возвышеніе цѣнъ происходитъ отъ торгующихъ книгами въ Москвѣ внѣ типографіи на Спасскомъ мосту (у Спасскихъ воротъ) и въ рядахъ, и хотя Синодъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобъ не торговали книгами внѣ типографіи и запрещалъ, однако продажа эта все продолжается. Тогда Сенатъ приказалъ сообщить св. Синоду вѣдѣніе, что нельзя запрещать продажу книгъ изъ лавокъ внѣ типографіи, потому что отъ такого запрещенія многимъ людямъ можетъ произойти большое отягощеніе и обида: такъ не соблаговолитъ ли св. Синодъ положить книгамъ продажныя цѣны умѣренныя и чтобъ продавались онѣ всегда безостановочно; когда цѣны будутъ положены умѣренныя и книгъ будетъ въ продажѣ достаточно, то никто не захочетъ покупать ихъ въ лавкахъ по болѣе высокой цѣнѣ, всѣ станутъ обращаться въ типографію; и чтобъ купцы въ Москвѣ и въ городахъ на ярмаркахъ не продавали книгъ дорогою цѣною, за этимъ будутъ смотрѣть Камеръ-Коллегія и главный магистратъ [23].

Сенатъ хлопоталъ о дешевизнѣ церковныхъ книгъ; но въ продажѣ все не было той книги, о скорѣйшемъ изданіи которой заботилась императрица по завѣщанію отца своего. Мы видѣли, что пересмотръ Библіи замедлился въ Синодѣ въ 1744 году и старшій членъ его, Амвросій Юшковичъ отказался отъ пересмотра. 8 ноября описываемаго года Синодъ опять получилъ именной указъ — библію, исправленную Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, непремѣнно издать въ этомъ году для народнаго употребленія; если же члены св. Синода это исправленіе считаютъ въ чемъ-нибудь недостаточнымъ, или кто-нибудь изъ нихъ въ чемъ со-

мнѣвается, то представили бы письменно свои мнѣнія. 18 ноября члены Синода подписали опредѣленіе «въ которомъ о той Библіи разсудили, что она безъ должнаго тѣхъ, кои ее исправляли, заручёнія находится чрезъ многопрошедшее время и сумнительно есть, нѣтъ ли въ ней каковой попорчки, чего ради оную безъ оговоренія печати предать опасно, и опредѣлили оную съ печатною словенскою прочесть и исправить.» Исправленіе было поручено архимандриту Иларіону [24]. Дѣло затянулость еще на нѣсколько лѣтъ. Кромѣ изданія Библіи, синодъ получилъ чрезъ своего оберъ-прокурора князя Шаховского еще повелѣніе императрицы, чтобъ проповѣдники, назначаемые въ придворную церковь, говорили проповѣди наизустъ, а не по тетради. Къ описываемому времени относится первая мысль объ иностранной цензурѣ, которую также долженъ былъ бы взять на себя синодъ. 11 ноября при докладѣ канцлера Елисавета приказала: привозимыя на корабляхъ и сухимъ путемъ книги отбирать и объявлять синоду, нѣтъ ли въ нихъ противностей вѣрѣ. И когда указъ былъ написанъ и Елисавета выслушала его, то Бестужевъ представилъ, что такое распоряженіе будетъ очень тяжело, такъ что никому нельзя будетъ достать изъ чужихъ краевъ никакихъ нужныхъ для обученія и историческихъ книгъ; ибо когда всѣ такія книги будутъ свидѣтельствовать, то для прочтенія каждой потребуется немалое время, и кому она будетъ надобна, тотъ дождаться не можетъ. Пусть такимъ образомъ свидѣтельствуются только церковныя книги, а прочія, историческія и другія пусть свободно привозятся и въ народѣ употребляются. Императрица оставила указъ у себя для разсужденія съ архіереемъ крутицкимъ [25].

Изъ заботъ по хозяйству имперіи сенатъ попрежнему тяготила забота о правильномъ снабженіи областей солью. Эти продолжительныя хлопоты о соли любопытны для насъ потому, что вскрываютъ главную бѣду древней и новой Россіи, недостатокъ рабочихъ рукъ. Въ январѣ сенатъ уже представлялъ императрицѣ, что онъ опредѣлилъ выдавать заимобразно баронамъ Строгоновымъ немалую сумму денегъ для вывозки и доставки соли; но они денегъ не берутъ, говоря, что входить въ казенные долги не желаютъ и ждутъ рѣшенія императрицы на поданное ими прошеніе о взятіи ихъ варницъ въ казну, а сенатъ

опасается, что соли доставлено не будетъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Строгановы объявили, что соль готова, но какъ ее провезть? Работниковъ съ печатными паспортами нѣтъ, а съ письменными не велятъ брать. Приготовляться къ вываркѣ на 1746 годъ имъ нельзя, потому что денегъ нѣтъ вслѣдствіе прошлогоднихъ убытковъ, а послать къ марту мѣсяцу надобно до 70,000 рублей; соляная контора даетъ имъ въ займы до 30,000 рублей, но они боятся взять, потому что не надѣятся отдать. Всего нужно теперь имъ денегъ 199437 рублей, но такую сумму едва можно будетъ получить отъ продажи черезъ годъ; прибавка по копѣйкѣ на пудъ вознаградить ихъ не можетъ, тѣмъ болѣе, что продажа съ прибавочною копѣйкою будетъ происходить въ 46 и 47 годахъ и деньги возвращаться будутъ развѣ черезъ два года; да и не въ однихъ деньгахъ дѣло: подрядчики отказались везти соль за неимѣніемъ работниковъ и за другими озлобленіями, почему поставку соли изъ Нижняго въ Верховые города они, Строгановы, ни за какое награжденіе производить не въ состояніи. Дѣлать нечего, надобно было приниматься за старину, и генералу Юшкову велѣно было весною озаботиться поставкою работниковъ на суда съ солью, какъ было въ 1744 году; губернаторы и воеводы будутъ отвѣчать, если къ сроку не вышлютъ людей; денегъ должны были платить Строгановы и другіе промышленники столько же, сколько платили бы вольнымъ работникамъ.

Прошло два мѣсяца. Въ маѣ Строгановы опять доносятъ, что къ отпуску 745 года соли у нихъ свезено сколько было возможно, суда подъ нее и припасы приготовлены; но въ рабочихъ людяхъ при промыслахъ великій недостатокъ, такъ что по 1-е апрѣля ни вольныхъ съпечатными паспортами, ни порядныхъ по указу къ промысламъ ни одного человѣка не явилось. Также изъ Нижняго-Новгорода прикащикъ пишетъ, что посланный имъ въ казанскую губернію служитель съ готовыми деньгами для найма на устьѣ Камскомъ прибавочныхъ для волжскаго верховаго хода работниковъ, отыскалъ только изъ иновѣрцевъ 300 человѣкъ, и то безъ паспортовъ. Подрядчики для отправленія соли изъ Нижняго до Верховыхъ городовъ просятъ за провозъ цѣну несносную, и, зная свое совершенное изнеможеніе, они Строгановы въ дальнѣйшіе договоры съ подрядчиками вступать опа-

саются. Строгановы требовали, чтобъ назначена была особенная коммиссія для освидѣтельствованія всѣхъ ихъ доходовъ и расходовъ какъ при вываркѣ, такъ и при поставкѣ соли; требовали освидѣтельствовать заключеніе подрядовъ, путевые страхи, усышку и утечку; требовали, чтобъ подрядчикамъ для обороны отъ обидъ, наносимыхъ разными командами, дать отъ сената печатные охранные указы, ибо подрядчики вносятъ въ договоръ, что если случатся имъ приметки или обиды отъ какой-нибудь команды, то обязательства ихъ недѣйствительны:—сенатъ велѣлъ послать указы губернаторамъ и воеводамъ выслать рабочихъ, подрядчикамъ препятствій не дѣлать, оказывать всякую помощь; но велѣлъ также отвѣчать Строгановымъ, что они не имѣютъ права требовать денегъ на разные расходы, потому что имъ прибавлено по копѣйкѣ съ пуда, и по прежнему освидѣтельствованію видно, что они получаютъ немалую прибыль и награждены освобожденіемъ отъ пошлинъ.

По донесенію Юшкова въ отпуску пермской соли было 4,264,077 пудовъ. Но Строгановы въ іюнѣ опять подали жалобу въ сенатъ, что подряженные и обзадаточенные ими люди нечаянно отъ работъ отлучаются по нарядамъ отъ правительства, а иные задатки приносятъ обратно во время крайней нужды и къ работѣ ихъ неволею принудить никакъ нельзя, вмѣсто же ихъ другихъ сыскать негдѣ; притомъ, нанимаютъ и задатки раздаютъ на работниковъ годныхъ, а во время отпуску на ладьи приходятъ малолѣтные и въ работу негодные, которыхъ за неимѣніемъ другихъ перемѣнить уже не кѣмъ. Сенатъ приказалъ выслать на строгановскія суда работниковъ, взявшихъ задатки. Сенату видимо наскучили постоянныя жалобы Строгановыхъ, и потому онъ опредѣлилъ: впредь Строгановымъ о соляныхъ дѣлахъ представлять и рѣшенія требовать отъ соляной конторы, и чего конторѣ самой сдѣлать нельзя, о томъ она должна представлять въ сенатъ. Но какъ нарочно, только что, казалось, отдѣлались отъ Строгановыхъ, какъ съ противоположнаго угла является жалоба на тоже самое и по тому же поводу. Астраханская губернская канцелярія прислала донесеніе, что въ поставкѣ соли съ озеръ къ Астрахани и до Верховыхъ городовъ препятствуетъ недостатокъ въ рабочихъ людяхъ: при торгахъ подрядчики объявили, что рабочіе люди, взявъ задатки, бѣгутъ; притомъ

холстъ на паруса и мѣшки дорогъ: прежде покупали тысячу аршинъ по 18 и 20 рублей, а нынѣ покупаютъ по 32 и по 33 рубля; въ Верховыхъ городахъ сыщики на заставахъ берутъ рабочихъ людей: въ 744 году съ судна подрядчика Курочкина сыщикъ взялъ 60 человѣкъ и прикащика; по этимъ причинамъ подрядчики поставили провозныя цѣны чрезмѣрно дорогія: до Нижняго по 19 копѣекъ за пудъ, чего никогда не бывало. Соляная контора подтвердила астраханское донесеніе, что въ Нижнемъ и другихъ мѣстахъ подрядчикамъ и рабочимъ, везущимъ соль, обиды, задержки и взятки отъ коммиссіи розыскныхъ дѣлъ, отъ чего въ наймѣ рабочихъ на суда немалое помѣшательство. Сенатъ приказалъ прекратить эти притѣсненія подъ страхомъ воинскаго суда; но полковникъ Фраундорфъ донесъ изъ Нижняго, что на соляныхъ судахъ явилось не малое число бѣглыхъ крестьянъ, рекрутъ и разбойниковъ, а теперь запрещено эти суда задерживать: какъ же быть? Сенатъ отвѣчалъ: осматривать, но не задерживать; кто явится подозрителенъ, того брать, но судно не останавливать.

Кончились хлопоты на счетъ 745 года; пришла осень и начались хлопоты относительно поставки въ будущемъ 746 году. Григорій Демидовъ отказался вываривать соль, потому что нѣтъ денегъ на заготовку дровъ. Сенатъ приказалъ принудить его къ вываркѣ соли, потому что онъ отъ продажи соли и данныхъ ему въ ссуду денегъ получилъ болѣе 44000 рублей съ небольшимъ въ одинъ годъ, несравненно болѣе другихъ промышленниковъ; притомъ же Демидовъ и въ промыслъ вступилъ съ немалымъ награжденіемъ отъ отца. Строгановы опять объявили, что не въ состояніи вывозить прежняго количества соли: сенатъ велѣлъ—обязать ихъ поставить соль въ указныя мѣста около трехъ милліоновъ пудовъ, потому что они прибыли получаютъ отъ каждаго пуда по 4 копѣйки безъ нѣкоторыхъ доль, за поставку соли въ Нижнемъ получаютъ по 9 копѣекъ съ пуда, и хотя при провозѣ отъ Нижняго до Верховыхъ городовъ могутъ случиться нѣкоторые убытки, однако они вознаграждаются барышемъ отъ выварки соли и поставки ея до Нижняго. Но Строгановы представили показанія своихъ прикащиковъ: крестьянамъ поставщикамъ дровъ напередъ роздана немалая сумма на 72 варницы; но по близости лѣса уже вырублены, надобно доставлять дрова

издалека, а тутъ разныя бѣды, маловодіе, жестокія бури, такъ что пропало 17783 сажени, чего вознаградить уже никакъ нельзя, ибо дрова ставили вверхъ Камы за нѣсколько сотъ верстъ, и на поставщикахъ задаточныхъ денегъ въ доимкѣ немалая сумма, которой, за ихъ крайнимъ изнеможеніемъ, взыскать никакъ нельзя; отъ этого промысламъ конечная несостоятельность и выварить указнаго числа 3 милліоновъ пудовъ нельзя, потому что дровъ будетъ только 139187 саженъ, которыми можно выварить 2780000 пудовъ. Соляная контора представила сенату, что надобно непремѣнно заставить Строгановыхъ выварить три милліона пудовъ, иначе грозитъ страшная опасность: мелкіе соляные пермскіе промышленники не въ состояніи доставить требуемаго числа соли; Демидовъ, у котораго въ годъ вываривалось до 264000 пудовъ, прекратилъ работы съ мая мѣсяца; отпускъ бузуну изъ Астрахани явился неполный за недостаткомъ рабочихъ людей. Сенатъ приказалъ: принудить Строгановыхъ вываривать соль, и дрова пусть вывозятъ зимою [26].

Соляные промышленники отказывались вываривать и доставлять соль; содержатели желѣзныхъ заводовъ Балашовъ, Миллеръ, Даниловъ и Миляковы представляли въ Бергъ-Коллегію, что не въ состояніи выплачивать доимку; мнѣнія членовъ Коллегіи раздѣлились: президентъ и вице-президентъ считали представленія заводчиковъ основательными; но остальные члены и съ ними прокуроръ думали иначе, и прокуроръ жаловался сенату, что президентъ и вице-президентъ не обращаютъ вниманія на его протестъ. Тотъ же прокуроръ Суворовъ доносилъ, что многимъ заводчикамъ подъ желѣзные и минеральные заводы отведены государственныя земли и угодья, они лѣсъ и дрова употребляютъ изъ этихъ угодій, но за земли, за лѣсъ и дрова ничего не платятъ вопреки бергъ-привиллегіи и бергъ-регламенту [27].

Еще со временъ Петра Великаго, какъ мы видѣли, шелъ важный для русской промышленности вопросъ о выдѣлкѣ широкихъ или узкихъ холстовъ; по господствовавшему тогда повсюду правилу старались выпускать за границу какъ можно болѣе уже выдѣланныхъ товаровъ, и такъ какъ за границу требовались широкіе холсты, то запрещалось выдѣлывать узкіе; но чрезъ такое запрещеніе производство останавливалось, потому что крестьянамъ трудно было вдругъ перейти отъ одного способа

выдѣлки къ другому, и холста не доставало для удовлетворенія внутреннихъ потребностей. Главный коммиссаріатъ представилъ, что ежегодно требуется большое количество холста для войска, и холстъ этотъ обыкновенно покупался не съ фабрикъ, а у крестьянъ и такъ какъ выдѣлка узкаго холста запрещена, то и небольшаго количества холста достать негдѣ, и въ полкахъ можетъ послѣдовать большой недостатокъ. Вслѣдствіе этого представленія разрѣшено выдѣлывать широкія и узкія всякихъ рукъ полотна и холсты [28].

Относительно суконъ коммиссаріатъ продолжалъ жаловаться на фабрикантовъ и мануфактуръ-коллегію, заступавшуюся за фабрикантовъ. Коммиссаріатъ доносилъ, что фабриканты доставили 1940 половинокъ сукна, и изъ нихъ 1188 несходныхъ съ образцами; сенатъ велѣлъ своей московской конторѣ призвать всѣхъ фабрикантовъ и объявить, чтобъ впредь сукно ставили по образцамъ, и хотя нынѣшней поставки сукна у нихъ и приняты, по самой крайней нуждѣ, но если въ другой разъ они поставятъ такія же, то подвергнутся не только штрафу, но и наказанію, непремѣнно, безъ всякихъ отговорокъ; призвать также въ контору президента и всѣхъ членовъ мануфактуръ-коллегіи и сдѣлать выговоръ, что смотрятъ за фабрикантами очень слабо; самъ сенатъ видитъ изъ доставленныхъ коммиссаріатомъ образцовъ, что сукна очень плохи, иныя недовалены и шишковаты, за что коллегія подлежитъ жестокому штрафу. Быть-можетъ не безъ участія коммиссаріата, желавшаго имѣть фабрики въ одномъ своемъ завѣдываніи, въ концѣ года фабрикантъ Суровщиковъ объявилъ, что онъ положенное количество суконъ поставить не можетъ потому что фабриканты состоятъ подъ двумя вѣдомствами, коммиссаріата мануфактуръ-коллегіи, и фабрики не могутъ быть исправны за частыми отлучками содержателей ихъ въ разныя коммандировки, и если онъ, Суровщиковъ въ вѣдѣніи одного главнаго коммиссаріата не будетъ, то пусть возьмутъ его фабрику въ казну [29].

Выдѣлка шелковыхъ матерій шла впередъ, благодаря мастерамъ посланнымъ за границу Петромъ Великимъ. Елисавета дала поруческіе чины мастерамъ изъ дворянъ Ивкову и Водилову, которые были отправлены отцемъ ея въ Италію и Францію и теперь жили на московской шелковой мануфактурѣ и завели здѣсь

бархатные, грезетные, штофные и тафтяные станы; Ивковъ научилъ дѣлать травчатаго дѣла бархатъ, какого прежде въ Россіи не дѣлалось, а Водиловъ научилъ дѣлать англійскіе штофы, грезеты, тафты, которыхъ прежде не было [30].

Изъ Перми и изъ Астрахани, по поводу доставки соли, приходили жалобы на недостатокъ людей; но такія же жалобы приходили и изъ другихъ мѣстъ, не доставало людей въ канцеляріяхъ. Опредѣленный для сыску воровъ и разбойниковъ подполковникъ Львовъ доносилъ о крайнемъ недостаткѣ приказныхъ служителей, вслѣдствіе чего 200 колодниковъ ждутъ рѣшенія своихъ дѣлъ; онъ требовалъ приказныхъ служителей отъ казанской губернской канцеляріи, а та прислала ему тѣхъ, которые въ канцелярію генеральной ревизіи не приняты за негодностію. Сенатъ велѣлъ казанской губернской канцеляріи удовлетворить Львова безъ отговорокъ. Дѣло было важное и дѣла было много у Львова съ товарищами. Опять обнаружились разбои въ 25 и 35 верстахъ отъ Москвы. Опредѣленный для сыску разбойниковъ полковникъ Грековъ доносилъ, что разбойники появились по Окѣ, въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго. Въ Сибири колодники, назначенные въ ссылку, болѣе 200 человѣкъ, когда ихъ везлѣ въ судахъ по Иртышу, взбунтовались, стали разбойничать по Оби, хвалясь разорить городъ Сургутъ, а въ Сургутѣ не было и полфунта пороху, пушки ни одной. Рѣшенія по разбойнымъ дѣламъ замедлялись не по одному недостатку приказныхъ служителей. Юстицъ-коллегія прислала въ сенатъ экстрактъ изъ дѣла, которое тянулось лѣтъ тридцать. Воровскіе люди, въ томъ числѣ крестьяне стольника Милославскаго, разорили деревню помѣщиковъ Макшеевыхъ въ Касимовскомъ уѣздѣ. Преображенскій приказъ рѣшилъ взыскать съ Милославскаго 3000 рублей; но въ 720 году, по челобитной Милославскаго и по письму князя Ромодановскаго, управлявшаго Преображенскимъ приказомъ, этихъ денегъ на Милославскомъ, до указа, править не велѣно; въ 1724 году, по приговору Ромодановскаго, дѣла и колодники отосланы для слѣдствія въ шацкую провинціальную канцелярію; въ 1728 году, по указу изъ сената, велѣно дѣло взять въ воронежскую губернскую канцелярію, но отсылки дѣла туда не значится, и потому юстицъ-коллегія спрашивала, что дѣлать? Сенатъ приказалъ отослать дѣло въ воронежскую губернскую канцелярію.

Если недостатокъ въ людяхъ такъ чувствовался въ разныхъ отправленіяхъ государственной и народной жизни, то оказалась и польза отъ него: онъ отстранялъ жестокость въ слѣдствіяхъ по разбойнымъ дѣламъ. Такъ уже извѣстный намъ полковникъ Львовъ доносилъ, что отправленные имъ на поиски офицеры прислали ему бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ болѣе 70 человѣкъ, которые показали, что въ бѣгахъ покупали фальшивые паспорты у разныхъ невѣдомыхъ бурлаковъ, а болѣе подозрительными себя не показали; они очень молоды и видные собою люди, и если ихъ за покупку паспортовъ разыскивать, то уже они къ службѣ будутъ негодны. Сенатъ приказалъ: наказавъ ихъ плетьми, отослать для опредѣленія въ службу въ Выборгскій и Кексгольмскій гарнизонные полки [31].

Кромѣ разбоевъ въ городахъ и деревняхъ терпѣли отъ пожаровъ. Были большіе пожары въ Москвѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Ельцѣ [32]. На пожарахъ бывали иногда любопытные случаи: казанскій полицмейстеръ Маматовъ жаловался на губернатора Загряжскаго, что тотъ, во время пожара, пріѣхавъ со псовой охоты, наѣзжалъ на него, Маматова, не лошади, при всемъ народѣ билъ поголовѣ и бранилъ шельмою, канальею и пьяницею. Губернаторъ, оправдывая себя, жаловался на слабые поступки полицмейстера. Въ описываемое время нѣкоторыя части Россіи страдали еще отъ скотскаго падежа; мѣры, употреблявшіяся для прекращенія бѣдствія, были слѣдующія: лошади пріѣзжающихъ изъ зараженныхъ мѣстъ, должны были выдерживать карантинъ; палыя животныя зарывались въ дальнихъ мѣстахъ въ глубокія ямы, кожи съ нихъ снимать не позволялось; около зараженныхъ мѣстъ учреждены были заставы. Въ Петербургѣ правительство по прежнему должно было охранять жителей отъ степной привычки скорой ѣзды. Императрица дала полиціи изустный указъ: 1) извощикамъ ѣздить на возжахъ, только бы лошади были взнузданы и ѣздили бы рысью тихо, и не скакали, и сани были бы подкованы; извощикамъ быть въ сѣрыхъ кафтанахъ неразодраныхъ, въ кушакахъ красныхъ, въ сапогахъ и въ одинакихъ шапкахъ зеленыхъ, а на лѣвыхъ рукахъ были бы номера. Тутъ же разрѣшено ѣздить цугами [33].

Ревизія продолжалась. Опредѣленный къ этому дѣлу въ новгородскую губернію генералъ-маіоръ кн. Черкаскій доносилъ,

что въ названной губерніи по прежней переписи считалось жителей 594,313 душъ, изъ нихъ обревизовано 198583, въ которыхъ противъ прежней переписи явилось прибылыхъ 32694 души; за приписныхъ съ 724 года подушныхъ и прочихъ денегъ ко взысканію положено 73605 рублей. Такія донесенія сенатъ призналъ очень полезными и нужными, но ихъ, кромѣ Черкаскаго, никто не присылалъ; поэтому приказали потребовать подобныхъ же донесеній отъ всѣхъ, чтобъ присылали черезъ каждые три мѣсяца, и такимъ образомъ можно было бы знать, какое число душъ мужскаго пола въ каждой губерніи обревизовано, сколько прибыло и убыло, и съ какимъ успѣхомъ ревизія производится. Это было въ январѣ; а въ мартѣ сенатъ получилъ непріятное объявленіе: ея импер. величеству стало извѣстно, что астраханскіе и прочіе по Волгѣ рыбные промыслы взяты отъ частныхъ людей въ казенное содержаніе; также при ревизіи въ Астрахани явилось много простыхъ людей, которые говорятъ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, не знаютъ, гдѣ родились; такихъ людей по указамъ о ревизіи велѣно высылать оттуда въ Петербургъ на поселеніе; но они, по привычкѣ жить около Астрахани, отъ этой высылки бѣгутъ въ Персію и бусурманятся, также на рѣку Куму и на бухарскую сторону за Яикъ, и тамъ питаются звѣринымъ промысломъ, въ отчаяніи живутъ звѣрски. Обо всемъ этомъ ея импер. величество не знаетъ, о рыбныхъ ловляхъ сенатъ отъ ея величества никакого повелѣнія не требовалъ, и о происходящихъ по ревизіи дѣлахъ, гдѣ что сдѣлано, ея величеству донесено не было. Поэтому ея величество повелѣваетъ сенату: рыбныя промыслы частныхъ людей и воды, которыя они откупали отъ казны, немедленно имъ возвратить, а дѣла имѣющіяся объ этомъ въ сенатѣ, прислать къ ея величеству для разсмотрѣнія; о ревизіи, что въ ней произошло по сіе число во всемъ государствѣ, подать ея величеству извѣстіе, гдѣ показать, въ какихъ мѣстахъ противъ прежней ревизіи сколько явилось прибыли и убыли въ людяхъ; а изъ Астрахани въ Петербургъ людей до указа высылать не велѣть: по разсмотрѣніи дѣла можетъ быть сочтется удобнымъ тамъ же въ Астрахани внести ихъ въ перепись и поселить по Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя, будучи пустыми мѣстами, никакой пользы не приносятъ.»

Бѣглые, нашедшіе притонъ въ окрестностяхъ Астрахани разбѣжались отъ ревизіи и высылки въ Петербургъ; но на верхнемъ Хопрѣ, въ поселкѣ Туркахъ, обыватели, человѣкъ 200, встрѣтили ревизоровъ съ ружьями, копьями и дубьемъ, квартиръ имъ не дали, напали на улицѣ на опредѣленныхъ къ ревизіи драгунъ и подъячаго и били ихъ смертнымъ боемъ. Ревизоры доносили, что причиною сопротивленія жителей поселка было большое количество бѣглыхъ между ними. Донской атаманъ Данила Ефремовъ объявлялъ, что по высылкѣ съ Дону бѣглые на прежнія свои жилища нейдутъ, бѣгутъ опять на Донъ, шатаются въ лѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ и разбиваютъ проѣзжихъ. Поэтому ревизорамъ было велѣно начать перепись съ тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ близко отъ козачьихъ городковъ и начать перепись въ зимнее время, когда бѣглымъ холодно шататься и они поневолѣ живутъ въ городахъ и селахъ. Но не въ однихъ степныхъ украйнахъ ревизія встрѣтила препятствія. Въ Москвѣ многіе обыватели не сказывались дома, отговаривались неисправностями; служитель дома графа Головина Ивановъ по многимъ посылкамъ къ ревизіи не явился, посланному солдату запретилъ впредь приходить и поставилъ у воротъ караульнаго съ приказаніемъ бить солдата, если онъ посмѣетъ опять придти. Бергъ-коллегія прислала вѣдомость, гдѣ на нѣкоторыхъ заводахъ именъ работниковъ не показано, и въ какихъ мѣстахъ находятся заводы не объявлено. Въ Калугѣ съ магистрата взыскано было штрафа 10 рублей за неподачу сказки о калужскомъ купечествѣ, но и это не помогло, сказка не подавалась. Въ смоленской губерніи въ деревняхъ подполковника Ушакова утаено было при переписи 87 душъ, староста, священникъ и крестьяне показывали, что утаить велѣлъ помѣщикъ [34].

Во весь 1745 годъ императрица ни разу не присутствовала въ сенатѣ: она была очень занята дѣлами внѣшними; по нимъ были частые доклады канцлера, происходили въ дворцѣ совѣты или собранія въ присутствіи императрицы, которая также иногда присутствовала инкогнито и при конференціяхъ канцлера и вице-канцлера съ министрами иностранными. Сюда присоединялись и заботы семейныя. Наслѣдникъ престола, великій князь Петръ Ѳедоровичъ вовсе не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. До поѣздки въ Москву, въ 1743 году у него былъ сильный припа-

докъ: вдругъ оказалась чрезвычайная слабость и равнодушіе ко всему, къ самымъ любимымъ удовольствіямъ. Елисавета, узнавшая объ этомъ, поспѣшила къ племяннику, будучи сама нездорова, ужаснулась перемѣнѣ, которую нашла въ немъ, залилась слезами и потеряла языкъ. Петръ лежалъ безъ движенія; наконецъ показался потъ на лбу; докторъ Боэргавъ былъ въ восторгѣ, увидавъ въ этомъ хорошій признакъ, и дѣйствительно благопріятный переломъ совершился [35]. Въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1744 года великій князь заболѣлъ корью; когда онъ выздоровѣлъ и санная дорога установилась, въ декабрѣ императрица отправилась въ Петербургъ; за нею, спустя нѣсколько времени, выѣхалъ и великій князь съ невѣстою и ея матерью. На дорогѣ за Тверью въ селѣ Хотиловѣ ему сдѣлалось дурно, и на другой день оказалась оспа. Императрица, которая уже пріѣхала въ Петербургъ, получивъ извѣстіе о болѣзни племянника, немедленно отправилась въ Хотилово и оставалась здѣсь весь январь мѣсяцъ 1745 года, пока великій князь оправился, и она вмѣстѣ съ нимъ могла возвратиться въ Петербургъ, что было въ началѣ февраля [36]. 10 числа этого мѣсяца праздновали день рожденія великаго князя, которому минуло 16 лѣтъ: зажжена была иллюминація «представляющая храмъ Гигеи, т.-е. здравія и долгихъ лѣтъ, внутрь котораго статуя радости и увеселенія держала вензелевое имя его импер. высочества» [37].

Послѣ этого начались приготовленія къ свадьбѣ великаго князя, которая совершилась 21 августа съ необыкновеннымъ торжествомъ: празднество продолжалось 10 дней. Англійскій посланникъ писалъ своему двору, что свадьбою спѣшили, чтобъ приличнымъ образомъ избавиться отъ нѣкоторыхъ безполезныхъ особъ обоего пола [38]; эти особы были прежде всего принцесса цербстская, и потомъ гофмаршалъ великаго князя Брюммеръ, который шелъ наперекоръ канцлеру Бестужеву въ своей приверженности къ Пруссіи и Франціи. Раздраженіе, возбужденное въ императрицѣ противъ принцессы цербстской дѣломъ Шетарди, не могло исчезнуть и высказывалось при каждомъ удобномъ случаѣ. При этомъ непріятный, мелочной характеръ принцессы возбуждалъ противъ нея всеобщее неудовольствіе, и въ то время какъ дочь старалась и съ успѣхомъ привязать всѣхъ къ себѣ, мать отталкивала отъ себя всѣхъ, начиная съ дочери; поссорилась

изъ за пустяковъ и съ нареченнымъ зятемъ, великимъ княземъ. Раздраженіе противъ принцессы увеличивалось еще дѣлами голштинскими и шведскими. Управлявшій голштинскимъ герцогствомъ во время малолѣтства Петра Θедоровича дядя его, избранный потомъ въ наслѣдники шведскаго престола, успѣлъ составить въ Голштиніи сильную партію, къ членамъ которой принадлежалъ и Брюммеръ. Эта партія хотѣла удержать за собою господство и по отъѣздѣ герцога-администратора въ Швецію, надѣялась, что настоящій герцогъ, т.-е. великій князь Петръ Θедоровичъ, какъ достигшій совершеннолѣтія, пришлетъ своимъ намѣстникомъ Брюммера. Но поведеніе кронъ-принца шведскаго, который подъ вліяніемъ жены своей, сестры Фридриха II, совершенно предался франко-прусскимъ интересамъ и тѣмъ вооружилъ противъ себя русскій дворъ, считавшій себя въ правѣ упрекать его въ крайней неблагодарности, — такое поведеніе заставляло наблюдать относительно Голштиніи большую осторожность и не позволять здѣсь господствовать партіи бывшаго администратора, тѣмъ болѣе, что явилось подозрѣніе относительно добросовѣстности этой администраціи. Принцесса цербстская ревностно поддерживала интересы своего брата кронъ-принца, который, въ Августѣ, писалъ ей по поводу голштинскихъ дѣлъ: «Стараются очернить людей мнѣ преданныхъ, и недостаетъ только одного, чтобъ назвали меня по имени. Я не боюсь никакого слѣдствія; напротивъ буду радъ, ибо увѣренъ, что слѣдствіе обратится въ мою пользу. Признавая охлажденіе между мною и великимъ княземъ чрезвычайно опаснымъ для нашего дома, считаю необходимымъ предупреждать всѣ внушенія, которыя, какъ видно, сдѣланы были ему противъ меня. Я увѣренъ, дражайшая сестрица, что вы приложите къ тому всѣ свои старанія; я требовалъ того же и у великой княгини, по вашему совѣту. Я при первомъ надежномъ случаѣ пришлю вамъ два экземпляра съ цыфирью, которыя вы и великая княгиня можете употреблять; но я васъ усерднѣйше прошу внушать ей, чтобъ она въ этихъ случаяхъ поступала со всевозможнымъ благоразуміемъ и осторожностію. Братъ мой Августъ приноситъ на меня несправедливую жалобу» [39].

По поводу этого брата Августа раздраженіе противъ принцессы цербстской стало еще сильнѣе въ Петербургѣ. Принцесса

еще въ 1744 году въ Кіевѣ получила отъ него письмо, въ которомъ онъ изъявлялъ желаніе пріѣхать въ Россію. Ей дали знать, что Августъ хочетъ пріѣхать въ Россію съ цѣлію получить управленіе Голштиніи именемъ совершеннолѣтняго великаго князя, и что объ этомъ хлопочетъ голштинская партія, враждебная прежней администраціи. Принцесса отвѣчала брату изъ Козельска, что лучше ему вступить въ голландскую службу и пасть съ честію на полѣ битвы, чѣмъ интриговать противъ брата и присоединяться къ врагамъ сестры въ Россіи. Подъ этими врагами она разумѣла канцлера Бестужева, который велъ все это дѣло, чтобъ повредить Брюммеру и всѣмъ приверженцамъ кронпринца шведскаго. Письмо попалось въ руки Бестужеву и было имъ прочтено императрицѣ, которую особенно поразило это жесткое слово сестры родному брату, что лучше ему быть убитымъ. Понятно, что это не желаніе принцессы цербстской видѣть принца Августа въ Россіи заставило поспѣшать вызовомъ его въ Петербургъ; онъ пріѣхалъ, былъ дурно принятъ сестрою, и это еще болѣе повредило ей [40]. А между тѣмъ Бестужевъ поднесъ императрицѣ перехваченное письмо наслѣднаго принца шведскаго къ Брюммеру, гдѣ принцъ горько жаловался на стѣснительное положеніе сестры своей въ Россіи относительно денегъ, жалѣлъ, что не можетъ помочь ей, потому что самъ кругомъ въ долгахъ, и просилъ какъ-нибудь довести до свѣдѣнія императрицы о безденежьѣ принцессы цербстской. Препровождая это письмо къ Елисаветѣ, Бестужевъ, по обычаю, снабдилъ его своимъ примѣчаніемъ, что непонятно, куда принцесса могла истратить столько денегъ, подаренныхъ ей въ разныя времена императрицею, и кромѣ того успѣла надѣлать много долговъ; канцлеръ не упустилъ случая напомнить императрицѣ что и самъ наслѣдный принцъ получилъ 120000 рублей русскихъ денегъ для утвержденія своего въ Швеціи и вообще облагодѣтельствованъ въ ущербъ россійской имперіи. Еще при докладѣ канцлера 22 іюня императрица «въ разсужденіи какихъ-либо могущихъ быть неугодностей и толкованій о нынѣшнемъ вступленіи великаго князя въ голштинское правительство, изволила указать корреспонденцію принцессы цербстской секретно открывать и разсматривать, а буде что предосудительное найдется, то и оригинальныя письма удерживать» [41].

28 сентября принцесса цербстская выѣхала изъ Петербурга, получивши на прощаньи 50,000 рублей да два сундука съ разными китайскими вещами и матеріями; свита ея была также богато одарена; великій князь послалъ тестю свои брилліантовыя пуговицы съ кафтана, брилліантами украшенную шпагу, брилліантовыя пряжки и нѣсколько другихъ подобныхъ вещей [42]. Прощаясь, принцесса пала на колѣна предъ императрицею и со слезами просила прощенія, если въ чемъ-нибудь оскорбила ея величество. Елисавета отвѣчала, что теперь уже поздно объ этомъ думать; лучше было бы, еслибъ она, принцесса, всегда была такъ смиренна [43].

Отъѣздъ принцессы цербстской долженъ былъ показывать Брюммеру, что и ему надобно сбираться въ дорогу, тѣмъ болѣе, что онъ съумѣлъ окончательно озлобить противъ себя своего воспитанника, великаго князя, съ которымъ рѣшительно не умѣлъ обходиться: то выходилъ изъ себя, при чемъ забывался до неприличной брани, то начиналъ униженно ласкаться. Однажды онъ забылся до того, что бросился на Петра съ кулаками; тотъ вскочилъ на окно и хотѣлъ позвать часоваго; профессоръ Штелинъ, бывшій свидѣтелемъ сцены, удержалъ его, представивъ, какія будутъ слѣдствія; тогда великій князь побѣжалъ въ спальню, выхватилъ шпагу и сказалъ Брюммеру: «Если ты еще разъ посмѣешь броситься на меня, то я проколю тебя шпагою.» Съ этихъ поръ между воспитателемъ и воспитанникомъ воцарилась совершенная холодность [44]. Лестокъ толковалъ, что намѣренъ проситься въ отставку и ѣхать на воды въ Германію. Замѣчали, что онъ лишился всякаго вліянія на дѣла, и хотя императрица, по старой привычкѣ и памяти о старыхъ услугахъ, не удаляла его отъ двора, но при случаѣ безо всякой церемоніи давала ему чувствовать, какъ онъ сильно упалъ въ ея мнѣніи. Однажды, когда онъ сталъ хвалить передъ нею графа Воронцова, то она сказала ему: «Я имѣю о Воронцовѣ очень хорошее мнѣніе, и похвалы такого негодяя какъ ты могутъ только перемѣнить это мнѣніе, потому что я должна заключить, что Воронцовъ одинакихъ съ тобою мыслей.» [45] Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Санти, мимо коллегіи иностранныхъ дѣлъ, обратился къ Лестоку за наставленіемъ, какое мѣсто назначить Брюммеру и Бергхольцу при будущихъ торжествахъ

бракосочетанія наслѣдника. Лестокъ, по старой привычкѣ, обратился къ императрицѣ съ докладомъ объ этомъ дѣлѣ, но получилъ въ отвѣтъ, что канцлеру неприлично вмѣшиваться въ медицинскія дѣла, а ему въ канцлерскія, и при первомъ докладѣ Бестужева, велѣла ему сдѣлать выговоръ Санти, чтобъ онъ съ своими дѣлами не обращался ни къ кому мимо канцлера или вице-канцлера, иначе можетъ потерять свое мѣсто. Бестужеву это порученіе не могло быть непріятно, потому что онъ не любилъ Санти какъ человѣка противной партіи и называлъ его въ насмѣшку «оберъ-конфузіонсъ-мейстеромъ.» Шетарди обѣщалъ Лестоку королевскимъ именемъ подарокъ въ 12,000 рублей, а Лестокъ просилъ, чтобъ на эти деньги были сдѣланы ему въ Парижѣ кареты и ливрея. Послѣ высылки Шетарди о каретахъ и ливреѣ замолчали. Наконецъ Лестокъ чрезъ Мардефельда напомнилъ преемнику Шетарди Дальону о 12,000; но Дальонъ далъ знать своему двору, что Лестокъ въ слѣдствіе побѣды Бестужева, не можетъ быть полезенъ и потому не для чего на него тратиться, при томъ же онъ предпочитаетъ прусскія выгоды французскимъ [46].

Бестужевъ побѣдилъ; враговъ, которые до сихъ поръ вели противъ него такую сильную борьбу,—однихъ уже нѣтъ въ Россіи, другіе готовы удалиться, потеряли значеніе. Но въ это самое время противъ торжествующаго канцлера поднимается новый соперникъ, бывшій до сихъ поръ вѣрнымъ союзникомъ—вице-канцлеръ графъ Воронцовъ. Какъ же произошла эта перемѣна? До назначенія своего вице-канцлеромъ Воронцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ вельможъ, которые старались высвободить Россію изъ подъ вліянія Франціи и утвердить національную политику, состоявшую въ поддержаніи слабѣйшихъ государствъ противъ сильнѣйшихъ, Австріи и Саксоніи противъ Франціи и Пруссіи, при чемъ, по единству интересовъ, морскія державы, Англія и Голландія были естественными союзницами Россіи. До сихъ поръ Воронцовъ дѣйствовалъ заодно съ Бестужевыми. Сильный своимъ приближеніемъ къ императрицѣ, родствомъ съ нею по женѣ, участіемъ въ переворотѣ 25 ноября, дружбою съ фаворитомъ Разумовскимъ, Воронцовъ естественно игралъ роль покровителя въ отношеніи къ Бестужевымъ, что и видно изъ переписки обоихъ братьевъ съ нимъ [47]. Но теперь

Алексѣй Петр. Бестужевъ сталъ канцлеромъ, а Воронцовъ вице-канцлеромъ, покровитель долженъ играть второстепенную роль подлѣ покровительствуемаго, и стоило только Воронцову стать оффиціально подлѣ Бестужева, какъ второстепенность, незначительность его роли обозначились рѣзко въ глазахъ всѣхъ, своихъ и чужихъ. Бестужевъ сдѣлалъ все, Бестужевъ поборолъ противниковъ своей системы. Воронцову оставалось быть скромнымъ спутникомъ блестящей планеты; но для его самолюбія это положеніе было тяжело, а тутъ искушенія со всѣхъ сторонъ: враги канцлера ухаживаютъ за вице-канцлеромъ, онъ теперь ихъ единственная надежда, имъ необходимо сдѣлать его соперникомъ ненавистнаго Бестужева, они утѣшаютъ другъ друга тѣмъ, что Воронцовъ свергнетъ Бестужева; такія утѣшенія не могутъ скрыться ни отъ канцлера, ни отъ вице-канцлера и естественно кидаютъ между ними ножъ. Единственное средство для Воронцова выйти изъ подчиненнаго положенія, выдѣлиться, получить самостоятельное значеніе, засвѣтить собственнымъ свѣтомъ—это порозниться въ мнѣніяхъ съ канцлеромъ, а это легко и выгодно: недавно окончена шведская война, ни императрица, ни большинство людей знатныхъ не хочетъ новой войны, а канцлеръ слишкомъ рьянъ, онъ непремѣнно хочетъ употребить сильныя средства, двинуть войска, грозить ими Пруссіи; легко сказать—двинуть войска: чего это будетъ стоить и гдѣ взять денегъ? а если Пруссія не испугается одного движенія войскъ и нужно будетъ дѣйствительно начать войну? Для чего подвергаться такой опасности? Измѣнять системы не нужно; можно помогать Австріи и Саксоніи, сдерживая Пруссію сильными представленіями. Такое мнѣніе очень понравится императрицѣ и многимъ другимъ, а между тѣмъ нельзя было забыть и внушеній Шетарди: благоразумно ли вооружать противъ себя молодой дворъ, идя рѣзко на перекоръ его привязанностямъ? Елисавета можетъ вдругъ умереть....

Такимъ образомъ Бестужевъ въ проведеніи рѣшительныхъ мѣръ противъ Пруссіи долженъ былъ встрѣтить въ своемъ товарищѣ не помощника, но противника, который вначалѣ имѣлъ возможность дѣйствовать съ успѣхомъ. Компанія 1743 года кончилась неудачно для Фридриха II: онъ долженъ былъ очистить Богемію, а въ Генварѣ 1745 года умеръ союзникъ его импера-

торъ Карлъ VII, что еще болѣе затруднило его положеніе. Еще въ концѣ 1744 года Фридрихъ II обратился къ Елисаветѣ съ требованіемъ помощи на основаніи оборонительнаго союза; не надѣясь однако, чтобъ это ужъ слишкомъ наглое требованіе было уважено, Фридрихъ велѣлъ Мардефельду просить императрицу принять на себя посредничество для умиренія Европы. Чернышевъ, оставшійся одинъ въ Берлинѣ по отъѣздѣ Мих. Петр. Бестужева въ Дрезденъ, отвѣчалъ Подевильсу, что императрица не считаетъ себя обязанною помогать прусскому королю въ этой войнѣ, которую онъ самъ началъ, тогда какъ никто на него не нападалъ, принять же на себя посредничество для водворенія міра въ Европѣ она согласна [48]. Поэтому 23 Генваря въ Петербургѣ посланникъ Маріи Терезіи графъ Розенбергъ былъ позванъ къ государственному канцлеру, который ему сообщилъ, что прусскій король приглашаетъ императрицу принять на себя посредничество въ примиреніи всѣхъ воюющихъ державъ. Розенбергъ долженъ былъ увѣрить свою государыню, что императрица будетъ ждать только отвѣта отъ вѣнскаго двора, чтобъ приложить самое усердное стараніе о всеобщемъ примиреніи и подать новые опыты своего высокопочитанія ея величеству королевѣ. Розенбергъ отвѣчалъ, что его государыня, предавъ свою судьбу въ руки ея импер. величества, приметъ за благо все, что императрица ей ни изволитъ присовѣтовать, будучи увѣрена, что такая правосудолюбительная монархиня не можетъ одобрить поведеніе прусскаго короля, частаго нарушенія имъ трактатовъ, также обиды и разоренія, причиненнаго имъ землямъ королевы [49].

Но въ началѣ 1745 года Чернышевъ донесъ, что прусскій дворъ желаетъ одного — выпутаться изъ этой войны съ сохраненіемъ Силезіи и домогается посредничества Россіи съ тою цѣлью, чтобъ эта держава, занявшись мирными соглашеніями, не могла предпринять ничего противъ Пруссіи; притомъ берлинскій дворъ представлялъ дѣло такъ, какъ будто Россія сама предложила свое посредничество безъ требованія со стороны Пруссіи. Это произвело раздраженіе въ Петербургѣ, которое усилилось, когда узнали, что Турція предложила свое посредничесто къ умиренію Европы, и что это предложеніе сдѣлано по внушеніямъ Франціи и Пруссіи! Въ слѣдствіе этого, 30 мар-

та Чернышевъ получилъ отъ своего двора рескриптъ съ объявленіемъ, что Мардефельду отказано относительно посредничества: «Намъ не для чего, говорилось въ рескриптѣ, такого авансу дѣлать и посредство наше навалнвать. Сверхъ же того, когда съ другой стороны не точію намъ, но какъ извѣстно, въ Гагѣ и Лондонѣ почти подобныя представленія сдѣланы, да и Порта оттоманская свое посредство предъявляетъ, то мы какъ не желательны скорѣйшаго возстановленія повсюду покоя, однако болѣе въ то вступаться за несходно для насъ признаемъ. При изъясненіи всего вышеписаннаго, по поводу какихъ-либо прусскихъ на здѣшнюю записку отвѣтовъ, вы не преминете прилежно избѣгать всякой досадительной видъ, но просто прилежать станете при удобовозможной учтивости, правость сего нашего поступка имъ внятно истолковать и дать уразумѣть, съ какою умѣренностію сей нашъ отвѣтъ о медіаціи имъ учиненъ, довольно причины имѣя оный съ выговоромъ учинить, понеже его величество самъ оную медіацію предложилъ, и, по склонности уже нашей, на то отвѣтствовалъ, что будто мы оферировали» [50].

И такъ, не смотря на раздраженіе, сами не хотѣли раздражать, старались избѣгать, «всякій досадительный видъ:» понятно, что должны были стараться избѣгать всякаго досадительнаго для прусскаго короля дѣла, къ какому старались побудить Россію Австрія и ея союзники. Въ началѣ 1745 года былъ заключенъ въ Варшавѣ договоръ между морскими державами, Австріею и Саксоніею, по которому, послѣдняя обязывалась за англійскія субсидіи выставить значительное войско для соединеннаго дѣйствія съ Австріею противъ Пруссіи. Для обезпеченія успѣха союзнымъ державамъ необходимо было склонить къ тому же и Россію. Когда Ланчинскій, по окончаніи дѣла Ботты, возвратился въ Вѣну, то былъ принятъ министрами Маріи Терезіи «съ оказаніемъ особливаго удовольства.» При первомъ же свиданіи канцлеръ графъ Улефельдъ вручилъ ему печатный экземпляръ циркулярнаго рескрипта королевы къ министрамъ ея при иностранныхъ дворахъ, уничтожающаго силу прежняго рескрипта по дѣлу Ботты, послѣ чего стали внушать Ланчинскому, что на русской императрицѣ лежитъ обязанность подержать европейское равновѣсіе; не говоря уже о Франціи, король прусскій

одинъ въ состоянiи нарушить спокойствiе Сѣвера; онъ уже знаетъ дорогу и въ Константинополь: потому необходимо силу его поубавить и не только Силезiю, но и другiя земли у него отнять, чему Россiя легко можетъ содѣйствовать. Если же прусскiй король останется при настоящихъ своихъ владѣнiяхъ, то хотя и не желательно пророчествовать непрiятное, однако нельзя не предсказать, что Фридрихъ II, исполненный завоевательнаго духа, скоро доберется до польской Пруссiи, потомъ до Курляндiи, а потомъ получитъ аппетитъ и на Лифляндiю [51].

Въ Вѣнѣ дѣлались внушенiя; въ Петербургѣ съ апрѣля мѣсяца у канцлера и вице-канцлера происходили конференцiи съ англiйскимъ посланникомъ лордомъ Гиндфордомъ, австрiйскимъ графомъ Розенбергомъ, голландскимъ Дедье и саксонскимъ резидентомъ Пецольдомъ о приступленiи Россiи къ варшавскому договору. 29 апрѣля лордъ Гиндфордъ, жалуясь, что отъ императрицы нѣтъ отвѣта на ихъ предложенiе, писалъ своему двору: «Воронцовъ снялъ съ себя личину и смѣло противится приступленiю Россiи къ варшавскому договору; но я надѣюсь, что мы въ этомъ дѣлѣ успѣемъ. Другъ мой (Бестужевъ) намѣренъ подать свое мнѣнiе въ самыхъ сильныхъ выраженiяхъ, если соперникъ осмѣлится подать свое въ такихъ же. Всѣ старые сенаторы на нашей сторонѣ.» Прошелъ еще мѣсяцъ, и только 30 мая канцлеръ сообщилъ посламъ союзныхъ державъ отвѣтъ на ихъ предложенiе; въ этомъ отвѣтѣ говорилось, что для отстраненiя всякихъ затрудненiй и для скорѣйшаго окончанiя дѣла необходимо откровенное объясненiе. Въ предложенiи сказано, что отъ Россiи не требуется что-либо новое, требуется только исполненiе старыхъ союзническихъ обязательствъ: но императрица считаетъ себя обязанною признать случай союза (casus foederis) только относительно одного короля великобританскаго; относительно короля польскаго случай союза еще не представился; что же касается королевы венгро-богемской, то у нея нѣтъ никакого права полагаться на прежнiя союзныя договоры съ здѣшнимъ дворомъ, потому что союзный договоръ съ императоромъ Карломъ VI въ 1733 году измѣненъ въ предосужденiе великаго князя наслѣдника, какъ герцога голштинскаго, почему союзъ отъ нынѣ царствующей императрицы не признанъ, формально до сихъ поръ не возобновленъ и не ратификованъ; впро-

чемъ императрица готова заключить новый союзный договоръ. Императрица не отрекается также заключить конвенцію съ державами, подписавшими варшавскій трактатъ; конвенція эта должна заключаться въ слѣдующемъ: Россія выставляетъ 30,000 войска, за которыя ей должно быть заплачено по милліону двѣсти пятидесяти тысячъ албертовыхъ ефимковъ ежегодно. Если на Россію нападутъ Турки, Персіяне или какіе-нибудь другіе не христіанскіе народы, то 30,000 войска возвращаются назадъ въ Россію, но деньги продолжаютъ уплачиваться во все время продолженія войны; если же на Россію нападетъ христіанская держава, то кромѣ уплаты денегъ, союзники обязаны сдѣлать диверсію въ пользу Россіи или оказать ей выговоренную въ договорахъ помощь; наконецъ союзники обязаны гарантировать всѣ нѣмецкія владѣнія великаго князя наслѣдника.

Послы отвѣчали, что переданная имъ бумага тѣмъ болѣе для нихъ горька и прискорбна, что противна интересу Россіи и славѣ ея величества: они не станутъ говорить о томъ, что случай союза съ королемъ польскимъ существуетъ очевидно; равно не станутъ говорить о томъ, что неслыханно въ свѣтѣ и неизвѣстно ни одному народу, что договоръ долженъ подтверждаться при каждой перемѣнѣ правленія, неизвѣстно Европѣ, что если, по требованію императрицы Анны измѣненъ одинъ параграфъ договора между Россіею и Австріею, то и весь договоръ потерялъ силу. Опасныя послѣдствія такого принципа скоро ниспровергли бы человѣческое общество, ибо каждый государь могъ бы тогда сказать: мой предшественникъ не могъ уступить такихъ-то городовъ или такихъ-то областей, ни заключать такого договора, потому что это предосудительно для моего наслѣдника. Послы и министры не коснутся также жестокихъ и неслыханныхъ условій, требуемыхъ за русскую помощь, ибо въ цѣломъ свѣтѣ не найдется договора, въ которомъ бы подобныя условія были предложены и приняты. Впрочемъ послы и министры признаютъ отвѣтъ 30 мая отговоркою въ исполненіи обязательствъ и полнымъ отказомъ на всѣ ихъ предложенія [52].

Ланчинскій получилъ приказаніе передать устно министрамъ Маріи Терезіи, что его государыня согласна возобновить союзный договоръ на основаніи договора 1726 года, но съ исключеніемъ обязательства подать помощь королевѣ въ настоящей

войнѣ и ручательства за прагматическую санкцію; при этомъ Ланчинскій долженъ былъ жаловаться на Розенберга, который позволилъ себѣ слишкомъ рѣзко высказать свое неудовольствіе на конференціи 30 мая. Графъ Улефельдъ отвѣчалъ, что наоборотъ Розенбергъ обиженъ, потому что онъ одинъ объявляется виноватымъ, а голландскій и англійскій министры въ сторонѣ, тогда какъ все дѣло въ томъ, что съ русской стороны объявлены невозможныя условія. Утопающій вопитъ о помощи, а пріятель говоритъ ему: подожди до завтра. «Кажется, продолжалъ Улефельдъ, при вашемъ дворѣ утверждено мнѣніе, что Россіи никакіе союзы не надобны, что нашему двору въ русскомъ больше нужды, чѣмъ русскому въ нашемъ. Но какъ можно это предвидѣть?» — «Дѣло понятное, сказалъ Ланчинскій: на австрійскій домъ бываютъ частыя нападенія и въ настоящее время онъ выдерживаетъ войну.» — «Поэтому-то мы и помощи просимъ, возразилъ Улефельдъ: но относительно будущаго нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Вы, можетъ быть думаете, что теперь Порта находится въ упадкѣ, благодаря Персіянамъ, и Россія поэтому долгое время будетъ покойна; но надобно обратить вниманіе на причину упадка, которая случайна. Если настоящій султанъ будетъ низверженъ и сядетъ на престолъ одинъ изъ его племянниковъ, который по разумнѣе и пободрѣе, и если новый султанъ, помирившись съ Персіею, нападаетъ на Россію, то наша королева, которую допускаютъ теперь до обезсилѣнія и разоренія, будетъ ли тогда въ состояніи подать помощь Россіи?»—«Пассажъ, о которомъ вы упоминаете, не въ ту силу клонится, отвѣчалъ Ланчинскій: Турки, оправившись, скорѣе всего нападутъ на Венгрію, которая къ нимъ близка, а въ подстрѣкателяхъ къ этому не будетъ недостатка» [53].

Но прусскій король не былъ доволенъ тѣмъ, что Россія уклонялась отъ союза съ его врагами; онъ потребовалъ, чтобъ Россія удержала польскаго короля, какъ курфюрста саксонскаго, отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Пруссіи. На это Чернышову приказано было отвѣчать, что русскій дворъ сначала былъ того мнѣнія, что смерть императора Карла VII и выборъ новаго главы имперіи соединятъ важнѣйшихъ имперскихъ членовъ, но вышло иначе: между членами имперіи, равно какъ между ними и другими державами продолжаются прежнія отношенія, и

потому русскій дворъ долженъ также смотрѣть на дѣло по прежнему. Если король прусскій по прежнему хочетъ исполнять обязательства къ своимъ союзникамъ, то и король польскій, какъ курфюрстъ саксонскій, можетъ точно также поступать относительно своихъ союзниковъ. Предосторожности, принимаемыя королемъ польскимъ для собственной безопасности и исполненія этимъ государемъ своихъ обязательствъ къ союзникамъ, не могутъ быть признаны враждебными дѣйствіями противъ Пруссіи, и потому саксонскія земли не могутъ за это ничего потерпѣть, тѣмъ болѣе, что король польскій обнадежилъ русскій дворъ, что не хочетъ нарушить своего нейтралитета и предпринять что-нибудь прямо противъ прусскаго короля. Если же Пруссія подвергнется нападенію по какой-нибудь новой причинѣ, а не вслѣдствіе ея прошлогодняго нападенія на Богемію, то Россія своею предупредительною помощію докажетъ, какъ она намѣрена держать свое слово.

Подевильсъ отвѣчалъ на это «съ смутнымъ и недовольнымъ видомъ», что онъ никакъ не можетъ понять причину, по чему дрезденскій дворъ имѣетъ счастіе пользоваться дружбою русской императрицы предпочтительно предъ берлинскимъ. Непонятно, почему русскій дворъ не хочетъ предотвратить лишнее кровопролитіе, тогда какъ можетъ это сдѣлать однимъ своимъ словомъ, сказаннымъ дрезденскому кабинету, чтобъ тотъ не помогалъ венгерской королевѣ. «Кровопролитіе послѣдуетъ, продолжалъ Подевильсъ, потому что мой государь принялъ твердое рѣшеніе считать этотъ поступокъ Саксоніи за военное дѣйствіе противъ Пруссіи и, въ надеждѣ на свое правое дѣло и на своихъ союзниковъ, отомстить за это дрезденскому двору впаденіемъ въ собственныя его владѣнія, не признавая его нейтралитета, ибо мы имѣемъ вѣрныя извѣстія, что между Саксоніею и Австріею уговоръ раздѣлить между собою Силезію, когда она будетъ отвоевана у Пруссіи.» На это велѣно было Чернышову отвѣчать, что прусскій король прошлаго года самъ въ своихъ манифестахъ объявилъ, что хотя онъ, вступаясь за главу имперіи, напалъ на Богемію, однако съ венгро-богемскою королевою никакой ссоры не имѣетъ и при бреславскомъ договорѣ держится: точно также и король польскій можетъ помогать Маріи Терезіи, а съ берлинскимъ дворомъ продолжать доброе со-

гласіе; а еслибы отъ нашего произвола зависѣло считать помощниковъ врагамъ нашимъ также и нашими врагами и послѣдовать прусскому принципу, то между Голландіею и Франціею давно бы уже велась война, но мы видимъ другое: французскій министръ живетъ въ Гагѣ, а голландскій въ Парижѣ. Чернышовъ долженъ былъ объявить, что его дворъ не думаетъ, чтобъ прусскій король рѣшился что-нибудь предпринять противъ Саксоніи, ибо въ такомъ случаѣ онъ будетъ нападчикомъ, и союзники Саксоніи, въ томъ числѣ и Россія, принуждены будутъ подать ей помощь [54].

Между тѣмъ Франція сильно хлопотала, чтобъ Россія не дала войска Англіи за субсидіи, чтобъ несоглашалась на избраніе въ императоры германскіе мужа Маріи Терезіи, герцога Тосканскаго Франца, а содѣйствовала избранію саксонскаго курфюрста (короля польскаго) Августа III, чтобъ вошла въ четверной союзъ съ Франціею, Пруссіею и Саксоніею, или, если уже этого нельзя, оставалась бы совершенно нейтральною. Въ это время, какъ мы видѣли, мѣсто русскаго министра въ Парижѣ занималъ Гроссъ; но императрица думала, что французскій дворъ будетъ недоволенъ назначеніемъ Гросса, что надобно будетъ отправить кого-нибудь познатнѣе, «да и лучше, чтобъ тамъ кто изъ россійскихъ былъ.» Въ началѣ года министръ Людовика XV, маркизъ Даржансонъ толковалъ Гроссу, что будетъ противно мудрости императрицы послать войско на помощь Англіи, ибо въ такомъ случаѣ Елисавета не будетъ болѣе безпристрастна и лишится своего высокаго значенія посредницы при умиротвореніи Европы. Въ апрѣлѣ Даржонсонъ началъ внушать, какъ не выгодно для Россіи поддерживать избраніе герцога тосканскаго въ императоры: онъ будетъ сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ изъ стараго австрійскаго дома, что для Елисаветы опасно по естественной склонности вѣнскаго двора къ брауншвейгской фамиліи; хотя Ботта и умеръ, но его вредные замыслы могутъ возобновиться въ Россіи. Еслибъ Россія вступила съ Франціею и Пруссіею въ такой тѣсный союзъ, чтобъ было три головы подъ одною шапкою, то ей нечего было бы бояться никакой державы.—На донесенія объ этихъ рѣчахъ Гроссъ получилъ въ отвѣтъ изъ Петербурга приказаніе не входить съ Даржансономъ въ дальнѣйшія объясненія и ограничиться только

наблюденіемъ «сентиментовъ» французскаго двора относительно Саксоніи. Эту сдержанность Гросса французское министерство естественно приписывало Бестужеву, и Даржансонъ въ разговорахъ съ Гроссомъ даже не могъ удерживаться, чтобъ не называть Бестужева Англичаниномъ и не замѣчать, что дѣйствія русскаго министерства не согласны съ видами самой императрицы [55]. Это раздраженіе противъ Бестужева поддерживалось донесеніями Дальона, который жаловался на холодность русскаго канцлера, на невозможность его подкупить. Дальонъ старался объяснить себѣ такое поведеніе Бестужева или тѣмъ, что въ бумагахъ маршала Белиля, захваченныхъ Австрійцами, найдены какія-нибудь выходки, озлобившія русскихъ министровъ, или тѣмъ, что Порта предложила свое посредничество для заключенія всеобщаго мира, когда этого посредничества желала для себя Россія. «Если справедливо первое, писалъ Дальонъ, то надобно вытерпѣть послѣдствія; а второе можетъ принести пользу, ибо если русскіе думаютъ, что мы своимъ вліяніемъ могли побудить султана къ предложенію посредничества, то графъ Бестужевъ долженъ опасаться, чтобъ мы не довели Турокъ и до чего-нибудь большаго, а Россія не безъ причины ничего такъ не боится какъ турецкой войны. Мнѣ кажется, что въ Турціи можно сдѣлать очень много хорошаго: нѣсколько татарскихъ набѣговъ, отъ которыхъ Порта всегда могла бы отречься, произвели бы между здѣшнимъ народомъ большую тревогу. 30,000 янычаръ, которые бы расположились лагеремъ со стороны Бѣлграда или начали бы усиливать пограничные гарнизоны, могли бы препятствовать выходу такого большаго войска изъ Венгріи.—Ослѣпить Бестужева можно только знатною суммою, и потому надобно ее ему дать, иначе отъ меня требовать ничего нельзя. Вице-канцлера гораздо легче можно склонить къ принятію пенсіи; женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, онъ свергнетъ Бестужева. Россія вовсе не такъ сильна, какъ кажется издали, да и то, если слушать людей, которымъ выгодно представлять ее сильною. Въ деньгахъ страшный недостатокъ.» Въ началѣ іюня Дальонъ писалъ: «Я вторично сдѣлалъ канцлеру тѣ пріятныя предложенія, которыя особенно могли бы его подвигнуть; но онъ выслушалъ ихъ равнодушно. Вице-канцлеръ сказалъ мнѣ: не дѣлайте намъ зла, а мы вамъ его дѣлать не будемъ; я взялъ

его за руку, и смотря прямо ему въ глаза, спросилъ: можетъ ли мой дворъ полагаться на все то, что въ этихъ четырехъ словахъ заключается; онъ, пожимая мнѣ руку и также прямо смотря мнѣ въ глаза, сказалъ: да. И такъ въ настоящее время о союзѣ толковать нечего, и я долженъ стараться объ одномъ: препятствовать, чтобъ Россія не давала помощи нашимъ непріятелямъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть, не истративши ничего изъ королевскихъ денегъ. До сихъ поръ и другіе иностранные министры не больше меня успѣли, съ тою только разницею, что они деньгами сыплютъ, а я деньги королевскія сберегъ. Всѣ хотятъ что-нибудь при здѣшнемъ дворѣ сдѣлать, но никто ничего не сдѣлаетъ.»

Даржансенъ отвѣчалъ Дальону: «Ваше письмо отъ 8 числа подаетъ мнѣ большую надежду на русскій нейтралитетъ, и какъ видно, никто ничего и не сдѣлаетъ.» Мы знаемъ важность этого нейтралитета, знаемъ что онъ можетъ вести къ миру. Но еще важнѣе для блага Европы заключеніе четверного союза между Франціею, Россіею, Саксоніею и Пруссіею, и по заключеніи такого союза ктобы осмѣлился возмутить покой Европы? Мы стали бы предписывать справедливые и умѣренные законы. Знаю, что не легко согласовать этотъ четверной союзъ съ союзнымъ договоромъ между Россіею и Англіею; но средства нашлись бы, еслибъ было доброе желаніе. Вѣнскій дворъ подалъ теперь новый примѣръ своего тиранства относительно баварскаго дома: онъ обманулъ молодого курфюрста, обѣщалъ ему помощь и оставляетъ беззащитнымъ; позволилъ ему нейтралитетъ, а между тѣмъ хочетъ посылать его войска въ Италію для защиты своего собственнаго дѣла; города его удерживаетъ; хочетъ захватить его курфюрстскій голосъ, чтобъ распорядиться имъ согласно съ своими видами; контрибуціи требуетъ, хочетъ разорить Баварію окончательно. Вѣнскій дворъ управляетъ Германіею желѣзнымъ жезломъ, гессенцевъ и палатинцевъ обижаетъ; хочетъ принудить всѣхъ курфюрстовъ на императорскихъ выборахъ подать голосъ въ пользу великаго герцога тосканскаго; но годится ли этотъ принцъ для ношенія императорской короны? Неужели императрица столь великодушная, мудрая и щедрая пожелаетъ содѣйствовать возведенію на императорскій престолъ принца столь мало достойнаго, ко-

торый не пріобрѣлъ себѣ въ Европѣ никакого значенія и который не имѣетъ никакого права кромѣ силы вѣнскаго двора. Вице-канцлеръ вамъ сказалъ, что императрица приняла рѣшеніе ни помогать, ни препятствовать избранію великаго герцога тосканскаго: такое равнодушіе неприлично столь великой государынѣ, она упускаетъ случай пріобрѣсти великую славу въ Германіи; Петръ Великій поступалъ не такъ, онъ ревностно искалъ случаевъ вмѣшиваться въ германскія дѣла. Мы намѣрены твердо и навсегда соединиться съ Россіею. Мы чувствуемъ, что Русскіе всегда будутъ непріятелями Турокъ; но упомянутый выше союзъ повелъ бы къ тому, что Турки не могли бы пошевелиться въ Европѣ. Вы говорите, что въ слѣдствіе союза съ Англіею Россія вышлетъ только 12000 войска—не болѣе: но вы знаете, что мнѣніе свѣтомъ владѣетъ; въ Европѣ не преминутъ объявить, что вслѣдъ за 12,000 противъ насъ пойдутъ еще 60,000. Вы должны противиться всѣмъ этимъ проектамъ и не пренебрегать ни чемъ для склоненія къ полному нейтралитету. Я не думаю, чтобъ Англія стала давать субсидіи Россіи; эта имперія такъ сильна, что въ субсидіяхъ не нуждается. Англія будетъ давать деньги только канцлеру, которому мы предлагаемъ болѣе значительные почетные подарки и притомъ болѣе согласные съ интересами и славою Россіи. Англичане хотятъ эту державу вовлечь въ войну, а мы хотимъ соединиться съ нею только для примиренія Европы.

Дальонъ заговорилъ съ Воронцовымъ о четверномъ союзѣ между Франціею, Россіею, Пруссіею и Саксоніею, представляя, что при такомъ союзѣ никто не осмѣлится нарушить покой Европы; при этомъ Дальонъ просилъ, чтобъ императрица продолжала стараться о примиреніи Пруссіи съ Саксоніею. Воронцовъ, по словамъ Дальона, выслушалъ его съ такимъ лицомъ, на которомъ выражалось больше удовольствія, чѣмъ холодности. Онъ пожелалъ знать, имѣетъ ли Дальонъ точный указъ говорить ему объ этомъ проектѣ; Дальонъ отвѣчалъ, что имѣетъ. Тогда Воронцовъ обѣщалъ, вмѣстѣ съ канцлеромъ, доложить императрицѣ, обнадеживая, что прилагаются всевозможныя старанія о примирѣніи польскаго и прусскаго королей. Для ускоренія дѣла Мардефельдъ совѣтовалъ Дальону предложить канцлеру и вице-канцлеру по 50,000 рублей. Такъ какъ депеши

Дальона перехватывались и прочитывались, то Воронцовъ написалъ по этому случаю замѣтку: «Когда Дальонъ вздумаетъ подлинно 50,000 предлагать, тогда я ему скажу, что онъ самъ помнитъ, что и въ 100,000 я ему отказалъ, и теперь некстати будетъ принять 50,000». Но перехвачена была другая депеша Дальона, которая поставила Воронцова въ бо́льшее затрудненіе. Дальонъ писалъ: «Почти нѣтъ сомнѣнія, что Воронцовъ свергнетъ Бестужева, и это событіе не заставило бы себя долго ждать, еслибъ, по несчастію, нездоровье г. Воронцова не принуждало его ѣхать на нѣсколько времени за границу. Онъ мнѣ сказалъ, что намѣренъ ѣхать тотчасъ послѣ свадьбы великаго князя; чтобъ сдѣлать и дурное къ лучшему, я его почти уговорилъ провести зиму въ Монпельѣ или Парижѣ, чтобъ дать вамъ способъ совершенно расположить его къ Франціи.» Воронцовъ замѣтилъ на этой депешѣ: «Кромѣ собственнаго его Дальонова желанія (сверженія Бестужева) отъ меня онъ нималаго виду или признаку, о семъ имѣть не могъ, какъ и въ существѣ самомъ, кромѣ прямой дружбы отъ меня ничего иного не будетъ (т.-е. канцлеру). Никакого увѣщанія и присовѣтованія отъ него не было (на счетъ Монпелье и Парижа), ибо я самъ ему сказалъ, что доктора мнѣ совѣтуютъ зиму препроводить въ Монпельѣ, также что и ни у котораго двора болѣе трехъ дней пробыть не намѣренъ. Въ которомъ бы краю свѣта я нибылъ, кромѣ дѣйствительной рабской вѣрности какъ дѣломъ такъ и совѣтомъ инока поступлено не будетъ» [56].

Старанія Франціи о союзѣ съ Россіею должны были остаться безуспѣшны, потому что интересы обѣихъ державъ продолжали сталкиваться. Такъ Россія старалась воспрепятствовать непосредственной войнѣ Пруссіи съ Саксоніею, чтобъ не быть принужденною, въ силу договоровъ, подавать помощь странѣ, которая подвергнется нападенію; Франція также хлопотала о примиреніи Саксоніи съ Пруссіею, но съ тѣмъ, чтобъ саксонскаго курфюрста и польскаго короля Августа III сдѣлать императоромъ германскимъ, чего никакъ не хотѣла Россія.

Мих. Петр. Бестужевъ, по прибытіи своемъ въ Дрезденъ въ началѣ 1745 года, былъ встрѣченъ важнымъ извѣстіемъ о смерти императора Карла VII. 1-го февраля онъ былъ приглашенъ къ графу Брюлю, у котораго засталъ и духовника королевскаго,

патера Гварини. Разговоръ пошелъ о настоящихъ *деликатныхъ* германскихъ замѣшательствахъ, при чемъ Брюль въ конфиденціи объявилъ о внушеніяхъ прусскаго посланника, что его государю было бы не противно, еслибъ король польскій сдѣлался германскимъ императоромъ, на что и всѣ другіе курфюрсты согласны. При этомъ Брюль замѣтилъ, что такъ какъ его король ничего не предпринимаетъ безъ согласія русской императрицы, то и въ этомъ случаѣ желаетъ въ непродолжительномъ времени быть увѣдомленъ о *сентиментахъ* ея величества. Потомъ Брюль и Гварини начали разсуждать, что достоинство польскаго короля и римскаго цесаря совмѣстимы, если императрица великимъ своимъ кредитомъ захочетъ сдѣлать такъ, чтобъ Августъ, и ставши императоромъ, продолжалъ быть польскимъ королемъ, ибо этимъ предотвратятся междоусобія и распри, которыя будутъ слѣдствіемъ избранія новаго польскаго короля. Король Августъ самъ собою цесарскаго достоинства получить не желалъ бы; но если всѣ курфюрсты будутъ къ тому склонны, то онъ думаетъ, что его избраніемъ можетъ быть возстановлено общее спокойствіе въ Европѣ. Саксонскій министръ, находящійся въ Парижѣ, доноситъ, что и тамъ не имѣютъ ничего противъ избранія польскаго короля въ императоры.

Елисавета прочла сама донесенія Бестужева объ этихъ разговорахъ и послала ему приказаніе удерживать короля Августа отъ принятія императорской короны. Но внушенія Бестужева имѣли мало успѣха. Брюль никакъ не понималъ его представленій, что цесарское достоинство съ саксонскимъ интересомъ несходно и съ короною польскою не *компатибельно*, при чемъ Брюль заявлялъ, что если хотятъ, чтобъ его король уклонился отъ избранія въ императоры и дѣйствовалъ въ пользу герцога тосканскаго, мужа Маріи Терезіи, то Августъ III безъ вознагражденія сдѣлать этого не можетъ. Брюль, между прочимъ, представлялъ, что король Августъ, сдѣлавшись императоромъ, получитъ болѣе возможности помогать Россіи противъ Турокъ. Но относительно этого Бестужевъ писалъ, что «авантажъ весьма не великъ и скуденъ: король польскій, ставши цесаремъ, больше власти отъ этого въ Польшѣ не получитъ, и въ случаѣ войны у Россіи съ Турками, не будетъ въ состояніи заставить принять въ ней участіе ни Польшу, ни имперію; тогда

какъ Россія имѣетъ основаніе ожидать сильнѣйшей помощи отъ австрійскаго государя, которому достанется императорская корона. Посланники англійскій и голландскій за одно съ Бестужевымъ отговаривали саксонскій дворъ отъ принятія императорской короны. Въ Россіи смотрѣли на предложеніе Августу III императорской короны со стороны Франціи и Пруссіи, какъ на сѣти, разставленныя съ цѣлію отнять у него Польшу, и Бестужевъ уже счелъ своею обязанностію представить своему двору, какого кандидата на польскій престолъ можно имѣть въ виду. «Между польскими магнатами, писалъ онъ, я не нахожу ни одного, на кого бы можно было совершенно положиться, по извѣстному этого народа непостоянству; но такъ какъ изъ золъ надобно выбирать меньшее, то представляю слѣдующее: домъ Потоцкихъ, котораго глава великій гетманъ коронный, всегда бывшій злымъ врагомъ Россіи; теперь гетманъ старъ и дряхлъ, но весь домъ его недоброжелателенъ къ Россіи. Сендомирскій воевода графъ Тарло всегда былъ намъ противенъ и преданъ Станиславу Лещинскому. Домъ Сапѣговъ почти весь исчезъ; только одинъ изъ него знатенъ — великій канцлеръ литовскій; но и тотъ для престола не годится и въ народѣ никакого кредита не имѣетъ. Князь Сангушко, великій маршалокъ литовскій, человѣкъ знатный, но простоватъ и также никакого кредита не имѣетъ. Великій маршалокъ коронный Бѣлинскій богатъ, да лукавъ и непостояненъ, сверхъ того не имѣетъ кредита. Воевода Мазовецкій Понятовскій человѣкъ разумный и постоянный, и хотя нѣсколько кредиту имѣетъ, однако, принимая въ разсчетъ прежніе его поступки, едвали можно на него положиться. Изъ князей Чарторыйскихъ вице-канцлеръ литовскій человѣкъ умный, но безъ кредита и ненавидимъ между Поляками; братъ его воевода русскій, человѣкъ остраго разума, честный, постоянный, по женѣ своей (Сенявской) очень богатый; онъ во всѣхъ революціяхъ постоянно держался русской стороны, онъ имѣетъ не малый кредитъ. Изъ князей Радзивиловъ только одинъ великій гетманъ литовскій человѣкъ добрый и къ Россіи былъ всегда склоненъ; онъ по своему чину въ Литвѣ не малый кредитъ имѣетъ. Гетманъ польный коронный графъ Браницкій человѣкъ изрядный, честный и богатый; также ничего противнаго Россіи отъ него не примѣчено. Вице-канцлеръ коронный

Малаховскій человѣкъ умный и добрый, кажется намъ доброжелателенъ, по крайней мѣрѣ во время послѣдней революціи постоянно при нашей сторонѣ былъ и между мелкимъ шляхетствомъ не малый кредитъ имѣетъ. Между этими четверыми — Чарторыйскимъ, Радзивиломъ, Браницкимъ и Малаховскимъ, Чарторыйскаго, воеводу русскаго признаю самымъ способнымъ: это человѣкъ твердый и постоянный, что рѣдкость между Поляками, знатенъ и богатъ (больше 200,000 талеровъ годоваго доходу имѣетъ). Не смотря на то, еслибъ дѣло дошло до избранія, то по обычной другъ къ другу зависти и ненависти, кромѣ великаго безпокойства и смуты, между ними ничего добраго ожидать нельзя. Они лучше саксонскаго принца, нежели природнаго Пяста въ короли себѣ пожелаютъ, и эти выборы могутъ произойдти безъ всякаго безпокойства, если ваше и. в—ство къ саксонскому принцу склонность явите и его поддержать соизволите. Кажется и русскій интересъ требуетъ на польскомъ престолѣ саксонскаго принца предпочтительнѣе предъ пястомъ, ибо пястъ, по природной къ Россіи ненависти, будетъ имѣть сношенія съ Французами, Шведами, Турками и Татарами ко вреду Россіи; а чужестранный принцъ для собственнаго охраненія и для полученія большаго значенія между Поляками всегда будетъ держаться русской стороны.»

Между тѣмъ Фридрихъ II велѣлъ объявить Августу III-му, что если вспомогательныя саксонскія войска вступятъ вмѣстѣ съ австрійскими въ Силезію, то Пруссія почтетъ это за объявленіе войны. Эта угроза заставила еще болѣе саксонскій дворъ просить русскую императрицу о поданіи немедленной помощи. Пораженіе, претерпѣнное австро-саксонскими войсками въ Силезіи отъ Прусаковъ, подало поводъ Бестужеву писать: «Король прусскій, пользуясь своимъ торжествомъ, безъ сомнѣнія вступитъ въ Саксонію, которую скоро и легко можно разорить, и король польскій силою прусскаго оружія и страхомъ предъ неминуемымъ разореніемъ своихъ наслѣдственныхъ земель, принужденъ будетъ, оставя польскую корону, принять императорскую, слѣдовательно покинувъ союзъ съ морскими державами, предать себя въ руки Франціи и Пруссіи. Крайне опасныя изъ этого для русскихъ интересовъ слѣдствія, возбужденіе замѣшательствъ въ Польшѣ, и возведеніе на тамошній престолъ либо

Станислава Лещинскаго, либо другой какой-нибудь французской и прусской креатуры, заставляютъ меня всенижайше представить, какимъ образомъ теперь наступило настоящее время заблаговременно бодрымъ рѣшеніемъ сдержать прусскаго короля, чтобъ не усилился чрезъ мѣру и не принудилъ польскаго короля, оставивъ Польшу, принять императорскую корону, ибо если со стороны Россіи не примутся немедленно сильныя мѣры, то послѣ уже будетъ поздно помочь бѣдѣ.» Извѣщая, что послѣ своего торжества прусскій король исполнилъ угрозу, отозвалъ своего посланника изъ Дрездена, Бестужевъ прибавилъ: «Обстоятельства показываютъ, что между королями польскимъ и прусскимъ непремѣнно дѣло дойдетъ до опасныхъ и очень непріятныхъ *дальностей*, если ваше величество за здѣшній дворъ какъ можно скорѣе вступиться не соизволите.» Въ іюлѣ, увѣдомляя объ успѣхахъ Французовъ въ австрійскихъ Нидерландахъ и Италіи, о колебаніи Голландіи, устрашенной этими успѣхами, о постоянныхъ требованіяхъ съ французской стороны, чтобъ король польскій принялъ императорскую корону, Бестужевъ писалъ: «Французская и прусская державы пришли уже въ такую силу, что невозможнымъ становится малѣйшее промедленіе въ отвращеніи вредныхъ послѣдствій этого усиленія.» Но вмѣсто извѣщенія *о сэріозномъ демаршѣ*, котораго требовалъ Бестужевъ, ему сообщили изъ Петербурга, что Чернышеву велѣно сдѣлать при берлинскомъ дворѣ наисильнѣйшія увѣщанія, чтобъ не предпринимали ничего враждебнаго противъ саксонскихъ земель; а между тѣмъ Бестужевъ продолжалъ доносить, что министры французскій и испанскій употребляютъ всѣ мѣры, чтобъ отлучить польскаго короля отъ его союзниковъ, примирить съ прусскимъ королемъ и потомъ склонить къ принятію императорской короны; въ случаѣ невозможности соединить эту корону съ польскою обѣщаютъ возвести на польскій престолъ одного изъ саксонскихъ принцевъ, наконецъ обѣщаютъ присоединить къ Саксоніи всю Богемію. Русскія представленія при берлинскомъ дворѣ не имѣютъ силы, Фридрихъ II готовится напасть на Саксонію и есть извѣстіе, что въ Берлинѣ уже печатается объявленіе войны. Саксонское правительство просило, чтобъ императрица велѣла двинуть корпусъ войскъ въ Польшу и стать на нѣмецкихъ границахъ: король Августъ обязывался продо-

вольствовать эти войска до тѣхъ поръ, пока прусскій король не объявитъ войны Саксоніи: но одного движенія русскаго корпуса въ Польшу будетъ достаточно, чтобъ удержать Фридриха II отъ объявленія войны. 24 августа французскій посланникъ подалъ промеморію, въ которой склонялъ польскаго короля къ принятію императорской короны, обѣщая отъ своего двора знатную сумму денегъ и другія выгоды для поддержанія императорскаго достоинства; если же Августъ III никакъ не согласится быть императоромъ, то по крайней мѣрѣ, пусть своимъ вліяніемъ замедлитъ избраніе новаго императора. Графъ Брюль обнадежилъ Бестужева, что король Августъ, не желая получить императорскую корону интригами французскаго и прусскаго дворовъ, твердо рѣшился не дать себя поймать въ разставленныя ему сѣти и не отступать отъ своихъ союзниковъ. Вогренанъ при дворѣ и въ частныхъ домахъ внушилъ, что Саксонія противъ прусскаго короля никакой помощи отъ Россіи никогда неполучитъ, ибо въ противномъ случаѣ Фридрихъ II-й не сталъ бы дѣйствовать такъ рѣшительно. Въ то же самое время распущенъ былъ по всему Дрездену слухъ, что въ Россіи произошло возстаніе противъ императрицы, наслѣдника и его супруги, потому что послѣдніе не пріобщались публично св. Таинъ по уставу Восточной церкви. По мнѣнію Бестужева эти слухи были распространены отъ французскаго и прусскаго дворовъ. Изъ Константинополя приходили извѣстія, что прусскій и французскій дворы—первый чрезъ своихъ эмиссаровъ, а второй чрезъ своего посланника, безпрестанно и всѣми силами стараются склонить Порту, чтобъ послала сильное войско въ Венгрію, гдѣ Турки могутъ безъ всякаго труда дѣлать завоеванія по неимѣнію тамъ австрійскихъ войскъ; прусскій король особенно домогается союза съ Портою. Наконецъ прусскій король объявилъ войну Саксоніи [57].

Петербургъ былъ встревоженъ этими извѣстіями въ самое неудобное время, во время приготовленій къ свадьбѣ великаго князя. 19 августа, въ присутствіи канцлера и вице-канцлера, Елисавета говорила, какъ было бы желательно какимъ-нибудь образомъ оба двора примирить; еслибъ теперь, по союзному обязательству, послать польскому королю на помощь 12,000 войска противъ прусскаго короля, то, пожалуй, это можетъ на-

навлечь на Россію дальнѣйшія слѣдствія тяжкой войны; а напротивъ, если и король польскій при своихъ малыхъ силахъ, будетъ принужденъ вступить въ французскіе и прусскіе виды и принять предлагаемую ему этими дворами императорскую корону, то для русскихъ интересовъ также продолжительныя и тяжелыя слѣдствія произойдутъ. Для рѣшенія этого вопроса императрица велѣла немедленно собрать совѣтъ. Тутъ Воронцовъ поднесъ свое письменное мнѣніе, которое Елисавета оставила у себя. Бестужевъ испугался и объявилъ, что онъ также подастъ свое письменное мнѣніе.

Воронцовъ въ своемъ мнѣніи говорилъ, что повидимому нужно было бы послать войско на помощь королю польскому, чтобъ отвратить его отъ исканія императорской короны; но этою посылкою Россія обнаружитъ явную вражду къ королю прусскому, своему союзнику, безъ всякаго неудовольствія съ его стороны, безо всякой причины, и должна будетъ ждать отъ него всякаго непріятельскаго поступка. Если этою посылкою войска не достигнемъ желаемаго, т.-е. не отвратимъ прусскаго короля отъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Саксоніи, то честь и слава императрицы заставятъ употребить всѣ свои силы для достиженія этой цѣли, отъ чего зайти можемъ очень далеко, навлечь на себя войну, окончаніе которой неизвѣстно. Войска наши иначе не могутъ достигнуть Саксоніи, какъ чрезъ польскія или прусскія земли. Въ первомъ случаѣ Поляки тронутся и заведутъ конфедерацію противъ своего короля, которую Франція и Пруссія будутъ поддерживать для низверженія Августа III и возведенія на престолъ своей креатуры. Если же идти чрезъ прускія земли, то это признано будетъ за явное нападеніе и нарушеніе союза, и конечно Прусаки недопустятъ наше войско до соединенія съ саксонскою арміею, нападутъ на него съ превосходными силами и могутъ нанести пораженіе. Для укомплектованія войска нуженъ рекрутскій наборъ и чрезвычайные расходы; но состояніе имперіи позволяетъ ли такую трату людей и денегъ, а денегъ и безъ того очень мало въ нашемъ государствѣ. Для избѣжанія явнаго нареканія въ неисполненіи договора съ Саксоніею, не лучше ли вмѣсто посылки войскъ дать деньгами по 450,000 рублей въ годъ; на войско истратимъ столько же; и тутъ по крайней мѣрѣ люди останутся цѣлы. А

всего было бы лучше помирить Саксонію съ Пруссіей такимъ способомъ: объявить рѣшительно прусскому министру, чтобъ король его удержался отъ нападенія на Саксонію, въ противномъ случаѣ русскія войска немедленно пойдутъ къ ней на помощь, по желанію же его короля обѣщается ему полное обнадеживаніе, что Саксонцы не тронутъ его земель, и дѣйствительно вытребовать это обѣщаніе отъ дрезденскаго двора.

13 сентября Бестужевъ подалъ свое мнѣніе: «Ваше величество находитесь въ союзѣ съ разными державами. Самый древній союзъ съ королемъ великобританскимъ, ибо онъ основанъ на взаимной безопасности обѣихъ коронъ относительно Швеціи, Даніи, Пруссіи и Польши, на взаимномъ благѣ обоихъ государствъ и на торговлѣ: Англичане ежегодно продаютъ и покупаютъ здѣсь товаровъ болѣе чѣмъ на милліонъ рублей, и такъ какъ покупаютъ болѣе, чѣмъ продаютъ, то болѣе полумилліона оставляютъ здѣсь чистыми деньгами. Петръ Великій такъ увѣренъ былъ въ необходимости постоянной дружбы съ Англіею, что и во время ссоры своей съ англійскимъ королемъ Георгомъ I-мъ по мекленбургскимъ дѣламъ, старался соблюдать дружбу съ Англіею.

Въ царствованіе вашего величества заключенъ съ Англіею, союзный договоръ, потому что приведенныя причины и интересы остаются неизмѣнными. Второй союзъ въ царствованіе вашего величества возобновленый — это союзъ съ Пруссіею, который могъ быть также очень полезенъ, еслибы мы не были научены опытомъ, какъ мало прусскій король держитъ свое слово и свои обязательства и какъ мало слѣдовательно можно положиться на всѣ его ласкательныя обнадеживанія. Я, вмѣстѣ съ покойнымъ Бреверномъ, совѣтовалъ заключить союзъ съ Пруссіею именно для того, чтобъ удержать прусскаго короля отъ поданія помощи Швеціи деньгами или людьми, ибо извѣщали, что государь этотъ далъ значительную сумму денегъ графу Потоцкому для подкрѣпленія польской конфедераціи, о которой такъ хлопотала Швеція для отвлеченія вниманія Россіи отъ себя. Но теперь, когда прусскій король, посредствомъ брака своей сестры съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, чего я всегда опасался, пріобрѣлъ тамъ такія сильныя связи и вліянія, сомнѣваюсь, чтобъ онъ, въ случаѣ нашей ссоры съ Швеціею, захотѣлъ быть намъ полезенъ; напротивъ болѣе причинъ опа-

саться, что связи и вліянія этого горделиваго государя и сестры его произведутъ дѣйствія очень противныя интересамъ вашего величесlва, если вскорѣ не положатся этому предѣлы; онъ уже и теперь имѣетъ въ Швеціи болѣе власти и кредита, чѣмъ мы когда-либо имѣли; безъ сомнѣнія онъ самъ внушаетъ сестрѣ своей мысли объ отмѣнѣ нынѣшней формы правленія въ Швеціи, о возстановленіи тамъ самодержавія, не говоря уже о томъ, что въ Польшѣ и при самой Портѣ Оттоманской онъ составляетъ себѣ сильныя партіи и входитъ въ тайныя соглашенія, которыя съ интересами вашего величества и вашей имперіи вовсе не сходны. Третій союзъ у насъ съ королемъ польскимъ какъ съ курфюрстомъ саксонскимъ, союзъ полезный для взаимной безопасности отъ Пруссіи и Швеціи; кромѣ того курфюрстъ полезенъ намъ какъ викарій имперіи: такъ при его содѣйствіи великій князь Петръ Ѳедоровичъ, несмотря на перемѣну вѣроисповѣданія, признанъ способнымъ оставаться въ числѣ имперскихъ владѣльцевъ. Благодаря этимъ союзамъ Россія наслаждалась миромъ при всеобщей войнѣ; но при настоящемъ положеніи дѣлъ осудить себя на бездѣйствіе нельзя по святости договоровъ; такимъ бездѣйствіемъ можно потерять дружбу и уваженіе всѣхъ державъ и союзниковъ. Нужно слѣдовательно избрать которую-нибудь сторону, и всего лучше принять мнѣніе вице-канцлера, поданное имъ 11 сентября 1744 года. Мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что интересъ вашего величества, честь и безопасность имперіи требуютъ принять такія мѣры, которыми древняя, истинная европейская система могла бы быть подкрѣплена и возстановлена, безъ принятія Россіею непосредственнаго участія въ войнѣ; примѣромъ служитъ Голландія, которая помогаетъ Англіи и королевѣ венгерской деньгами и войскомъ, не принимая впрочемъ прямого участія въ войнѣ и считаясь только помощницею. Теперь война между двумя союзницами Россіи, Пруссіею и Саксоніею; обѣ имѣютъ право требовать отъ насъ исполненія договоровъ: на которую же сторону склониться? Разумѣется на саксонскую, ибо Фридрихъ II-й нарушитель всеобщаго спокойствія: онъ безъ всякой причины напалъ на Саксонію и на королеву венгерскую, разорвалъ бреславскій миръ, гарантированный Россіею и Англіею. Фридрихъ II, несмотря на всѣ увѣщанія со стороны Россіи, несмотря на соб-

ственныя его обнадеживанія, сдѣланныя здѣсь чрезъ Мардефельда, что онъ ничего не предприметъ противъ наслѣдственныхъ земель короля польскаго и противъ спокойствія въ королевствѣ польскомъ, воспользовался неудовольствіемъ сендомирскаго воеводы Тарло и предложилъ ему польскую корону, или, если онъ ея не желаетъ, то обѣщалъ возвести на престолъ Станислава Лещинскаго, во всякомъ случаѣ обѣщалъ поддержку со стороны Пруссіи и Франціи, если Тарло образуетъ конфедерацію и откажетъ въ повиновеніи королю Августу. Еслибы принято было мое мнѣніе, сообщенное канцлеру въ Кіевъ 6 августа прошлаго года, что надобно приготовить къ походу 10,000 козаковъ, или еслибы принято было представленіе брата моего изъ Дрездена и саксонскаго резидента Пецольда объ отправленіи 12,000 войска, за которыя король польскій обязывался платить субсидныя деньги, то конечно король прусскій никогда не отважился бы напасть на Саксонію, намъ бы теперь меньше было труда, а субсидными деньгами пользовались бы. И такъ, если ваше импер. величество не желаете, чтобъ король прусскій еще болѣе усилился къ очевидному вреду всѣхъ своихъ сосѣдей, а король польскій, самый вѣрный вашъ союзникъ, преданъ былъ ему въ жертву съ своими наслѣдными землями, если не желаете, чтобъ онъ, не будучи въ состояніи обороняться собственными силами, перешелъ на сторону Франціи и принялъ императорскую корону, отъ чего въ Польшѣ произойдутъ неминуемыя замѣшательства, для успокоенія которыхъ потребуется вдвое больше войска, то необходимо подать королю польскому немедленную помощь» [58].

Говорили, что императрица была недовольна мнѣніемъ вицеканцлера. 29 августа Елисавета подписала паспортъ Воронцову въ чужіе края. Канцлеръ доложилъ, что свадебныя торжества препятствовали собранію Совѣта по прусско-саксонскимъ дѣламъ; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ откладывалъ собраніе, чтобъ приступить къ совѣщанію по отъѣздѣ Воронцова. Бестужевъ объявилъ императрицѣ, что Розенбергъ отзывается своимъ правительствомъ; Елисавета спросила: что̀ это значитъ? Бестужевъ отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: Марія Терезія отзываетъ своего посла, потому что Россія не хочетъ признать существованія договора съ Австріею въ такое время, когда послѣдняя крайне нуждается въ помощи. И дру-

гіе послы—датскій, голландскій, англійскій уѣдутъ, видя, что имъ незачѣмъ жить, и вѣроятно дворы будутъ присылать въ Петербургъ только посланниковъ или даже резидентовъ. Елисавета весь тотъ день была очень задумчива, и вечеромъ, уже очень поздно, велѣла на другой день собраться чрезвычайному совѣту [59].

Къ совѣщаніи были приглашены: фельдмаршалъ князь Долгорукій, фельдмаршалъ графъ Леси, канцлеръ графъ Бестужевъ, генералъ графъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ графъ Румянцевъ, тайный совѣтникъ баронъ Черкасовъ, тайный совѣтникъ Юрьевъ, тайный совѣтникъ Веселовскій, статскій совѣтникъ Неплюевъ (Адріанъ). Предложенъ былъ для обсужденія вопросъ: «Надлежитъ ли нынѣ королю прусскому, яко ближайшему и наисильнѣйшему сосѣду долѣе въ усиленіе приходить допускать, или не сходственнѣе ли будетъ королю польскому, яко курфюрсту саксонскому, по дѣйствительному настоящему съ нимъ случаю союза помощь подать и какимъ образомъ?» На другой день, 20 сентября члены совѣта представили свои мнѣнія. Канцлеръ Бестужевъ написалъ: «Еще въ 1744 году саксонскому министру Флемингу было объявлено (въ Кіевѣ), что ея императ. величество всегда вѣрною и истинною союзницею короля польскаго пребываетъ и въ случаѣ нападенія на него скорою помощію поспѣшить не оставитъ: я на ея величества соизволеніе предаю, какимъ образомъ съ королемъ польскимъ поступать повелитъ.» Мнѣніе барона Черкасова: «Нельзя допустить короля прусскаго болѣе усиливаться; королю польскому помочь тѣмъ, что находящіеся въ Лифляндіи и Эстляндіи полки ввести въ Курляндію и тамъ имъ зимовать, а на весну и всѣ полевые полки придвинуть къ границамъ. Этотъ способъ всего удобнѣе дастъ понять королю прусскому увѣщанія императрицы; а если и это его не исправитъ, то ея импер. величество можетъ употребить войско по своему усмотрѣнію, что можетъ быть и неминуемо.» Румянцевъ представилъ такое же мнѣніе. Куракинъ думалъ, что должно, по договору, послать на помощь польскому королю 12,000 войска, а, по надобности, и больше. Ушаковъ — послать эти 12,000 и кромѣ того сдѣлать диверсію въ Курляндію. Леси стоялъ за диверсію въ Курляндіи. Фельдмаршалъ Долгорукій также; онъ писалъ, что на-

добно положить предѣлы замысламъ прусскаго короля; иначе онъ можетъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею для себя или для Шведовъ [60].

3 октября было снова собраніе совѣта. Всѣ поданныя мнѣнія были выслушаны въ присутствіи императрицы; читанъ былъ также переводъ съ письма Мардефельда къ канцлеру и меморія, въ которой онъ снова просилъ помощи противъ Саксоніи. По выслушаніи всѣхъ этихъ бумагъ императрица начала говорить: «Хотя король прусскій и требуетъ нашей помощи по союзному трактату, но случай союза (casus foederis) здѣсь признанъ быть не можетъ, потому что онъ самъ наступленіемъ своимъ на Богемію нарушилъ бреславскій договоръ и навлекъ на себя слѣдствія нынѣшней войны съ Австріею; силы его превосходятъ саксонскія, и онъ объявилъ Саксоніи войну за то только, что ея войска помогли австрійскимъ; поэтому кажется справедливѣе подать помощь Саксоніи. Сверхъ того для русскихъ интересовъ усиленіе прусскаго короля не только не полезно, но и опасно: приходя отъ времени до времени въ большую силу, онъ можетъ когда-нибудь согласиться съ Швеціею по своему тамъ вліянію и предпринять что-нибудь противъ здѣшней имперіи, а съ другой стороны возбудить и Турокъ. На дружбу его отнюдь полагаться нельзя: примѣръ его обмана видѣнъ въ предложеніи намъ посредничества, отъ чего потомъ отрекся, а въ то же время появилось посредничество отъ Турокъ, какъ видно по его же наущенію.» Сказавши это, императрица спросила присутствующихъ, какъ они думаютъ; тѣ сослались на свои мнѣнія и повторили, что нельзя допускать прусскаго короля усиливаться и надобно подать помощь королю польскому. Тогда императрица приказала отправить изъ Лифляндіи и Эстляндіи въ Курляндіею такое число полковъ, какое можно будетъ расположить на зимнихъ квартирахъ въ секвестрованныхъ герцогскихъ имѣніяхъ; на ихъ мѣсто въ Лифляндію и Эстляндію подвинуть другіе полки изъ ближнихъ мѣстъ и нарядить къ веснѣ нѣсколько нерегулярныхъ войскъ; королю польскому дать знать объ этомъ движеніи войскъ къ нему на помощь и поручить русскому министру въ Дрезденѣ условиться съ саксонскимъ правительствомъ на счетъ направленія и пропитанія вспомогательнаго войска, а королю прусскому чрезъ министра его представлять,

чтобъ онъ отъ нападенія на Саксонію удержался и склонился на миръ съ королемъ польскимъ; въ противномъ случаѣ послѣдній получитъ русскую помощь [61].

Когда канцлеръ сообщилъ Мардефельду декларацію императрицы о движеніи русскихъ войскъ, тотъ онѣмѣлъ отъ досады или удивленія. Говорили, что Елисавета, подписавъ эту декларацію, стала на колѣна предъ образомъ, призывая Бога въ свидѣтели, что поступаетъ по совѣсти и справедливо, и молила Бога благословить ея оружіе. Она спросила у фельдмаршала Леси, какъ онъ думаетъ о принятыхъ мѣрахъ; Леси, несмотря на то, что подалъ свое мнѣніе въ совѣтѣ, отвѣчалъ сначала, что онъ не министръ и что его долгъ исполнять только повелѣнія; когда же императрица настояла, чтобъ онъ говорилъ откровенно, то онъ сказалъ, что спокойствіе ея царствованія и личная безопасность требуютъ немедленнаго обузданія короля прусскаго, что для безопасности Россіи у него необходимо отнять Пруссію, и если не оставлять ее за собою, то отдать Польшѣ, которой опасаться нечего. Елисавета была раздражена противъ Фридриха II, называла его шахомъ Надиромъ прусскимъ; но сильно досадовала также и на короля англійскаго, который вошелъ въ соглашеніе съ Фридрихомъ, заключилъ съ нимъ такъ называемую ганноверскую конвенцію, по которой Силезія должна была остаться за Пруссіею. Она упрекала канцлера за то, что онъ слишкомъ дружелюбно расположенъ къ Англіи; не разъ отзывалась, что Воронцовъ ей часто говорилъ не полагаться на Англичанъ, которые заключатъ съ прусскимъ королемъ отдѣльный миръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ Бестужевъ Гиндфорду, и тотъ писалъ въ Англію: «Теперь наступило время, когда морскія державы должны или утвердить дружбу русской императрицы съ собою, или навсегда ея лишиться, удержать въ силѣ, или привести въ упадокъ Бестужева, единственнаго друга, котораго мы имѣемъ при этомъ дворѣ. Онъ воспользовался отсутствіемъ Воронцова, чтобъ побудить императрицу рѣшиться на такой смѣлый шагъ, въ надеждѣ, что морскія державы вновь предложатъ знатныя субсидіи, ибо хотя русскій дворъ нашелъ довольно денегъ для приведенія арміи въ движеніе, однако онъ не въ состояніи продолжать эти издержки безъ субсидій» [62].

Бестужевъ пользовался отсутствіемъ Воронцова; а Воронцовъ

писалъ императрицѣ о своемъ разговорѣ съ прусскимъ королемъ 22 октября: «Его величество, по принятіи сей день моего перваго поклона, ретируясь уже къ себѣ, приказалъ меня позвать въ другую камору, гдѣ будучи наединѣ со мною, изволилъ мнѣ говорить начать вопервыхъ о всегдашней своей дружбѣ и высокопочетаніи къ вашему импер. величеству, которыя онъ всегда непремѣнно содержать съ своей стороны изволитъ, и что онъ притомъ же совершенную надежду полагать изволитъ, что ваше импер. величество противъ его никакой резолюціи противной въ пользу его непріятелей принять не изволите; что его величество при томъ скрыть мнѣ не хочетъ, что онъ опасенъ находится, дабы вашего император. величества къ нему дражайшая дружба чрезъ столь многія старанія и разныя оклеветанія вѣнскаго и саксонскаго дворовъ не могла наконецъ отмѣниться; что его величество изъ единаго высокопочитанія къ вашему импер. величеству удержалъ свое оружіе противъ саксонскаго двора, довольно имѣя къ тому причинъ на сіе поступить, ибо совершенно извѣстенъ находится о заключенномъ между саксонскимъ и вѣнскимъ дворами договорѣ, дабы земли его величества отобрать и между собою раздѣлить, того ради принужденна себя нашелъ противъ саксонскаго двора равномѣрно не дружески поступать, только дѣйствительнаго нападенія не учинилъ для вашего императ. величества, дабы тѣмъ не причинить вашему величеству какого неудовольства, наконецъ изволилъ говорить о склонности своей къ миру и учиненной для того конвенціи съ королемъ англійскимъ. — Я на все его величеству только отвѣтствовалъ, что ваше императ. величество совершенную дружбу къ его величеству имѣть изволите, и всегда съ пріятностію слышать изволили о имѣющемся добромъ согласіи между его величествомъ и королемъ польскимъ, а притомъ же его величеству и сіе не донести не могу, что въ случаѣ нападенія на Саксонію ваше импер. величество по обязательству своему, можетъ быть противъ своей воли, помощь дать принуждены будете. Наконецъ его величество изволилъ говорить, что понеже ваше император. величество желать изволите, дабы до непріятельства съ саксонскимъ дворомъ не дошло, то изволили бы употребить свои дружескія старанія, какъ-то и англійскій король чинить намѣренъ, дабы саксонскій дворъ на

сію (ганноверскую) конвенцію склонился и тѣмъ бы окончены быть могли всѣ нынѣшнія замѣшательства» [63].

Но Фридрихъ II, какъ самъ говоритъ, считалъ ошибкою, разъ вооружившись, щадить непріятеля съ цѣлію склонить его къ миру; онъ думалъ, что однѣ побѣды могутъ заставить врага помириться [64]. Слова Воронцова и болѣе рѣшительныя заявленія Чернышева его не безпокоили, потому что Россія, думалъ онъ, могла что-нибудь сдѣлать не ранѣе шести мѣсяцевъ, и онъ рѣшился разгромить Саксонію, объявляя что Брюль сбирается разгромить Пруссію, взять Берлинъ, и потому надобно предупредить его, хотя прусскій главнокомандующій, принцъ Ангальтъ и прусскій министръ Подевильсъ первые отказались вѣрить словамъ своего короля, что у Брюля открылся вдругъ такой воинственный жаръ [65].

Фридрихъ вступилъ съ войскомъ въ принадлежавшую тогда Саксоніи землю Лужичей (Лузацію), разбилъ саксонскій отрядъ, взялъ городъ Герлицъ. Прускіе отряды стали уже появляться за Будишинымъ, тогда какъ австрійская армія, не чувствуя себя въ силахъ бороться съ Прусаками, отступала къ Богемскимъ горамъ. Ужасъ напалъ на жителей Дрездена; король рѣшилъ, что въ случаѣ приближенія Прусаковъ, онъ уѣдетъ въ Богемію, а между тѣмъ требовалъ отъ Бестужева, чтобъ императрица, при такихъ горестныхъ обстоятельствахъ, велѣла немедленно своему союзному корпусу вступить въ Пруссію. Бестужевъ, разумѣется, немедленно передалъ въ Петербургъ королевскую просьбу, при чемъ очень искусно, для возбужденія негодованія противъ Пруссіи, кончилъ свое донесеніе такими словами: «Я не могу словами изобразить печали и отчаянія здѣшняго двора, ибо онъ, послѣ признанія вашимъ величествомъ случая союза (casus foederis) ласкалъ себя надеждою, что прусскій король окажетъ гораздо болѣе вниманія къ предложеннымъ отъ вашего величества добрымъ услугамъ и вдругъ непріятельски дѣйствовать не отважится.»

Прусскій король взялъ Лейпцигъ, и его гусары уже начали появляться въ трехъ миляхъ отъ Дрездена. 20 ноября король, простившись съ плачущимъ народомъ, уѣхалъ въ Теплицъ, а оттуда въ Прагу. Бестужевъ остался въ Дрезденѣ. Между тѣмъ Фридрихъ II прислалъ въ Дрезденъ предложеніе, что готовъ по-

мириться съ Саксоніей, если она приступитъ къ ганноверской конвенціи безъ сношеній съ вѣнскимъ дворомъ, и когда англійскій посланникъ просилъ его, чтобъ онъ въ виду мира, велѣлъ своему войску остановиться, то онъ отвѣчалъ, что несправедливо отъ него требовать, чтобъ онъ остановилъ побѣдоносное движеніе своей арміи, ибо теперь ему всякая минута дорога. На донесеніе брата объ этихъ событіяхъ канцлеръ Бестужевъ сдѣлалъ для императрицы замѣтку: «Что по требованію дрезденскаго двора за субсидныя деньги десять тысячъ человѣкъ здѣшняго войска въ прошедшемъ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ не отправлены, весьма о томъ сожалительно, ибо король прусскій, усмотря тогда ея и. в—ства серіозность, и разсуждая, что впредь и болѣе войска на помощь въ Саксонію или для диверсіи въ Пруссію прислано будетъ, чаятельно не осмѣлился бы равномѣрно яко въ Богемію подкравшись, въ такое нынѣ поздое время, когда скорой помощи подать невозможно, въ Саксонію впаденіе учинить; и хотя его прусское величество къ англійскому курьеру, оказывая наружную храбрость, о россійскомъ помощномъ войскѣ съ посмѣяніемъ и отзывался, однакожъ осязательно примѣтить можно, что внутренно стоящихъ въ Курляндіи россійско-императорскихъ войскъ страшится, дабы иногда въ Пруссіи диверсія учинена не была, инако бы при толь великихъ прогрессахъ съ такимъ менажементомъ въ Саксоніи понынѣ поступлено не было, но уповательно предвѣщаніе прусскаго оберъ-маршала Валленрота, учиненное саксонскому совѣтнику Саулю, что король его государь въ Саксоніи камня на камнѣ не оставитъ, городы деревнями сдѣлаетъ, а селы совсѣмъ запустошитъ, исполнить не преминулъ бы, чѣмъ ея и. в—ство какъ дрезденскій дворъ понемногу одолжить, такъ и додержаніемъ своего обязательства отличную себѣ въ свѣтѣ славу и кредитъ пріобрѣсти соизволила» [66]. Фридрихъ II самъ признается, что спѣшилъ покончить саксонскую войну съ цѣлію не допустить Россію до вмѣшательства въ нее; [67] но Мих. Петр. Бестужевъ, чтобъ побудить свой дворъ къ рѣшительному дѣйствію противъ Пруссіи, не толковалъ о *менажементѣ* Фридриха II относительно Саксоніи. Онъ писалъ 2 декабря: «Я крайнѣйше сожалѣю, что всегдашняя моя о такомъ прусскаго двора поступкѣ опасность нынѣ въ дѣйствѣ самомъ сбылась, а именно: что онъ, пока вашего и. в—ства со-

юзническое вспоможенie сюда дойдетъ, здѣшнiя земли вовсе разорить можетъ, и что онъ слѣдовательно понынѣ какъ притворными своими ласканiями, такъ и всякими хитрыми внушенiями токмо ваше и. в—ство усыпить и тѣмъ прямые свои дальновидные и зѣло опасные замыслы елико возможно скрыть старался. Немилосердо король прусскiй какъ отъ города Лейпцига такъ и отъ прочихъ крейзовъ (округовъ) къ крайнѣйшему подданныхъ разоренiю въ краткiе термины выписанныя несносныя контрибуцiи, подъ угроженiемъ огня и меча, требуетъ; всѣ королевскiя казны и денежные доходы забралъ и учрежденныхъ при оныхъ служителей себѣ присягать приневолилъ; неслыханнымъ между христiанами образомъ, природныхъ подданныхъ противъ собственнаго своего государя и отечества оружiе носить принуждаетъ; однимъ словомъ сказать, повсюду крайнѣйшее бѣдство и разоренiе причиняетъ».

Король прусскiй вступилъ въ Дрезденъ; Бестужевъ выѣхалъ въ Прагу, откуда доносилъ императрицѣ о рѣчахъ Фридриха II, публично сказанныхъ, что если Августъ III не поспѣшитъ примириться съ нимъ и не откажется отъ русской помощи, то онъ не оставитъ въ Саксонiи камня на камнѣ, прибавивъ къ этому, что во вѣки не забудетъ, что Россiя признала случай союза съ Саксонiею и не упуститъ отмстить за это съ своими союзниками: при этомъ онъ взглянулъ на шведскаго посланника.

Саксонiя принуждена была помириться; въ Дрезденѣ заключенъ былъ миръ между Австрiею, Пруссiею и Саксонiею: Австрiя подтверждала бреславскiй миръ, уступая Пруссiи Силезiю; Пруссiя признавала императоромъ Франца I-го, мужа Марiи Терезiи; разоренная Саксонiя должна была заплатить Фридриху II значительную сумму денегъ и оставить всѣхъ захваченныхъ имъ Саксонцевъ въ прусской службѣ. Графъ Брюль тутъ же объявилъ Бестужеву, что они не будутъ сохранять мира, заключеннаго съ ножомъ у горла. Бестужевъ, донося о причинахъ торжества Прусаковъ надъ Саксонцами, писалъ: «И того забывать не должно, что здѣсь съ самаго начала о движенiяхъ непрiятельскихъ и настоящихъ его силахъ никогда прямого извѣстiя не имѣли; напротивъ того, король прусскiй о малѣйшихъ и секретнѣйшихъ поступкахъ здѣшняго двора имѣлъ подробныя свѣдѣнiя». Подлѣ этихъ словъ канцлеръ Бестужевъ сдѣлалъ замѣ-

чаніе: «Всещедрый Боже да сохрани, чтобъ о здѣшнихъ предвоспріятіяхъ не свѣдалъ и не предупредилъ бы какъ и Саксонцевъ» [68]. Какія же это были предвоспріятія?

20 декабря, когда канцлеръ донесъ императрицѣ о взятіи Дрездена Прусаками и что король польскій просилъ о скорѣйшей диверсіи въ Пруссію она изъявила сожалѣніе о такомъ несчастіи Августа III-го, прибавивъ, что съ ея стороны сдѣлано все возможное и русскіе полки отправлены на помощь, но что дальше Курляндіи въ такое время года имъ идти было нельзя: «такъ какъ король прусскій, продолжала Елисавета, теперь часъ отъ часу все болѣе и болѣе усиливается, что и для здѣшней имперіи безопасно быть не можетъ, и такъ какъ надобно ожидать, что при настоящихъ обстоятельствахъ польскій король согласится на всякій миръ, какой только ему предпишетъ король прусскій, а послѣ объявитъ миръ вынужденнымъ и будетъ искать удовлетворенія, то и съ нашей стороны, по соглашенію съ королемъ польскимъ и дворомъ вѣнскимъ, можно будетъ дѣйствовать противъ короля прусскаго, чтобъ сколько возможно силы его сократить. Для такого случая надобно уже гораздо больше войска приготовить и теперь же велѣть ему собираться въ Лифляндіи и Эстляндіи, чтобы въ нужномъ случаѣ и съ одними своими силами можно было сладить съ королемъ прусскимъ.» Для надлежащаго объ этомъ разсужденія и распоряженія на счетъ войска Елисавета, завтрашній же день назначила быть при дворѣ совѣту.

21 декабря, къ 9 часамъ утра въ зимній ея импер. величества домъ собрались на совѣтъ: канцлеръ, графъ Бестужевъ—Рюминъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ аншефъ графъ Румянцевъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, генералъ-аншефы Бутурлинъ и князь Репнинъ, генералъ кригсъ-коммиссаръ Апраксинъ, тайные совѣтники—Черкасовъ, Юрьевъ и Веселовскій. Баронъ Черкасовъ объявилъ имъ указъ императрицы — подать свои мнѣнія по довольномъ разсужденіи и уваженіи такихъ критическихъ обстоятельствъ, что король прусскій не обративъ никакого вниманія на дружественнѣйшія отсовѣтованія со стороны ея величества и предложенія добрыхъ услугъ въ примиреніи его съ королемъ польскимъ, подъ предлогомъ предупрежденія своихъ непріятелей Австрійцевъ, сдѣлалъ нечаян-

ное впаденіе въ Саксонію, разорилъ все это курфюршество, взялъ столицу, плѣнилъ двоихъ принцевъ, однимъ словомъ всю Саксонію подвергнулъ своему игу. Какія надобно принять мѣры для возвращенія королю польскому его наслѣдственной земли, для удержанія его на польскомъ престолѣ и для сокращенія силъ короля прусскаго въ виду собственной безопасности россійской имперіи? За этимъ указомъ прочтена была особливая присяга о содержаніи секрета и подписана всѣми присутствующими. Потомъ начали слушать прежнія касавшіяся того же дѣла мнѣнія канцлера и вице-канцлера, протоколъ совѣта 19 сентября, рескрипты къ посламъ и реляціи ихъ, что продолжалось до половины 12 часа. Въ это время вошли въ залу засѣданія императрица, сѣла въ кресла и слушала разсужденія членовъ совѣта; разсужденія эти продолжались до двухъ часовъ и ничего еще не было рѣшено. Императрица встала и отправилась обѣдать, пригласивъ къ своему столу всѣхъ присутствующихъ. Послѣ обѣда въ 5 часовъ они всѣ опять собрались и занимались слушаніемъ относящихся къ дѣлу бумагъ до 11 часовъ, когда снова вошла императрица и съ полчаса разсуждала съ членами совѣта о томъ же дѣлѣ, послѣ чего члены совѣта разъѣхались. 23 числа было новое засѣданіе совѣта въ томъ же порядкѣ, и въ этомъ засѣданіи составилось единогласное мнѣніе; 24 числа это мнѣніе было написано, подписано и барономъ Черкасовымъ поднесено императрицѣ для утвержденія; 25-го въ 5 часовъ пополудни, императрица подписала мнѣніе совѣта въ присутствіи всѣхъ его членовъ въ аудіенцъ-каморѣ [69].

Мнѣніе состояло въ томъ, что необходимо подать дѣятельную помощь Саксоніи противъ Пруссіи. Спѣшили загладить прежнюю медленность, и Бестужевъ торжествовалъ. Онъ объявилъ Гиндфорду, что если морскія державы дадутъ Россіи немедленно шесть милліоновъ, то императрица выставитъ 100,000 войска и въ одну компанію кончитъ войну въ Германіи [70]. Дальонъ, еще до извѣстій о дрезденскомъ мирѣ, предложилъ канцлеру 50,000 рублей, и получилъ отказъ; Бестужевъ сдѣлалъ по этому случаю замѣтку для императрицы: «Когда Дальонъ прежде сулилъ двоекратно канцлеру полмиллиона ливровъ, то при этомъ никакихъ условій не предписывалъ; и несмотря на то оба раза былъ такъ отпотчиванъ, что удивительно, какъ онъ опять осмѣлил-

ся предложить 50,000 рублей съ условіемъ, чтобъ назначенныя на помощь курфюрсту саксонскому русскія войска остались безъ движенія въ Курляндіи» [71].

Мы видѣли, что дѣла въ Швеціи уже начали идти не такъ, какъ бы хотѣлось императрицѣ и какъ она могла надѣяться по отношеніямъ своимъ къ облагодѣтельствованному ею кронпринцу. Но если Адольфъ Фридрихъ полученіемъ наслѣдства шведскаго престола былъ обязанъ Елисаветѣ, то дѣйствительно получить престолъ по смерти дряхлаго короля онъ надѣялся только пріобрѣтеніемъ популярности въ Швеціи, а популярность эту онъ не надѣялся пріобрѣсти, являясь предъ народомъ покорнымъ слугою Россіи. Вліяніе сильной характеромъ жены, сестры Фридриха II прусскаго всего болѣе содѣйствовало утвержденіе его въ этомъ взглядѣ на отношенія свои къ шведскому народу и Россіи.

Въ январѣ 1745 года Любрасъ доносилъ, что когда онъ увѣщевалъ наслѣднаго принца содержать всегдашнюю истинную дружбу и откровенность съ императрицею и великимъ княземъ, то Адольфъ Фридрихъ обнадеживалъ его, что не взирая на всѣ противныя внушенія, онъ постоянно будетъ держаться общаго интереса Швеціи и Россіи, будетъ поступать всегда съ согласія императрицы и ея наслѣдника, и что тѣхъ людей, которые совѣтуютъ ему противное, не признаетъ своими друзьями.» Надѣюсь, писалъ Любрасъ, что его высочество слово свое держитъ, хотя онъ постоянно окруженъ молодыми людьми, питающими совершенно противоположныя чувства. Я стараюсь посредствомъ малаго числа благонамѣренныхъ, имѣющихъ доступъ къ принцу, поддерживать въ немъ чувства, соотвѣтствующія его собственному интересу.»

Любрасъ доносилъ императрицѣ, что въ Стокгольмѣ уже готовъ проектъ союзнаго договора съ Россіею; а секретарь посольства Черневъ писалъ къ канцлеру Бестужеву: «Мнѣ отъ одного моего пріятеля въ крайнѣйшей конфиденціи сообщено, какъ здѣшняя наслѣдная принцесса недавно получила письмо отъ брата своего, прусскаго короля, въ которомъ онъ проситъ приложить все стараніе о скорѣйшемъ заключеніи оборонительнаго союза между Швеціею и Пруссіею съ гарантіею Верхней и Нижней Силезіи и дачею отъ 6 до 8,000 шведскаго войска, также

проситъ помогать министру императора Карла VII, въ чемъ принцесса и обнадежила своего брата. Принцесса обо всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ королю прусскому подробно сообщаетъ, будучи руководима въ своихъ поступкахъ здѣсь графомъ Тессиномъ, который съ женою своею, родственниками и креатурами находится у нея въ великой милости; но такъ какъ Тессинъ коварный человѣкъ и врагъ Россіи, то не вышло бы изъ этого какихъ-нибудь вредныхъ слѣдствій.» Русскій дворъ потребовалъ, чтобъ переговоры о заключеніи союза происходили въ Петербургѣ, а не въ Стокгольмѣ, и поэтому случаю Черневъ писалъ Бестужеву: «Статсъ-секретарь Нолкенъ очень недоволенъ, что переговоры о союзѣ продолжаются не въ Стокгольмѣ, и приписываетъ это вашему высоко-графскому сіятельству; но это очень полезно сдѣлано, ибо этимъ его неописанному шпильничеству лучшіе способы вовсе пресѣчены. Король очень недоволенъ поступками кронъ-принцессы, которая вмѣшивается въ государственныя дѣла и персонально очень пренебрегаетъ его величествомъ. Въ слѣдствіе своего чрезвычайнаго честолюбія она неусыпно старается установить здѣсь самодержавіе и надѣется достигнуть своей цѣли съ помощію Франціи и Пруссіи; поэтому не только покровительствуетъ франко-прусской партіи, но и старается ее усиливать, для чего учредили особый орденъ. Патріоты при дворѣ принимаются съ большою холодностію и, не имѣя себѣ никакой опоры, легко могутъ обезсилить: поэтому было бы очень полезно поддержать ихъ обнадеживаніемъ помощи изъ Россіи.» На это при докладѣ Бестужевъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Генералу Любрасу предписано всѣхъ патріотовъ обнадеживать и чрезъ нихъ недоброжелающихъ въ случающихся дѣлахъ, и особливо въ недопущеніи суверенства преодолѣвать. А онъ Любрасъ вмѣсто доброжелательныхъ, изъ противной партіи, а именно графа Гилленборга всевысочайшею милостію и конфиденціею безъ указа обнадежилъ.»

Императрица предупредила наслѣднаго принца, чтобъ не очень сближался съ Тессиномъ, и вдругъ узнаетъ, что наслѣдный принцъ сдѣлалъ Тессина своимъ оберъ-маршаломъ. Когда Любрасъ напомнилъ ему о предостереженіи, бывшемъ изъ Петербурга, то Адольфъ Фридрихъ отвѣчалъ, что имѣлъ случай удостовѣриться въ усердіи Тессина содѣйствовать всему, что кло-

нится къ утвержденію дружбы между Россіею и Швеціею; впрочемъ еслибы Тессинъ, паче чаянія, и обнаружилъ враждебныя намѣренія, то это нисколько не можетъ имѣть вліянія на чувства высокаго уваженія и благодарности, которыя онъ, наслѣдный принцъ до конца жизни будетъ питать къ императрицѣ. Послѣ этого разговора пришелъ къ Любрасу отъ наслѣднаго принца голштинскій совѣтникъ Гольмеръ и объявилъ, что принцъ долго медлилъ назначеніемъ Тессина, но принцесса съ членами франко-прусской партіи ни днемъ ни ночью не давали ему покою и такъ ему наскучили, что принужденъ былъ согласиться.

Между тѣмъ Черневъ, въ своей перепискѣ съ канцлеромъ, выставлялъ Любраса человѣкомъ неблагонадежнымъ, преданнымъ франко-прусской партіи. Такъ отъ 2 апрѣля онъ писалъ: здѣсь, исключая Минерву (наслѣдную принцессу) и главныхъ учителей епикурейской философіи, почти всѣ чуду морскому (Любрасу) скорѣйшаго возвращенія отсюда въ прежнее его жилище желаютъ, и если это случится, то антагонисты (т.-е. преданные Россіи люди) устроятъ хорошій праздникъ. Но самъ онъ, почитая это мѣсто за прямой соломоновкій Офиръ, ни малой охоты къ тому не показываетъ, особенно потому, что еще не освободился отъ своей жестокой болѣзни, которая его день и ночь терзаетъ, эта болѣзнь—*велико-посольская немощь.*» Черневъ при этомъ жаловался канцлеру, что ему «многія угрозы и зѣло чувствительнѣйшія разглашенія чинятся» [72]. Но еще 12 марта императрица, призвавъ къ себѣ канцлера, объявила ему: изъ открываемыхъ извѣстнымъ образомъ секретныхъ писемъ она усмотрѣла, что генералъ Любрасъ, будто по указу, обнадежилъ графа Гилленборга въ ея милости и совершенной довѣренности, о чемъ ему и никому никогда повелѣнія не было; кромѣ того онъ обнадежилъ Гилленборга и совершенною дружбою канцлера. Все это онъ сдѣлалъ самовольно, и въ разсужденіи такихъ его продерзостныхъ, равно какъ и прочихъ его сомнительныхъ поступковъ, она приказываетъ пріискать на его мѣсто способнаго человѣка и отправить посланникомъ въ Швецію, а его Любраса отозвать [73]. Бестужевъ указалъ на Корфа, бывшаго посланникомъ въ Копенгагенѣ.

Шведскій посланникъ въ Петербургѣ Цедеркрейцъ объявилъ, что его правительство согласно на заключеніе союза съ услові-

емъ субсидій и уплаты обѣщанныхъ 400,000 рублей. Канцлеръ, разумѣется, поднесъ императрицѣ на утвержденіе отвѣтъ съ отказомъ. Елисавета сначала согласилась отказать, говоря, что дѣйствительно субсидій давать не зачто, да и въ обычай этого вводить отнюдь не надобно; но потомъ перемѣнила мысли: развѣ уже дать имъ 400,000 чтобъ не выпустить ихъ изъ рукъ? но дать не вдругъ, а въ нѣсколько лѣтъ, смотря между тѣмъ на ихъ поступки и обстоятельства, и чтобъ дача эта не имѣла вида субсидій, а признавалась бы только благодѣяніемъ, но и объ этомъ до времени молчать. Канцлеръ замѣтилъ, что ненадобно Шведамъ русскими деньгами на Россію же подавать оружіе, лучше ихъ содержать во всегдашней скудости, чѣмъ обогащать. Но Елисавета осталась при своемъ. 4 апрѣля въ домѣ вице-канцлера происходила конференція съ Цедеркрейцемъ, при которой сама императрица присутствовала инкогнито. Цедеркрейцъ не соглашался на союзъ безъ уплаты 400,000 рублей. По окончаніи конференціи Елисавета объявила, что соизволяетъ уплатить 400,000 рублей въ четыре года, чтобъ не порвать дѣло о союзѣ, но повторила, чтобъ дачу эту не признавать за должную по прежнему обѣщанію, а только слѣдствіемъ благодушія и склонности ея къ дружбѣ съ Швеціею по случаю новаго союза съ этою державою.

Въ маѣ въ Стокгольмѣ получено было извѣстіе, что въ Петербургѣ принятъ союзный договоръ и согласились платить субсидіи на четыре года, по 100,000 рублей ежегодно, но съ тѣмъ, чтобъ дача этихъ субсидій содержалась въ секретѣ. Это условіе всѣхъ удивило: зачѣмъ скрывать то, что могло бы произвести на шведскій народъ благопріятное впечатлѣніе? Между тѣмъ прусскія побѣды радовали членовъ франко-прусской партіи; кронпринцесса показывала Любрасу письмо брата: «Я искалъ непріятелей и, нашедши, напалъ на нихъ и совершенно побилъ, иначе въ день Ульрики и случиться не могло; всѣ принцы въ добромъ здоровьѣ, войска мои преслѣдуютъ непріятеля, и я, обнимая васъ, сбираюсь къ нимъ ѣхать.» Король при этомъ извѣстіи, обнаруживалъ совершенное равнодушіе, не зная, какую сторону принять; но прусская партія недовольствовалась равнодушіемъ, и Черневъ въ началѣ іюня писалъ канцлеру: «Приверженцы Франціи и Пруссіи стараются всѣми силами уговорить

короля ѣхать въ Германію, ибо во время его отсутствія правленіе поручится коронному наслѣднику, который будетъ имѣть тогда въ Сенатѣ три голоса и, по горячей привязанности къ женѣ и по коварнымъ совѣтамъ графа Тессина, будетъ содѣйствовать исполненію ихъ плановъ. Однимъ словомъ, писалъ Черневъ, здѣшнее положеніе дѣлъ часъ отъ часу становится серьознѣе и требуетъ бдительной осторожности.» Такого рода извѣстія заставили императрицу написать наслѣдному принцу 6 іюля такое письмо: «Свѣтлѣйшій кронъ-принцъ, дружебно-любезный племянникъ! Колико я во всемъ томъ, что до вашего королев. высочества касаться могло, интересовалася, и какъ лучшую вашу пользу поспѣшествовать рачительно искала, о томъ, уповаю, вы сами больше нежели кто удостовѣрены. Мои о вашемъ королевскомъ высочествѣ сентименты какъ всегда единственно въ виду имѣли ваше благополучіе, такъ нынѣ безотмѣнны, наиглавнѣйше о вашемъ постоянномъ благосостояніи усердствуя. Онымъ бы ущербъ причиненъ былъ, когдабъ я не такъ откровенно съ вами изъяснялася, какъ существительный вашъ интересъ натурально научаетъ, и я по ближнему свойству обязанною къ тому себя признаваю. И тако я скрыть отъ васъ не хощу, что отъ нѣкотораго времени слышу, какимъ образомъ ваше королев. высочество всю вашу довѣренность на такихъ людей положили, кои, какъ извѣстно, во время вашего на рейхсдагѣ обиранія, толь явно о биркенфельдскомъ князѣ труды прилагая, всѣми удобовозможными образы хотѣли мои старанія ни во что обратить, слѣдовательно же ваше возвышеніе недопустить, и нынѣ прилежать и все то непрестанно своими вымышленіями вселять стараясь, ежебы ваше королев. высочество отъ меня отдалить могло. По такомъ опытѣ ихъ доброжелательства всѣ употребляемыя отъ нихъ ласкательства не инако, но за скрытныя хитрости справедливо признаваемы быть имѣютъ, якоже какъ о томъ сюда подтвердительное извѣстіе подано, не для чего, но вамъ во вредъ между королемъ и вашимъ королев. высочествомъ холодность воспричинствовали и вашу ко мнѣ вначалѣ оказанную конфиденцію умалили. А притворными своими происками въ Швеціи суверенство возставить и показаніемъ легкихъ вамъ къ тому способовъ ищутъ, обнадежась вашею къ себѣ довѣренностію, шведскій народъ толико о своей вольности

и нынѣшней формѣ правительства ревнующій противу васъ возбудить, и тѣмъ коварства свои соверша, толь легче давнаго ихъ злаго намѣренія къ невозвратному вашему предосужденію достигнуть. Сія вѣдомость мнѣ къ особливому и толь большему объ васъ сожалѣнію и возчувствованію касается, ибо сверхъ предвидѣнія тѣхъ крайностей, каковымъ ваше королев. высочество желаніемъ абсолютства при нарушеніи правъ цѣлаго народа, которому непремѣнное оныхъ додержаніе торжественно обѣщали, себя неминуемо подвергнете, я даже до наимнѣйшаго вида убѣжать хощу, того мнѣнія, которое легко каждому придетъ и въ существѣ отъ моего намѣренія весьма далеко отстоитъ, будтобы я въ томъ какое-либо соучастіе имѣю, понеже какъ всегда думала, такъ и нынѣ со основаніемъ нахожу, что главнѣйшій поступковъ вашихъ предметъ въ томъ состоять имѣетъ, дабы благосклонность его величества короля и любовь тѣхъ подданныхъ, надъ коими вы въ свое время при сохраненіи ихъ вольности правительствовать станете, удобовозможно къ себѣ культивировать, оныя генерально привлекать и радѣтельныхъ сыновъ о благѣ своего отечества вашею милостію и конфиденціею удостоивать. Что же касается до меня, и ожидаемаго за прошедшее признанія, о томъ и упоминать излишно для того, что само въ себѣ дѣло добровольное, будучи опытовъ о моемъ къ вамъ усердіи довольно, и ваше королев. высочество истину того сами впредь лучше учувствовать, якоже при всякомъ случаѣ спознать изволите, что дружба моя къ шведской коронѣ по своей нелицемѣрности всѣмъ другимъ какія бъ ни были предпочтительна, да и сіе мое конфидентное изъясненіе и совѣтъ имѣютъ васъ наипаче и вяще удостовѣрить о той искренности, съ каковою навсегда пребуду вашего королев. высочества и любви дружебно-охотная тетка Елисаветъ».

Наслѣдный принцъ отвѣчалъ устно Любрасу обычными увѣреніями въ своей признательности къ императрицѣ—благодѣтельницѣ, и долго думалъ, сообщить ли Сенату увѣщательную грамоту благодѣтельницы; наконецъ рѣшился сообщить, ибо если бы какимъ-нибудь образомъ разнесся слухъ о грамотѣ, въ которой говорилось о самодержавіи, то принцу было бы это очень предосудительно. 5 Августа принцъ объявилъ Сенату о грамотѣ съ увѣреніями, какъ онъ далекъ отъ тѣхъ намѣреній, какія при-

писываютъ ему его непріятели и съ просьбою подать ему совѣтъ. Сенаторы поблагодарили принца за довѣріе, а графъ Тессинъ подалъ письменное оправданіе. Послѣ этого въ сенатѣ принято было рѣшеніе, чтобы принцъ засвидѣтельствовалъ русской императрицѣ свою благодарность за довѣріе и благожелательное увѣщаніе; сенаторы объявили, что въ этомъ дѣлѣ надобно поступать съ большою осторожностію и правдою, чтобъ не было возбуждено холодности между Россіею и Швеціею; положили также совѣтоваться, какъ лучше отнять у императрицы причины къ подозрѣнію. Отвѣтная грамота отъ кронъ-принца къ императрицѣ была сочинена въ Сенатѣ. Кромѣ того Адольфъ Фридрихъ имѣлъ устное объясненіе съ Любрасомъ, просилъ, чтобъ императрица продолжала къ нему свою милость и откровенную дружбу. «Я, говорилъ принцъ, могу своею совѣстью обнадежить (тутъ у него навернулись слезы на глазахъ), что всегда буду поступать такъ, чтобъ отдать отвѣтъ предъ Богомъ и ея импер. величествомъ, которую одну за все свое счастіе долженъ благодарить. Беру смѣлость испрашивать у ея величества два пункта: 1) чтобъ императрица никакимъ противнымъ внушеніямъ не вѣрила до тѣхъ поръ, пока не получитъ ясныхъ доказательствъ противъ меня; 2) чтобъ при всякомъ случаѣ изволила объявлять мнѣ точно свою волю, которую я и буду стараться исполнять.

Въ началѣ октября Любрасъ донесъ, что какъ скоро получена была изъ Петербурга ратификація союзнаго договора между Россіею и Швеціею, такъ сейчасъ же прусскій посланникъ объявилъ предложеніе своего короля заключить оборонительный союзъ между Швеціею и Пруссіею, и получилъ отвѣтъ, что король очень радъ союзу, но что по этому дѣлу надобно открыться Россіи, какъ державѣ, находящейся въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціею и заинтересованной въ сохраненіи тишины на Сѣверѣ. Любрасъ доносилъ, что только можно подъ рукою препятствовать переговорамъ о союзѣ. Ему нужно было обезсиливать внушенія членовъ прусской партіи, которые толковали, что Россія будетъ очень охотно смотрѣть на союзъ Швеціи съ Пруссіею, потому что императрица, не смотря на старанія разныхъ дворовъ, постоянно держится прусской стороны. Противъ этого Любрасъ внушалъ, что Россія въ отношеніи къ Пруссіи соблюдаетъ только внѣшнюю учтивость, но никакъ не даетъ усыпить себя компли-

ментами, никакъ не согласится содѣйствовать усиленію безпокойнаго и властолюбиваго сосѣда. Только 18 ноября рѣшено было назначить коммиссаровъ для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ о союзѣ; король, объявивъ объ этомъ Любрасу, прибавилъ: «Посланникъ мой мнѣ далъ знать изъ Петербурга, что тамъ дурно смотрятъ на союзъ между Швеціею и Пруссіею; но это будетъ только простой дружественный договоръ, и я никогда не допущу, чтобъ было что-нибудь постановлено противъ интересовъ или видовъ императрицы; только бы ея величество конфиденцію ко мнѣ имѣть изволила, повелѣла свободно и чистосердечно изъясниться, чего она желаетъ.» Король дѣйствительно не разъ говорилъ въ Сенатѣ, что надобно всѣ хитрости отложить въ сторону и во всѣхъ дѣлахъ поступать истинно и откровенно съ русскою императрицею, какъ ихъ надежнѣйшею союзницею. Не смотря на то члены прусской партіи пересиливали въ министерствѣ: такъ *патріоты* настаивали, чтобъ не назначать особливой коммиссіи для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, пусть прямо сносится съ министрами и черезъ нихъ съ королемъ: и однако коммиссары были назначены и именно изъ людей преданныхъ Пруссіи. Любрасъ писалъ: «Такъ какъ вслѣдствіе успѣховъ оружія Фридриха II прусская партія чрезвычайно усиливается, то доброжелательные очень унываютъ и прекословіемъ своимъ не смѣютъ выставиться. Они мнѣ прямо говорятъ, что если ваше величество не выскажитесь рѣшительно противъ прусскаго союза, то они препятствовать ему не будутъ въ состояніи и навсегда погибнутъ, старики уѣдутъ въ деревни и остатокъ жизни будутъ проводить въ уединеніи, а дѣти ихъ принуждены будутъ уступить силѣ.» Въ декабрѣ Сенатъ постановилъ весь проектъ прусскаго союзнаго договора, со всѣми подробностями сообщить русской императрицѣ. Въ виду всѣхъ этихъ движеній франко-прусской партіи, которая дѣятельно приготовлялась къ будущему сейму подкупами, замѣщеніемъ вакантныхъ мѣстъ своими членами и привлеченіемъ къ себѣ большей части людей, окружающихъ кронъ-принца, Бестужевъ представилъ императрицѣ: «Какъ Шведы Датчанъ злостно ни мараютъ, то не взирая на то канцлеру необходимо потребно быть видится съ Даніею безъ потерянія времени оборонительный союзъ возобновить, который противъ Шведовъ Россіи не меньше

полезенъ быть можетъ, какъ аліанція королевы венгерской, какъ она нынѣ ни разорена и ни разграблена, противъ короля прусскаго, и потому здравая политика требуетъ заключеніемъ оныхъ обоихъ какъ возможно спѣшить. Ея императорское величество уже давно о слабѣйшемъ канцлеровомъ мнѣніи всевысочайше извѣстна, чтобъ ко времени начатія сейма камергера Корфа изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, а на его мѣсто за неимѣніемъ въ датскомъ дворѣ великой нужды камергера Пушкина послать; на генерала же Любраса въ такомъ важномъ обстоятельствѣ, каковъ онъ искусенъ ни есть, хотя онъ повидимому прежнюю свою систему отмѣнять начинаетъ, совершенно положиться никоимъ образомъ невозможно, будучи ея импер. величеству довольно памятно, какими персонами онъ рекомендованъ, и что онъ, яко урожденный Шведъ, всегда явнымъ французскимъ и прусскимъ партизаномъ былъ. Напротивъ же того вышепомянутый камергеръ Корфъ при всякомъ случаѣ похвальную ревность и вѣрность къ службѣ ея импер. величества оказывалъ, неупоминая объ особливомъ его въ дѣлахъ искусствѣ» [74].

Ревность и вѣрность Корфа обнаружилась не въ одномъ Копенгагенѣ. Лѣтомъ онъ отправился въ Киль для устройства голштинскихъ дѣлъ. Герцогъ голштинскій, великій князь наслѣдникъ Петръ Ѳедоровичь былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, въ слѣдствіе чего прежняя администрація, во главѣ которой все еще считался дядя герцога, наслѣдный принцъ шведскій, должна была прекратиться. Корфъ писалъ императрицѣ, что безъ умиленія видѣть нельзя, какую преданность оказываютъ голштинцы своему земскому государю, и хотя шляхетство явно не смѣетъ выражать своихъ чувствъ, опасаясь Датчанъ, однако тайкомъ заявляетъ такую же преданность. Всѣ о прежней администраціи говорятъ не иначе, какъ о разорительномъ и тяжкомъ игѣ, отъ котораго теперь избавились, впрочемъ виноватымъ считаютъ не администратора, а Гольмера, Плессена и другихъ второстепенныхъ людей, говорятъ, что они старались лишить великаго князя земель и людей. Когда великій князь садился въ коляску, при выѣздѣ изъ Киля въ Петербургъ, то Гольмеръ, трепля по плечу надворнаго канцлера Вестфалена, говорилъ: «Слава Богу! онъ уѣхалъ и мы его болѣе не увидимъ». Администраторская партія приведена въ уныніе нечаяннымъ объ-

явленіемъ совершеннолѣтія герцогова, котораго они вовсе не считали такъ близкимъ. Госпожа Брокдорфъ, принадлежавшая къ администраторской партіи, увѣряла сначала, что Корфъ пріѣхалъ въ Киль вовсе не для провозглашенія совершеннолѣтія герцога; но когда кильскій баталіонъ былъ собранъ на площади приведенъ къ присягѣ и три раза выпалилъ изъ ружья съ крикомъ виватъ, то она, всплеснувъ руками, сказала: «Боже мой, что это въ Петербургѣ дѣлается! графъ Брюммеръ еще на последней почтѣ ко мнѣ писалъ, что о совершеннолѣтіи ничего не упоминалось, и боюсь, что надежда его получить званіе намѣстника не сбудется». Ни одинъ доброхотъ администратора не сдѣлалъ Корфу ни малѣйшаго привѣтствія, не выразилъ никакой радости, что герцогъ самъ принимаетъ правленіе, какъ будто всѣ сговорились другъ съ другомъ. Радость противной стороны была уменьшена разглашеніемъ той же Брокдорфъ, что Брюммеръ можетъ быть назначенъ намѣстникомъ. Люди благонамѣренные говорили Корфу, что если управленіе страною будетъ поручено частному человѣку, кто бы онъ ни былъ, то это очень повредитъ интересамъ великаго князя, потому что этотъ человѣкъ будетъ находиться подъ вліяніемъ то шведскихъ, то датскихъ интригъ, и будетъ безнаказанъ, потому что въ случаѣ неудовольствія на него въ Россіи, можетъ перейти сейчасъ же въ датскую службу.

По мнѣнію Корфа штатгалтеромъ въ Голштинію необходимо было назначить принца крови, именно принца Августа, качества котораго одинаково превозносятъ и шляхетство и горожане, а помощникомъ ему опредѣлить надворнаго канцлера Вестфалена по его опытности въ дѣлахъ, за которую онъ можетъ быть названъ живымъ архивомъ; главные недостатки Вестфалена — боязливость и нерѣшительность не будутъ вредить, когда штатгалтеромъ будетъ не частный человѣкъ, а принцъ, и именно такой проницательный и бодрый, какъ принцъ Августъ. Корфъ писалъ, что по вопросу объ устройствѣ новаго правительства въ Килѣ нѣтъ недостатка въ конференціяхъ и совѣщаніяхъ, которыя клонятся къ тому, чтобъ удержать на мѣстахъ приверженцевъ прежней администраціи. Большіе съѣзды бываютъ у госпожи Брокдорфъ; эти съѣзды подозрительны тѣмъ, что въ нихъ участвуетъ слуга Даніи — камергеръ Бухвальдъ. Инте-

ресъ великаго князя, по мнѣнію Корфа, требовалъ, чтобъ разомъ пресѣчь иностранныя интриги и удалить отъ дѣлъ всѣхъ приверженцевъ прежней администраціи, потому что если они предпочли наслѣдника шведскаго престола великому князю, то надобно опасаться, что они и впредь не оставятъ прежнихъ своихъ связей. Голштинскіе финансы, по донесенію Корфа, находились въ самомъ жалкомъ положеніи: во время администраціи нажито было слишкомъ 200,000 ефимковъ новыхъ долговъ, прибавилось на 192,000 ефимковъ чрезвычайныхъ расходовъ. Жидъ Мусафія, посредствомъ котораго дѣлались займы, скрылся, какъ скоро объявлено было о совершеннолѣтіи великаго князя. Расходъ 1745 года превосходилъ доходы на 241398 рейхсталеровъ, кредитъ совершенно упалъ и для поправленія дѣлъ требуется помощь русской государыни.

Корфъ переслалъ императрицѣ полученную имъ въ Килѣ записку неизвѣстнаго автора о дурномъ воспитаніи великаго князя Петра Ѳедоровича вовремя бытности его въ Голштиніи. Здѣсь говорится, что ребенокъ часто долженъ былъ дожидаться кушанья до двухъ часовъ пополудни, и съ голоду охотно ѣлъ сухой хлѣбъ, а когда пріѣдетъ Брюммеръ и получитъ дурные отзывы учителей, то начиналъ грозить строгими наказаніями послѣ обѣда, отъ чего ребенокъ сидѣлъ за столомъ ни живъ, ни мертвъ, и оттого послѣ обѣда подвергался головной боли и рвотѣ желчью. Ребенка держали точно за карауломъ, такъ что и въ прекрасную лѣтнюю погоду едва позволяли имѣть движеніе на свѣжемъ воздухѣ, вмѣсто того заставляли быть два раза въ недѣлю на вечерахъ съ шести часовъ, а въ лѣтніе дни вмѣсто прогулокъ играть въ кадрилью съ дочерью госпожи Брокдорфъ: такимъ образумъ до 6 часовъ его заставляли учиться, отъ 6 до 8 играть въ кадрилью съ дочерью Брокдорфъ, а въ 8 ужинъ и потомъ спать. Великій князь говаривалъ: «Я увѣренъ, что они хотятъ меня сдѣлать профессоромъ кадрильи, а другого ничего мнѣ знать не надобно.» Однажды великій князь въ ассамблейный день былъ сильно нездоровъ, и несмотря на то, Брюммеръ заставлялъ его идти въ ассамблею; докторъ Лишвицъ представлялъ, что у ребенка лихорадка; но Брюммеръ не смотрѣлъ ни на какія представленія, толковалъ, что одна знатная дама, родственница госпожи Брокдорфъ, нарочно пріѣхала въ Киль чтобъ

видѣть великаго князя. Такимъ образомъ полумертвый принцъ, несмотря на свою болѣзнь и прекословіе лейбъ-медика, принужденъ былъ одѣваться, чтобъ показать себя свойственницѣ госпожи Брокдорфъ. Тутъ наконецъ Лишвицъ сказалъ: «Если вамъ, господинъ Брюммеръ, угодно пожертвовать принцемъ, то мнѣ до него уже больше дѣла нѣтъ.» Эти слова произвели то, что герцога на этотъ вечеръ пощадили отъ ассамблеи. Всѣ были увѣрены, что Брюммеръ не питалъ къ принцу ни малѣйшей любви. Это было видно изъ такихъ, напримѣръ, словъ его, обращаемыхъ къ воспитаннику: «Я васъ такъ велю сѣчь, что собаки кровь лизать будутъ; какъ бы я былъ радъ, еслибъ вы сейчасъ же издохли.» Обыкновенныя наказанія были: стояніе голыми колѣнами на горохѣ, ношеніе книгъ, привязываніе къ столу и къ печи, сѣченіе розгами и хлыстомъ. Незадолго передъ отъѣздомъ въ Россію, въ то время, какъ придворные кавалеры обѣдали, молодой герцогъ, имѣя на шеѣ нарисованнаго осла и въ рукѣ розгу, смотрѣлъ на обѣдъ изъ своей спальни, двери въ которую были отворены. Молодой человѣкъ, именемъ Тиренъ, родственникъ госпожи Брокдорфъ, во время ярмарки сильно напился; молодой герцогъ найдя знаки его пьянства въ ассамблейномъ залѣ, сказалъ его родственницѣ, фрейлинѣ Блюменъ, дочери Брокдорфъ, чтобъ она уговорила Тирена уйти домой. Фрейлина отвѣчала герцогу, что онъ не смѣетъ ей приказывать, не смѣетъ никого высылать вонъ, все это принадлежитъ оберъ-гофъ-маршалу, которому она и будетъ жаловаться. Молодой герцогъ обратился къ одной знатной дамѣ, госпожѣ Боркгорстъ съ просьбою сходить къ госпожѣ Брокдорфъ и потребовать, чтобъ она сдѣлала выговоръ своей дочери, а въ случаѣ несогласія сказать ей, чтобъ она и дочь ея впредь не являлись при дворѣ. Боркгорстъ исполнила порученіе, но Брокдорфъ вмѣсто выговора своей дочери, пожаловалась Брюммеру, который совершенно находился подъ ея вліяніемъ, и Брюммеръ приговорилъ наказать молодаго герцога хлыстомъ, а послѣ наказанія заставить его просить прощенія у госпожи Брокдорфъ. Мало того, что Брюммеръ выказывалъ такимъ образомъ въ Килѣ свою антипатію къ молодому герцогу, внѣ Голштиніи, въ Ганноверѣ и Пирмонтѣ онъ разславлялъ, что этотъ принцъ есть вмѣстилище всѣхъ пороковъ. Однажды въ ассамблеѣ, когда гер-

цогъ разговаривалъ съ камергеромъ Брокдорфомъ, неизвѣстно какимъ образомъ подкатилось къ его ногамъ яблоко, герцогъ, бывшій большимъ охотникомъ до фруктовъ, взялъ яблоко и положилъ въ карманъ; но Брокдорфу яблоко показалось подозрительнымъ, онъ почти силою вынулъ его изъ кармана у герцога; яблоко разрѣзали и нашли внутри чернымъ, бросили свиньямъ, свиньи издохли—ясно, что отрава, но Брюммеръ постарался затушить это дѣло. Французскій учитель Миле говорилъ о Брюммерѣ, что онъ способенъ лошадей обучать, а не принца воспитывать. Этотъ Миле представлялъ Брюммеру, что его присутствіе необходимо при урокахъ герцога, что при другихъ дворахъ воспитатели принцевъ постоянно присутствуютъ при ихъ урокахъ; на это Брюммеръ со смѣхомъ отвѣчалъ, что онъ не столько получаетъ вознагражденія, какъ воспитатели другихъ принцевъ. Впрочемъ Брюммера можно оправдать тѣмъ, что будучи съ малолѣтства въ военной службѣ, онъ не имѣлъ ни о чемъ понятія; при урокахъ верховой ѣзды онъ присутствовалъ, ибо понималъ дѣло, будучи кавалеристомъ. При жизни покойнаго герцога къ сыну его былъ приставленъ легаціонъ-ротъ Рихардъ для обученія русскому языку; но какъ скоро старый герцогъ умеръ, Брюммеръ сейчасъ же уволилъ Рихарда, говоря: «Этотъ подлый языкъ пригоденъ только собакамъ да рабамъ,» и вообще съ малолѣтства внушалъ молодому герцогу отвращеніе къ русскому народу. Нолькенъ пригласилъ Брюммера въ Висмаръ и тамъ сдѣлалъ ему такое предложеніе, что если захотятъ молодаго герцога послать въ Швецію, то Шведы готовы его провозгласить русскимъ императоромъ въ своей арміи, стоящей на русскихъ границахъ. Брюммеръ принялъ предложеніе съ радостію, и шведская поѣздка состоялась бы, еслибъ въ голштинскомъ совѣтѣ не нашелся человѣкъ, который догадался, что Шведы въ этомъ дѣлѣ руководятся только собственнымъ интересомъ, стараются возбудить въ Россіи распри и несогласія и хотятъ употребить герцога голштинскаго въ Россіи, какъ Французы употребляютъ претендента въ Англіи [75].

Желаніе Корфа т. е. Бестужева было исполнено: принцъ Августъ былъ назначенъ штатгалтеромъ въ Голштинію. Было исполнено наконецъ и другое желаніе Бестужева: Корфъ былъ назначенъ на мѣсто Любраса въ Швецію, чтобъ успѣшнѣе про-

тиводѣйствовать тамъ прусско-французскому вліянію. Французскому вліянію нужно было противодѣйствовать также и на противоположномъ концѣ Европы, въ Константинополѣ.

Здѣсь дѣло русскаго посланника облегчалось тѣмъ, что Турція была въ войнѣ съ Персіею. Предвѣщаніе русскихъ дипломатовъ, находившихся при шахѣ Надирѣ, исполнилось: побѣдитель Великаго Могола не могъ ничего сдѣлать Лезгинцамъ, и съ радостію долженъ былъ схватиться за предлогъ окончить тяжкую и безславную борьбу, начавши новую войну, болѣе легкую и выгодную. Шахъ-Надиръ спѣшилъ помочь арабскимъ племенамъ, жившимъ близь Бассоры и отложившимся отъ турецкаго султана; Надиръ вошелъ также въ сношенія съ измѣнившимъ султану багдадскимъ губернаторомъ Ахмедъ-пашою. Персидскія войска двинулись къ Бассорѣ и Багдаду, и война съ Турціею началась, къ великому прискорбію Франціи и ея союзниковъ. Прямо втянуть Порту въ европейскую войну для отвлеченія австрійскихъ и русскихъ силъ было нельзя, и потому придумали заставить султана предложить свое посредничество въ примиреніи европейскихъ державъ — дѣло небывалое, постыдное для христіанскихъ государствъ и не принесшее никакой пользы.

Въ началѣ февраля Вешняковъ доносилъ, что приходилъ къ нему переводчикъ Порты и, по христіанской преданности и ревности, объявилъ о полученіи султаномъ письма отъ короля французскаго, который настоятельно требуетъ турецкой помощи: непріятели Франціи дѣлаютъ къ будущей кампаніи такія приготовленія, что силъ къ сопротивленію у нея можетъ недостать, и если непріятели Франціи возьмутъ верхъ, то Порта почувствуетъ гибельныя слѣдствія этого. Если короли французскій и прусскій, за пріязнь свою къ другу Порты, императору германскому, потерпятъ пораженіе, то равновѣсіе въ Европѣ низпровергнется, ибо тогда австрійскій домъ съ своими союзниками оттоманскую имперію безпрепятственно раздѣлятъ и съ большею частію Европы подчинятъ своему игу. Королю извѣстно, что теперь сама Порта обременена персидскою войною, и потому онъ проситъ у султана не явнаго содѣйствія, но посредничества для прекращенія войны европейской. — По поводу этого письма было составлено много проектовъ; фран-

цузскій посланникъ Пейсонель и шведскій Карлсонъ вмѣстѣ съ Бонневалемъ имѣли съ министрами Порты частыя конференціи, причемъ Карлсонъ дѣйствовалъ какъ уполномоченный прусскаго короля, превозносилъ его силу и толковалъ, какъ Портѣ нужно пріобрѣсть дружбу Пруссіи, которая, вмѣстѣ съ Швеціею, можетъ сдерживать русское могущество. Доказательствомъ служитъ нынѣшняя кампанія: не смотря на угрозы со стороны Россіи, прусскій король предпринялъ войну противъ венгерской королевы и велъ ее съ успѣхомъ; кромѣ того нанесъ Россіи ударъ въ Польшѣ разрушеніемъ сейма, на которомъ русскія партизаны настаивали на необходимость помочь вѣнскому двору противъ Франціи и Пруссіи. Такими внушеніями заставили Порту рѣшиться предложить воюющимъ державамъ свое посредничество, при чемъ султанъ обѣщалъ вступить въ европейскую войну, если получится возможность къ тому со стороны Персіи. Неучаствующимъ въ войнѣ державамъ Порта предлагала помогать ей въ посредничествѣ.

Вешняковъ, давая знать своему двору объ этихъ движеніяхъ, внушалъ, что они не будутъ имѣть никакого важнаго послѣдствія, благодаря персидской войнѣ и разстройству внутреннихъ дѣлъ Порты. Онъ даже писалъ: »Отъ вашего и. в—ства зависитъ безъ крайнихъ усилій сіе злоехидное сонмище разорить и крестъ возстановить: кажется все къ тому промыслъ Божій предустроилъ и пріуготовилъ. Всѣ бѣдные православные христіане ждутъ избавленія отъ вашего и. в—ства; стоитъ только нынѣшнею осенью явиться въ расплохъ россійской арміи къ Дунаю съ запаснымъ оружіемъ, то она въ короткое время удесятерится: Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далмація, Черногорцы, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь въ одно время возьмутъ крестъ и побѣгутъ на помощь вашему и. в—ству; провіанта, фуража и денегъ нашлось бы чрезмѣрное количество. Европейскія державы, будучи въ распряхъ и всѣ истощены, помѣшать Россіи не въ состояніи. Теперь для этого такое удобное время, какого не бывало и впредь не будетъ. Я пишу это не отъ себя, но по представленію начальниковъ всѣхъ сихъ бѣдныхъ христіанъ; со слезами просятъ, что слибы хотя малый лучь надежды просіялъ, они бы уже все устроили, и къ нимъ бы пристала и большая часть

лучшихъ Турокъ, потому что множество между ними христіанъ, называющихся тринитаріями, т.-е. исповѣдниками св. Троицы: таковъ Кизляръ-ага и муфтій Есадъ-ефенди и множество другихъ; всѣ они только по наружности магометане и скучаютъ такою смутною бездною сего правленія; чернь была бы изгублена или покрестилась, ибо ея во всей Румеліи и пятой доли противъ христіанъ не будетъ.»

Въ концѣ мая Вешняковъ писалъ: «Недавно приходило ко мнѣ нѣсколько бѣдныхъ Молдаванъ, которые, пришедши въ крайнюю бѣдность отъ несказаннаго гоненія и грабежа правителей, принуждены были покинуть домы и бѣжать подъ покровительство вашего и. в—ства, какъ единственной ихъ законной государыни защитницы, но ихъ отогнали отъ русскихъ границъ, потому что пришли безъ паспортовъ, а сенатскій указъ запрещаетъ такихъ принимать; многіе ихъ братья смотрѣли на Россію, какъ на вѣрное убѣжище въ бѣдахъ; но теперь, услыхавъ, что въ Россію дорога закрыта, бѣгутъ въ Польшу, Трансильванію, вглубь турецкихъ владѣній въ Болгарію; я этихъ явившихся ко мнѣ отправляю на Донъ и считаю долгомъ представить, что такое запрещеніе произведетъ въ здѣшнихъ народахъ великую отмѣну въ древней и особенно нынѣшней ихъ склонности къ намъ: поэтому необходимо, если есть такой указъ, отмѣнить его и тайно повелѣть такихъ бѣглецовъ пропускать безшумно; можно быть увѣрену, что отъ нихъ никакого зла не будетъ; народъ промышленный и работящій могутъ размножиться и въ послѣдствіи великую пользу приносить; всѣ здѣшніе народы, особенно славные Далматы, Черногорцы, Маніоты, Сербы и Болгары, съ нами единородные и сходные жизнію, много возвеселятся и ободрятся и будутъ къ намъ бѣгать, особенно когда принимать ихъ будутъ ласково, будутъ давать имъ нѣсколько лѣтъ свободу отъ податей. Побѣжитъ къ намъ народу множество: ибо кто здѣсь смотритъ? какой здѣсь порядокъ? Кто запрещаетъ, кто даетъ паспортъ? все на гибель оставлено. Почему же вашему величеству не пользоваться собираніемъ расточаемаго сего стада, законно вамъ принадлежащаго? А Турокъ это привело бы въ большій страхъ, внушило большее къ намъ уваженіе.»

Вешняковъ не ограничился этими представленіями императрицѣ; онъ писалъ длинное письмо канцлеру, указывая на сильную

привязанность турецкихъ христіанъ, особенно Славянъ, къ Россіи; говорилъ, что лучшія ихъ рѣчи въ бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь. Въ послѣднюю войну бились о большіе заклады, что Русскіе побѣдятъ Турокъ и уже намѣревались пробираться къ русской арміи, еслибъ она явилась на Дунаѣ; не будучи въ состояніи скрывать своихъ чувствъ къ Россіи, они подвергались страшнымъ бѣдствіямъ и умирали съ именемъ Россіи на устахъ. Одинаковую привязанность оказываютъ Славяне къ Россіи какъ въ турецкихъ, такъ и венеціанскихъ областяхъ. Въ Турціи привязанность эта остается непоколебимою, несмотря на старанія Франціи пріобрѣсть любовь греческаго народа покровительствомъ, ласками, заведеніемъ школъ, даровою раздачею книгъ, употребленіемъ въ службу. Такая любовь ихъ къ намъ требуетъ взаимности. Россія должна подражать Испаніи и Франціи, которыя изъ политическихъ побужденій всюду такъ усердно помогаютъ своимъ единовѣрцамъ. Но у насъ Военная Коллегія пренебрегаетъ гусарскими и влахомолдавскими корпусами и въ 1743 году разослала пограничнымъ командирамъ указы не принимать турецкихъ христіанъ въ службу и не пропускать за границу безъ паспортовъ. Вешняковъ настаиваетъ на необходимость завести поселенія изъ турецкихъ христіанъ, что можно сдѣлать безъ нарушенія договора, ибо Турки принимаютъ своихъ единовѣрцевъ магометанъ, бѣгущихъ къ намъ изъ Россіи. Бояться Порты нечего, а надобно еще ей страху задать. Отъ безчеловѣчныхъ поступковъ валахскаго господаря Михаила болѣе 14,000 семействъ ушло въ австрійскія владѣнія, и вѣнскій дворъ ихъ принялъ, несмотря на то, что въ его договорѣ съ Портою есть условіе о непринимапіи бѣглыхъ; также поступаютъ Венеціане и Поляки, а Порта молчитъ. Въ заключеніе Вешняковъ указываетъ на выгоды для Россіи и Европы отъ разрушенія турецкой имперіи и основанія на ея мѣсто сильной христіанской державы: «Еслибъ какимъ-нибудь образомъ могло случиться, чтобъ это варварское сонмище, находящееся въ такомъ разслабленіи, искоренилось, подобно изгнанію Арабовъ изъ Испаніи: какая бъ отъ того произошла великая слава. ся импер.

величеству и какое было бы это спасительное дѣло! Мы пріобрѣли бы себѣ на многіе вѣка покой и несказанную пользу установленіемъ такой державы, которая безъ погибели своей не могла бы отстать отъ Россіи, по единству интересовъ и отдаленности границъ. Тогда бы много сократилась гордость австрійскаго дома; морскимъ державамъ было бы выгодно: Австрія была бы сохранена для обузданія Франціи, но та же самая Австрія былабы удержана отъ прежнихъ своихъ великихъ замашекъ. Такимъ образомъ европейское равновѣсіе зависѣлобы отъ Россіи да отъ этого новаго государства на Балканскомъ полуостровѣ.»

Это письмо было завѣщаніемъ Вешнякова. Въ іюлѣ онъ умеръ. Въ это время находился въ Константинополѣ пріѣхавшій съ депешами поручикъ Никифоровъ; іерусалимскій патріархъ Парѳеній и терапійскій митрополитъ Самуилъ говорили ему: «Донесите господамъ министрамъ, чтобъ для замѣны Вешнякова прислали сюда русскаго, умнаго, въ дѣлахъ бывалаго и надежнаго человѣка, такого какъ прежде былъ Неплюевъ, и чтобъ при немъ переводчики были русскіе же: Турки будутъ ихъ больше уважать, а Россіи вѣрнѣе и надежнѣе будетъ; они, патріархъ и митрополитъ и другіе доброжелатели Россіи будутъ тогда безопасно объявлять тайны, природный русскій этихъ тайнъ иностранцамъ открывать не посмѣетъ, и когда будутъ все Русскіе, тогда русскому двору честнѣе. Французы, Нѣмцы, Венеціане въ Константинополѣ какъ министровъ такъ и переводчиковъ, для чести и надежности, всегда своихъ имѣютъ. Находящіеся въ русской службѣ иностранцы хотя вѣрными и усердными себя показываютъ, а на самомъ дѣлѣ на пользу Россіи никогда не будутъ имѣть ревности, будутъ искуснымъ образомъ больше о своихъ интересахъ усердствовать; такихъ иностранцевъ какъ Турки, такъ и другіе недоброжелатели Россіи легко подкупить могутъ»[76].

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1746 годъ.

Веселости и печальныя происшествія въ Петербургѣ въ началѣ 1746 года.— Кончина Анны Леопольдовны. — Судьба брауншвейгской фамиліи. — Дѣятельность Сената.—Смоленская шляхта. — Финансовыя распоряженія. — Промышленность.—Старыя заботы о соли.—Усиленіе внѣшней торговли.—Столкновеніе бѣлгородскаго купечества съ Главнымъ Магистратомъ.—Ревизія.—Столкновеніе эстляндскихъ привилегій съ общими распоряженіями правительства.— Дѣла церковныя. — Отношенія Синода къ его оберъ-прокурору князю Шаховскому.—Дѣла внѣшнія.—Отношенія канцлера къ вице-канцлеру.—Возвращеніе графа Воронцова въ Петербургъ. — Холодность къ нему императрицы.—Денежныя затрудненія Бестужева. — Союзный договоръ съ Австріею. — Дѣла саксонскія и польскія. — Непріятности съ Пруссіею. — Дѣла шведскія. Дѣла датскія, турецкія и персидскія.

1746 годъ начался весело въ Петербургѣ. Особы первыхъ двухъ классовъ давали маскарады, на которыхъ присутствовала императрица; собирались въ шесть часовъ, играли въ карты и танцовали до десяти, когда императрица съ великимъ княземъ, великою княгинею и нѣсколькими избранными садилась ужинать; остальные ужинали стоя. Послѣ ужина опять танцовали до часу или двухъ пополуночи; хозяинъ не встрѣчалъ и не провожалъ никого, даже императрицу, кто сидѣлъ за картами, тѣ не вставали для нея. Но февраль начался непріятностями: на масляницѣ великій князь простудился на маскарадѣ, который былъ данъ на Смольномъ дворѣ. Ночью ему сдѣлалось дурно; императрицу разбудили: «Великій князь боленъ и опасно!» Она вскочила съ постели и прямо къ больному, котораго нашла въ сильномъ

жару. Въ день рожденія Петра Θедоровича (10 февраля) Елисавета пришла къ нему, и когда Брюммеръ, Бергхолцъ и гофмаршалъ Минихъ встрѣтили ее въ передней съ поздравленіями, то она отвѣчала со слезами на глазахъ, и на другой день изъ предосторожности велѣла пустить себѣ кровь. 11 февраля умеръ фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичь Долгорукій: Елисавета плакала на похоронахъ стараго слуги и опальнаго отцовскаго царствованія [77]; въ мартѣ пришло извѣстіе о кончинѣ принцессы Анны Леопольдовны.

Мы видѣли, что въ первое время вступленія своего на престолъ Елисавета хотѣла отправить брауншвейгскую фамилію за границу; но скоро начались внушенія и отъ своихъ и отъ чужихъ на счетъ опасности этой мѣры, внушенія, что державы враждебныя Россіи будутъ употреблять сверженнаго императора орудіемъ для нарушенія спокойствія императрицы и имперіи; эти внушенія были подкрѣплены дѣломъ Турчанинова, потомъ дѣломъ Лопухиныхъ, и несчастную фамилію остановили въ Ригѣ, потомъ начали удалять отъ западной границы и завозить внутрь Россіи и наконецъ завезли на бѣломорскую окраину. Мы видѣли, что съ брауншвейгскою фамиліею отправился генералъ Василій Θедоровичь Салтыковъ; но мимо его императрицѣ дали знать, что принцесса Анна бранитъ Салтыкова, а маленькій принцъ Іоаннъ, играя съ собачкою, бьетъ ее плетью, и когда его спросятъ: кому, батюшка, голову отсѣчешь? то онъ отвѣчаетъ: Василью Θедоровичу. Елисавета въ раздраженіи писала Салтыкову: «Буде то правда, то намъ удивительно, что вы намъ о томъ не доносите, и по полученіи сего пришлите къ намъ о семъ отвѣтъ, подлинно ли такъ или нѣтъ, понеже коли то подлинно, то я другія мѣры возьму какъ съ ними поступать, а вамъ надлежитъ того смотрѣть, чтобъ они васъ въ почтеніи имѣли и боялись васъ, а не тако бы смѣло поступали.» Салтыковъ отвѣчалъ: «У принцессы я каждый день поутру бываю, токмо кромѣ одного ея учтивства никакихъ противностей какъ персонально, такъ и чрезъ безсмѣнныхъ караульныхъ офицеровъ ничего не слыхалъ, а когда что ей потребно, о томъ съ почтеніемъ меня проситъ, а принцъ Іоаннъ почти ничего не говоритъ.»

13 декабря 1742 года брауншвейгскую фамилію перевезли въ

Дюнамюнде, въ генварѣ 1744 года послѣдовалъ указъ о перевезеніи ея въ Раненбургъ, при чемъ ее едва не завезли въ Оренбургъ, потому что капитанъ-поручикъ гвардіи Вымдонскій, которому поручена была перевозка, принялъ Раненбургъ за Оренбургъ. Когда членамъ фамиліи объявили о выѣздѣ въ Раненбургъ, и что ихъ разсадятъ въ разные возки — мужа, жену и дѣтей, то они съ четверть часа поплакали, но вида сердитаго не показали. Въ Раненбургѣ фамилія пробыла не долго, 27 іюля того же 1744 года послѣдовалъ указъ перевезти ихъ въ Архангельскъ, изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь и тамъ оставить. Перевезти поручено было камергеру Николаю Корфу, который получилъ наказъ — ввести фамилію въ Соловецкій монастырь ночью, чтобъ ихъ никто не видалъ и помѣстить въ приготовленные имъ покои особливо. На пищу и на прочія нужды брать отъ архимандрита за деньги, а чего у него нѣтъ, то гдѣ что сыскать будетъ можно по настоящей цѣнѣ, чтобъ въ потребной пищѣ безъ излишества нужды не было; какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ столъ не такой пространный держать, какъ прежде было, но такой, что можно человѣку сыту быть тѣмъ, что тамъ можно сыскать безъ излишнихъ прихотей.» Принца Іоанна поручено было везти особо майору Миллеру, который получилъ такой наказъ: »Когда Корфъ вамъ отдастъ младенца четырехлѣтняго, то онаго посадить въ коляску и самому съ нимъ сѣсть и одного служителя своего или солдата имѣть въ коляскѣ для береженія и содержанія онаго; именемъ его называть Григорій. Ѣхать въ Соловецкій монастырь, а что вы имѣете съ собою какого младенца, того никому не объявлять, имѣть всегда коляску закрытую.»

30 Августа Корфъ писалъ Воронцову: »третьяго дня я объявилъ извѣстнымъ особамъ о ихъ отъѣздѣ изъ Раненбурга; эта новость повергла ихъ въ чрезвычайную печаль, обнаружившуюся слезами и воплями. Несмотря на это и на болѣзненное состояніе принцессы, они отвѣчали, что готовы исполнить волю ея величества. Ея болѣзнь главнымъ образомъ происходитъ отъ беременности.» Когда Корфъ объявилъ, что всѣ заразъ не могутъ ѣхать, и что фрейлина Юлія отправится послѣ, то это извѣстіе поразило принцессу какъ громомъ: вѣроятно они догадались, что ихъ хотятъ разлучить навсегда. Анна Леополь-

довна и мужъ ея не знали, что ихъ везутъ въ Соловки, думали, что мѣстомъ ссылки ихъ будетъ Пелымь, гдѣ прежде былъ Биронъ. Въ октябрѣ они пріѣхали къ бѣломорскому берегу, но за льдомъ въ это время года нельзя было проѣхать въ Соловки, и Корфъ остановился въ Холмогорахъ, гдѣ архіерейскій домъ былъ очень удобенъ для помѣщенія. Въ слѣдующемъ 1745 году онъ настоялъ, чтобъ ссыльныхъ оставить навсегда въ Холмогорахъ: это будетъ, писалъ онъ, гораздо секретнѣе, чѣмъ еще везти ихъ по Двинѣ и по морю; притомъ содержаніе въ Соловкахъ будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ въ Холмогорахъ, окруженныхъ деревнями. Самъ Корфъ уѣхалъ изъ Холмогоръ, сдавши надзоръ за ссыльными майору гвардіи Гурьеву. 19 марта 1745 года Анна Леопольдовна родила сына Петра; въ мартѣ 1746 года родила сына Алексѣя и скончалась. На донесенія о кончинѣ принцессы, и объ отправленіи тѣла ея въ Петербургъ Гурьевъ получилъ отвѣтъ императрицы отъ 17 марта: «Репорты ваши о рожденіи принца и о кончинѣ принцессы Анны мы получили, и что вы по указу тѣло принцессы Анны сюда отправляете, о томъ извѣстны. Приложенное при семъ къ принцу Антону наше письмо отдай, и на оное отвѣтъ дай ему своею рукою написать, и какъ напишетъ, то оное къ намъ немедленно пришли. Скажи принцу, чтобъ онъ только писалъ, какою болѣзнью умерла и не упоминалъ бы о рожденіи принца». Письмо отданное Гурьевымъ принцу Антону, заключало въ себѣ слѣдующее: «Свѣтлѣйшій принцъ. Увѣдомились мы отъ майора Гурьева, что принцесса ваша супруга волею Божіею скончалась, о чемъ мы сожалѣемъ: но понеже въ репортѣ онаго майора Гурьева къ намъ не написано потребныхъ обстоятельствъ онаго печальнаго случая, можетъ быть за тѣмъ, что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша свѣтлость неотлучно при томъ были; того для требуемъ отъ вашей свѣтлости обстоятельнаго о томъ извѣстія, какою болѣзнію принцесса супруга ваша скончалась, которое сами изволите написавъ прислать къ намъ.» Елисаветъ [78].

Императрица сама распоряжалась на счетъ похоронъ принцессы. Погребеніе происходило съ большимъ торжествомъ въ Александроневской лаврѣ, гдѣ была погребена и мать Анны Леопольдовны, царевна Екатерина. Елисавета плакала [79].

Доскажемъ и о послѣдующей участи осиротѣвшей семьи въ царствованіе Елисаветы. Юлія Менгденъ была разлучена съ принцессою Анною въ Раненбургѣ; но сестра ея Бина Менгденъ отправилась въ Холмогоры, и донесенія офицеровъ, сторожившихъ несчастную фамилію, наполнены извѣстіями о буйствахъ Бины, ссорѣ ея съ принцемъ Антономъ и романѣ съ лѣкаремъ Ножевщиковымъ. Послѣ сценъ съ принцемъ Антономъ, брани и даже драки, Бина выхватила однажды изъ за пояса ключи и ударила ими солдата. Когда Вымдонскій, смѣнившій Гурьева, сталъ выговаривать ей за это, то она закричала: «Когда меня принцъ Антонъ давить хотѣлъ, я тебѣ говорила, чтобъ ты къ государынѣ о томъ писалъ.» Но государыня взяла сторону принца Антона и указала: «Оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей неуймется, держать въ той палатѣ, въ которой нынѣ живетъ, безысходно, и никуды изъ той палаты не выпускать, такожъ и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болѣзни своей потребуетъ лѣкаря, то онаго допускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не допускать.» Безысходное заключеніе усилило раздражительность. По письму Вымдонскаго Черкасову Бина проломала стекло въ окончинахъ и много разъ бросала за окно серебро. Когда пришли вставлять окна, то она сначала заперлась и не пускала; когда же офицеръ Зыбинъ вошелъ силою, то она встрѣтила его ругательствами, называя всѣхъ измѣнниками и колдунами, а потомъ бросилась на Зыбина, ударила его по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять. Принцъ говорилъ Вымдонскому и Зыбину: «Когда я бываю въ саду, то мнѣ можно узнать, ѣдетъ или идетъ мимо архіерейскаго двора лѣкарь Ножевщиковъ, потому что тогда Бина надѣнетъ на себя красное или на рукахъ держитъ, стоя у окна, чтобъ онъ ее видѣлъ, и когда возвращусь въ покои и спрошу у слугъ, то непремѣнно скажутъ, что лѣкарь ѣхалъ или шелъ [80].

Бина, по донесенію Вымдонскаго, продолжала буйствовать, бросала тарелки, ножи и вилки въ приносившаго ей кушанья солдата, выливала супъ на голову служившей ей женщинѣ. Но она нашла себѣ защитника, потому что другой офицеръ, приставленный къ принцу Іоанну, Миллеръ поссорился съ Вымдонскимъ и оба, въ своихъ письмахъ къ Черкасову, доносили другъ

на друга. Ихъ подѣлили: у Вымдонскаго взяли хозяйственную часть и отдали Миллеру, оставивъ первому только военную. Миллеръ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе, потому что деньги на содержаніе ссыльныхъ высылались изъ Петербурга не аккуратно. Однажды вышелъ кофе, который подавался въ день раза по три принцу Антону и его дѣтямъ; Вымдонскій прислалъ къ Миллеру съ сильнымъ выговоромъ, что принцъ Антонъ безъ кофе, какъ ребенокъ безъ молока, жить не можетъ, и потому надобно непремѣнно достать какъ-нибудь. Миллеръ послалъ солдата въ Архангельскъ и велѣлъ просить у тамошнихъ купцовъ кофе въ долгъ; но купцы отказали, говоря, что сомнѣваются, заплачены ли будутъ деньги и за прежде взятые товары. «Благоволите разсудить, что мнѣ дѣлать? писалъ Миллеръ Черкасову: г. капитанъ (Вымдонскій) конечно напишетъ, что я морю безъ кофе извѣстныхъ персонъ; теперь же вижу, что и у поставщиковъ столовыхъ припасовъ нѣтъ денегъ отъ долговременнаго неплатежа, и каждый день опасаюсь, что откажутся ставить провизію, и что въ такомъ случаѣ дѣлать не знаю, ибо не кормить извѣстныхъ персонъ нельзя, а мужиковъ хотя сожги, и взять имъ негдѣ. Думаю по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и по извѣстному единомыслію г. капитана съ извѣстною персоною и его камердинеромъ, знатнымъ интриганомъ, что я безвинно оболганъ высочайшему кабинету, а можетъ быть и ея импер. величеству. Посылалъ я къ г. капитану каптенармуса за маленькимъ дѣломъ; онъ, оставя это дѣло, по своему велерѣчію началъ читать каптенармусу, что я не только ихъ морю безъ кушанья и питья, но и извѣстныхъ персонъ, наварилъ такого полпива, что бока всѣ промоетъ, у него, капитана да и у извѣстной персоны колики смертельныя были отъ полпива, и потому извѣстная персона теперь не пьетъ и умеръ бы безъ питья, еслибъ онъ капитанъ не посылалъ къ нему своего; при этомъ говорилъ каптенармусу: скажи ты Миллеру, что я его не боюсь, посылаю и впредь посылать буду, и о томъ не только высочайшій кабинетъ, но можетъ быть и ея импер. величество теперь знать изволитъ.»— Слыша такую на меня въ полпивѣ нанесенную небылицу, принужденъ призвать къ себѣ мундшенкскаго и тафельдекерскаго помощниковъ, которые по утру и ввечеру при столѣ извѣстныхъ персонъ живутъ неотходно, и спросить ихъ по чистой

совѣсти, кушаютъ ли всѣ извѣстныя персоны полпиво, котораго отправляется ежедневно по 40 бутылокъ и больше, и хулятъ ли его когда кушаютъ. На это они мнѣ сказали, что всѣ кушаютъ и не охуждаютъ.—А это дѣло уже извѣстно, оканчивалъ Миллеръ, что и небесное полпиво, ежели только отъ меня отпускаться будетъ, какъ извѣстная персона, такъ и г. капитанъ съ сообщниками преисподнимъ конечно называть будутъ.»

Въ своей борьбѣ съ Вымдонскимъ Миллеръ рѣшился выставить Бину Менгденъ жертвою клеветы капитана и принца Антона: «Дерзаю донесть, писалъ Миллеръ Черкасову, что Бина по его клеветамъ, мню, что съ согласія учиненнымъ, теперь цѣлые два съ половиною года уже содержится безчеловѣчно; ибо, выключая то, что одна въ такой большой и пустой палатѣ заперта и кромѣ кушанья, которое, какъ собакѣ, въ дверь подаютъ, и рубашки вовсѣ два съ половиною года мыть не сносятъ, пьяные солдаты и сержанты, тамъ живущіе, въ угодность капитану и прочимъ, всячески обижаютъ.» Въ отчаяніи Бина ударила однажды ножомъ въ високъ солдата и заушила женщину, говоря: «Я на то пошла, чтобъ кого-нибудь уходить ножомъ или вилками; скорѣе получу резолюцію, которой третій годъ нѣтъ.»

Ссора офицеровъ кончилась тѣмъ, что Миллера перевели въ Казань полковникомъ Свіяжскаго полка; въ Холмогорахъ ему нечего было больше дѣлать, потому что въ началѣ 1756 года принца Іоанна перевели въ Шлюссельбургъ. Сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ вывезъ его изъ Холмогоръ тайно, въ глухую ночь, при чемъ Вымдонскій получилъ указъ: «Оставшихся арестантовъ содержать по прежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобъ не подать вида о вывозѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта, чтобъ никому не сказывалъ; въ кабинетъ нашъ и по отправленіи арестанта репортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде репортовали; а за Антономъ Ульрихомъ и за дѣтьми его смотрѣть наикрѣпчайшимъ образомъ, чтобъ не учинили утечки.» Въ Шлюссельбургѣ надзоръ за Иваномъ Антоновичемъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину, который получилъ такую инструкцію отъ Александра Ив. Шувалова, вѣдавшаго тайныя дѣла послѣ Ушакова: «Быть у онаго арестанта вамъ самому, и ингерманландскаго пѣхотнаго полка

прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ жъ васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, такожъ арестанта изъ казармы не выпускать; когда жъ для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобъ его видѣть не могли. Гдѣ вы обрѣтаться будете, запрещается вамъ и командѣ вашей подъ жесточайшимъ гнѣвомъ ея и. в—ства никому не писать; когда жъ имѣть будете нужду писать въ домъ вашъ, то не именуя изъ котораго мѣста при прочихъ репортахъ присылать, напротивъ которыхъ и къ вамъ обратно письма присыланы будутъ отъ меня чрезъ майора Бередникова (шлюссельбургскаго коменданта). Арестанту пища опредѣлена въ обѣдъ по пяти и въ ужинъ по пяти жъ блюдъ, въ каждый день вина по одной, полпива по шести бутылокъ, квасу потребное число. Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеколь отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобъ онъ не зналъ. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію коли кто скажетъ.» За болѣзнію Шубина отправленъ былъ капитанъ Овцынъ, къ которому Шуваловъ писалъ 30 ноября 1757 года: «Въ инструкціи вашей упоминается, чтобъ въ крѣпость, хотя бъ генералъ пріѣхалъ, не впускать; еще вамъ присовокупляется хотя бъ и фельдмаршалъ и подобный имъ, никого не впущать и компаты его императ. высочества вел. князя Петра Өеодоровича камердинера Карновича въ крѣпость не пускать, и объявить ему, что безъ указа Тайной Канцеляріи пускать не велѣно.» Приведемъ любопытнѣйшія донесенія Овцына о ввѣренномъ ему арестантѣ. Въ маѣ 1759 года онъ писалъ: «Объ арестантѣ доношу, что онъ здоровъ, и хотя въ немъ болѣзни никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался, что его портятъ шептаньемъ, дутьемъ, пусканьемъ изо рта огня и дыма; кто въ постели лежа повернется, или ногу переложитъ, за то сердится, сказываетъ шепчутъ и тѣмъ его портятъ; приходилъ разъ къ подпоручику, чтобъ его бить и мнѣ говорилъ, чтобъ его унять, и ежели неуйму, то онъ станетъ бить; когда я стану разговари-

вать (разубѣждать), то и меня такимъ же еретикомъ называетъ; ежели въ сѣняхъ или на галлереи часовой стукнетъ или кашлянетъ, за то сердится.» Въ іюнѣ: «Арестантъ здоровъ, а въ поступкахъ также какъ и прежде не могу понять, воистину ль онъ въ умѣ помѣшался или притворничествуетъ. Сего мѣсяца 10 числа осердился, что не далъ ему ножницъ; схвативъ меня за рукавъ, кричалъ, что когда онъ говоритъ о порчѣ, чтобъ смотрѣть на лице его прилежно, и будто я съ нимъ говорю грубо, а подпоручику, крича, говорилъ: смѣешь ли ты, свинья, со мною говорить? садился на окно: я опасенъ, чтобъ, разбивъ стекло, не бросился вонъ; и когда говорю, чтобъ не садился, не слушаетъ и многія безпокойства дѣлаетъ. Во время обѣда за столомъ всегда кривляетъ ротъ, головою и ложкою на меня, также и на прочихъ взмахиваетъ и многія другія проказы дѣлаетъ. Стараюсь ему угождать, только ни чѣмъ не могу, и что болѣе угождаю, то болѣе безпокойствуетъ. 14 числа, по обыкновенію своему, говорилъ мнѣ о порчѣ; я сказалъ ему: пожалуй оставь, я этой пустоты болѣе слушать не хочу, потомъ пошелъ отъ него прочь. Онъ, охватя меня за рукавъ, съ великимъ сердцемъ рванулъ такъ, что тулупъ изорвалъ. Я, боясь, чтобъ онъ не убилъ, закричалъ на него: «что ты меня бить хочешь! по этому я тебя уйму.» На что онъ кричалъ: «Смѣешь ли ты унимать? я самъ тебя уйму.» И еслибъ я не вышелъ изъ казармы, онъ бы меня убилъ. Опасаюсь, чтобъ не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ не помѣшался, однакожъ весьма сомнѣваюсь, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно, доказываетъ евангеліемъ, апостоломъ, минеею, прологомъ, маргаритою и прочими книгами, сказываетъ, въ которомъ мѣстѣ и въ житіи котораго святаго пишетъ; когда я говорилъ ему, что напрасно сердится, чѣмъ прогнѣвляетъ Бога и много себѣ худа сдѣлаетъ, на что говоритъ: ежели бъ онъ жилъ съ монахами въ монастырѣ, тобъ и не сердился, тамъ еретиковъ нѣтъ, и часто смѣется, только весьма скрытно; нонѣшнее время передъ прежнимъ гораздо болѣе безпокойствуетъ.» Въ іюлѣ: «Прикажите кого прислать, истинно возможности нѣтъ; я и о нихъ (офицерахъ) весьма сомнѣваюсь, что нарочно раздражаютъ; не знаю, что дѣлать, всякій часъ боюсь, что кого убьетъ; пока репортъ писалъ, нѣсколько разъ принужденъ былъ входить къ нему для

успокоиванія, и много разъ старается о себѣ, кто онъ, сказывать, только я, запрещая ему, выхожу вонъ.»

По приказанію Шувалова Овцынъ спросилъ у арестанта, кто онъ? Спачала отвѣтилъ, что онъ человѣкъ великій, и одинъ подлый офицеръ то у него отнялъ и имя перемѣнилъ; а потомъ назвалъ себя принцемъ.—«Я ему сказалъ, писалъ Овцынъ, чтобъ онъ о себѣ той пустоты не думалъ и впредь того не вралъ, на что, весьма осердясь на меня закричалъ, для чего я смѣю ему такъ говорить и запрещать такому великому человѣку. Я ему повторялъ, чтобъ онъ этой пустоты конечно не думалъ и не вралъ и ему то приказываю повелѣніемъ, на что онъ закричалъ: я и повелителя не слушаю, потомъ еще два раза закричалъ, что онъ принцъ и пошелъ съ великимъ сердцемъ ко мнѣ; я, боясь, чтобъ онъ не убилъ, вышелъ за дверь и опять, помедля къ нему вошелъ: онъ, бѣгая по казармѣ въ великомъ сердцѣ, шепталъ что не слышно. Видно, что нонѣ гораздо болѣе прежняго помѣшался; дня три какъ въ лицѣ кажется нѣсколько почернѣлъ, и чтобъ отъ него не робѣть, въ томъ, высокосіятельнѣйшій графъ, воздержаться не могу; одинъ съ нимъ остаться не могу; когда станетъ шалѣть и сдѣлаетъ странную рожу, отъ чего я въ лицѣ измѣнюсь; онъ, то видя, болѣе шалитъ.» Однажды Иванъ Антоновичь началъ бранить Овцына неприличными словами и кричалъ: «Смѣешь ты на меня кричать: я здѣшней имперіи принцъ и государь вашъ.» По приказу Шувалова Овцынъ сказалъ арестанту, что «если онъ пустоты своей врать не отстанетъ, также и съ офицерами драться, то все платье отъ него отберутъ и пища ему не такая будетъ.» Услыхавъ это, арестантъ спросилъ: «Кто такъ велѣлъ сказать?» — «Тотъ, кто всѣмъ намъ командиръ», отвѣчалъ Овцынъ. — «Все это вранье, сказалъ Иванъ, и никого не слушаюсь, развѣ сама императрица мнѣ прикажетъ.»

Въ сентябрѣ 1759 года арестантъ велъ себя нѣсколько смирнѣе; потомъ опять сталъ браниться и драться и не было спокойнаго часа; съ ноября опять сталъ смиренъ и послушенъ. Въ апрѣлѣ 1760 года Овцынъ доносилъ: «Арестантъ здоровъ и временемъ безпокоенъ, а до того всегда его доводятъ офицеры, всегда его дразнятъ.» Въ 1761 году придумали средство лѣчить его отъ безпокойства: не давали чаю, не давали чулокъ крѣпкихъ, и онъ присмирѣлъ совершенно.

О родныхъ Ивана Антоновича, оставшихся въ Холмогорахъ, сохранилось слѣдующее извѣстіе Зыбина: «Принцъ Антонъ Ульрихъ сложенія толстаго и многокровнаго и нерѣдко подверженъ разнымъ припадкамъ, особенно страдаетъ грудью, однако не очень сильно и продолжительно; по заявленію лѣкарскому, имѣетъ начало цынготной болѣзни; нравомъ кажется тихъ и ведетъ себя смирно. Дѣти его: дочери — большая Екатерина сложенія больного и почти чахотнаго, притомъ нѣсколько глуха, говоритъ нѣмо и невнятно и одержима всегда разными болѣзненными припадками, нрава очень тихаго. Другая его дочь Елисавета, которая родилась въ Дюнаминде, росту для женщины не малаго и сложенія нынѣ становится плотнаго, нрава нѣсколько горячаго, подвержена разнымъ и нерѣдкимъ болѣзненнымъ припадкамъ, особенно не одинъ уже годъ впадаетъ въ меланхолію и не мало времени ею страдаетъ. Сыновья: старшій Петръ родился въ Холмогорахъ въ 745 году, сложенія больного и чахотнаго, нѣсколько кривоплечь и кривоногъ. Меньшой сынъ Алексѣй родился въ Холмогорахъ въ 746 году, сложенія плотноватаго и здороваго, и хотя имѣетъ припадки, но еще дѣтскіе. Живутъ всѣ они сначала и до сихъ поръ въ однихъ покояхъ безысходно, нѣтъ между ними сѣней, но изъ покоя въ покой только одни двери, покои старинные, малые и тѣсные. Сыновья Антона Ульриха и спятъ съ нимъ въ одномъ покоѣ. Когда мы приходимъ къ нимъ для надзиранія, то называемъ ихъ, по обычаю прежнихъ командировъ, принцами и принцессами.»

Въ годъ смерти Анны Леопольдовны отозвался и врагъ ея Биронъ изъ Ярославля, отозвался горькою жалобою на свое бѣдственное положеніе. 18 марта 1746 года онъ писалъ императрицѣ: «Къ здѣшнему воеводѣ указъ присланъ изъ высокаго кабинета, въ которомъ изображено, якобы по моему приказу козацкаго полка полковникъ Ливенъ одного здѣшняго мѣщанина арестовать и бить велѣлъ. Всемилостивѣйшая императрица! сколь велико мое бѣдство ни есть, и сколь долго оное ни продолжается, однакожь моего разума не лишенъ, чтобъ я въ такія дѣла вмѣшался. Я знаю, въ какомъ состояніи я нахожусь. Всѣ наказанія, кои выдуманы быть могутъ, претерплю я съ радостію, ежели я правильно въ чемъ изобличенъ быть могу, а полковникъ Ливенъ долженъ отчетъ и отповѣдь дать. Онаго чело-

вѣка я не знаю, онъ же ни мнѣ, ни моимъ домашнимъ никакой бѣды не сдѣлалъ: что же бы меня къ тому побудило! Но я таkими людьми здѣсь окруженъ, отъ которыхъ ежеденно многія утѣсненія претерпѣвать принужденъ безъ всякой моей вины, и такъ ваше императ. величество прошу не допустить, чтобъ я безвинно мучимъ былъ.» — Къ Бестужеву Биронъ писалъ по тому же случаю: «Несчастіе мое ежеденно умножается; я желалъ бы все то претерпѣвать, ежелибъ я въ чемъ виновенъ былъ; но о семъ приключеніи я столько зналъ, сколько о часѣ моей смерти; я того человѣка никогда не зналъ. Я здѣсь между львами и змѣями нахожусь. Здѣшній воевода и его жена извѣстны суть; они на меня озлобились, потому что я ихъ больше не дарю, какъ то прежде дѣлалъ, когда я еще нѣчто имѣлъ. Майоръ Лакастовъ съ фабрики, который съ воеводою въ ссорѣ былъ, добрымъ пріятелемъ сдѣлался. Сей человѣкъ намъ всякую досаду причиняетъ; я не могу, да и не смѣю упомянуть, что мы отъ сего человѣка безъ причины претерпѣваемъ» [81].

Отъ этихъ печальныхъ извѣстій обратимся къ обычной правительственной дѣятельности 1746 года. Передвиженіе войскъ, вызванное событіями прошедшаго года, готовило Сенату новыя заботы, а между тѣмъ надобно было приводить въ порядокъ пограничныхъ служилыхъ людей, удержавшихъ среди преобразованій свой особый характеръ, вынесенный изъ XVII вѣка: то была смоленская шляхта, обязанная нести военныя повинности на польской границѣ, и вмѣстѣ съ названіемъ удержавшая, какъ видно, и духъ своихъ собратій въ Польшѣ, ибо до насъ дошли извѣстія о частыхъ столкновеніяхъ между нею и назначаемыми для начальства надъ нею генералами. Генералъ-майоръ Вонлярлярскій доносилъ Сенату, что при разборѣ смоленскаго шляхетства является много неспособныхъ къ службѣ по старости, дряхлости и увѣчью; вмѣсто нихъ опредѣляются поротно шляхетскіе недоросли. Только нѣкоторые годные въ службу недоросли по многократнымъ посылкамъ къ этому разбору въ Смоленскъ къ нему не ѣдутъ, особенно пять сыновей полковника Корсака да сынъ хорунжаго Вонлярлярскаго и прочіе, и отъ форпостной службы ухораниваются и живутъ въ домахъ при отцахъ своихъ праздно. У нѣкоторыхъ изъ шляхетства отписаны за доимки движимыя и недвижимыя имущества, и они

скитаются между чужими дворами, питаясь милостынею, а служба ихъ была безъ жалованья отъ вотчинъ; другіе въ слѣдствіе челобитья ихъ на него Вонлярлярскаго Сенатомъ отъ команды его отрѣшены, находятся въ командѣ смоленской губернской канцеляріи до указа, къ разбору не являются и форпостной службы не служатъ; смотря на нихъ и офицеръ команды его, поручикъ Александръ Ивановъ Потемкинъ (отецъ знаменитаго потомъ князя Григорья Александровича), оставя форпостъ безъ отпуску его, самовольно съѣхалъ въ домъ свой. Сенатъ приказалъ: скрывающихся и съѣхавшихъ съ форпостовъ штрафовать по обыкновенію смоленскаго шляхетства, а пока явятся отписать у нихъ деревни, людямъ и крестьянамъ не велѣть ихъ слушаться [82].

Сенатъ отмолчался на счетъ тѣхъ шляхтичей, которые, не получая жалованья и лишившись вотчинъ, питались милостынею. Старались избѣжать новыхъ расходовъ, которые и безъ того увеличились и требовали чрезвычайныхъ доходовъ: для вооруженія и приготовленія къ движенію всѣхъ войскъ велѣно было во всемъ государствѣ собрать съ тѣхъ, кто въ семигривенномъ окладѣ, по гривнѣ съ души, а кто въ сорокаалтынномъ, съ того по пяти алтынъ [83]. Императрица распорядилась, чтобъ въ Петербургѣ по большимъ знатнымъ улицамъ не было кабаковъ и харчевень; кабакамъ быть только въ переулкахъ, а харчевни свесть на рынокъ; но камеръ-контора представила Сенату, что когда кабаки были на знатныхъ улицахъ, то въ сборѣ было на 24,500 рублей въ годъ, а теперь уже столько не сбирается, и недобору съ 1743 года 55,321 рубль [84]. Уже 17 лѣтъ, какъ въ московской губерніи питейные сборы откупали компанейщики, платя по 222,812 рублей въ годъ; но теперь отказались; магистратъ и купечество также отказались; наконецъ явились охотники-купцы Пастуховъ, Емельяновъ и Мѣщаниновъ и предложили взять питейные сборы на 6 лѣтъ за ту же цѣну съ наддачею на каждый годъ по 10,000 рублей, а если отдадутъ безъ пошлинъ, то будутъ платить по 250,000 рублей. Въ это время въ Москвѣ было австерій и фартинъ 173, да въ уѣздѣ 32, при которыхъ служило 672 человѣка [85]. Муку казна покупала въ военные магазинѣ по 2,25 коп. за четверть, крупу по 3 рубля за четверть. Писчая бумага втораго номера

стоила по 1,50 коп. за стопу, третьяго номера по 1,20 коп., сургучъ по 80 коп. фунтъ [86]. Съ 1743 по 1745 годъ становили подрядомъ на войска рубашечный холстъ по 26,90 коп., для нижняго платья по 22,90 коп., подкладочный по 18,90 коп., крашенину по 2390 коп. за тысячу аршинъ; но въ 1746 году по публикаціямъ подрядчики не явились; отпускать за море было выгоднѣе; въ 1745 и 1746 годахъ холста разныхъ сортовъ было привезено въ Петербургъ 1,901,007 аршинъ — Москвичами 108,050 аршинъ, Переяславцами 347,500, Ростовцами 618,750, Ярославцами 82029, Угличанами 94552, Костромичами 523927, Суздальцами 20100, Вологжаниномъ 45799, изъ пригорода Плеса 35250, Кашинцемъ 23050, Торопчанами 2000. Эти купцы требовали съ казны по 48 рублей за тысячу аршинъ. Тогда товары ихъ были остановлены. Купцы подали прошеніе, чтобъ завезенный ими къ петербургскому порту въ заморскій отпускъ холстъ позволено имъ было теперь продать въ заморскій отпускъ, потому что главный коммиссаріатъ дастъ имъ цѣну малую, а потомъ пусть правительство запретитъ привозъ холста ко всѣмъ гаванямъ изъ внутреннихъ городовъ для лучшаго удовольствованія арміи: тогда холсты подешевѣютъ и купцы употребятъ капиталы свои въ другіе торги и промыслы. Но Сенатъ отказалъ въ пропускѣ за море холста, пока вся армія имъ не удовольствуется [87].

Въ Сенатъ поступали на разсмотрѣніе образцы произведеній русскихъ фабрикъ. Когда въ описываемомъ году присланы были образцы разныхъ шелковыхъ матерій и бархатовъ, то сенаторы усмотрѣли, что нѣкоторыя матеріи, напримѣръ бархатъ травчатый по малиновой землѣ алыя травы, ленты пунцовыя кавалерскія цвѣтами очень не хороши, и потому приказали послать указъ въ мануфактуръ-коллегію такого содержанія: Сенатъ, видя, что на россійскихъ мануфактурахъ тѣ работы продолжаются, доволенъ, только подтверждаетъ, чтобъ коллегія надъ заводчиками и фабриками имѣла крайнее смотрѣніе, пусть стараются шелковыя матеріи дѣлать самымъ хорошимъ мастерствомъ по образцу европейскихъ мануфактуръ, употребляя цвѣты хорошіе, прибирая оные по приличности [88].

На счетъ соли продолжались прежнія хлопоты. Строгановы явились въ Сенатъ съ жалобою на Пыскорскій монастырь, что

онъ отбиваетъ у нихъ рабочихъ, платя имъ дороже, просили, чтобъ это было запрещено монастырю. Сенатъ приказалъ въ просьбѣ отказать: рабочіе люди вольные, отъ кого себѣ хорошую плату получаютъ, къ тому больше и въ работу нанимаются; поэтому и баронамъ Строгановымъ надобно крѣпкое стараніе прилагать и рабочихъ людей добывать, беря примѣръ съ Пыскорскаго монастыря. Но этимъ нравственнымъ внушеніемъ Сенатъ не отдѣлался. Лѣтомъ братья Строгановы, Александръ, Николай и Сергѣй подали доношеніе: высочайшей резолюціи на ихъ просьбы еще не послѣдовало, а между тѣмъ указомъ Сената велѣно Соляной конторѣ понуждать ихъ къ вываркѣ и доставкѣ соли, несмотря ни на какія невозможности, отъ чего пришли они въ такую несостоятельность, что уже не только чѣмъ бы соль изъ Нижняго въ Верховые города ставить, но и лодейнымъ работникамъ, по прибытіи въ Нижній съ солью, чѣмъ остальную разцѣнку учинить, капитала у себя не имѣютъ, притомъ и подрядчиковъ къ поставкѣ соли до Верховыхъ городовъ отыскать не могутъ: калужскіе подрядчики говорятъ, что въ 1745 году соль въ провозѣ до Калуги стала по 7 коп. съ $^1/_4$ съ пуда, отъ чего понесли они несносное разореніе, и въ подрядъ потому не вступили; а московскіе говорятъ, что взяли они за провозъ до Москвы по $6^1/_4$ коп. съ пуда, а стало имъ по 8 коп. и подряжаться не хотятъ, а изъ прочихъ городовъ никто не явился. По такимъ высокимъ провознымъ цѣнамъ на остальную лодейнымъ работникамъ раздѣлку и на задатки подрядчикамъ надобно будетъ въ Нижнемъ до 100,000 рублей, а у нихъ своего капитала уже нѣтъ: пусть Соляная контора приготовитъ въ Нижнемъ эту сумму заблаговременно. Сенатъ приказалъ: Соляной конторѣ разсмотря, надлежащее и немедленное опредѣленіе учинить, объявивъ Строгановымъ, чтобъ они отпущенную въ 1746 году соль до Верховыхъ городовъ, не упустя лѣтняго пути, отправили и поставили, въ чемъ ихъ накрѣпко принуждать, не принимая отъ нихъ никакихъ отговорокъ. — Соляная контора доносила, что въ 1746 году приготовлено соли: у Строгановыхъ въ Орловскихъ промыслахъ 2.406,274 пуда, въ Чусовскихъ 231,436 пудъ; у Пыскорскаго монастыря 1,038,409 пудъ; у Демидова 67,902 пуда; у Турчанинова 138,345 пудъ; Ростовщикова 135,193; Суровцова 108,496,

всего 4.126,028 пудъ. Относительно требуемыхъ Строгановыми ста тысячъ рублей, Соляная контора донесла, что такой большой суммы въ Нижнемъ она не можетъ дать Строгановымъ, ибо здѣсь у нея всего 3221 рубль, а въ самой Соляной конторѣ на лицо 96,811 рублей. Сенатъ приказалъ: выдать Строгановымъ изъ Соляной конторы въ Москвѣ мѣдными деньгами 42,399 рублей, прибавя всѣ деньги, которыя въ Нижнемъ и нижегородской губерніи въ сборѣ изъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ доходовъ. Кромѣ Перми и Астрахани соль добывалась еще на бахмутскихъ казенныхъ заводахъ; но и здѣсь были тоже хлопоты по недостатку работниковъ. Сенатъ велѣлъ высылать туда работниковъ изъ воронежской и бѣлгородской губерній, изъ ближнихъ къ Бахмуту городовъ и уѣздовъ, поселившимся тамъ на великороссійскихъ земляхъ Малороссіянамъ по 600 человѣкъ въ годъ. Но бахмутская заводская контора представила, что рабочихъ на заводахъ, за недосылкою и побѣгомъ, всего въ Бахмутѣ 63, да въ Тору 6, итого 69 человѣкъ, отъ чего при обоихъ заводахъ въ приготовленіи дровъ и въ прочихъ работахъ слѣдуетъ остановка. Сенатъ приказалъ подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобъ высылались сполна по 600 человѣкъ [89].

Сенатъ получилъ извѣстіе объ усиленіи торговли со стороны Европы и со стороны Азіи. Камеръ-коллегія подала мнѣніе: петербургская торговля усилилась въ слѣдствіе заключенія контрактовъ: многіе и разныхъ городовъ купцы, которые прежде, за неимѣніемъ капитала къ порту товаровъ не привозили, тѣ охотно теперь ведутъ заграничную торговлю; заключивши контракты и взявши напередъ у иноземцевъ деньги, эти русскіе купцы сами по городамъ и по ярмаркамъ ѣздятъ и прикащиковъ посылаютъ, закупаютъ и привозятъ сюда товары, и наоборотъ, покупая въ долгъ у иностранныхъ купцовъ заморскіе товары, отвозятъ внутрь государства, и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ себѣ кредитъ и пользу, усиливаютъ привозъ товаровъ къ здѣшнему порту, такъ что русскихъ товаровъ, привезенныхъ по контрактамъ, бываетъ на 900,000 рублей, отъ чего и пошлинному сбору явное приращеніе и русскимъ купцамъ небогатымъ, которые на поставку товара къ порту капитала своего не имѣютъ, также и крестьянству не малая отъ заклю-

ченія контрактовъ польза, ибо крестьяне, продавая имъ свои рукодѣлія, пеньку, ленъ и прочее, получаютъ по множеству купцовъ цѣну настоящую, а не принужденную. Если же контрактамъ не быть, то весь здѣшній портовый торгъ останется въ однихъ рукахъ знатныхъ капиталистовъ, товары и крестьянское рукодѣлье принуждены будутъ небогатые купцы и крестьяне продавать имъ однимъ по такой цѣнѣ, по какой они захотятъ. Поэтому коллегія думаетъ, что надобно удержать въ силѣ указъ 1720 года, позволяющій заключеніе контрактовъ и брать съ товаровъ одну портовую пошлину безъ внутренней; а чтобъ нынѣ иноземцамъ заключеніе контрактовъ запретить, того коллегія не считаетъ полезнымъ, ибо могутъ ли одни россійскіе купцы своими капиталами здѣшніе торги къ лучшему размноженію производить—того нельзя надѣяться, потому что въ Россіи число капиталистовъ очень не велико. Сенатъ не принялъ мнѣнія коллегіи и приказалъ: всѣмъ россійскимъ иногороднымъ купцамъ заключать контракты съ *россійскими жъ* иногородными купцами, кто съ кѣмъ пожелаетъ, о поставкѣ къ петербургскому порту для заморскаго отпуску россійскихъ товаровъ, и внутреннія пошлины брать [90].

Съ Востока оренбургскій губернаторъ Неплюевъ писалъ объ усиленіи торговъ въ Оренбургѣ и Орскѣ: усиливается ввозъ азіатскихъ товаровъ, но вывозъ русскихъ сталъ превышать ввозъ азіатскихъ. Привезено было изъ русскихъ городовъ товара въ Оренбургъ на 33,388 рублей, въ Орскъ на 75,215 рублей; а въ русскіе города отпущено изъ Оренбурга на 10,343 рубля, изъ Орска на 95,364 рубля; пошлинъ собрано въ 1545 году противъ 1744 на 3523 рубля больше. Неплюевъ доносилъ, что ѣзда въ Оренбургъ для русскихъ купцовъ безопаснѣе, чѣмъ въ Орскъ; но трудно заставить Киргизовъ перемѣнить старое мѣсто на новое [91].

Любопытны нѣкоторыя подробности о положенія торговыхъ и промышленныхъ людей въ городахъ, о ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, о ихъ столкновеніяхъ въ общей дѣятельности, по магистрату. Бѣлгородскій купецъ и селитряный заводчикъ Щедровъ, купцы Ворожайкинъ и Турбаевъ съ товарищи потребовали отрѣшенія опредѣленныхъ главнымъ магистратомъ президента бѣлгородскаго магистрата Осипа Морозова, бурмистровъ Нижего

родцева и Лашина, потому что они выбраны фальшивымъ нѣкоторыхъ купцовъ выборомъ и недостойны занимать свои мѣста: Морозовъ поступалъ противозаконно, будучи у таможенныхъ кабацкихъ и другихъ сборовъ; Лашинъ находится подъ слѣдствіемъ въ приводѣ съ неявленнымъ и утаеннымъ отъ пошлинъ товаромъ; онъ же Лашинъ, будучи въ 1741 году въ бѣлгородской ратушѣ бурмистромъ, не только не старался охранять купечество отъ всякихъ нападокъ и налоговъ, но и самъ отягощалъ его неуказными поборами; да и потому Морозову и Лашину въ магистратскомъ правленіи быть не слѣдуетъ, что они по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и производству судныхъ дѣлъ и къ прочимъ приказнымъ поступкамъ не способны, и если имъ въ правленіи магистратскомъ велѣно будетъ остаться, то уже они, Щедровъ съ товарищи, которые къ ихъ выбору были на большемъ совѣтѣ несогласны, принуждены будутъ, оставя домы, идти врозь. А теперь они, съ общаго согласія, на мѣсто Морозова съ товарищи, выбрали изъ другихъ достойныхъ и неподозрительныхъ людей Андреева президентомъ, Мурныкина, Денисова бургомистрами. Сенатъ вытребовалъ дѣло изъ главнаго магистрата и приказалъ: Морозова съ товарищи отъ магистратскаго правленія отрѣшить, ибо изъ дѣла явствуетъ, что въ бѣлгородскомъ купечествѣ состоитъ 516 дворовъ, въ нихъ 1350 душъ мужескаго пола, а къ выбору Морозова подписались только 74 человѣка; почему другіе не подписались, объ этомъ Главный Магистратъ не спросилъ и опредѣлилъ Морозова съ товарищи неправильно, ибо на нихъ было представлено подозрѣніе. Послать указъ бѣлгородскому губернатору—Морозова съ товарищи отрѣшить, а чтобъ дѣла не остановились, быть въ магистратѣ представленнымъ отъ 134 купцовъ Михайлѣ Андрееву съ товарищи, до указа, а потомъ, по силѣ магистратскаго регламента, призвавъ въ губернскую канцелярію всѣхъ купцовъ, кромѣ Морозова съ товарищи и ихъ избирателей да кромѣ отлучныхъ и малолѣтныхъ, и спросить—желаютъ ли они Андреева съ товарищи, и если желаютъ, то утвердить, если же нѣтъ, то пусть выбираютъ другихъ [92]. Въ Бѣлгородѣ жаловались, что бурмистръ не защищалъ купечество отъ нападокъ; а въ Москвѣ купцы Автомоновъ, Ивановъ и крестьянинъ Матвѣевъ объявили прямо въ сенатской конторѣ, что оберъ-полицiймейстеръ Нащо-

кинъ, пріѣхавъ съ командою на Полянку, приказалъ у торгующихъ съѣстными припасами и мелочью въ шалашахъ, ломать шалаши и обирать товары, при чемъ кричалъ командѣ: «Берите что помягче!» и у купца Иванова лавку и пять шалашей, которые построены по приказу самого Нащекина, разломалъ до основанія [93].

Ревизія подняла вопросъ, могутъ ли торговые и промышленные люди владѣть крѣпостными людьми. Разумѣется, правительство изстари должно было стараться ограничить право имѣть земли и потомъ крѣпостныхъ на нихъ крестьянъ одними служилыми людьми, сохраняя такимъ образомъ для себя возможность содержать войско. Но искони существовало холопство; холопы могли быть у всѣхъ, и при первой ревизіи за посадскими и мастеровыми были записаны дворовые ихъ люди. Теперь, на запросъ, слѣдуетъ ли сдѣлать тоже и въ настоящее время сенатъ отвѣчалъ утвердительно. У архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ, у разночинцевъ, которые сами въ подушномъ окладѣ, у казаковъ и ямщиковъ велѣно дворовыхъ людей отобрать, ибо въ прежнюю перепись не было указа писать ихъ за ними. За раскольниками новокрещенныхъ и никакихъ людей отнюдь не писать и немедленно отбирать, чтобъ они не могли привлечь ихъ къ раскольничьему суевѣрію [94]. Сдѣлано было исключеніе въ пользу смоленскихъ мѣщанъ, которымъ позволено было имѣть не только дворовыхъ, но и крестьянъ, на основаніи привилегій, данныхъ польскимъ королемъ и подтвержденныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ [95].

Ревизія продолжала вскрывать любопытныя явленія, напримѣръ, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Колтовскаго крестьяне утаили 29 человѣкъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Ношульской волости написали 52 человѣка живыхъ мертвыми, да утаили рожденныхъ послѣ прежней переписи 146 душъ. Пришлыхъ и бѣглыхъ приписывали вмѣсто умершихъ чужими именами. На одныхъ казенныхъ сибирскихъ заводахъ найдено бѣглыхъ 16391 душа, и дано знать, что примѣнить къ нимъ закона о возвращеніи бѣглыхъ нельзя, потому что пріемщики, заводскіе управители на свой счетъ отвезти ихъ на прежнія жилища не въ состояніи, а для провожанія ихъ потребуется столько войска, сколько во всей сибирской губерніи нѣтъ, безъ провожатыхъ же никто не пой-

детъ, разойдутся по лѣсамъ, или и за границу убѣгутъ, особенно тѣ, которые на заводахъ мастерствамъ обучились. Они, хотя бъ и съ провожатыми были вывезены, но такъ давно уже отъ пашни отстали, то на прежнихъ мѣстахъ не уживутся, но еще и другихъ подговоря, опять въ Сибирь убѣгутъ, гдѣ могутъ быть безъ платежа подушныхъ денегъ, а на прежнихъ жилищахъ будетъ доимка; если же оставить ихъ въ Сибири, то платежъ подушныхъ денегъ будетъ исправный. Сенатъ разсудилъ не высылать, а пріемщики должны были заплатить деньги прежнимъ владѣльцамъ по 50 рублей за семью и по 30 рублей за холостыхъ; что же касается бѣглыхъ на казенныхъ заводахъ, то вмѣсто ихъ выдать прежнимъ владѣльцамъ крестьянъ въ европейской Россіи изъ выморочныхъ и отписныхъ деревень [96].

Смоленскимъ мѣщанамъ позволено было имѣть крестьянъ въ силу старыхъ привилегій, подтвержденныхъ царемъ Алексѣемъ; но не обращено вниманіе на эстляндскія привилегіи, когда во имя ихъ хотѣли пойти противъ рѣшенія, особенно важнаго для императрицы. 17 Мая 1744 года велѣно было всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ, губерніямъ, провинціямъ и командамъ присылать въ Сенатъ обстоятельныя выписки о колодникахъ осужденныхъ на смертную казнь или политическую смерть и не приводить въ исполненіе приговоровъ до полученія указа; указа о приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ ниодно вѣдомство съ тѣхъ поръ не получало, и распоряженіе 17 мая считается на дѣлѣ отмѣною смертной казни за преступленія не политическія. Въ описываемомъ году ревельская губернская канцелярія представила Сенату, что ландраты и магистратъ, ссылаясь на древнія привилегіи, считаютъ своимъ правомъ приводить въ исполненіе криминальныя сентенціи безъ дальней конфирмаціи со стороны высокой короны, и потому просятъ о возвращеніи этого права: въ противномъ случаѣ колодники будутъ умножаться, и на пропитаніе ихъ не будетъ ставать средствъ. Но Сенатъ приказалъ послать въ Эстляндію указъ—отнюдь не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоровъ [97].

Ревизія возбуждала также нѣкоторые вопросы, входившіе въ область церкви. Такъ было постановлено: иноземцамъ, находящимся въ русскомъ подданствѣ и службѣ, кромѣ идолопоклонниковъ и магометанъ, позволяется держать у себя русскихъ крѣ-

постныхъ людей, съ тѣмъ только, чтобъ не вывозить ихъ за границу; иноземцамъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, живущимъ временно въ Россіи, позволяется имѣть русскихъ крѣпостныхъ людей, если они представятъ добрыхъ порукъ, имѣющихъ деревни, что тѣхъ крѣпостныхъ людей изъ Россіи не вывезутъ и подушныя за нихъ деньги будутъ платить бездоимочно. Калмыковъ, Башкиръ, Татаръ и тому подобныхъ иновѣрцевъ можно обращать только въ православную вѣру, и по крещеніи изъ государства не выпускать [98].

Въ началѣ описываемаго года церковь и государство опять заявили, что послѣдователей душепагубной ереси (христовщины) сыскано уже болѣе 200 человѣкъ, но другіе укрываются, и между прочимъ три московскихъ купца, два петербургскихъ съ сестрою, два крестьянина и между ними одинъ лжехристъ, Степанъ Васильевъ, ярославскаго уѣзда изъ деревни Поздѣевки [99]. Благочестивая императрица очень любила, когда кто-нибудь изъ другихъ исповѣданій обращался въ православіе; всѣ эти случаи обращенія, довольно нерѣдкіе, объявлялись въ вѣдомостяхъ. Понятно, что она дала особенную торжественность возвращенію къ православію извѣстной княгини Ирины Долгорукой. 15 Августа, въ день Успенія, въ церкви лѣтняго дворца, въ присутствіи императрицы княгиня Ирина съ дѣтьми, сыномъ Николаемъ и дочерью Анною предъ литургіею отреклась отъ католицизма. Елисавета велѣла Синоду статскаго совѣтника князя Сергѣя Долгорукаго, за несмотрѣніе о женѣ своей и дѣтяхъ въ содержаніи ихъ въ законѣ и въ страхѣ Божіи, послать въ монастырь, гдѣ быть ему неисходно годъ, да при немъ сыну его Николаю по 1 генваря 1747 года. Долгорукихъ сослали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь [100]. *Мамзель* Бере, которая считалась виновницею отступничества княгини Долгорукой, осталась подъ стражею въ Синодѣ; только въ 1751 году, въ слѣдствіе промеморіи голландскаго посланника Шварца, императрица указала выслать ее за границу «хотя она за превращеніе помянутой фамиліи въ законѣ, жестокому наказанію подлежала бъ.» Елисавета приказала канцлеру заняться слѣдующимъ дѣломъ: въ Курляндіи было много плѣнныхъ Турокъ, мужчинъ и женщинъ, которые, по обращеніи ихъ въ лютеранство, были поселены въ имѣніяхъ бывшаго герцога Бирона; а они всѣ, разсуждала императрица, по-

лонены русскимъ оружіемъ, то ихъ вывесть въ Россію и по пристойности распредѣлить; но чтобъ Турки не стали ихъ назадъ требовать, какъ находящихся не въ греческомъ законѣ, то постараться всѣхъ ихъ привести въ греческій законъ. Елисавета настаивала также на возвращеніе русскихъ солдатъ (великановъ) изъ Пруссіи. Фридрихъ II отвѣчалъ, что они подарены; Елисавета возражала, что Петръ Великій давалъ ихъ покойному королю съ тѣмъ, чтобъ за каждаго было дано по три человѣка матросовъ; послѣ отпускали и безусловно; но теперь она требуетъ ихъ назадъ какъ потому, что они ея подданные, такъ и потому, чтобъ они остальную жизнь могли окончить въ своемъ законѣ и отечествѣ; при томъ съ прусской стороны ни одного матроса въ Россіи не получено, да теперь они и не требуются.— Какъ видно, въ это время забыли, что Петръ Великій перемѣнялъ великановъ, посылаемыхъ въ Пруссію, и не позволялъ имъ оставаться тамъ постоянно [101].

Сношенія правительствующихъ учрежденій. Сената и Синода по прежнему имѣли главнымъ предметомъ столкновеніе духовныхъ и свѣтскихъ начальствъ, жалобы духовенства на дурное обращеніе съ ними свѣтскихъ начальствъ. Мы видѣли соблазнительное дѣло вятскаго епископа Варлаама съ воеводою. Варлаамъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, нашелъ сильныхъ защитниковъ, и Сенатъ рѣшилъ: хотя вятскій епископъ Варлаамъ по уложенью, генеральному регламенту и указу Петра Великаго 1724 г. января 27 и св. отецъ правиламъ за свою явную продерзость подвергъ самъ себя, по снятіи сана, жесточайшему истязанію: но только онъ епископъ сана не малаго, и для того Сенатъ, безъ особливаго ея им. в—ства указа, въ томъ дѣлѣ объ немъ епископѣ далѣе уже поступать не можетъ, а предаетъ въ высочайшее ея им. в—ства соизволеніе; и хотя въ вѣдѣніи св. Синода и объявлено, чтобъ о показанныхъ ссорахъ какъ архіерею, такъ и воеводѣ подать по формѣ челобитныя, произвесть надлежащій судъ и для доказательства воеводу Писарева прислать въ св. Синодъ; но такъ какъ въ томъ, что онъ архіерей его воеводу въ канцеляріи ударилъ, самъ себя уже виновнымъ показалъ, то не для чего быть суду въ томъ, что онъ противъ указовъ поступилъ, ибо онъ епископъ самъ себя виновнымъ показалъ не въ партикулярномъ какомъ-нибудь дѣлѣ, но въ про-

тизныхъ указамъ и св. отецъ правиламъ поступкахъ [102]. Епископъ воронежскій Ѳеофилактъ донесъ Синоду о слѣдующемъ съ нимъ происшествіи: въ крестовой палатѣ при многихъ людяхъ попъ Ефимовъ, подавая доношеніе о постриженіи одной купчихи, приложилъ при доношеніи завернутый въ бумажку рублевикъ; онъ, архіерей, пришелъ въ «зазрѣніе и безпамятство», и бросилъ рублевикъ и доношеніе попу въ глаза. Вслѣдъ за тѣмъ воронежская консисторія донесла Синоду, что губернская канцелярія заарестовала епископа Ѳеофилакта и для караула приставила къ нему прапорщика съ командою, присутствующіе въ консисторіи архимандритъ и священникъ взяты въ губернскую канцелярію и содержатся подъ карауломъ же. Архіерей велѣлъ иподіакону словесно донести Синоду, что онъ содержится по дѣлу попа Ефимова, бумаги, пера и чернилъ ему давать не велѣно. Сенатъ приказалъ выпустить архіерея и консисторскихъ членовъ, если они схвачены не по первымъ двумъ пунктамъ. Изъ экстракта, присланнаго воренежскою губернскою канцеляріею, Сенатъ усмотрѣлъ, что въ арестованіи епископа Ѳеофилакта виновенъ канцеляристъ Дмитріевъ, «который подалъ запечатанное доношеніе по первому пункту на епископа и указалъ свидѣтелей—архимандрита и священника, почему и тѣ арестованы; по опредѣленію канцеляріи велѣно доносителя и обвиняемыхъ, по силѣ указа 1730 года, послать въ тайную канцелярію, но не посланы потому, что изъ поданнаго доношенія попа Ефимова и изъ разсказа Дмитріева обнаружилось содержаніе его доношенія по первому пункту: онъ обвинялъ епископа въ томъ, что тотъ бросилъ рублевикъ на землю, а на монетѣ было изображеніе императрицы.—Дмитріева, за ложный доносъ, высѣкли кнутомъ нещадно и сослали въ Оренбургъ [103].

Въ самомъ Синодѣ происходили частыя столкновенія его членовъ съ оберъ-прокуроромъ, кн. Шаховскимъ. Шаховской замѣтилъ, что духовные особы берутъ надъ нимъ верхъ разумомъ и краснорѣчивымъ объясненіемъ своихъ дѣйствій: поэтому не безопасно было вступать съ ними въ споры безъ приготовленія, безъ изученія духовныхъ дѣлъ и всего связаннаго съ интересами духовнаго начальства. Другая опасность борьбы состояла въ томъ, что Синодъ, при благочестивой императрицѣ получилъ большее значеніе, чѣмъ имѣлъ прежде, духовникъ Елисаветы,

протоіерей Дубянскій и фаворитъ Разумовскій были всегда готовы заступиться за него предъ Елисаветою. Главнымъ поводомъ къ столкновенію были интересы матеріальные. По указу Петра Великаго синодальные члены должны были получать опредѣленное имъ жалованье только въ томъ случаѣ, когда доходы ихъ (архіереевъ съ епархій, и архимандритовъ съ монастырей) были меньше этого жалованья, и тогда имъ должно было добавить изъ него къ суммѣ доходовъ, для чего они прежде всего должны были объявить эту сумму. Но они, не объявляя доходовъ, потребовали себѣ полнаго жалованья; Шаховской не соглашался, и требовалъ, съ своей стороны, чтобъ члены Синода или объявили свои доходы или просили себѣ жалованья у императрицы съ отмѣною закона Петра Великаго. Синодальные члены подали императрицѣ жалобу на Шаховского, что онъ незаконно препятствуетъ выдачѣ имъ жалованья. Елисавета потребовала объясненія у оберъ-прокурора и признала его поведеніе вполнѣ законнымъ. Шаховской хвалится въ своихъ запискахъ, что сберегъ такимъ образомъ болѣе 100,000 рублей. Синодальные члены отомстили ему за такое сбереженіе, отказавшись выдавать ему самому жалованье изъ синодальныхъ доходовъ, на томъ основаніи, что не имѣютъ точнаго на этотъ счетъ указа. Шаховской, въ свою очередь, жаловался императрицѣ на письмѣ; прошло два мѣсяца — никакого отвѣта; онъ подалъ вторично письмо; прошло четыре мѣсяца— никакого отвѣта. Шаховской обратился тогда къ фавориту Разумовскому, и тотъ обѣщалъ свое ходатайство. Чрезъ нѣсколько недѣль случился церковный праздникъ, и Шаховской отправился ко всеночной въ большую придворную церковь, гдѣ была и Елисавета. Императрица обыкновенно становилась позади праваго клироса, недалеко отъ пѣвчихъ; поговоря немного съ ними, и взявши одну богослужебную книгу, она подозвала къ себѣ оберъ-прокурора и показала ему, какъ книга была неисправно напечатана. Шаховской воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ въ очень не красивомъ видѣ представить поведеніе людей, лишающихъ его жалованья. Императрица милостиво его выслушала, и потомъ чрезъ нѣсколько времени подозвавши его опять, сказала: «Я виновата: все позабываю о твоемъ жалованьѣ приказать.» Но прошло еще болѣе двухъ мѣсяцевъ, а указа о жалованьѣ не было, какъ случился другой праздникъ, и Елисавета, увидавши его,

опять сказала: «Вотъ я забыла о вашемъ о жалованьѣ»; но на этотъ разъ она подозвала сенатскаго оберъ-прокурора и велѣла ему завтра же ѣхать въ Синодъ и объявить, чтобъ не дѣлали болѣе препятствій къ выдачѣ жалованья оберъ-прокурору изъ суммы, изъ которой онъ и прежде получалъ.

Другое столкновеніе у оберъ-прокурора съ членами Синода произошло по поводу одного архимандрита, замѣченнаго недалеко отъ монастыря крестьянами въ безнравственномъ поступкѣ. Члены Синода старались замять соблазнительное дѣло; Шаховской настаивалъ, чтобъ съ преступникомъ было поступлено по всей строгости законовъ. Члены Синода нашли средство внушить императрицѣ, что крестьяне оклеветали архимандрита, что оберъ-прокуроръ излишне строгъ, и что отъ разглашенія этого дѣла происходитъ всенародное посмѣяніе всему монашеству, что теперь имъ архіереямъ нельзя по улицѣ ѣздить: пальцами на нихъ показываютъ и вслухъ говорятъ оскорбительныя слова. Внушеніе подѣйствовало, крестьяне, какъ клеветники, были наказаны, архимандритъ только переведенъ въ другой монастырь, чтобъ уничтожить память о дѣлѣ, Шаховской подвергся немилости. Но онъ дождался своего времени. Однажды, когда ему случилось быть во дворцѣ, императрица подозвала его къ себѣ и съ неудовольствіемъ сказала: «Чего Синодъ смотритъ? я вчера была на освященіи церкви въ Конногвардейскомъ полку, тамъ на иконостасѣ вмѣсто ангеловъ поставлены разные болваны, на подобіе купидоновъ, чего наша церковь не дозволяетъ.» Шаховской воспользовался случаемъ и съ печальнымъ видомъ повелъ рѣчь о неустройствахъ, допускаемыхъ Синодомъ, что онъ, оберъ-прокуроръ подаетъ безпрестанно предложенія объ уничтоженіи этихъ неустройствъ, но этимъ возбуждаетъ противъ себя только неудовольствіе синодальныхъ членовъ, которые подъ видомъ добродѣтели, истины и справедливости краснорѣчиво закрываютъ ложь, какъ недавно случилось въ дѣлѣ архимандрита. Тутъ Елисавета съ особеннымъ любопытствомъ спросила: «А развѣ дѣло рѣшено не такъ какъ слѣдовало?» Шаховской постарался изъяснить и удостовѣрительно доказать злоковарные происки. На глазахъ у Елисаветы показались слезы и она со вздохомъ сказала: «Боже мой! можноль мнѣ было подумать, чтобъ такъ меня обманывать отважились! весьма о томъ сожалѣю, да ужь

пособить нечѣмъ.» И послѣ она не разъ повторяла эти слова при своихъ приближенныхъ, отзываясь съ похвалою о Шаховскомъ. Тогда члены Синода рѣшились на сильное средство, чтобъ отдѣлаться отъ невыносимаго оберъ-прокурора. Генералъ-прокуроръ князь Трубецкой призываетъ къ себѣ Шаховского и объявляетъ ему великое неудовольствіе императрицы, ибо синодальные члены, стоя на колѣнахъ предъ ея величествомъ, со слезами просили, что имъ нѣтъ болѣе возможности сносить докучныя, дерзкія и оскорбительныя, письменныя и словесныя предложенія и непристойные споры оберъ-прокурора, просили, чтобъ или всѣхъ ихъ уволить отъ присутствія въ Синодѣ или взять отъ нихъ Шаховского. Елисавета, какъ обыкновенно съ нею бывало подъ первымъ впечатлѣніемъ, велѣла представить кандидата на оберъ-прокурорское мѣсто въ Синодъ, и Трубецкой совѣтовалъ Шаховскому не ѣздить туда болѣе. Но Шаховской зналъ хорошо Елисавету, и потому спросилъ у генералъ-прокурора, имѣетъ ли онъ точный указъ, что ему не ѣздить болѣе въ Синодъ, и если имѣетъ, то далъ бы ему указъ на письмѣ. Трубецкой отвѣчалъ, что указа нѣтъ, а что онъ, принимая въ соображеніе обстоятельства, только совѣтуетъ не ѣздить болѣе въ Синодъ. Но Шаховской не принялъ совѣта, на другой же день поѣхалъ въ Синодъ и представилъ къ рѣшенію затянутыя дѣла, объявивъ, что если они не будутъ рѣшены немедленно, то онъ доложитъ объ этомъ ея величеству. Легко себѣ представить изумленіе членовъ Синода, одинъ изъ которыхъ сказалъ ему: «Знать вы спокойно прошедшую ночь спали, что теперь вдругъ за такія хлопотливыя дѣла принялись?»—«Очень спокойно,» отвѣчалъ Шаховской. И такъ какъ дѣла не были рѣшены, то онъ и исполнилъ свое обѣщаніе, при первомъ удобномъ случаѣ донесъ императрицѣ, какъ много важныхъ церковныхъ дѣлъ, по пристрастіямъ, остается безъ рѣшенія; и частыя напоминанія о нихъ оберъ-прокурора только умножаютъ ненависть къ нему. Елисавета выслушала благосклонно и обѣщала помочь ему. Тогда Шаховской обратился къ генералъ-прокурору съ просьбою представить его кандидатомъ на президентское мѣсто въ одну изъ коллегій. Трубецкой исполнилъ просьбу немедленно, но получивъ въ отвѣтъ отъ императрицы: «Онъ мнѣ въ Синодѣ надобенъ и я его оттуда не отпущу, я довольно уже узнала его справедливые поступки» [104].

Елисавета, какъ мы видѣли изъ разказовъ князя Шаховского, откровенно признавалась, что забывала о дѣлахъ. Люди нерасположенные обыкновенно приписывали это разсѣянности, страсти заниматься мелочами; но нельзя не признать, что причиною забывчивости были и заботы о дѣлахъ важныхъ, о дѣлахъ внѣшней политики, связанныхъ съ отношеніями къ людямъ близкимъ. Не видя долго оберъ-прокурора Синода, легко было забыть о его борьбѣ съ членами Синода, когда занималъ важный вопросъ войны и мира, когда канцлеръ, по поводу этого вопроса, боролся съ вице-канцлеромъ, когда, въ слѣдствіе того же вопроса надобно было зорко слѣдить за отношеніями великаго князя — наслѣдника и жены его. Мы видѣли торжество Бестужева надъ противниками въ прусскомъ вопросѣ. Воронцовъ былъ за границею. Въ перепискѣ своей съ нимъ Бестужевъ называлъ вице-канцлера своимъ искреннимъ и нелицемѣрнымъ другомъ, а себя вѣрнѣйшимъ и усерднѣйшимъ его слугою, извѣщалъ, что императрица всегда милостиво отзывается объ немъ и его женѣ; писалъ: «Я безъ похвалы сказать могу, что рѣдко такой день проходитъ, когда бъ я съ прочими вашего сіятельства пріятелями за здравіе ваше не пилъ [105].» Но Воронцовъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что канцлеръ не согласился сообщать ему за границу извѣстія о важныхъ секретныхъ дѣлахъ; еще болѣе огорчился онъ, когда узналъ объ удаленіи изъ Петербурга человѣка, который былъ его правою рукою, и какъ говорятъ [106], руководителемъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Адріана Неплюева, назначеннаго резидентомъ въ Константинополь. Воронцовъ не скрылъ своего неудовольствія въ письмѣ къ Бестужеву, и тотъ отвѣчалъ ему: «Что ваше сіятельство принятой резолюціи въ представленіи Андреяна Ивановича къ отправленію въ Царьградъ удивляетесь, то я, сіе въ своемъ мѣстѣ оставляя, къ тому прибавить за потребно нахожу, что каковъ онъ по мнѣнію вашего сіятельства нашей коллегіи надобенъ быть ни казался, то однакожь я вамъ могу засвидѣтельствовать, что ежели дѣла не лучше, то, по меньшей мѣрѣ, не хуже прежняго исправляются, какъ ваше сіятельство по благополучномъ своемъ сюда возвращеніи о томъ сами изъ дѣлъ удостовѣрены будете, и я не примѣчаю, что отъѣздъ его отсюда наималѣйшую какую остановку или отмѣну въ дѣлахъ причинствуетъ и впредь

причинствовать могъ бы. Что же ваше сіятельство объ усердіи и преданности его ко мнѣ упоминать изволите, то я уповаю, что вы сами засвидѣтельствовать можете, какое я взаимно еще прежде вступленія вашего сіятельства въ министерство и во время онаго рекомендованіемъ его въ вашу милость и крайнѣйшимъ о его благополучіи усердствованіемъ попеченіе имѣлъ, такъ что я не думаю, чтобъ отецъ за сына горячае вступаться могъ, и потому ежели у него такіе ко мнѣ сентименты были, я оные уповательно заслужилъ, да и понынѣ еще никакой причины къ жалобѣ не подалъ [107].»

Изъ писемъ Бестужева ясно видно, какъ онъ боялся Воронцова, какъ льстилъ ему, желая войти съ нимъ въ прежнія дружескія отношенія, въ прежнее политическое единомысліе, старался напоминать ему объ его кіевскомъ мнѣніи, направленномъ противъ Пруссіи. Говоря о мирѣ между Австріею, Саксоніею и Пруссіею, Бестужевъ пишетъ: «Ежели бы кіевское вашего сіятельства мнѣніе въ дѣйство произведено было, то всеконечно всего того не воспослѣдовало бы. Труды же и убытки, причиненные движеніемъ войскъ нашихъ, мнѣ ни малѣйше излишними быть не видятся, ибо тамъ по меньшей мѣрѣ резонабельнѣйшій миръ заключенъ, нежели бы того при столь полезныхъ короля прусскаго авантажахъ, когда бъ и мы въ оплошномъ состояніи были, ожидать надлежало. Такія со стороны ея импер. величества премудрыя предосторожности еще вящимъ усиленіемъ войскъ неотмѣнно продолжаются, ибо вашему сіятельству довольно извѣстно и вы представленіями своими ея импер. величеству неоднократно напоминали, какого мы опаснаго сосѣда имѣемъ, который ничего болѣе за свято не поставляетъ [108].»

Воронцовъ проѣхалъ Италію, Францію. Отовсюду онъ писалъ своему двору, какъ его принимали. Бестужевъ не упустилъ случая возбудить въ немъ неудовольствіе противъ французскаго правительства, выставивъ не очень почетный пріемъ ему сдѣланный: «Подлинно, писалъ онъ, вашему сіятельству во всѣхъ французскихъ городахъ толико чести, какъ коронованной главѣ, оказано, ибо для васъ гарнизоны въ ружье ставили, и изъ пушекъ стрѣляно, и капитаны съ цѣлою ротою для караула придаваны бывали, почему я ожидалъ, что потому жъ и въ Парижѣ пріемъ для вашего сіятельства распоряженъ будетъ. Но

въ какое я удивленіе пришелъ, когда я весьма противное тому усмотрѣлъ, особливо же, что ея сіятельству дражайшей вашей супругѣ табурета у королевы не дозволено, которая честь однакожь всѣмъ знатнымъ гишпанскимъ дамамъ и посольскимъ женамъ, которыхъ ея сіятельство какъ по рангу своему, такъ наипаче по природѣ не меньше чинится, и по моему слабому мнѣнію лучше было бъ королевы совсѣмъ не видать, нежели только мимоходомъ привѣтствованною быть [109].»

Бестужевъ удивлялся также, что министръ Людовика XV, маркизъ Даржансонъ не говорилъ съ Воронцовымъ о дѣлахъ. Но канцлеръ не могъ замѣтить ничего противъ пріема, какой сдѣланъ былъ Воронцову въ Пруссіи на возвратномъ пути. Воронцовъ писалъ о разговорѣ своемъ съ Фридрихомъ II въ Потсдамѣ 10 іюля: «Его величество по принятіи моего поклона мнѣ говорить изволилъ, что какъ донынѣ общая дражайшая дружба съ ея император. величествомъ съ начала счастливаго вступленія ея на престолъ толь благополучно взаимно содержана была, такъ нынѣ съ немалымъ прискорбіемъ оную видитъ совершенно алтерирована; что съ своей стороны къ тому никакого повода никогда не подалъ, кромѣ что его непріятели и зломыслящіе, завидуя сей тѣсной дружбѣ, всячески стараются оную испровергнуть и въ ссору привести разными лживыми внушеніями и о которыхъ никто доказать не можетъ, чтобъ онъ король какіе-нибудь непріятельскіе виды до ея император. величества и до государства россійскаго имѣлъ, но ниже что впредь учинить хощетъ, еже ея императ. величеству въ противность быть можетъ, въ чемъ детестируетъ всякаго, ктобъ противъ сего правильно сказать могъ. Я на сіе его величеству отвѣтствовалъ, что по отъѣздѣ мой, сколько мнѣ извѣстно было, ея императ. величество съ своей стороны всегда соизволила желать съ нимъ королемъ въ непремѣнной дружбѣ пребывать: того ради надѣюсь, что и понынѣ въ тѣхъ же полезныхъ сентиментахъ находиться изволитъ. Его величество на сіе репликовалъ, что онъ по обращеніямъ дѣлъ видѣть можетъ, что оныя до такого экстремитета доводятся, чтобъ или ея императ. величество прямо недружески на него наступить имѣла, или его столько огорчивши принудить, чтобъ онъ самъ на то дѣйство поступилъ, къ чему съ своей стороны никогда не намѣренъ сіе учи-

нить, развѣ бы съ обѣихъ сторонъ напрасно себя разорить хотѣли, но всѣ происшедшія неудовольства сколько возможно терпѣливо снести имѣетъ. Я спросилъ его величество, въ чемъ состоять имѣютъ сіи наущенія непріятелей его величества? На то его величество сказать изволилъ, что внушено было будто онъ при Туркахъ и въ Польшѣ разныя возмущенія противъ Россіи производилъ, что въ Швеціи наступательный трактатъ заключить хощетъ, по которому завоеванныя отъ Швеціи провинціи имъ назадъ возвратить обѣщаетъ; что все сіе такая мерзкая ложь, что ея император. величество ни единаго человѣка какъ въ Швеціи, такъ и индѣ сыскать не изволитъ, который бы о семъ дѣлѣ доказать могъ, въ чемъ онъ меня своимъ королевскимъ словомъ обнадежить можетъ, что все вышепомянутое заложно затѣяно, а что съ Швеціею оборонительный трактатъ заключить намѣренъ, о томъ уже давно при дворѣ ея импер. величества объявилъ»[110].

Фридрихъ II подарилъ Воронцову богатую шпагу съ бриліантами и велѣлъ даромъ возить по всѣмъ своимъ областямъ. Мардефельдъ въ своихъ письмахъ къ Воронцову называлъ его наидостойнѣйшимъ министромъ и наичестнѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ. Это очень не нравилось въ Петербургѣ. Очень не нравилось также сближеніе Воронцова съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою, хотя Бестужевъ отправилъ отъ имени императрицы приказъ Воронцову, чтобъ жена его не цѣловала руки у принцессы. Принцесса дала Воронцову письмо къ дочери; но Воронцовъ, по какой-то удивительной разсѣянности, отправилъ его по почтѣ и оно попало въ руки Бестужеву. Въ письмѣ своемъ принцесса жаловалась, что Екатерина рѣдко пишетъ къ ней и это производитъ дурное впечатлѣніе; жаловалась, что великій князь удалилъ отъ себя Брюммера и Берхгольца, людей вполнѣ ему преданныхъ; жаловалась, что въ Голштиніи преслѣдуютъ довѣренныхъ слугъ брата ея, бывшаго администратора, теперь наслѣднаго принца шведскаго; дурное впечатлѣніе производитъ то, что первое время вступленія великаго князя въ управленіе ознаменовано гоненіями; по мнѣнію принцессы во всемъ виноваты Датчане, которые стараются перессорить родственниковъ, принцевъ голштинскихъ. «Я въ графѣ Воронцовѣ, писала принцесса, нахожу человѣка испытанной преданности, исполненнаго ревности къ

общему дѣлу; я откровенно сообщила ему свои мнѣнія, что всѣми мѣрами надобно стараться о соглашеніи. Онъ мнѣ обѣщалъ приложить объ этомъ свое стараніе. Соединитесь съ нимъ, и вы будете болѣе въ состояніи разобрать эти трудныя отношенія, но будьте осторожны и не пренебрегайте никѣмъ. Поблагодарите вице-канцлера и жену его, Анну Карловну, что они для свиданія съ нами сдѣлали нарочно крюкъ. Усердно прошу, сожгите всѣ мои письма, особенно это.»

Бестужевъ, представляя письмо Елисаветѣ, по обычаю, снабдилъ его своими примѣчаніями. «Когда принцесса цербстская отсюда поѣхала, то сближеніе вице-канцлера съ Лестокомъ, Трубецкимъ и Румянцевымъ еще не было вполнѣ утверждено, что, по моему мнѣнію, и означаетъ соглашеніе, *примиреніе духовъ* (reconciliation des esprits). Вице-канцлеръ могъ обѣщать приложить свое стараніе, ибо, какъ показалъ племянникъ Лестока Шапизо, Воронцовъ во время путешествія своего уже производилъ съ Лестокомъ конфидентную переписку. *Соединитесь съ нимъ*: если бъ это только означало низверженіе канцлера, то не было бы нужды въ такой таинственности, не было бы нужды принимать такъ много мѣръ. *Сожгите, прошу прилежно, всѣ мои письма, особливо же сіе.* Прилежная просьба о сожженіи всѣхъ писемъ показываетъ, что и прежнія письма не меньшей важности были, какъ и это.» Бестужевъ жаловался императрицѣ, что отъ великаго князя и великой княгини ходятъ письма мимо его, пишутся они и къ подписанію носятся Олсуфьевымъ, тогда какъ сдѣлано распоряженіе изготовлять ихъ въ иностранной коллегіи и членъ коллегіи, Веселовскій долженъ носить ихъ къ ихъ высочествамъ для подписанія [111].

Много также вредили Воронцову перехватываемыя депеши Дальона. «Императрица, писалъ Дальонъ, прекрасная, чрезвычайно пріятная, величественная, рузумная и проницательная составила бы благополучіе народовъ и приводила бы иностранцевъ въ удивленіе, если бъ не была слишкомъ предана забавамъ. Она скрытна и подозрительна, крайне горда, не знаетъ, что такое благодарность: это испытала на себѣ Франція. Ни къ какой иностранной націи она не показываетъ пристрастія, свой народъ чрезвычайно любитъ, но еще болѣе боится его. Бестужевъ ненавидитъ Французовъ, особенно по внушеніямъ брата. Онъ продаетъ

императрицу за чистыя деньги Англичанамъ, Австрійцамъ и Саксонцамъ, не отнимая у себя впрочемъ свободы подбирать и гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; онъ имъ обѣщаетъ употреблять въ ихъ пользу русскія силы, но имъ не служитъ. Воронцовъ человѣкъ небольшаго ума. Неопытность вовлекла его въ большую часть проектовъ Бестужева, однако онъ имѣлъ силу многіе изъ нихъ не допускать до осуществленія. Нація вздыхаетъ больше всего о покоѣ и тишинѣ, иностранцевъ ненавидитъ и имѣетъ право, ибо если они принесли многія знанія, за то и употребляли ихъ во зло. Баронъ Черкасовъ чрезвычайно насильственный и грубый, но притомъ умный и искусный человѣкъ, особенно въ наукѣ пользоваться слабостями своей государыни; этими качествами онъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе своему мѣсту, которое само по себѣ не высоко. Онъ правая рука канцлера и чудное въ глазахъ націи качество имѣетъ всѣхъ вообще иностранцевъ ненавидѣть.» Дальонъ рѣшился даже написать своему двору о возможности, что канцлеръ возьметъ сторону принца Іоанна (бывшаго императора) противъ существующаго правительства. На это извѣстіе Бестужевъ дѣлаетъ очень важное замѣчаніе, изъ котораго видно, что онъ чрезъ Воронцова и Лестока вошелъ въ сношенія съ Елисаветой до ея восшествія на престолъ: «Ея величество о несомнѣнной канцлеровой вѣрности еще прежде всерадостнаго восшествія на прародительскій престолъ чрезъ графа Михайлу Ларіоновича и Лестока удовлетворительные опыты получила и о томъ всемилостивѣйше вспомнить изволитъ.»

Несмотря на не очень лестные отзывы о способностяхъ Воронцова, Дальонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія, продолжая ласкать себя и своихъ надеждою, что вице-канцлеръ свергнетъ канцлера. Дальонъ въ своихъ депешахъ дѣлалъ сильныя выходки противъ великаго князя, который сначала публично и не разъ говорилъ о канцлерѣ Бестужевѣ какъ о величайшемъ плутѣ и безчестнѣйшемъ человѣкѣ, а теперь допустилъ его къ себѣ какъ довѣреннѣйшаго человѣка. Принцъ Августъ, братъ и непріятель кронъ-принца шведскаго, и Пехлинъ, бывшій голштинскимъ министромъ въ Стокгольмѣ — вотъ главныя орудія, которыя употребляетъ канцлеръ, чтобъ войти въ приближеніе къ наслѣднику. Дальонъ ходатайствовалъ о возобнов-

леніи годовой пенсіи въ 4,000 ливровъ княгинѣ Долгорукой (Иринѣ) и графинѣ Румянцовой: Долгорукая, урожденная Голицына, находилась въ свойствѣ со всею знатью при дворѣ, сынъ ея, возвращающійся изъ Парижа, вѣрно будетъ употребленъ въ иностранной коллегіи; Румянцева въ большей милости у императрицы. Явное торжество Бестужева приводило въ отчаяніе Дальона; онъ видѣлъ все въ черномъ свѣтѣ и ждалъ спасенія — отъ пріѣзда Воронцова. «Все зло состоитъ въ томъ, писалъ онъ, что больше уже не знаютъ, какимъ путемъ доводить до государыни свои мнѣнія; всякій держитъ себя въ величайшей скрытности, и если графъ Воронцовъ не пріѣдетъ для скорѣйшаго поправленія дѣлъ, то здѣшній дворъ скоро будетъ походить на султанскій, при которомъ видятъ только верховнаго визиря и разговариваютъ только съ нимъ; впрочемъ здѣшній дворъ довольно уже походитъ на султанскій по другимъ обстоятельствамъ, которыя вы безъ труда отгадаете. Не знаютъ нынѣ здѣсь ни вѣры, ни закона, ни благопристойности.» На это Бестужевъ замѣтилъ: «Сіи и сему подобныя Даліономъ чинимыя враки ему непримѣтнымъ образомъ путь въ Сибирь пріуготовляютъ; но понеже оныя современемъ усугубятся да и по пріумножающейся Мардефельдовой къ нему конфиденціи нѣчто и о прусскихъ проискахъ иногда свѣдано быть можетъ: того ради слабѣйше мнится ему еще на нѣсколькое время свободу дать ядъ его долѣе испущать.»

Удаленіе Брюммера и Бергхольца отъ великаго князя и изъ Россіи было новымъ ударомъ для французскихъ интересовъ; Дальонъ пишетъ: «Брюммеръ и Бергхольцъ отъѣзжаютъ — первый съ пенсіею около 3,000 нѣмецкихъ талеровъ, а другой и меньше того. Князь Репнинъ, одинъ изъ пріятнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей въ Россіи, сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ двора великаго князя, а госпожа Чоглокова, племянница императрицы, объявлена оберъ-гофмейстериною великой княгини, ибо они въ совершенной зависимости отъ канцлера. Этимъ перемѣнамъ предшествовало заарестованіе одного стараго камердинера великаго князя, къ которому онъ питалъ большую довѣренность; арестовали его въ часъ пополуночи съ женою и дѣтьми и вѣрно отвели въ крѣпость, гдѣ безъ сомнѣнія находится и секретарь Брюммера. Весьма строго запрещено всѣмъ приближающимся къ

великому князю говорить ему объ этомъ заарестованіи. Постановлено, что лакеи великаго князя будутъ еженедѣльно перемѣняться. Брюммеръ и Бергхольцъ, люди преданные французскимъ интересамъ, удалены отъ великаго князя съ его позволенія; въ этомъ принцѣ ежедневно происходятъ перемѣны къ его невыгодѣ; онъ совершенно предался канцлеру Бестужеву, дознанному и самому опасному врагу голштинскаго дома; довершая свое ослѣпленіе, великій князь дѣлаетъ или своимъ именемъ дѣлать допускаетъ все, что можетъ повести къ полному несогласію между нимъ и кронъ-принцемъ шведскимъ. Поступаютъ наперекоръ Петру Великому относительно духовенства, допускаютъ его день ото дня приходить въ большую силу и здѣшняя страна походитъ на страну инквизиціи. Императрица дѣлаетъ это для прикрытія нѣкоторыхъ обстоятельствъ своей жизни; но страна придетъ въ прежнее варварское состояніе, ибо духовенство не можетъ получить верха безъ помощи невѣжества и суевѣрія.»

Объ удаленіи Брюммера и Бергхольца Мардефельдъ такимъ образомъ донесъ своему двору: «Принцъ-администраторъ далъ знать Брюммеру и Бергхольцу, что великій князь не признаетъ удобнымъ, чтобъ они долѣе здѣсь жили; тогда они стали просить отпуска, и тотчасъ его получили.» Бестужевъ замѣтилъ на это донесеніе: «Весьма ложно Мардефельдъ доноситъ, будто великій князь Брюммера и Бергхольца выслать хотѣлъ; но имъ опредѣленія о пожалованіи актовъ и пенсій вручены, на что они однакожъ грубымъ и непристойнымъ образомъ абшидовъ своихъ требовали, не прося ни словомъ о пенсіяхъ, слѣдовательно съ достоинствомъ и честію его импер. высочества не сходствовало бъ имъ милость свою пожаловать.»

Наконецъ Воронцовъ возвратился въ Петербургъ въ августѣ описываемаго года и Дальонъ далъ знать во Францію, что доволенъ визитомъ, который онъ сдѣлалъ вице-канцлеру: онъ выслушалъ сообщенныя мною извѣстія о бывшихъ въ его отсутствіе приключеніяхъ съ такимъ видомъ, изъ котораго можно понять, что перемѣна сцены за нимъ не стала бы. Воронцовъ очевидно огорченъ на Бестужева, и сказалъ мнѣ, что зло происходитъ нѣкоторымъ образомъ отъ того, что отовсюду писали въ Петербургъ о скорой перемѣнѣ, имѣющей послѣдовать по

возвращеніи его въ Россію. На этой депешѣ, захваченной, прочитанной и отданной Воронцову, тотъ написалъ: «Хотя ваше имнер. величество и изволили повелѣть нарочно подавать поводъ, дабы чрезъ то можно болѣе что вывѣдать о намѣреніяхъ Дальоновыхъ, токмо сіе не безъ опасности кажется съ нимъ вступать въ дальній разговоръ, ибо и безъ того разныхъ неосновательныхъ разсужденій и толкованій много происходитъ.— На сей пасажъ болѣе отъ меня ничего не сказано было, какъ токмо, что какъ о отъѣздѣ моемъ отсюда, такъ и о пріѣздѣ много напрасныхъ толкованій въ иностранныхъ государствахъ происходило, равномѣрно какъ и о пустыхъ ожиданіяхъ какой-либо перемѣны здѣсь.»

Но Бестужевъ сдѣлалъ такую замѣтку: «Сіе съ учиненнымъ Даліономъ Даржансону въ прошломъ 1745 году предварительнымъ обнадеживаніемъ, а именно, что вице-канцлеръ для обученія своего разные европейскіе дворы посѣщать, а потомъ сюда для опроверженія своего товарища пріѣхать и главное правленіе дѣлъ себѣ присвоить намѣренъ — весьма сходствуетъ. Ея имнер. величество, по природной своей прозорливости изъ того безъ затрудненія разсудить можетъ, какое бѣдное и сожалительное канцлерово житье есть, будучи уже двадцать шестой годъ въ министерствѣ, и коль легко малый остатокъ слабой памяти его поврежденъ быть можетъ, ежели всещедрѣйшимъ ея имнер. величества защищеніемъ отъ того освобожденъ не будетъ, ибо канцлеръ почти ежедневно принужденъ или непріятныя извѣстія отъ французскихъ министровъ о своемъ низверженіи ни за что иное, какъ токмо за то, что онъ ея имнер. величеству всею душою своею преданъ и несмотря на всѣ препятствія и прекословія о благѣ имперіи крайнѣйше старается слышать, или же иногда вмѣсто отправленія прямыхъ дѣлъ невинно начатую и впредь ожидаемыя явки очищать, еже при случаѣ посылки галеръ въ Ревель учинилось, хотя оное собраннымъ въ Петергофѣ совѣтомъ для потревоживанія въ Стокгольмѣ французско-прусской партіи, а для ободренія добронамѣренныхъ патріотовъ, слѣдовательно въ пользу ея императ. величества всевысочайшихъ интересовъ на мѣрѣ постановлено, а потомъ ея императ. величествомъ апробовано и подписаніемъ указа подтверждено было. И потому канцлеръ какъ изъ преды-

дущаго, такъ и изъ сего послѣдняго заключить основательную причину имѣетъ, что непріятели его вице-канцлера на него преогорчили и съ нимъ ссорили, потому что канцлеръ въ дѣлахъ ея императ. величества съ покойнымъ княземъ Черкаскимъ и тайнымъ совѣтникомъ Бреверномъ никогда такихъ споровъ не имѣлъ, и дабы отъ такихъ споровъ и прекословій и невиннаго преогорченія избавленнымъ быть, то канцлеръ всеглубочайше проситъ его отъ такого печальнаго въ пятьдесятъ четвертомъ году своей старости житія защитить и освободить.»

Канцлеръ былъ защищенъ и освобожденъ.

Въ концѣ года Дальонъ съ отчаяніемъ писалъ Даржансону о чрезвычайномъ усиленіи Бестужева: «Въ обхожденіи моемъ съ графомъ Воронцовымъ я въ точности послѣдую вашимъ намѣреніямъ. Я съ великимъ стараніемъ его приласкиваю; внушаю ему опасенія для будущаго какъ относительно императрицы, такъ и относительно его лично; я побуждаю его къ припятію сильныхъ предосторожностей; я заставляю дѣйствовать въ немъ самолюбіе. Если что можно сдѣлать, то помощи надобно ожидать отъ времени. Вице-канцлеръ находитъ на пути своемъ такія препятствія, которыя преодолѣть очень трудно. Бестужевъ въ послѣднее время такое дѣло сдѣлалъ, которое ему упрочиваетъ милость и довѣренность, и разрушаетъ планы графа Воронцова: онъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго. Очень прискорбно для меня и вредно для королевской службы, что препятствія день ото дня умножаются, такъ что я теперь не усматриваю, что намъ больше дѣлать при здѣшнемъ дворѣ, какъ только продолжать борьбу съ господствующею партіею, пользоваться обстоятельствами и всѣми способами обезпокоивать Россію» [112].

Воронцовъ, видя холодность со стороны императрицы, въ декабрѣ рѣшился написать ей: «Всенижайше у вашего импер. величества позволенія испрашиваю какъ вашему вѣрному рабу донести бѣдное и мучительное состояніе моего сердца, которое отъ самаго пріѣзда моего денно и ночно столько страждетъ и печалится, видя дражайшую милость вашего и. в—ства къ себѣ отмѣнну. Какую жъ я отъ того скорбь и печаль терплю, о томъ Всевидящему Богу извѣстно, а мнѣ здѣсь никакъ писать не можно. Я долженъ думать, что тонкая и хитрая злость только

умѣла непримѣтно вкрасться и такъ безсовѣстно повредить меня у вашего и. в—ства и такими красками написать, что я ежели уже невѣрнымъ вовсе, то хотя по малой мѣрѣ сумнительнымъ предъ глаза вашего и. в—ства представленъ нахожусь. Богъ свидѣтель сердца моего, сколько много я сверхъ моей всеподданнической должности ваше и. в—ство люблю и за васъ животъ мой во всякомъ случаѣ отдать хочу: того ради не знаю, за чтобъ мнѣ лишиться дражайшей вашей милости и прежней повѣренности? О партикулярной же чьей вѣрности и услугѣ къ высочайшей вашей персонѣ я готовъ со всякимъ счесться, ктобъ онъ таковъ ни былъ, ежелибъ похотѣлъ лучше ревностію и доброжелательствомъ къ вашему и. в—ству персонально и къ интересамъ вашимъ радѣтельнѣе быть нежели я, съ которымъ намѣреніемъ и до конца жизни моей пребуду» [113].

Это письмо служило лучшимъ доказательствомъ торжества Бестужева, но торжествующій канцлеръ находился въ затруднительномъ положеніи: онъ былъ не богатъ, а мѣсто имъ занимаемое требовало жизни на широкую ногу. Онъ жаловался, что не можетъ принимать и угощать иностранныхъ министровъ въ своемъ бѣдномъ, тѣсномъ домѣ; императрица подарила ему большой домъ, но его нужно было отдѣлать, а средствъ не было. Канцлеръ обратился къ англійскому посланнику, лорду Гиндфорду; прежде дѣланы были ему отъ лондонскаго двора предложенія на счетъ подарковъ, но онъ не принималъ; теперь имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, разорившись на отстройку великолѣпнаго дома, проситъ взаймы 10,000 фунтовъ безъ процентовъ, подъ залогъ дома. Гиндфордъ отвѣчалъ, что король не можетъ исполнить этой просьбы по причинѣ убыточной войны, такъ что министры и послы королевскіе около двухъ лѣтъ не получаютъ жалованья; но Бестужевъ настаивалъ, чтобъ Гиндфордъ отписалъ объ этомъ своему двору. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, Гаррингтонъ справился, что происходило вовремя посольства Вейча относительно подарковъ Бестужеву и нашелъ, что Вейчь никакихъ денегъ не давалъ Бестужеву, хотя имѣлъ на то полномочіе. Гиндфордъ предложилъ канцлеру 5,000 фунтовъ въ видѣ подарка; но тотъ подарка не принималъ, продолжалъ просить денегъ взаймы, говоря, что желаетъ навсегда сохранить руки и совѣсть свою чистыми; въ принятіи

же денегъ взаймы безъ процентовъ можетъ оправдать себя, потому что въ Россіи это случается каждый день. Наконецъ англійскій консулъ Вульфъ далъ ему взаймы 50,000 рублей подъ закладъ дома. Такъ какъ тогда требовался особый свидѣтель на каждую тысячу рублей, то Бестужевъ собралъ въ свидѣтели 50 человѣкъ изъ своихъ непріятелей, чтобъ отвратить подозрѣніе, будто деньги ему подарены, показать, что онъ очень бѣденъ и побудить императрицу заплатить за него долгъ» [114].

4 января при докладѣ канцлеръ имѣлъ удовольствіе услышать отъ императрицы, что надобно постараться безъ замедленія заключить союзы съ вѣнскимъ и датскимъ дворами [115]. Со стороны Вѣнскаго двора нельзя было ожидать медленности.

Отъ 15 числа февраля Ланчинскій доносилъ изъ Вѣны, что графъ Улефельдъ сказалъ ему: «Правда, прежняя система перемѣнилась; но для будущаго времени на всякій случай надобно обоимъ дворамъ принимать мѣры», — и скоро потомъ Улефельдъ объявилъ, что желается союзъ 1726 года перелить въ другую форму къ общему благу обоихъ домовъ и государствъ. Это желаніе усиливалось особенно сближеніемъ Саксоніи съ Франціею, заключеніемъ между ними договора, по которому Франція должна была платить субсидіи Саксоніи. Особенно взволновало Вѣну извѣстіе о бракѣ дофина на саксонской принцессѣ Маріи: «Въ публикѣ безконечно о томъ резонируется, писалъ Ланчинскій 8 ноября, что супружество это какъ нѣмецкой имперіи вообще, такъ и здѣшнему дому въ особенности фатально: Франція до сихъ поръ распоряжалась въ Имперіи по произволу посредствомъ Пруссіи и отчасти Саксоніи, а теперь и подавно будетъ предписывать законы. Король неаполитанскій уже имѣетъ въ супружествѣ старшую дочь польскаго короля, а теперь уже другая замашка бурбонскаго дома на австрійское наслѣдство. Теперь надобно смотрѣть, какъ саксонскій дворъ употребитъ свои полки, а французскія субсидіи безъ сомнѣнія ему удвоятся. Правда, въ этомъ супружествѣ два благопріятныхъ обстоятельства: прусскій дворъ по своей недружбѣ къ саксонскому не будетъ такъ расположенъ къ Франціи; потомъ это супружество произведетъ досаду въ Испаніи, которая прочила за дофина вторую свою принцессу; но все это слабое утѣшеніе: найдетъ Франція способы все согласить, всѣхъ удовольствовать.»

Въ Россіи были согласны на возобновленіе союзнаго договора 1726 года съ нѣкоторыми измѣненіями: такъ въ проектѣ выключено было обязательство подать помощь Австріи въ нынѣшней ея войнѣ съ Франціею, и когда уполномоченный Маріи Терезіи баронъ Бретлакъ жаловался на это ограниченіе договора, то канцлеръ отвѣчалъ, что такая помощь была бы для Россіи въ очевидную тягость безъ всякой взаимности. Бретлакъ объявилъ, что онъ имѣетъ два полномочія для заключенія союза, одно отъ императрицы королевы, а другое отъ супруга ея, какъ императора германскаго; кромѣ того дворъ его желаетъ, вмѣстѣ съ русскимъ, пригласить къ союзу короля польскаго и республику, также короля англійскаго въ качествѣ курфюрста ганноверскаго; послѣдній самымъ тайнымъ образомъ велѣлъ внушить вѣнскому двору, что какъ скоро будетъ заключенъ союзъ между императрицами русскою и римскою, то онъ приступаетъ къ нему съ обязательствомъ выставить 18,000 войска, и если король прусскій нападетъ на Россію или Австрію, то онъ обѣщаетъ не только всѣ свои силы, но и всю лежащую въ Ганноверѣ казну употребить на усмиреніе этого опаснаго сосѣда. Бретлакъ увѣдомилъ, что имѣетъ извѣстіе, будто прусскій король старался заключить четверной союзъ съ Франціею, Швеціею и Даніею, но будто отъ послѣдней державы еще мало къ нему склонности оказывается; отъ Швеціи же Фридрихъ II домогается уступки остальной Помераніи, чтобъ сдѣлать Пруссію морскою державою, и обѣщаетъ за это не только большую сумму денегъ, но и 9000 войска въ полное распоряженіе Швеціи.

Бретлакъ сообщилъ также копію письма Бонневаля къ прусскому министру Подевильсу отъ имени великаго визиря. Въ письмѣ говорилось объ общихъ интересахъ Турціи и Пруссіи, говорилось, что Порта безмѣрно уважаетъ заявленія дружбы, удополученныя отъ берлинскаго двора, что она съ честію и удовольствіемъ приметъ прусскаго министра, въ какомъ бы характерѣ онъ ни явился; если его прусское величество имѣетъ еще пространнѣйшія мысли, то султанъ и визирь съ радостію сдѣлаютъ все, что будетъ служить къ удовольствію его прусскаго величества, къ безопасности и благополучію обѣихъ имперій; все будетъ сдѣлано по инструкціямъ того министра, который пріѣдетъ изъ Пруссіи съ публичнымъ ли характеромъ, или, для

большаго секрета, и безъ характера, какъ простой путешественникъ.—На это письмо Бестужевъ написалъ замѣчанія: «Въ чемъ общій прусскій и турецкій интересъ инако состоять можетъ, какъ въ обезсилѣніи россійскаго и венгерскаго дворовъ? Такіе королемъ прусскимъ оттоманской Портѣ учиненные авансы о заключеніи съ нимъ тѣснаго союза ни малѣйше съ подданными Мардефельдомъ здѣсь письменными декларацiями о неимѣніи будто никакихъ съ турецкимъ дворомъ корресподенцій не сходствуютъ; но паче усматривается, что чинимыми имъ повсюду, и при самой оттоманской портѣ, происками объ усиленіи себя союзами и партіями, онъ ничего иного въ видѣ не имѣетъ, какъ чрезъ долго или коротко всемѣрно что-либо противъ Россіи предприднять и съ сей стороны себя безопаснымъ учинить, какъ и подлинно сущій его интересъ въ томъ состоитъ; но дабы взаимно для будущей безопасности своей колико возможно надежныя мѣры принять, то необходимо потребно былъ видится совѣтъ собрать для разсужденія въономъ о томъ, какимъ образомъ государственные доходы прибавить, а излишнія издержки убавить, дабы въ состояніи быть еще 50,000 человѣкъ передъ прежнимъ болѣе войска содержать, которые кромѣ нынѣшнихъ опасныхъ обстоятельствъ по обширностиздѣшней имперіи всегда потребны.»

Бретлакъ доставилъ канцлеру перехваченное Австрійцами письмо маркиза Даржансона къ французскому министру въ Берлинѣ Валори. Въ письмѣ говорилось, что прусскій король главное препятствіе своимъ замысламъ встрѣчаетъ въ Россіи, которая примѣшаетъ ему и въ Швеціи и въ Польшѣ, и потому надобно принять сильныя мѣры для воспрепятствованія петербургскому двору держать въ своей зависимости такія значительныя государства, какъ Швеція и Польша. Мы, писалъ Даржансонъ, имѣемъ надежду при оттоманской портѣ найти способы занять царицу съ этой стороны и со стороны Персіи. Повидимому миръ между Турціею и Персіею скоро будетъ заключенъ и было бы естественно соединиться имъ противъ той державы, которая становится имъ все опаснѣе, особенно если онѣ дадутъ ей время еще усилиться союзами съ другими державами. Съ этою цѣлію въ Константинополѣ сдѣланы проекты для завязанія сношеній и заключенія союза между Турціею и Пруссіею. Ищите всѣхъ способовъ для занятія и тревоженія царицы. Король для дости-

женія этой цѣли не упустилъ ничего въ согласномъ дѣйствіи съ королемъ прусскимъ. Послѣдній государь имѣетъ всѣ нужныя для этого политическія и военныя качества. Мы сильно были встревожены извѣстіемъ о его болѣзни; намъ нужно, чтобъ онъ жилъ и здравствовалъ, онъ одинъ своими великими качествами можетъ обезпечить вольность имперіи, равновѣсіе на Сѣверѣ и во всей Европѣ.

Всѣ эти сообщенія, разумѣется, могли содѣйствовать только ускоренію переговоровъ о союзѣ. 22 мая договоръ былъ подписанъ императрицею; онъ состоялъ въ слѣдующихъ условіяхъ: въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ, другая высылаетъ на помощь, черезъ три мѣсяца по востребованіи, 30,000 войска, 20,000 пѣхоты и 10,000 конницы, исключая нападенія на Россію со стороны Персіи, а на Австрію со стороны Италіи, и во всякомъ случаѣ Россія не помогаетъ Австріи въ войнѣ ея съ Испаніею, а только держитъ на готовѣ 30,000 войска, равно какъ и Австрія въ случаѣ нападенія на Россію съ персидской стороны. Помощь не подается, если обѣ державы въ одно время подвергнутся нападенію. Ни миръ, ни перемиріе не заключаются безъ взаимнаго согласія. Король и республика польскіе приглашаются къ союзу, равно какъ и другіе государи, особенно король англійскій, какъ курфюрстъ ганноверскій. Договоръ заключается на 25 лѣтъ. Въ случаѣ нападенія Турокъ на одну изъ договаривающихся сторонъ, другая немедленно объявляетъ войну Портѣ и вступаетъ съ войскомъ въ ея владѣнія. Австрія гарантируетъ герцогу голштинскому, великому князю Петру Ѳедоровичу всѣ его владѣнія въ Германіи. Настоящая война Австріи съ Франціею изъ договора исключается; но еслибъ по заключеніи мира, Франція снова объявила войну Австріи, то Россія обязана выслать на помощь Австріи 15,000 войска или дать полмилліона денегъ; такое же обязательство имѣетъ Австрія въ случаѣ объявленія Шведами войны Россіи. На случай нападенія со стороны Пруссіи обѣ договаривающіяся стороны держатъ на готовѣ по 30,000 войска въ пограничныхъ областяхъ, Австрія въ Богеміи, Моравіи и ближнихъ венгерскихъ уѣздахъ, а Россія въ Лифляндіи и Эстляндіи; а когда прусское нападеніе дѣйствительно послѣдуетъ, то обѣ державы въ самоскорѣйшемъ времени выставляютъ по 60,000 войска, и съ тѣхъ

поръ уступленныя Пруссіи часть Силезіи и Глацъ будутъ возвращены Австріи, которая въ благодарность обязывается въ одинъ годъ выплатить Россіи два милліона рейнскихъ гульденовъ [116].

Новая союзница, какъ мы видѣли, сильно безпокоилась насчетъ Саксоніи. Послѣ заключенія дрезденскаго мира Мих. П. Бестужевъ счелъ необходимымъ обратиться къ графу Брюлю съ вопросомъ, что намѣренъ теперь дѣлать саксонскій кабинетъ? Брюль отвѣчалъ, что послѣ разоренія ихъ земель, арміи, купечества, мануфактуръ, они принуждены были заключить миръ съ прусскимъ королемъ и теперь не въ состояніи начертать какой-нибудь твердый планъ своей будущей политики; всѣ дальнѣйшія мѣры короля главнымъ образомъ зависятъ отъ союзническихъ и дружескихъ совѣтовъ ея император. величества, ибо король при нынѣшнемъ его деликатномъ относительно Пруссіи положеніи ничего не предприметъ безъ вѣдома и сношенія съ ея величествомъ. Бестужевъ доносилъ своему двору о словахъ Фридриха II-го, сказанныхъ въ Дрезденѣ саксонскимъ вельможамъ: «Я знаю, что вы надѣялись на русскую помощь; но вы сами теперь видѣли, что помощь эта скоро подана быть не можетъ; а еслибъ Россія мнѣ дѣйствительно сдѣлала диверсію въ Пруссіи, то не думайте, чтобъ я, испугавшись, покинулъ мои операціи здѣсь: напротивъ, разоривши до конца всю вашу землю, я принудилъ бы васъ къ миру и привелъ бы въ такое состояніе, что вы потеряли бы всякую способность вредить мнѣ. Я внутреннюю силу и слабость Россіи знаю очень хорошо, какъ свои пять пальцевъ; у ней людей довольно, да денегъ нѣтъ, почему сильную помощь союзникамъ своимъ дать не можетъ, и такъ какъ я всегда долженъ опасаться этой державы, то и Саксоніи въ отношеніи къ ней надобно дѣйствовать за одно со мною, особенно если вашъ государь хочетъ, чтобъ будущій польскій сеймъ состоялся.» По поводу этихъ словъ Бестужевъ писалъ «Вслѣдствіе побѣдъ прусскаго короля вліяніе и кредитъ его въ Польшѣ чрезвычайно умножается, и потому вѣроятно, что будущій сеймъ будетъ не мало отъ него зависѣть. Имѣя такую сильную армію, онъ долго покоенъ не останется, но либо въ въ Имперіи, либо на Сѣверѣ вдругъ что-нибудь предприметъ, также и Швеціи не оставитъ безъ вниманія.»

23 января Бестужевъ, по приказанію отъ своего двора, вну-

шалъ королю Августу, что императрица крайне соболѣзнуетъ о приключившемся несчастіи съ Саксоніею, и принимаетъ въ немъ истинно дружеское участіе. Какъ усердно она старалась исполнить свои союзническія обязанности, король можетъ видѣть изъ того, что какъ скоро прусскій манифестъ противъ Саксоніи былъ изданъ, то русскіе полки двинулись въ Курляндію, но позднее время года не позволило имъ прямо идти въ Саксонію. И впередъ императрица будетъ свято исполнять свои обязанности. Такъ какъ быстрые успѣхи прусскаго короля надъ саксонскими и австрійскими войсками ясно показываютъ, что въ совѣтахъ и принимаемыхъ противъ него рѣшеніяхъ или весьма плохой секретъ былъ содержанъ, или, можетъ быть, при здѣшнемъ дворѣ находятся нѣкоторыя подозрительныя особы, которыя о всемъ сообщали въ Пруссіи и такимъ образомъ обращали въ ничто всѣ принятыя мѣры, то императрица, по союзнической дружбѣ не могла не предостеречь короля въ этомъ отношеніи. — Король отвѣчалъ благодарностію за участіе и признался, что дѣйствительно прусскій король обо всемъ зналъ заранѣе, чему преимущественно способствовалъ находящійся при саксонскомъ дворѣ шведскій министръ, давая извѣстія о каждомъ движеніи саксонскихъ войскъ; а въ австрійской арміи два человѣка находятся въ подозрѣніи. Саксонскіе министры передавали также Бестужеву, что въ Потсдамѣ ежедневно происходятъ конференціи съ шведскимъ министромъ, котораго особенно тамъ ласкаютъ. Происходящее теперь усиленіе прусской арміи не оставляетъ сомнѣнія, что Фридрихъ II, заключивъ союзъ съ Швеціею, хочетъ что-нибудь предпринять, тѣмъ болѣе, что со стороны обезсиленныхъ Австріи и Саксоніи не ждетъ себѣ помѣхи. Въ величайшемъ секретѣ давали знать Бестужеву, что Фридрихъ II имѣетъ въ виду Торнъ, Эльбингъ и Данцигъ; кромѣ того велѣлъ двинуться корпусу войскъ къ курляндскимъ границамъ вопервыхъ для того, чтобъ наблюдать за движеніями русскаго войска, а главное для того, что желаетъ возвести на курляндскій престолъ принца брауншвейгскаго Фердинанда. Бестужевъ, сообщая эти извѣстія, писалъ, что рано или поздно все это сбудется, потому что прусскій король, видя, что сіе усиленіе несовмѣстимо съ безопасностію Россіи (и Петръ Великій имѣлъ твердымъ правиломъ не допускать до усиленія Прус-

сіи и Швеціи), долженъ нападеніемъ на Данцигъ и польскую Пруссію умалять опасныя ему силы Россіи, причемъ получитъ помощь отъ своей сестры, отъ французскихъ интригъ и совершенно преданнаго ему шведскаго министерства, если Россія не поспѣшитъ разстроить его плановъ въ Швеціи.

Саксонскій дворъ, жалуясь, что невыгодный миръ заключенъ имъ изъ подъ ножа, и указывая на разореніе страны, твердилъ, что не можетъ самъ предпринять ничего, а будетъ смотрѣть на Россію; но будетъ ли, подобно своему королю, смотрѣть на Россію Польша — вотъ былъ самый важный вопросъ для Россіи. Приближался польскій сеймъ, а Бестужевъ писалъ въ Петербургъ, что, по обыкновенію, надобно выслать къ сейму деньги, мѣха и китайскія камки для подкупа Поляковъ. О расположеніи польскихъ вельможъ Бестужевъ отказывался дать вѣрныя извѣстія изъ Дрездена: «По извѣстному сего народа непостоянству и сребролюбію, кто болѣе денегъ дастъ, того партію и держатъ; можетъ быть тѣ, которые на прошломъ сеймѣ были русскими приверженцами, теперь, будучи подкуплены прусскимъ королемъ, держатъ его сторону.» Когда Бестужевъ обратился къ графу Брюлю съ вопросомъ, на кого изъ польскихъ вельможъ надежнѣе положиться въ общихъ интересахъ, тотъ отвѣчалъ: «Такъ какъ теперь многіе изъ нихъ находятся въ прусской партіи, то почти ни на кого съ совершенною благонадежностію положиться нельзя; впрочемъ постояннѣе, честнѣе и патріотичнѣе всѣхъ воевода русскій князь Чарторыйскій: съ нимъ можно откровенно поступать; но отъ великаго гетмана коронпаго Потоцкаго и всей его фамиліи, также отъ воеводы сендомирскаго графа Тарло надобно всячески остерегаться.» Бестужевъ также доносилъ своему двору о французскомъ емиссарѣ Кастера, который опредѣлился въ услуженіе къ сендомирскому воеводѣ Тарло, ѣздилъ во Францію и теперь, черезъ Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, возвратился въ Польшу.

По предписанію изъ Петербурга Бестужевъ внушалъ королю, чтобъ поспѣшилъ отъѣздомъ своимъ въ Польшу, ибо Поляки ропщутъ на долговременное его отсутствіе. Король отвѣчалъ: «Мнѣ извѣстно, какъ меня Поляки бранятъ, и вы сами знаете, какъ они прошлаго года на сеймѣ ругательски поступали, и хотя я цѣлую ночь, сидя на тронѣ, уговаривалъ ихъ и милости

обѣщалъ, но ничего изъ этого не вышло. Поляки сами такъ мало о своихъ собственныхъ интересахъ пекутся и междоусобныя ихъ ссоры до такой степени не позволяютъ ничего полезнаго сдѣлать, что на этотъ непостоянный, легкомысленный и корыстолюбивый народъ никакъ положиться нельзя.» Тоже повторяли и министры.

Но кромѣ Поляковъ Брюль жаловался на Вѣнскій дворъ. Изъ Вѣны посылали въ Петербургъ извѣстія, что Саксонія заключаетъ съ Франціею субсидный договоръ. Бестужевъ требовалъ объясненій. Брюль постоянно отпирался и говорилъ: «Мы здѣсь съ великимъ прискорбіемъ видимъ, что императрица подозрѣваетъ нашъ дворъ и вѣритъ лживымъ противъ него внушеніямъ. Вѣнскій дворъ, забывъ всѣ наши благодѣянія, забывъ, что мы спасли Богемію, жертвуя собою, возбуждаетъ подозрѣнія между вами и нами въ противность собственнымъ интересамъ. Онъ злится зато, что здѣшній дворъ слѣпо по его волѣ и прихотямъ не поступаетъ. Для доказательства того, что мы не вступали ни въ какія обязательства ни съ какою державою, король готовъ сейчасъ же приступить къ союзу, заключенному между Россіею и Австріею, какъ скоро вы его пригласите къ тому, хотя мы имѣемъ извѣстіе, что такое приступленіе наше къ договору королю прусскому будетъ чувствительно и онъ будетъ стараться привлечь нашъ дворъ къ своимъ обязательствамъ; но мы его угрозъ не боимся и пребудемъ вѣрно при своихъ обязательствахъ съ Россіею. Положимъ, что мы приняли французскія субсидіи, на что имѣли право, потому что морскія державы отвергли насъ почти съ презрѣніемъ: но въ интересахъ ли вѣнскаго двора поступать съ нами такъ повелительно и грозно, отлучать отъ дружбы съ вами, приводить въ подозрѣніе? напротивъ, ему надобно было бы стараться утверждать доброе согласіе и отводить насъ отъ Франціи ласкою.»

Бестужевъ по этому случаю писалъ брату, канцлеру, что по его мнѣнію, не слѣдуетъ вѣрить внушеніямъ вѣнскаго двора и оскорблять саксонскій: «Вы, дражайшій братецъ, мои сентименты знаете, что мнѣ всѣ дворы индиферентны, но едино смотрю и сколько смышлю высочайшей славы нашей всемилостивѣйшей государыни и благополучія и авантажу отечествія нашего.» На это дражайшій братецъ отвѣчалъ ему слѣдующее:

«Я съ немалымъ удивленіемъ усматриваю, что вы неотмѣнно *дюпомъ* (обманутымъ) господина Бриля быть продолжаете; но не думайте вы, чтобъ онъ меня понынѣ *дюпировалъ*, или бы впредь въ томъ предуспѣть какую надежду имѣть могъ. Не нагло ли и не безсовѣстно ли есть, что графъ Бриль, а по инструкціи его и всѣ прочіе при иностранныхъ дворахъ саксонскіе министры явно отрицаются, будто ни малѣйшаго чего тайнаго съ Франціею не постановлено, но вы изъ слѣдствія явно и осязательно усмотрите, что нынѣ брилево коварство, о коемъ мы здѣсь не по внушеніямъ вѣнскаго двора, какъ вы то неосновательно думаете, но прямымъ и надежнымъ каналомъ съ самаго начала вѣдали, наружу вышло. Вы можете увѣрены быть, что мы здѣсь прямо о первомъ началѣ трактованія саксонскимъ министромъ Лосомъ въ Парижѣ субсидіальнаго и неутральнаго трактата да и о томъ увѣдомлены были, что король французскій прусскаго авертировалъ (увѣдомилъ), чтобъ онъ ни малѣйшаго омбража (подозрѣнія) отъ трактованія съ саксонскимъ дворомъ не имѣлъ, и для того его не токмо о прямой силѣ и содержаніи онаго, но и объ имѣющихъ политическихъ причинахъ увѣдомилъ, а именно, что сущій видъ къ тому распростирается, дабы курфирста саксонскаго какъ съ вѣнскимъ, такъ и съ россійскимъ императорскими дворами такимъ тайнымъ соглашеніемъ въ несогласіе приведя, его дружбы и союза короля прусскаго по неволѣ искать заставить, и какъ по поводу того король прусскій пребывающаго при дворѣ своемъ саксонскаго министра Бюлау о часто реченномъ тайномъ съ Франціею соглашеніи сондировалъ (допрашивалъ), то онъ, по имѣвшему указу, и его величеству прусскому въ томъ на партикулярной аудіенціи не признался. Такой поступокъ, которымъ саксонскій дворъ французскаго лживцомъ учинить хотѣлъ, уповательно его величество французское принудилъ здѣшнему своему министру Дальону повелѣть здѣсь объявить, что дѣйствительно съ Франціею (т.-е. у Франціи) съ Саксоніею субсидный трактатъ настоитъ, еже Дальонъ въ послѣднюю со мною и вице-канцлеромъ конференцію и учинилъ; но я для неподанія французскому двору ни малѣйшаго вида, что мы съ саксонскимъ по причинѣ того въ какомъ-либо недоразумѣніи находимся, ему не останавливаясь отвѣтствовалъ, что саксонскій дворъ съ нашего вѣдома и согласія на заклю-

ченіе субсиднаго съ Франціею трактата, въ разсужденіи плохихъ своихъ обстоятельствъ, поступилъ и что ея имп. величеству не непріятно было бъ, еслибъ его величество король французскій дачу субсидій хотябъ еще толикимъ же числомъ усугубилъ. Разсудите изъ всего вышеописаннаго, не имѣемъ ли мы достаточную причину на саксонскій дворъ по причинѣ такой между союзниками необыкновенной и непозволительной скрытности негодовать, и не основательно ли ея в—ство римская императрица на оный недовольною есть, толь наипаче, что такое тайное заключеніе субсиднаго и неутральнаго трактата съ явнымъ ея непріятелемъ учинено и по натуральному слѣдствію того перепущеніе войскъ морскимъ державамъ подъ всякими неосновательными и ложными претекстами не воспослѣдовало. Кто Саксоніи въ случаѣ нужды и когда бъ король прусскій, взявъ въ претекстъ непризнаніе саксонскимъ дворомъ тайно заключеннаго съ Франціею обязательства войну объявить и давно въ виду имѣвшую Лузацію отнять похотѣлъ, болѣе и существительнѣе, кромѣ ея импер. в—ства всероссійской и императрицы римской помогать, и въ случаѣ преставленія нынѣ владѣющаго короля польскаго Курсаксонскому дому дѣйствительнѣйшія услуги показать могъ бы? и потому заслуживаютъ ли сіи двѣ саксонскаго двора дружескія державы такого съ стороны онаго къ нимъ поведенія?»

Въ сентябрѣ сцена дѣйствія перенеслась изъ Дрездена въ Варшаву и польскія дѣла стали на первомъ планѣ. Бестужевъ извѣщалъ, что видѣлся съ Понятовскимъ, воеводою мазовецкимъ, княземъ Чарторыйскимъ, воеводою русскимъ, съ братомъ его подканцлеромъ, съ Залускимъ епископомъ краковскимъ и Малаховскимъ подканцлеромъ и всѣхъ ихъ нашелъ въ добромъ расположеніи къ Россіи, всѣ говорили, что сохраненіе ихъ отечества зависитъ отъ защиты русской императрицы и собранная въ Лифляндіи русская армія удерживаетъ прусскаго короля отъ нападенія на нихъ; но при этомъ говорили, что по поводу Курляндіи будутъ большіе крики на сеймѣ. Бестужевъ писалъ, что французскій посолъ старается возстановить кредитъ своего двора, потерянный при послѣднемъ королевскомъ избраніи и составить партію для принца Конти въ случаѣ смерти королевской, а саксонскій дворъ ласкаетъ его въ надеждѣ брака дофи-

на на саксонской принцессѣ Іозефинѣ. Прусскій посолъ хлопочетъ, чтобъ Польша вступила въ союзъ съ его королемъ, а не съ Россіею. Коронный гетманъ Потоцкій и воевода сендомирскій Тарло въ случаѣ разорванія сейма думаютъ поднять конфедерацію и посредствомъ нея достигнуть умноженія войска. Бестужевъ говорилъ объ этомъ съ воеводою русскимъ княземъ Чарторыйскимъ, самымъ постояннымъ и разумнымъ изъ всѣхъ Поляковъ, по его отзыву. Чарторыйскій сказалъ, что слухъ не безъ основанія, но онъ всѣми силами будетъ стараться до этого не допустить, ибо такое дѣло приведетъ республику къ крайнему разоренію и погибели. Графъ Брюль объявилъ Бестужеву, что мало надежды на успѣхъ сейма. О гетманѣ польскомъ Браницкомъ, гетманѣ литовскомъ Радзивилѣ и товарищѣ его Мосальскомъ Бестужевъ писалъ, что они показываютъ себя доброжелательными къ Россіи и не притворяются, особенно Радзивилъ, да и вся Литва доброжелательна къ Россіи; но другого духа гетманъ великій коронный Потоцкій со всею фамиліею, также Сапѣга, Яблоновскіе и Тарло, которые всѣ склонны къ Франціи и Пруссіи; Тарло прямо сказалъ Бестужеву, что республикѣ не должно ни съ кѣмъ вступать ни въ какія обязательства.

Бестужевъ писалъ, что партія Чарторыйскихъ, въ которой находятся Понятовскій, Радзивилъ, Браницкій, Масальскій, сильнѣе партіи Потоцкаго по личному достоинству своихъ членовъ, потому ее необходимо еще болѣе прикрѣпить къ Россіи. Князь Радзивилъ человѣкъ богатый и безкорыстный, и потому его можно привлечь только особеннымъ отличіемъ, дарить соболями, китайскими вещами, но всего лучше подарить ему саблю, осыпанную алмазами; князь Чарторыйскій, воевода русскій богаче всѣхъ Поляковъ, но ему хочется андреевскаго ордена, о чемъ онъ уже два раза напоминалъ Бестужеву; князь Чарторыйскій вице-канцлеръ и Понятовскій воевода мазовецкій хотя люди не бѣдные, но обременены семействомъ, и потому возьмутъ пенсіи въ 5 или 6000 рублей; Браницкаго, человѣка богатаго, надобно дарить соболями или какими-нибудь галантерейными вещами. Радзивилъ разсказалъ Бестужеву, что пріѣзжалъ къ нему посолъ французскій и уговаривалъ не отдаваться Россіи, которая держитъ войско въ Лифляндіи только для того, чтобъ напасть на Польшу

и оторвать отъ нея Литву. Радзивилъ отвѣчалъ, что у Россіи много земель подобныхъ Литвѣ; въ послѣднюю революцію вся Польша была въ русскихъ рукахъ и однако ничего у нея не взято: мы бы желали, прибавилъ Радзивилъ, быть въ такой же безопасности и отъ другихъ сосѣдей, какъ отъ Россіи.

11 октября Бестужевъ писалъ, что сенаторы въ своихъ рѣчахъ королю постоянно говорятъ о Курляндіи; примасъ и нѣкоторые другіе заявляли, что если герцогъ курляндскій, будучи русскимъ министромъ, въ чемъ провинился, и заслужилъ ссылку, то пусть дѣти его будутъ отпущены; другіе требовали, чтобъ Биронъ, какъ польскій подданный, былъ судимъ въ Польшѣ. Относительно сейма Бестужевъ писалъ, что на умноженіе войска нѣтъ никакой надежды, ибо хотя всѣ этого желаютъ, но пожертвовать чѣмъ-нибудь на содержаніе войска никто не хочетъ. Изъ всего было видно, что прусскій король имѣлъ не малую партію, особенно въ Великой Польшѣ; навѣрное извѣстно, что сюда прислано 24.000 прусскихъ денегъ, и такъ какъ одни боятся, а другіе подкуплены, то на сеймѣ противъ Пруссіи ничего не говорится, хотя очень обижены насильственнымъ вербованіемъ Поляковъ въ прусское войско. Когда одни жаловались на это частнымъ образомъ, то приверженцы Пруссіи возражали, что прусское войско еще ни разу въ Польшѣ не было, а русское уже два раза побывало и съ великимъ вредомъ, особенно во время похода къ Хотину, когда козаки били и разоряли шляхту и больше всего грабили и ругались надъ церквами. Бестужевъ справился у бригадира Ливена, бывшаго тогда членомъ коммиссіи, назначенной по поводу этихъ жалобъ, и Ливенъ отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ было. «Того ради, писалъ Бестужевъ, я стараюсь оное загладить и у нихъ изъ памяти вывести; хотя мы здѣсь пріятелей имѣемъ, однакожъ весьма за потребно нахожу партію нашу здѣсь умножить, которая бы противной партіи балансъ держать могла. По моему мнѣнію, лучше кажется Поляковъ оставить въ тѣхъ безпорядкахъ и слабости, въ которыхъ они нынѣ находятся и въ томъ ихъ содержить и до аукціи (умноженія) войска не допускать, ибо отъ оной никогда пользы интересамъ вашего имп. величества не воспослѣдуетъ, потому что ежели оная состоится, то токмо ихъ въ большую гордость, а гетмановъ въ большую си-

лу приведетъ, и ежели въ потребномъ случаѣ надобно будетъ впредь россійскому войску чрезъ здѣшнія земли противъ кого идти, то въ томъ отъ нихъ препятствія и затрудненія ожидать должно; ежелибъ паче чаянія, какой Россіи дезавантажъ (невыгода) случился, то и они, памятозлобствуя бытность нашихъ войскъ въ Польшѣ и прочее, можетъ быть и сами противъ насъ замыслы имѣть будутъ: и для того весьма потребно ихъ въ нынѣшней конфузіи оставить, и не токмо до аукціи войска не допускать, но и сеймы до состоянія не допускать же, чрезъ что ваше имп. величество всегда свою инфлюенцію (вліяніе) въ здѣшнихъ дѣлахъ имѣть будете.» Но для всего, повторялъ Бестужевъ, нужны деньги.

Деньги (10.000 рублей) были отправлены, но опоздали. 25 октября Бестужевъ писалъ, что сейма остается одна только недѣля и потому не надѣется употребить присланныя деньги съ пользою: передъ концемъ сейма деньги такого дѣйствія не имѣютъ какъ въ началѣ, да и сеймъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не состоится; а хлопотать, чтобъ онъ состоялся, ненужно.

Сеймъ *разползся*, то-есть истеченіе законнаго срока не допустило ни до какихъ рѣшеній. Бестужевъ не истратилъ ни копѣйки изъ присланныхъ ему денегъ. Но Бестужева озабочивало другое дѣло, объявленное супружество дофина на саксонской принцессѣ, что грозило тѣсною связью Франціи съ Саксоніею. Въ Польшѣ оставалось одно важное дѣло — защита православныхъ. 2 декабря Бестужевъ писалъ: «Я, сколько по человѣчеству возможно было, старался исходатайствовать православнымъ церквамъ и людямъ удовлетвореніе въ причиненныхъ имъ обидахъ и гоненіяхъ, представлялъ объ этомъ самому королю, графу Брюлю, кромѣ разговоровъ, подалъ промеморію, и наконецъ добился того, что король велѣлъ возобновить гродненскую коммиссію и чтобъ она начала свои дѣйствія еще во время его пребыванія въ Польшѣ. Коронный канцлеръ Малаховскій пріѣзжалъ ко мнѣ съ проектомъ, на какомъ основаніи должна быть учреждена эта коммиссія; я нашелъ проектъ неудовлетворительнымъ и составилъ свой; но Брюль, Малаховскій и Чарторыйскій подканцлеръ литовскій) велѣли сказать мнѣ, что мой проектъ можетъ вооружить всѣхъ католиковъ на короля и на нихъ и обѣщали составить новый проектъ. Когда этотъ проектъ былъ при-

сланъ, то я призвалъ резидента Голембовскаго (замѣнявшаго въ Варшавѣ посла, когда тотъ жилъ въ Дрезденѣ), архимандрита Оранскаго и священника Каховскаго, разсмотрѣли проектъ всѣ вмѣстѣ и разсудили, что лучше его принять, ибо въ немъ утверждено, что всѣ дальнѣйшія гоненія и отбиранія церквей прекращаются и православные остаются при полномъ отправленіи своей вѣры, и, по крайней мѣрѣ, отъ него та польза, что если впредь начнутся гоненія, то будетъ къ кому обращаться, а безъ коммиссіи, во время отсутствія короля и министровъ, обращаться было не къ кому. Что же касается возвращенія четырехъ епархій, означенныхъ въ указѣ св. прав. Синода, то это дѣло чрезвычайно трудное, на которое Поляки добровольно никогда не согласятся, ибо эти епархіи уже 60 или 70 лѣтъ какъ отданы уніатамъ. Жаль, что когда въ послѣднюю революцію русскія войска во всей Польшѣ были, ничего не было сдѣлано въ пользу православныхъ, а теперь трудно.

Въ концѣ декабря, уже изъ Дрездена, Бестужевъ доносилъ что дворъ поглощенъ заботами о свадьбѣ принцессы Іозефины, что до отъѣзда ея во Францію о серіозныхъ дѣлахъ говорить нельзя. Французскій посолъ, герцогъ Ришелье старался о сближеніи Саксоніи съ Пруссіею, но имѣлъ мало успѣха [117].

Въ сношеніяхъ со всѣми дворами первое и послѣднее слово было о Пруссіи. Въ самомъ Берлинѣ 1746 годъ начался непріятными объясненіями между Чернышевымъ и Подевильсомъ, который позволилъ себѣ сказать, что императрица не имѣла права разбирать, на чьей сторонѣ справедливость, на сторонѣ Саксоніи или Пруссіи, и считать бреславскій договоръ нарушеннымъ. По приказанію своего двора, Чернышевъ долженъ былъ сказать Подевильсу, что императрица имѣла полное право разобрать этотъ вопросъ: она приступила къ бреславскому договору по просьбѣ самого же прусскаго короля; оба двора, и прусскій и саксонскій находятся въ союзѣ съ Россіею, оба требовали, по союзному договору, помощи, слѣдовательно императрица должна была рѣшить вопросъ, кто правъ, чтобъ подать помощь правому, но прежде предложены были добрыя услуги для примиренія Саксоніи съ Пруссіею, и когда, несмотря на это, прусскій король напалъ на Саксонію, то Россія обязана была помочь послѣдней по смыслу союзнаго договора, и потому По-

девильсъ впередъ долженъ удерживаться отъ подобныхъ нареканій, которыя могутъ вести только къ обоюдной холодности. Подевильсъ отвѣчалъ, что онъ все это говорилъ не министеріально, а въ простомъ разговорѣ, но и теперь скажетъ, что императрица оказала большее расположеніе къ Саксоніи, чѣмъ къ Пруссіи и не имѣла полнаго права считать бреславскій договоръ нарушеннымъ, ибо хотя она къ нему и приступила, но его не гарантировала. Чернышевъ отвѣчалъ, что имѣетъ приказаніе императрицы опровергать такія несправедливыя и неприличныя нареканія на поступки русскаго двора. Эти слова такъ разсердили Подевильса, что онъ, возвыся голосъ, сказалъ: «Король мой государь знаетъ, съ какимъ пристрастіемъ относились вы къ дѣлу въ послѣднее время и уже послалъ указъ Мардефельду принести на васъ жалобу императрицѣ.» Чернышевъ также возвыся голосъ, отвѣчалъ: «Эти нареканія на меня имѣютъ столь же мало основанія, какъ и тѣ, о которыхъ шла рѣчь прежде, и можно было бы отъ нихъ и удержаться, ибо я отдаю отчетъ въ своемъ поведеніи одной своей государынѣ.» Разговоръ этимъ кончился, но слѣдствіемъ его было то, что когда Чернышевъ на третій день пріѣхалъ ко двору вмѣстѣ съ другими министрами, то король даже и не взглянулъ на него [118].

Чернышеву послѣ этого трудно было оставаться въ Берлинѣ; но въ Петербургѣ давно уже хлопотали о томъ, чтобъ освободиться отъ Мардефельда. Принцессѣ цербстской при ея отъѣздѣ изъ Россіи дано было порученіе побуждать Фридриха II къ отозванію Мардефельда; но принцесса медлила исполненіемъ вдвойнѣ непріятнаго для нея порученія. 10 января императрица подписала рескриптъ Чернышеву, чтобъ напомнилъ принцессѣ цербстской объ отозваніи Мардефельда [119]; наконецъ изъ Петербурга пошло прямое требованіе; Фридрихъ II отвѣчалъ, что отзоветъ, когда императрица отзоветъ Чернышева; Чернышевъ получилъ указъ переѣхать посланникомъ въ Лондонъ, и, не дожидаясь распоряженій изъ Берлина, Мардефельду объявили, что не будутъ сноситься съ нимъ. Когда Бестужевъ далъ прочесть Мардефельду это объявленіе, тотъ сказалъ ему: «Я очень хорошо знаю, что вы одни этому причиною: вотъ почему я не премину воспользоваться первымъ случаемъ показать вамъ свою благодарность и равномѣрныя добрыя услуги.» Гиндфорду Марде-

фельдъ сказалъ: «Канцлеръ поступилъ умно, постаравшись удалить меня до возвращенія вице-канцлера, ибо тогда я былъ бы въ состояніи низвергнуть Бестужева.»

Послѣ этихъ перемѣнъ въ Берлинѣ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ совѣтникъ Ферберъ; этотъ Ферберъ просился въ русскую службу и имѣлъ сношенія съ Витингомъ, посылавшимся изъ Россіи въ Пруссію для развѣдываній, а въ настоящее время находившимся въ Петербургѣ. Прусскій секретарь посольства Варендорфъ 10 ноября пріѣхалъ къ вице-канцлеру съ объявленіемъ, что курьеръ привезъ ему цыфирныя азбуки и копіи съ двухъ статей, которыя найдены въ бумагахъ казненнаго Фербера; изъ этого можно видѣть, говоритъ Варендорфъ, какія имѣлись злыя намѣренія поссорить короля съ императрицею. Ферберъ сообщалъ въ Россію подполковнику Витингу о замыслахъ Фридриха II. Такъ 2 іюля онъ писалъ, что король за столомъ сказалъ: «Я не обращаю вниманія на русскія приготовленія и ничего болѣе не желаю, какъ чтобъ императрицыны войска выступили противъ Пруссіи: тогда бы я ихъ какъ лисицъ на воздухъ взбрасывать сталъ.» Потомъ Фридрихъ говорилъ своему любимцу, шведскому министру Руденшильду: «Этотъ Брюммеръ велъ свои дѣла по-дурацки: сколько разъ онъ могъ свергнуть канцлера, а теперь какъ оселъ голову себѣ сламываетъ. Какимъ образомъ теперь его дѣло можно поправить!» Руденшильдъ отвѣчалъ, что теперь это трудно, ибо Шетарди истребилъ при русскомъ дворѣ всѣхъ благонамѣренныхъ, да и главная опора ихъ теперь въ особѣ Брюммера рушилась; бѣдный Трубецкой одинъ остался и принужденъ подлаживаться подъ мнѣніе Бестужева хотя наружно, тѣмъ болѣе, что графъ Лестокъ, какъ слышно, съ нѣкотораго времени въ государственныя дѣла мѣшаться не смѣетъ. Впрочемъ не надобно совершенно отчаяваться. Еслибы можно было оставить тамъ Мардефельда или же, по крайней мѣрѣ, замѣнить его искуснымъ Каніони, который знаетъ отлично русскій языкъ и всѣ тамошнія дѣла; а между тѣмъ въ Швеціи на сеймѣ надобно стараться о заключеніи сю союза съ Франціею и Пруссіею. «Какъ ваше величество, такъ и Швеція, говорилъ Руденшильдъ, должны радоваться, что правленіе въ Россіи въ рукахъ Сената, а у министерства руки связаны, чего прежде не было при ка-

бинетѣ, который давалъ бо́льшую силу самодержавію. Главная цѣль сенаторовъ состоитъ въ томъ, чтобъ ни въ какія чужія ссоры не вмѣшиваться, не играть въ Европѣ никакой роли, однимъ словомъ жить какъ жилось до Петра Великаго. Эта цѣль можетъ быть достигнута, потому что императрица не слѣдуетъ примѣру своего отца (котораго правиломъ было царствовать съ жестокостію и изнуреніемъ народа), императрица относительно народа оказываетъ большую умѣренность.» Король согласился съ его мнѣніемъ и сказалъ: «Съ великимъ удивленіемъ и удовольствіемъ подъ рукою я увѣдомился, что всѣ русскія войска вторичный указъ получили новыя экзерциціи оставить и употреблять старыя; такимъ образомъ я надѣюсь, что чрезъ нѣсколько лѣтъ русская военная сила дойдетъ до крайняго варварства, такъ что я буду побѣждать Русскихъ своими рекрутами; и такъ какъ эта нація, повидимому, теряетъ духъ, внѣдренный въ нее Петромъ І-мъ, то быть можетъ близко время, когда она погребется въ своей древней тьмѣ и въ своихъ древнихъ границахъ. Имѣю причину очень сердиться на генерала Бисмарка, который ввелъ при русской арміи всѣ прусскія манеры.» Ферберъ сообщилъ, что извѣстный полковникъ Манштейнъ, оставившій русскую службу, обѣдалъ у Фридриха II, который спросилъ его: какъ онъ думаетъ — одинъ Прусакъ по меньшей мѣрѣ уберетъ четверыхъ или пятерыхъ Русскихъ? Манштейнъ отвѣчалъ, что если дѣло дойдетъ до драки, то Прусакъ и съ однимъ Русскимъ будетъ имѣть полны руки дѣла. Король очень разсердился и въ утѣшеніе свое сказалъ: «Мнѣ очень хорошо извѣстно, что Россія имѣетъ по крайней мѣрѣ большой недостатокъ въ достойныхъ офицерахъ» [120].

Но эти откровенности не улучшили отношеній между двумя дворами. Главная дипломатическая борьба между ними была въ Стокгольмѣ.

Въ началѣ января довѣренный человѣкъ наслѣднаго принца, голштинецъ Гольмеръ, подозрительный въ Петербургѣ, получилъ указъ отъ своего герцога, великаго князя Петра Ѳедоровича въ 8 дней выѣхать изъ Стокгольма въ Киль. Наслѣдный принцъ былъ въ отчаяніи; глотая слезы, онъ говорилъ Любрасу, что онъ здѣсь между чужими людьми, на которыхъ, по ихъ пристрастіямъ, положиться не можетъ; къ Гольмеру онъ привыкъ,

въ вѣрности его совершенно убѣжденъ, можетъ увѣрить, что Гольмеръ всегда старался, чтобъ все происходило по желанію императрицы. Принцъ умолялъ Любраса ходатайствовать у императрицы, чтобъ Гольмера оставили еще на нѣсколько времени при немъ. Старый король просилъ о томъ же; Любрасъ, съ своей стороны, писалъ, что Гольмеръ человѣкъ благонамѣренный: сенаторы, приверженные къ Россіи, признаютъ его такимъ, онъ, по ихъ мнѣнію, противодѣйствуетъ графу Тессину и Нолькену и склоняетъ принца на русскую сторону. Но Бестужевъ замѣтилъ на реляцію Любраса: «Сіе ничто иное какъ притворство, а ежели Гольмеръ долѣе въ Швеціи оставленъ будетъ, то интересы его импер. высочества въ Голштиніи весьма отъ того претерпѣть могутъ и въ прежней плохой администраціи никто безъ него отчета дать не въ состояніи. Баронъ Любрасъ во многихъ своихъ прежнихъ реляціяхъ неоднократно доносилъ, что Гольмеръ вредительный и для здѣшнихъ высочайшихъ интересовъ въ Швеціи негодный человѣкъ, и потому объ отдаленіи его оттуда самъ представлялъ; нынѣ же непонятнымъ образомъ его вдругъ отмѣнившимся и надобнымъ описуетъ.» Еще сильнѣйшему нападенію Любрасъ подвергся со стороны Бестужева, когда въ донесеніи своемъ выставилъ въ видѣ просьбы русскихъ приверженцевъ, чтобъ императрица въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ гарантировала шведскій престолъ наслѣдному принцу и его потомству: «Это вовсе не шведскіе патріоты просили барона Любраса; это пламенное желаніе Прусаковъ и Французовъ. Такой гарантіи не было дано и тогда, когда мы заключали союзный договоръ съ Швеціею и когда еще была надежда удержать наслѣднаго принца въ добромъ расположеніи къ Россіи; для чего же давать такую гарантію теперь, когда, по несчастію, довольно извѣстно, что наслѣдный принцъ, по наущенію своей супруги, предпочитаетъ французскую и прусскую дружбу всѣмъ самымъ доброжелательнымъ совѣтамъ императрицы? Такая гарантія послужитъ только къ тому, чтобъ совершенно связать руки на будущее время»

Между тѣмъ прусскій посланникъ въ Стокгольмѣ Финкенштейнъ велъ переговоры объ оборонительномъ союзѣ между Швеціею и Пруссіею; Любрасъ, по указамъ изъ Петербурга, долженъ

былъ препятствовать заключенію этого союза. На его представленія король отвѣчалъ: «Надобно смотрѣть, какъ бы это прусское требованіе добрымъ манеромъ менажировать; надѣюсь, что дѣло кончится къ удовольствію императрицы; я своимъ господамъ рекомендовалъ потише поступать.» Въ Швеціи боялись заключить этотъ договоръ безъ согласія Россіи; а въ Петербургѣ нарочно медлили отвѣтомъ. Наконецъ въ мартѣ шведскій министръ въ Петербургѣ Баркъ прислалъ извѣщеніе, что императрица не одобряетъ прусскій союзъ. Король и министры были приведены этимъ извѣстіемъ въ сильное смущеніе. Король сталъ увѣрять Любраса, что этимъ союзомъ Россіи не будетъ нанесено никакого предосужденія; онъ будетъ заключенъ самымъ простымъ и безвреднымъ образомъ. Любрасъ замѣтилъ, что какимъ бы образомъ союзъ ни былъ заключенъ, нельзя избѣжать, чтобъ онъ и Швеціи и Россіи не нанесъ вреда: если Пруссія хотя малую силу пріобрѣтетъ, то своими происками будетъ умалять дружбу Швеціи съ Россіею, а потомъ возбудитъ и холодность. «Пока я живъ, этого не будетъ, отвѣчалъ король. Я отъ этого прусскаго союза охотно бы отсталъ и работаю противъ него; но не всѣ такъ думаютъ какъ я, интриги идутъ сильныя; я васъ обнадеживаю, что употреблю въ этомъ дѣлѣ всѣ свои старанія. Любрасъ поблагодарилъ его, но напомнилъ, что прежде при сенаторахъ король ему говаривалъ, что если Россія и Швеція будутъ поступать согласно и откровенно, то будутъ сохранять равновѣсіе на Сѣверѣ и въ большей части Европы; такъ какъ это мнѣніе его величества неоспоримо, то для чего онъ хочетъ для сохраненія этого равновѣсія призвать еще третью державу, которая до сихъ поръ не только не помогала Россіи и Швеціи въ полученіи какихъ-нибудь выгодъ, но еще причиняла имъ большой вредъ; по великой поспѣшности, съ какою Пруссія безъ нужды хочетъ навязать свою дружбу Швеціи, видно, что она имѣетъ одно въ виду возбудить недовѣріе между прежними истинными друзьями.—«Вы правду говорите,» сказалъ король, и давъ Любрасу руку, повторилъ прежнія обѣщанія, но прибавилъ, показывая рукою на комнаты наслѣдной принцессы: «Вы знаете, какъ здѣсь ведутъ дѣла.» — «Какъ бы другіе ни разнились во мнѣніяхъ, однако мнѣніе вашего величества, серіозно высказанное, всегда будетъ имѣть главную си-

лу,» отвѣчалъ Любрасъ.—«Да, да,» заключилъ рѣчь король, такъ бы и слѣдовало быть.—Часа черезъ два король опять подошелъ къ Любрасу и началъ говорить: «Знаете, что мнѣ пришло въ голову: еслибъ заключить съ Пруссіею простой дружественный договоръ, то это было бы дѣло очень невинное, а король прусскій не могъ бы быть очень раздраженъ, что вы думаете?» и сказавши это, подозвалъ къ себѣ государственнаго секретаря Нолкена и задалъ ему тотъ же вопросъ. «Господа, сказалъ онъ обоимъ: я откровенно поступаю; скажите мнѣ прямо, что вы объ этомъ мнѣніи думаете?» Нолькенъ отвѣчалъ, что онъ не приготовился дать отзывъ на такое предложеніе; но ему кажется, что форма такого трактата была бы нова и король прусскій доволенъ имъ не будетъ.—«Будетъ ли король прусскій доволенъ, я не знаю, сказалъ Любрасъ, но что такіе договоры прежде часто заключались—это дѣло извѣстное; впрочемъ въ такой договоръ могутъ быть внесены параграфы и выраженія, которые могутъ дать союзу значеніе оборонительнаго.» Король, глядя на Нолькена, сказалъ: «Надобно постараться это предупредить; мы объ этомъ еще потолкуемъ и ея величеству императрицѣ дадимъ знать.» Донося объ этомъ разговорѣ, Любрасъ замѣчаетъ: «Хотя въ рѣчахъ королевскихъ высказывается благонамѣренность, однако на нихъ полагаться нельзя, потому что король не въ силахъ противостоять внушеніямъ людей враждебныхъ Россіи. Партія этихъ людей ежедневно усиливается, а патріотическая партія становится все слабѣе, боязливѣе и оплошнѣе.» Бестужевъ замѣтилъ на этомъ донесеніи: «Весьма удивительный и непонятный барона Любраса отвѣтъ, что онъ самъ заключеніе съ Пруссіею трактата апробуетъ (одобряетъ), и тѣмъ королю поводъ подаетъ о дозволеніи на заключеніе онаго у ея импер. в—ства домогаться; а ему многократно отсюда знать дано, что ея имп. в—ство толико отъ того удалена находится, что и въ разсматриваніе сообщеннаго графомъ Баркомъ проекта трактата вступать не повелѣла.»

Въ самомъ концѣ апрѣля завѣдывавшій иностранными дѣлами графъ Тессинъ объявилъ Любрасу, что король, въ виду опасныхъ европейскихъ обстоятельствъ считаетъ надежнѣйшимъ способомъ относительно предложеннаго прусскаго союза слѣдовать дружественному совѣту русской императрицы, и потому

для предупрежденія всякаго подозрѣнія, которое этотъ союзъ могъ бы возбудить въ другихъ государствахъ и особенно въ Россіи, приказалъ остановить дальнѣйшіе переговоры. Король особенно благодаренъ императрицѣ за добрый совѣтъ и проситъ держать втайнѣ его рѣшеніе, чтобъ не поссорить его съ королемъ прусскимъ, какъ онъ держалъ втайнѣ совѣты императрицы. Самъ король говорилъ Любрасу: «Я императрицу обнадеживаю, не только какъ король, но какъ честный офицеръ и чистосердечный человѣкъ, что пока буду живъ, не забуду оказанной ею мнѣ и государству дружбу присылкою войска и всегда съ нею одного мнѣнія буду; я убѣжденъ, что Швеція найдетъ въ этомъ свое благополучіе, и тѣ, которые думаютъ иначе, отдадутъ отвѣтъ Богу.»

Мы видѣли, что по соображеніямъ русскаго канцлера ко времени сейма Любраса долженъ былъ смѣнить Корфъ. Корфъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ во второй половинѣ іюля и сейчасъ же долженъ былъ заняться приготовленіями къ сейму, т.-е. набором голосовъ въ пользу русской партіи. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ этой партіи, купецъ Стрингеръ объявилъ ему, что выборы депутатовъ изъ стокгольмскихъ горожанъ не удались: французская партія взяла верхъ; напротивъ того онъ увѣренъ, что между провинціальными депутатами городского и сельскаго сословія русская партія возьметъ перевѣсъ; но для окончательнаго успѣха нужны деньги. Французскіе приверженцы употребили такую хитрость: купецъ Пломгренъ всюду показывалъ золотую, осыпанную бриллiантами табакерку, будто бы полученную отъ русскаго двора за услуги, оказанныя имъ Швеціи. Это навело ужасъ на благонамѣренныхъ; они не знали, что думать о настоящихъ намѣреніяхъ Россіи, ибо Пломгренъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ прошлой войны. Для свержѣнія преданнаго Франціи и Пруссіи министерства Стрингеръ совѣтовалъ объявить, что Россія, вмѣстѣ съ Англіею и Австріею, имѣетъ сдѣлать важныя для Швеціи предложенія, но не можетъ начать дѣла пока въ Швеціи существуетъ враждебное ей министерство. «Нельзя описать, доносилъ Корфъ, какія вымышляются здѣсь извѣстія: я едва успѣлъ выйти изъ коляски какъ уже объявлены были извѣстія изъ Шоніи и изъ другихъ мѣстъ по моей дорогѣ о рѣчахъ, которыя будто бы я держалъ въ

слѣдствіе моей инструкціи, и которыя касались не болѣе, ни менѣе, какъ совершеннаго раздробленія и разоренія Швеціи.» На этомъ донесеніи Бестужевъ сдѣлалъ любопытную замѣтку о Пломгренѣ: «Сей купецъ Пломгренъ свойственникъ графа Лестока и въ послѣднюю съ Швеціею войну Россіи многія пакости дѣлалъ.» Приверженый къ Россіи сенаторъ Окергельмъ высказалъ Корфу очень неутѣшительное мнѣніе о характерѣ двухъ партій— фрунцузской и русской: онъ отдавалъ преимущество первой по ея смѣлости и энергіи; она уже и теперь держала чрезъ своихъ эмиссаровъ публичные столы въ провинціяхъ для приласканія жителей. Причина вялости благонамѣренной партіи состояла въ томъ, что ея члены уже нѣсколько лѣтъ не получали подкрѣпленія отъ иностранныхъ дворовъ; такъ они, имѣя большинство на прошломъ сеймѣ, должны были уступить противникамъ по скудости денежныхъ средствъ; сначала у нихъ было собрано около 133,000 рублей на русскія деньги и они содержали провинціальныхъ депутатовъ, но потомъ, когда всѣ эти деньги вышли, депутаты, не имѣя чѣмъ жить, разъѣхались и большинство голосовъ было потеряно. Это произвело такое впечатлѣніе, что теперь на будущій сеймъ благонамѣренные люди не хотятъ ѣхать, отговариваясь, что денегъ нѣтъ, а на помощь иностранныхъ дворовъ нельзя надѣяться. Кромѣ того самые видные члены патріотической партіи по оплошности, отъ страха или по малозначительности своей при дворѣ, не доставляютъ выгодныхъ мѣстъ своимъ, тогда какъ приверженцы Франціи дѣйствуютъ совершенно иначе; наконецъ приверженцы Франціи имѣли ту выгоду, что располагали всѣми государственными доходами.

Англійскій посланникъ Гюдекенсъ объявилъ Корфу, что его правительство раздѣлитъ съ Россіею денежныя издержки, необходимыя для подкупа депутатовъ; что такъ какъ генералъ Любрасъ далъ купцу Спрингеру 10,000 купферъ-талеровъ для подкупа въ провинціяхъ, то и онъ, Гюдекенсъ выдалъ тому же купцу такую же сумму; что время снабдить эмиссаровъ деньгами, чтобъ благонамѣренные могли явиться на сеймъ въ достаточномъ количествѣ; однако не надобно соглашаться на всѣ требованія, потому что шведскіе государственные чины привыкли торговаться какъ купцы. Главы благонамѣренной партіи уже присылали къ нему генерала Дюрюнга съ требованіемъ 8,000

рублей на подкупы въ провинціяхъ; онъ отвѣчалъ, что сумма очень велика, ибо значительнѣйшія издержки еще впереди, когда чины соберутся въ Стокгольмѣ; но Дюрингъ возразилъ, что означенная сумма необходима, потому что онъ уже далъ слово, что она будетъ доставлена, и если онъ ее не получитъ, то низачто не примется. Къ Корфу съ тѣмъ же требованіемъ отъ благонамѣренныхъ явился полковникъ Левенъ. Корфъ сказалъ ему тоже, что сумма очень велика; на это Левенъ отвѣчалъ, что если Россія и Англія хотятъ достигнуть своихъ цѣлей, то должны сообща истратить триста тысячъ рублей, да еще держать сто тысячъ про запасъ на всякій случай. Наконецъ вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ сторговались на 9,000 платовъ, которые Корфъ и Гюдекенсъ выдали пополамъ. Сенаторы Окергельмъ, Цедеркрейцъ и Левенъ внушали Корфу, что надобно непремѣнно задарить барона Унгернъ-Штернберга, который легко можетъ быть выбранъ въ сеймовые маршалы и уже непремѣнно въ члены секретнаго комитета, и Бестужевъ доложилъ императрицѣ, что Унгернъ-Штернберга надобно подарить, только не изъ тѣхъ 20,000 рублей, которые назначены на сеймовые подкупы въ Швеціи. Корфу внушали, что Унгерну надобно подарить 2,000 червонныхъ, и Бестужевъ былъ согласенъ на эту сумму. Корфъ писалъ, что не надобно ничего жалѣть, потому что какъ скоро злое министерство будетъ свержено, то Швеція будетъ въ полной зависимости отъ Россіи. Было бы желательно, чтобъ вѣнскій, датскій и саксонскій дворы также снабдили своихъ министровъ деньгами.

Для подкупа депутатовъ въ Петербургѣ назначили 20,000 рублей; для расположенія къ себѣ цѣлаго народа шведскаго позволено было безпошлинно вывезти изъ Россіи въ Швецію 1,000 ластовъ хлѣба. По мнѣнію Бестужева надобно было позволить шведскому королю вывезть безпошлинно еще 1,000 ластовъ «еже между патріотами лучшее дѣйство, нежели множество тысячъ рублевъ произвесть могло бъ.» Съ противной стороны дѣйствовали тѣми же средствами: кронпринцесса заложила свои бриллiанты въ банкъ за 30,000 платовъ на подкупъ голосовъ въ пользу избранія графа Тессина въ сеймовые маршалы.

22 августа Корфъ и англійскій посланникъ ѣздили за городъ на совѣщаніе съ вождями патріотовъ — Окергельмомъ, Вранге-

лемъ, графомъ Белке, графомъ Бондо, генераломъ Дюрингомъ и полковникомъ Левеномъ. Патріоты запросили съ Россіи и Англіи 250,000 платовъ (160,000 рублей), сумму, необходимую на содержаніе столовъ для благонамѣренныхъ депутатовъ. Англійскій министръ возразилъ, что этого уже очень много; что уже выдано 83,000 купферъ-талеровъ (8,333 рубля), чтобъ дать возможность благонамѣреннымъ депутатамъ пріѣхать въ Стокгольмъ на сеймъ для составленія большинства голосовъ; на этой выдачѣ можно было бы и остановиться до начала сейма; мой дворъ, продолжалъ посланникъ, позволилъ мнѣ истратить извѣстную сумму, но она не такъ велика, какъ требуется. Патріоты отвѣчали, что они заранѣе не могутъ опредѣлить съ точностію сумму, какая понадобится для успѣха ихъ дѣла, только напоминаютъ, чтобъ съ деньгами поступали осторожно, выдавали бы ихъ не всякому, кто выставитъ свою благонамѣренность на продажу, давали бы только тѣмъ, кто будетъ рекомендованъ ими, главами патріотической партіи и которые для этого должны имѣть извѣстный знакъ. Самимъ себѣ они, главы партіи не берутъ ни копѣйки, тоже сдѣлаютъ и другіе Шведы, любящіе отечество; рѣчь идетъ только о людяхъ, которые такъ бѣдны, что во время сейма по дороговизнѣ жизни не могутъ сами себя содержать въ Стокгольмѣ, и о тѣхъ, которыхъ надобно отвлечь отъ противной партіи. Графъ Белке сказалъ при этомъ: «Патріоты надѣются, что Великобританія употребитъ всѣ усилія поправить то, что было ею испорчено въ 1740 году: тогда между русскимъ посланникомъ и англійскимъ было условлено, что они оба дадутъ по 50,000 ефимковъ: но первый сдержалъ слово, а второй нѣтъ, что повело къ извѣстнымъ печальнымъ послѣдствіямъ; теперь надобно хлопотать объ избавленіи шведскаго народа изъ рукъ Франціи и ея тиранскихъ сообщниковъ. По вѣдомостямъ изъ провинцій можно надѣяться большинства голосовъ между дворянствомъ; но мало имѣть здѣсь людей, — главное содержать ихъ тотчасъ по прибытіи сюда, чтобъ французскіе приверженцы обѣщаніями и дѣйствительною помощію не перетянули ихъ на свою сторону, а французскій посланникъ ничего не жалѣетъ. Надобно назначить нѣсколько человѣкъ, которые будутъ содержать столы на 6, 8, 12 и даже 15 особъ, ставя отъ четырехъ до пяти блюдъ, и наблюдать, чтобъ при

такихъ столахъ пьянства не было, ибо хуже всего, когда пьяные станутъ подавать голоса. Тѣмъ, которыхъ за такіе столы приглашать нельзя, надобно давать еженедѣльно деньгами. Необходимо, чтобъ министры обоихъ дворовъ, по послѣдней мѣрѣ, имѣли 50,000 фунтовъ стерлинговъ наготовѣ.» Патріоты клялись, что не введутъ посланниковъ ни въ какія напрасныя издержки, и себя жалѣть не будутъ, если увидятъ, что можно дѣйствовать, а дѣйствовать можно только тогда, когда будетъ рѣшенъ вопросъ, будутъ ли готовы оба посланника выдавать деньги черезъ десять дней; англійскій посланникъ отвѣчалъ, что онъ такой большой суммы теперь при себѣ не имѣетъ, да по извѣстіямъ изъ Петербурга и русскому посланнику деньги пришлются не сейчасъ, а потому онъ, англійскій посланникъ извѣститъ объ этомъ свой дворъ и будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. «Время не терпитъ, отвѣчали патріоты, и пока онъ получитъ эти приказанія, большинство голосовъ на сеймѣ уже обозначится.» Генералъ Дюрингъ говорилъ, что если нѣтъ денегъ, то надобно объявить прямо объ этомъ въ провинціяхъ и въ то же время дѣйствовать смѣло и наступательно противъ французской партіи; Россія, по поводу заключеннаго сю союза съ Вѣнскимъ дворомъ, должна объявить, что не можетъ имѣть съ Швеціею откровенныя сношенія, не довѣряя настоящему министерству; Англія должна представить съ своей стороны жалобы на министерство. Это объявленіе Россіи произвело бы тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что теперь Россія находится въ вооруженномъ положеніи. Корфъ отвѣчалъ, что императрица и ея союзники употребятъ всѣ средства для успѣха добраго дѣла на сеймѣ и что онъ немедленно дастъ знать въ Петербургъ о предъявленномъ планѣ, но не должно спѣшить объявленіемъ въ провинціяхъ, что денегъ нѣтъ; надобно отписать къ благонамѣреннымъ депутатамъ, чтобъ ѣхали на сеймъ, а деньги между тѣмъ будутъ присланы. Дюрингъ и Океркельмъ возражали, что если пріятели въ Стокгольмъ пріѣдутъ, а денегъ на нихъ содержаніе не будетъ, то придется содержать ихъ тѣмъ, кто ихъ вызвалъ, а лучше оставить ихъ дома, чѣмъ увеличивать ими противную партію, къ которой, по крайней нуждѣ, они непремѣнно перейдутъ. Корфъ просилъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, пропустили одинъ или два почтовыхъ дня, обѣщая сейчасъ же

отправить курьера въ Петербургъ съ представленіемъ положенія дѣлъ. Патріоты согласились. — На этомъ донесеніи Бестужевъ написалъ для императрицы: «По слабѣйшему мнѣнію видится необходимо потребнымъ быть въ Швеціи, ежели не тридцать, то по меньшей мѣрѣ столько же, какъ недавно, а именно двадцать тысячъ рублевъ къ камергеру Корфу какъ наискорѣе отправить, и на то незамедлительная всевысочайшая резолюція толь наипаче потребна, ибо ежели прямое время въ раздачѣ достаточной денежной суммы упустится, то воспослѣдуемый изъ того вредъ ни явною войною поправленъ быть не можетъ. А при пересылкѣ же такихъ денегъ къ Корфу ему повелѣно будетъ свое стараніе приложить, дабы со стороны англійскаго министра Гюдекенса по меньшей мѣрѣ равная сумма раздавана, и притомъ всевозможная экономія наблюдаема была.»

Корфъ сообщилъ, будто графъ Тессинъ обнадеживалъ, что по вѣрнымъ извѣстіямъ съ прибытіемъ графа Воронцова въ Петербургъ дѣла получатъ другой видъ, ибо Воронцовъ будетъ идти противъ системы канцлера. На это Бестужевъ замѣтилъ: «Тессинъ весьма пристрастно и съ истинностію несходно разглашаетъ, ибо нынѣшняя система не канцлерова, но государя Петра Великаго, по которой во время нынѣшняго славнаго ея и. в—ства державствованія совершенно послѣдуется, и премудрымъ ея и. в—ства проницаніемъ къ всевысочайшей славѣ, чести и благополучію имперіи ея, а къ крайнему преогорченію недоброжелательныхъ Россіи съ благополучнымъ успѣхомъ въ дѣйство производится, канцлеръ же только малымъ орудіемъ есть во исполненіи толь премудрыхъ ея величества распоряженій и повелѣній.»

Благонамѣренные депутаты уже находились на дорогѣ въ Стокгольмъ; для ихъ содержанія англійскій посланникъ выдалъ купцу Спрингеру 3150 рублей на русскія деньги и камергеру Песту 420 рублей, что произвело благопріятное впечатлѣніе, ибо деньги были выданы отъ имени англійскаго и русскагоословъ прежде французскаго. Противная партія старалась поддержать свое значеніе тѣмъ между прочимъ, что выставляла своимъ главою наслѣднаго принца, о которомъ Корфъ писалъ: «Сей государь совершенно изволеніемъ своей супруги (которая его ни на минуту не оставляетъ, когда я при немъ нахожусь) и

графа Тессина какъ безжизненная, искуственно составленная статуя движется. Французская партія разослала своихъ забіякъ по кофейнымъ, питейнымъ и другимъ домамъ, гдѣ бываютъ народныя сборища, внушать, что Швеція находится въ зависимости отъ Россіи, отъ которой можетъ освободиться только съ помощію Пруссіи и Франціи. Противная министерству партія, сначала стыдившаяся дѣйствовать такими средствами, узнавъ, что французская партія получила чрезъ это большой успѣхъ, выбрала также семерыхъ говоруновъ, при томъ же видныхъ и сильныхъ физически, которые должны были внушать, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находится государство сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда управляло благонамѣренное министерство. Говоруны министерской, т.-е французской партіи провозглашали, что цѣль «колпаковъ» изгнать кронъ-принца и наслѣдникомъ престола объявить русскаго великаго князя Петра, что для этого въ Россіи сдѣланы уже всѣ нужныя приготовленія. Внушенія эти производили сильное впечатлѣніе въ Стокгольмѣ и провинціяхъ. Такъ какъ опасались, что Финляндія особенно будетъ противиться разрыву съ Россіею, то при дворѣ наслѣднаго принца опредѣлили, что каждый депутатъ изъ Финляндіи, какого бы званія ни былъ, можетъ безъ доклада являться къ наслѣдному принцу и женѣ его. Съ Корфомъ оба королевскія высочества обращались чрезвычайно холодно и невѣжливо. Корфъ подалъ самому королю промеморію, опровергавшую нелѣпые слухи о намѣреніяхъ Россіи, и Бестужевъ, въ своей замѣткѣ, представилъ императрицѣ, что Корфъ поступилъ «яко весма искусный министръ, подавъ промеморію прямо королю, а не министерству, которое нарочно замедлило бы врученіемъ ея королю, а между тѣмъ противная французско-прусская партія своими злостными внушеніями толико предуспѣла бъ, чтобъ оное болѣе и поправить не можно было, приписывая молчаніе его (Корфа) о томъ подлинности оныхъ разглашеній.» Корфъ велѣлъ перевести промеморію на шведскій языкъ и во множествѣ экземпляровъ распространилъ между депутатами, которые отъ себя распространили ее по провинціямъ.

Отъ 12 сентября Корфъ писалъ, что до сихъ поръ вмѣстѣ съ Гюдекенсомъ онъ издержалъ около 20,000 рублей частію на переѣздъ надежныхъ людей изъ провинцій, частію на за-

купку полномочій, частію на пріобрѣтеніе сеймовыхъ голосовъ и учрежденіе столовъ. Корфъ сочинилъ особую записку, въ которой указывалъ на вредъ для Швеціи отъ прусскихъ замысловъ на Померанію. «Дѣла по всему виду изрядно происходить будутъ, писалъ Корфъ въ Петербургъ, еслибъ только деньги были; если въ нихъ недостатка не будетъ, то министерство непремѣнно спрыгнетъ.» Король тайно прислалъ просить Корфа, чтобъ ради Бога не жалѣлъ денегъ для пріобрѣтенія большинства голосовъ при избраніи сеймоваго маршала, отъ чего зависитъ успѣхъ дѣла на сеймѣ; король обѣщалъ въ случаѣ нужды дать Корфу тайкомъ въ займы изъ казны три тысячи червонныхъ. Въ пріемной Корфа съ утра до вечера толпились люди, изъ которыхъ каждый разсказывалъ, что онъ или привезъ или выписалъ изъ провинціи своихъ друзей и содержитъ на свой счетъ, не зная, какимъ образомъ ихъ пропитать и не дать перейти къ французской партіи. «Но я бы обнищалъ, писалъ Корфъ, еслибъ каждому давалъ то, что онъ требуетъ.» Поэтому онъ отправлялъ ихъ къ сенатору Окергельму для повѣрки. Окергельмъ съ пріятелями далъ ему знать, что для образованія большинства голосовъ въ дворянскомъ сословіи при избраніи маршала надобно истратить 12,000 рублей, да сверхъ того 2,666 рублей надобно держать про запасъ для тѣхъ, которые ежедневно пріѣзжаютъ изъ провинцій, и которыхъ противная партія ловитъ; для мѣщанскаго и крестьянскаго чиновъ нужно 6,000 рублей, для духовнаго 3,333 рубля. Корфъ поѣхалъ къ англійскому посланнику, но тотъ отвѣчалъ, что больше 6,666 рублей дать не можетъ. Корфъ принужденъ былъ занять денегъ, потому что вожди патріотической партіи слали къ нему гонца за гонцомъ, торопя высылкою потребованной суммы. Патріоты требовали отъ Корфа, чтобъ онъ непремѣнно подкупилъ гофмаршала Бромана, человѣка очень сильнаго; Броманъ просилъ 25,000 платовъ, Корфъ давалъ 15,000.

15 сентября открылся сеймъ, и въ тотъ же день Корфъ получилъ изъ Петербурга 10,000 червонныхъ, а 22 числа сеймовымъ маршаломъ былъ избранъ кандидатъ патріотовъ Унгернъ-Штернбергъ, которому за прежнія его услуги Россіи уже отправлены были изъ Петербурга 2,000 червонныхъ. Унгернъ-Штернбергъ перебилъ маршальство у Тессина только большин-

ствомъ 18 голосовъ, но Корфъ утѣшалъ свой дворъ тѣмъ, что противная партія понесла пораженіе, имѣя всѣ выгоды на своей сторонѣ: много лѣтъ имѣла на своей сторонѣ большинство, имѣла въ своихъ рукахъ всѣ денежные доходы; отъ нея зависѣли всѣ чины и милости; кронъ-принцъ съ женою явно стояли за нее, обѣщаніями и угрозами привлекали людей на сторону графа Тессина; они уговаривали и короля объявить себя за Тессина; но тотъ отвѣчалъ: «Я никогда не вмѣшивался въ сеймовыя дѣла незаконнымъ образомъ и этому приписываю свое благополучіе: совѣтую и вамъ послѣдовать моему примѣру. Одержана была одна побѣда; но главное дѣло было впереди: избраніе членовъ въ секретный комитетъ; здѣсь побѣда была сомнительна именно потому, что при избраніи маршала большинство оказалось такимъ ничтожнымъ. Борьба партій усилилась, патріоты потребовали отъ Корфа еще 13,000 рублей, и Корфъ далъ, опять занявши. Французская партія кромѣ раздачи денегъ употребляла и другія средства, разглашала, что чувства императрицы русской и ея министерства относительно Швеціи совершенно различны, что въ указахъ, которые присылаются Бестужевымъ Корфу, Елисавета не имѣетъ никакого участія. Употреблялись средства и съ русской стороны. Корфъ подалъ министерству промеморію, въ которой говорилось, что императрица приказала перевезти изъ Петербурга въ Ревель четыре полка инфантеріи, и если галеры, на которыхъ перевозилось это войско, будутъ прибиты вѣтромъ къ шведскимъ берегамъ, то она надѣется, что войско ея будетъ здѣсь принято какъ союзное поабовскому договору. Графъ Тессинъ не могъ скрыть своего ужаса при полученіи этой промеморіи, и хотя главы французской партіи и поспѣшили разгласить, что Корфъ выдумалъ это нарочно для своихъ цѣлей, однако промеморія произвела сильное впечатлѣніе: члены русской партіи во множествѣ являлись къ Корфу и съ радостію давали знать, какъ бы они желали, чтобъ число 26 (число галеръ, на которыхъ отправлялись русскія войска) перемѣнилось на 86, ибо это единственное средство, какимъ императрица можетъ низвергнуть враждебное министерство, и какъ бы они желали, чтобъ Господь Богъ повелѣлъ вѣтрамъ пригнать русскія галеры къ шведскимъ берегамъ. Для ободренія патріотовъ Корфъ, по его

словамъ, не пропускалъ никакого случая аттаковывать противную партію въ ея ретраншементахъ: изъ дворца наслѣдника престола ему дали знать, что тамъ составленъ планъ, тотчасъ по образованіи секретнаго комитета арестовать самыхъ дѣятельныхъ членовъ русской партіи, при чемъ Тессинъ говорилъ: «Я знаю колпаковъ, ихъ легко можно сдержать: стоитъ только съ однимъ изъ нихъ поступить строго, и они всѣ сейчасъ отстанутъ отъ русскаго министра, который не будетъ тогда знать, куда обратиться.» Корфъ спѣшилъ предупредить Тессина и подалъ королю двѣ промеморіи. Въ одной говорилось, что извѣстный купецъ Пломгренъ въ обществѣ горожанъ осмѣлился говорить слѣдующее: «тѣ хорошо дѣлаютъ, которые къ русскому послу не ходятъ, ибо тѣ, которые его посѣщаютъ, носы свои обожгутъ и пальцы у нихъ будутъ отбиты; уже взяты на замѣчаніе тѣ, которые часто у него бываютъ и его именемъ держатъ столы.» Корфъ, выставляя оскорбленіе, нанесенное его двору стараніемъ посредствомъ угрозъ отогнать посѣтителей отъ его дома, просилъ немедленно арестовать Пломгрена и наистрожайше допросить, кто ему сказалъ, что Корфъ министръ подозрительный; что всѣ, которые ходятъ къ нему въ домъ, будутъ наказаны, что онъ устроилъ трактиры, гдѣ его именемъ держатся столы? Въ другой промеморіи Корфъ жаловался на генерала Вреде, который въ самомъ дворцѣ говорилъ, что Корфъ ведетъ себя неприлично и на крыльцѣ дворянскаго дома въ день выборовъ велѣлъ раздать 1.400 червонныхъ. Корфъ требовалъ, чтобъ противъ Вреде начато было судебное слѣдствіе. Враждебная партія старалась всѣми средствами выпутать Вреде изъ этого дѣла, требовала, чтобъ все дворянство вступилось за него, но ландмаршалъ Унгернъ-Штернбергъ съ твердостію отвѣчалъ, что это дѣло вовсе не касается всего дворянства. Нѣкоторые обратились къ королю съ просьбою заступиться за Вреде, но получили отвѣтъ: «Оставьте меня въ покоѣ; зачѣмъ вы хотите меня прельстить? Когда Вреде зажать свой ротъ не можетъ, то пусть и отвѣчаетъ за слѣдствіе.»

Корфъ имѣлъ объясненіе и съ кронъ-принцемъ. Какъ вѣрный и ревностный слуга голштинскаго дома, онъ просилъ принца не слушать тѣхъ, которые внушаютъ ему недовѣріе къ императрицѣ, чтобъ отдѣлить его интересъ отъ русскаго интереса.

Принцъ отвѣчалъ, что онъ постоянно старается оказать себя достойнымъ милости императрицы, и не знаетъ изъ окружающихъ никого, кто бы этому противодѣйствовалъ и ввѣряетъ себя только такимъ, которыхъ хорошо знаетъ. Но онъ надѣется также, что императрица, по милости своей, не будетъ требовать, чтобъ Швеція связала себѣ руки и не могла вступать въ союзы съ другими державами, когда бы нашла эти союзы для себя выгодными: «Швеція теперь мое отечество, и я долженъ имѣть въ виду одни шведскіе интересы, въ чемъ и присягу далъ.» — «Государи, отвѣчалъ Корфъ, не всегда имѣютъ возможность узнать вполнѣ людей окружающихъ ихъ, ибо эти люди показываютъ имъ только свою хорошую сторону. Но ваше высочество имѣете надежный способъ получить точныя свѣдѣнія о людяхъ: стоитъ только вамъ просмотрѣть акты вашего избранія; въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ вы въ одну минуту увидите своихъ друзей и враговъ. Императрица вовсе не старается связывать руки вольному государству въ чемъ бы то ни было, и только злонамѣренные люди хотятъ возбудить народъ разглашеніями о русской зависимости; государство находится въ зависимости только отъ своихъ собственныхъ интересовъ и согласно съ ними опредѣляетъ, въ какіе союзы оно должно вступить; впрочемъ само собою разумѣется, что если Швеція вступитъ въ такіе союзы, которые будутъ въ противорѣчіи съ союзомъ, существующимъ между ею и Россіею, то должна будетъ произойти перемѣна и въ мѣрахъ ея импер. величества. Императрица съ удовольствіемъ услышитъ заявленіе вашего высочества, что вы считаете Швецію своимъ отечествомъ и, по присягѣ, должны стараться о ея благѣ. Это заявленіе утвердитъ императрицу въ пріятной надеждѣ, что ваше высочество будете допускать къ себѣ только истинныхъ патріотовъ.» — «Я, сказалъ принцъ, ни за французскую, ни за англійскую партію не стою, а только за прямыхъ Шведовъ, и что хорошаго сдѣлала та партія, чтобъ мнѣ объявлять себя въ ея пользу?» — «Я, отвѣчалъ Корфъ, говорю не о какой-либо партіи, но о настоящихъ патріотахъ; если же ваше высочество заставляете меня сказать, что хорошаго сдѣлала эта партія, то позвольте припомнить, что послѣ Бога и моей государыни, эта партія наиболѣе способствовала доставленію престола вашему

высочеству; она помѣшала приступленію къ франкфуртскому союзу и недавно еще заключенію другаго союза, который вовлекъ бы Швецію въ очень затруднительное положеніе, готова и теперь служить вашему высочеству, если вы къ ней приклонитесь, а безъ ея добраго совѣта и помощи надобно опасаться, чтобъ невѣрные слуги не завели васъ на скользкую дорогу.»— Принцъ пожалъ плечами и сказалъ: «Тогда и увижу, какъ мнѣ сойти съ этой скользкой дороги.» Въ тотъ же день на вечерѣ у наслѣдника подошелъ къ Корфу король и жаловался, что въ комнатахъ жарко, а потомъ сказалъ ему на ухо: «Не жарко ли и вамъ? я слышалъ, что вы сегодня были въ сильномъ огнѣ; если императрица этихъ людей исправить не можетъ, то пусть они остаются неисправимыми на собственную голову.» Когда Корфъ пересказалъ свой разговоръ съ принцемъ сенатору Океръгельму, тотъ обнялъ его, поблагодарилъ за услугу, и прибавилъ: «Какъ было бы хорошо, еслибъ вы тотчасъ по отъѣздѣ честнаго и благонамѣреннаго генерала Кейта были здѣсь: тогда принцъ не попалъ бы въ тѣ руки, въ которыхъ теперь, къ нашему несчастію, находится; отпусти Боже грѣхъ тому, кто вначалѣ могъ это отвратить, но не отвратилъ, а можетъ быть еще помогъ.» Тутъ Бестужевъ написалъ на депешѣ: «Когда не въ глазъ, то въ самую бровь Любрасу мѣчено.» Окергельмъ, расхваливая Кейта, можетъ быть не зналъ, что какъ масонъ Кейтъ былъ связанъ съ людьми вовсе не принадлежавшими къ русской партіи, именно съ Нолкеномъ. Масонство и въ это время уже имѣло значительную силу въ Швеціи, такъ что наслѣдный принцъ счелъ нужнымъ для себя сдѣлаться масономъ. Въ апрѣлѣ Нолкенъ писалъ Кейту о вступленіи принца въ масонскую ложу и высказывалъ надежду, что это событіе дастъ новую силу ордену въ Швеціи.

Торжество русской партіи при выборѣ ландмаршала или предсѣдателя сейма было помрачено пораженіемъ при выборахъ въ члены секретной коммиссіи, куда засѣли люди противной партіи. Оставалось хлопотать о большинствѣ въ общемъ собраніи сейма; на городское сословіе Корфъ болѣе не надѣялся, надѣялся на крестьянское. Чиновникъ русскаго посольства Симолинъ доставилъ ему ночное свиданіе съ тальманомъ или ораторомъ крестьянскаго сословія въ третьемъ мѣстѣ, куда Корфъ

пришелъ переодѣтый. «Никогда, писалъ онъ, не встрѣчалъ я крестьянина такого умнаго, проницательнаго и знающаго.» Оказалось, что тальманъ совершенно согласенъ со взглядомъ русскаго посланника: «Мы имѣемъ причину, говорилъ крестьянинъ, считать императрицу своею матерью и благодѣтельницею: кто бы могъ ей запретить оставить Финляндію за собою, еслибъ она этого захотѣла? Средства, которыя надобно употреблять на сеймѣ, могутъ быть умѣренныя и строгія: если первыя окажутся недостаточны, надобно приступить ко вторымъ. Промеморія о галерахъ принесла большую пользу: патріотическая партія была бы совершенно низложена, еслибъ не подкрѣпила ее надежда на это вспоможеніе; мы всѣ желаемъ, чтобъ русскія галеры уже были у нашихъ береговъ: тогда всѣ Французы пришли бы въ ужасъ, и всѣ благонамѣренные стали бы помогать галерамъ для низпроверженія тяготѣющаго надъ ними тиранства. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ плачевномъ положеніи находится государство: полки не пополнены, оружія, мундира, лошадей, хлѣба въ магазинахъ нѣтъ, нѣтъ и денегъ въ банкѣ и во всей землѣ, а министерство, доброхотствующее Французамъ, хочетъ еще завлечь Швецію въ опасныя предпріятія; движеніе русскихъ войскъ на финляндскихъ границахъ измѣнило бъ весь составъ секретной коммиссіи. Что касается умѣренныхъ способовъ, то надобно заручиться въ полномъ собраніи большинствомъ по крайней мѣрѣ трехъ чиновъ; духовенство надежно благодаря стараніямъ пробста Сереніуса; о крестьянскомъ сословіи я буду заботиться; но дворянство до сихъ поръ еще сомнительно. Первое предложеніе, которое я сдѣлаю отъ имени крестьянства, будетъ состоять въ томъ, чтобъ возстановить прежде изгнанныхъ сенаторовъ; второе, чтобъ крестьяне допущены были въ секретную коммиссію, и если послѣднее намъ не удастся, то протестуемъ противъ всего, что могло бы быть сдѣлано на сеймѣ и разойдемся; духовный чинъ, который получаетъ отъ насъ пропитаніе, принужденъ былъ бы послѣдовать за нами, сеймъ разрушился бы, что произвело бы страшное неудовольствіе въ провинціяхъ на французскую партію.» Корфъ совѣтовалъ ему раздѣлить эти два предложенія и сначала настоять на возстановленіи старыхъ сенаторовъ, чтобы въ случаѣ, если сеймъ разорвется, то въ сенатѣ осталось бы

большинство благонамѣренныхъ членовъ. Крестьянинъ согласился. Относительно прусскаго союза тальманъ говорилъ, что не только крестьяне, но и большая часть французскихъ приверженцевъ будутъ противиться этому союзу, какъ могущему повести къ разрыву съ Россiею. Корфъ покончилъ разговоръ увѣренiемъ, что императрица не оставитъ его безъ щедраго награжденiя, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ патрiотъ, отвергнулъ лестныя предложенiя противной стороны. Тальманъ отвѣчалъ, что дѣйствительно отъ него зависѣло выучиться французскому языку и говорить на немъ такъ, какъ говорятъ Гилленборгъ и Тессинъ; но, какъ бѣдный крестьянинъ, онъ хочетъ довольствоваться и своимъ природнымъ языкомъ. Потомъ Корфъ имѣлъ также ночное свиданiе съ протопопомъ Серенiусомъ, который говорилъ, что лучше всего разорвать сеймъ удаленiемъ крестьянъ за недопущенiе ихъ въ секретную коммиссiю; тогда нужно было бы созывать новый сеймъ, на который можно было бы приготовиться. И протопопъ высказывалъ желанiе, чтобъ русскiя галеры приблизились къ шведскимъ берегамъ и 10,000 войска вступили въ Финляндiю съ провозглашенiемъ, что не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока шведскiй народъ не освободится отъ французскаго тиранства; вся Финляндiя выскажется въ пользу Россiи. Большинство голосовъ между дворянами прiобрѣсть будетъ трудно, ибо дворяне обольщены тѣмъ, что молодой дворъ ихъ дружески принимаетъ. Многiе изъ патрiотовъ огорчены презрительнымъ обхожденiемъ съ ними кронпринца и кронпринцессы. Когда болѣе 250 патрiотовъ пришли для совѣщанiя къ генералу Врангелю, то онъ пришелъ въ большое смущенiе и сказалъ: «Господа, васъ уже слишкомъ много! и что скажутъ объ этомъ ихъ высочества?» тогда какъ члены французской партiи публично совѣщаются не только у своихъ начальниковъ, но и въ покояхъ кронпринца.

Отъ 24 октября Корфъ писалъ, что хотя сеймъ приведенъ въ такое сомнительное состоянiе, что ни одна партiя не можетъ получить успѣха, однако французская партiя имѣетъ немалую выгоду въ томъ, что кронъ-принцъ на ея сторонѣ, что удерживаетъ патрiотовъ отъ энергическихъ дѣйствiй; при этомъ французская партiя не пренебрегаетъ никакими средствами для устрашенiя членовъ русской партiи. Чтобъ отнять у нихъ надежду на по-

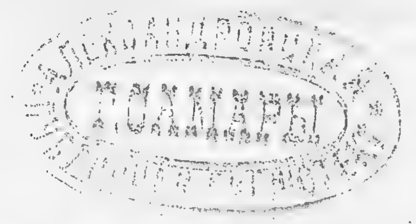
мощь изъ Россіи, распустили слухъ, что тамъ готовится революція и жизнь великаго князя въ опасности, здоровье его становится день отодня хуже; сочинили такую исторію, будто бы великій князь на балу упалъ въ обморокъ, и когда ему хотѣли перемѣнить бѣлье, то одна дама предостерегла, чтобъ не употребляли его собственнаго бѣлья, потому что оно все отравлено. Не надѣясь на большинство голосовъ въ дворянскомъ чинѣ, вовсе не полагаясь на духовный и крестьянскій чины, французская партія хлопотала, какъ бы привлечь на свою сторону послѣдній чинъ и произвести разладъ между нимъ и другими чинами. Для этого генералъ Вреде вступилъ въ сношенія съ крестьянскимъ директоромъ Гедманомъ, суля ему, что если перейдетъ на французскую сторону, то будетъ жить пографски, и внушая, что часть Швеціи требуетъ избавленія отъ русскаго властолюбія посредствомъ союза съ Пруссіею; внушалъ также, что русскій наслѣдникъ еще имѣетъ виды на шведскій престолъ; что императрица навязала Швеціи кронъ-принца, и такъ какъ теперь онъ не хочетъ исполнить ея воли, то стараются лишить его наслѣдства шведской короны, чины же должны его защищать. Получена подлинная вѣдомость, что десять русскихъ галеръ разбиты бурею, а прочія возвратились въ Кронштадтъ. И дѣйствительно Корфъ узналъ, что кронъ-принцъ за обѣдомъ въ присутствіи своихъ приверженцевъ провозгласилъ тостъ за счастливую погибель русскихъ галеръ. Гедманъ остался непреклоненъ; также велъ себя и ландмаршалъ Унгернъ-Штернбергъ: такъ когда членамъ секретнаго комитета сдѣлано было предложеніе о необходимости прусскаго союза и предложеніе это подкрѣплено рекомендаціею кронъ-принца, то Унгернъ прекратилъ засѣданіе, отправился къ кронъ-принцу и представилъ ему дурныя послѣдствія его вмѣшательства въ сеймовыя дѣла. Кронъ-принцъ заперся, что не поручалъ дѣлать предложенія о прусскомъ союзѣ. «Ландмаршалъ, писалъ Корфъ, поступаетъ какъ честный человѣкъ, и ведетъ дѣло такъ, что Французы не могутъ двинуться съ мѣста; поэтому Вреде въ разговорѣ съ Гедманомъ сказалъ, что плутъ Унгернъ головою заплатитъ за тѣ препятствія, какія онъ имъ причинялъ.»

Въ ноябрѣ Корфъ донесъ, что французская партія начинаетъ употреблять средства устрашенія. Такъ схваченъ былъ пору-

чикъ Лагергельмъ будто за то, что говорилъ неприличныя слова противъ кронъ-принца, въ сущности же для того, чтобъ показалъ что-нибудь противъ патріотовъ. Корфъ писалъ, что если императрица не сдѣлаетъ заблаговременно надлежащую по этому дѣлу декларацію, то надобно опасаться, чтобъ боязливый графъ Бонде не передался, чины крестьянскій и духовный не потеряли твердости, сенатъ не наполнился бы французскими доброхотами и сеймъ не кончился бы по желанію ихъ партіи. Такою деклараціею должно было служить объявленію, сдѣланное Корфомъ кронъ-принцу: «Всему свѣту извѣстно, что настоящимъ своимъ благополучіемъ ваше высочество обязаны ея императорскому величеству. Грамота императрицы отъ 6 іюля прошлаго года была новымъ опытомъ старанія ея о вашемъ благополучіи: въ ней она остерегала васъ отъ тѣхъ людей, которые внѣшними льстивыми заявленіями старались снискать ваше довѣріе, но этимъ довѣріемъ пользовались только на пагубу королевства, что необходимо должно имѣть вредныя слѣдствія и для вашего высочества. Но ея импер. величество послѣ того къ прискорбію своему увѣдомилась, что графъ Тессинъ и его партія умѣли удержать въ своихъ рукахъ склонность и сердце вашего высочества, хотя для вашего высочества не тайно, что онъ старался изъ всѣхъ силъ воспрепятствовать согласію между Россіею и Швеціею, старался продлить безпокойства на сѣверѣ и дѣйствовалъ явно противъ особы вашего высочества въ пользу другого принца. Разнесся слухъ, что императрица намѣрена лишить васъ коронняго наслѣдства, и она подлинно увѣдомлена, что слухъ этотъ разглашенъ графомъ Тессиномъ и его сообщниками, чтобъ отвратить ваше сердце отъ ея императ. величества. По этому императрица считаетъ необходимымъ искреннѣйшимъ образомъ совѣтовать и дружественнѣйшимъ образомъ просить, чтобъ вы не допустили этого опаснаго человѣка довести васъ до такихъ мѣръ, которыя находятся въ противорѣчіи съ прямымъ благополучіемъ вашего высочества, и обратили бы вашу довѣренность къ такимъ людямъ, которые усердствуютъ пользѣ отечества и союзу между Россіею и Швеціею. Если же ваше высочество соизволите и послѣ этого содержать графа Тессина и его сообщниковъ въ своей милости и его злымъ совѣтамъ слѣдовать и потому отъ ея величества отдаляться, то и ея величество принуждена будетъ

свое искреннее стараніе о вашемъ высочествѣ не только сократить, но и вовсе пресѣчь.»

Смущеніе французской партіи въ слѣдствіе этого объявленія было чрезвычайное, по словамъ Корфа, тѣмъ болѣе, что король и добрая партія начали поступать бодрѣе. Въ секретномъ комитетѣ дѣла остановились; графъ Тессинъ ходилъ въ глубокомъ уныніи и не зналъ, за что приняться, сенаторъ Розенъ заболѣлъ отъ страха. Король далъ знать Корфу, что онъ обязанъ утвержденіемъ своимъ на престолѣ декларацін, сдѣланной кронъ-принцу, потому что еслибы французская партія склонила къ себѣ крестьянскій чинъ и наполнила сенатъ своими членами, то королевская власть подверглась бы опасности; король провѣдалъ, что у кронъ-принца сдѣланы были всѣ распоряженія выслать его, короля въ Гессенъ или какую-нибудь шведскую провинцію: но декларація Корфа все остановила. Король надѣется, что такъ какъ дорога уже очищена, то императрица сильно поведетъ дѣло далѣе, и онъ, король, станетъ по возможности тому содѣйствовать; онъ уже подалъ свой голосъ въ Сенатѣ, объявилъ измѣнникомъ отечества всякаго, кто не будетъ стараться сохранить дружбу императрицы, и этимъ показалъ путь, по которому долженъ идти кронъ-принцъ; и еслибы можно было привлечь на свою сторону городское сословіе, то сеймъ имѣлъ бы счастливѣйшій исходъ. Французская партія стала хлопотать, чтобъ изъ дѣла Тессина, какъ оно было поставлено русскою деклараціею, сдѣлать личное дѣло кронъ-принца и вмѣстѣ національное, но крестьянскій чинъ объявилъ, что шведское государство получило столько опытовъ истинной дружбы со стороны русской императрицы, что интересъ Швеціи требуетъ не только самымъ добросовѣстнымъ образомъ сохранять эту дружбу, но и старательно отстранять все, что можетъ подать поводъ къ какому-нибудь неудовольствію и холодности. По этому крестьянскій чинъ проситъ не отказать русской императрицѣ въ справедливомъ удовлетвореніи, если она чувствуетъ себя чѣмъ-нибудь обиженною. Затѣмъ крестьяне прямо указали на безполезность прусскаго союза, представляя бѣдственное положеніе Швеціи, сильное вооруженіе сосѣдей, и если другіе чины рѣшатся на какой-нибудь поступокъ, который повлечетъ за собою опасныя слѣдствія, то крестьянскій чинъ считаетъ себя освобожденнымъ

отъ тягости, которая бы въ такомъ случаѣ выпала на его долю. Наконецъ крестьяне выражали мнѣніе, что декларація, сдѣланная Корфомъ наслѣдному принцу на счетъ Тессина не заключаетъ въ себѣ никакой обиды ни кронъ-принцу, ни націи. Въ сенатѣ относительно этого вопроса большинство сенаторовъ согласилось съ голосомъ короля противъ голоса кронъ-принца, который былъ, разумѣется, за Тессина; сенаторъ Кронштетъ прямо объявилъ Тессина зачинщикомъ всего зла для государства.

Въ такой бѣдѣ кронъ-принцъ пригласилъ къ себѣ 26 человѣкъ крестьянъ; вынесли новорожденнаго принца Густава, котораго «нескладная» голова была прикрыта особымъ уборомъ, и кронъ-принцъ говорилъ по-шведски, что онъ находится въ опасности: графа Тессина, вѣрнѣйшаго патріота, оказавшаго государству такія великія услуги, гонятъ; онъ надѣется, что крестьянскій чинъ ему и сыну его окажетъ такую же помощь, какую оказывалъ прежнимъ своимъ государямъ. Кронъ-принцъ говорилъ эту выученную наизустъ рѣчь такъ смутно, что крестьяне ничего не поняли. Но принцесса повторила ее явственнѣе по-шведски и кончила тѣмъ, что если крестьяне пристальнѣе посмотрятъ на принца Густава, то найдутъ, что только злые языки могли выдумать, будто у него нескладная голова. Графъ Тессинъ и капитанъ Шехта заключили актъ своими рѣчами, а крестьяне отвѣчали не все одними низкими поклонами.

Въ декабрѣ умеръ графъ Гилленборгъ, и началась борьба за очистившееся его смертію мѣсто президента государственной канцеляріи; французская партія хотѣла доставить его графу Тессину, чему русская, разумѣется, противилась всѣми силами. Приближались святки, на которыя депутаты разъѣзжались домой. Патріоты прислали къ Корфу генерала Дюринга съ просьбою, чтобъ онъ ихъ не оставилъ, и отпустилъ депутатовъ въ провинціи съ доброю надеждою, и для этого нужно 50,000 платовъ (около 30,000 рублей) одному дворянскому чину, а крестьянскій и духовный чинъ могутъ быть удовольствованы суммою отъ осьми до десяти тысячъ платовъ. Надобно Корфу сдѣлать дальнѣйшій шагъ, пользуясь ужасомъ, наведеннымъ на французскую партію деклараціею о Тессинѣ, иначе Корфъ будетъ отвѣчать за послѣдствія, ибо нельзя думать, чтобъ императрица рѣшилась погубить сенаторовъ Окергельма и Левена, а погибель

ихъ неизбѣжна, если Тессинъ сдѣлается президентомъ канцеляріи и французская партія получитъ верхъ. Обратясь къ портрету императрицы съ заплаканными глазами, Дюрингъ продолжалъ: «Я увѣренъ, что если императрицѣ представлено будетъ о нашихъ нуждахъ и безпокойствахъ, то она не откажетъ намъ въ помощи, при чемъ можетъ быть увѣрена, что всѣ прямые Шведы прославляютъ ее въ сердцахъ своихъ. Вы сами слышали, что крестьяне произносятъ ея имя съ благоговѣніемъ и упоминаютъ чаще, чѣмъ имя собственнаго государя.»

Но въ то время когда колпаки заботились о ходѣ дѣлъ послѣ праздниковъ, шляпы воспользовались тѣмъ, что много изъ ихъ противниковъ разъѣхалось, возбудили вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ сенаторскихъ мѣстъ и провели своихъ кандидатовъ, такъ что въ сенатѣ стало теперь 9 голосовъ, принадлежавшихъ Русской партіи, включая въ то число два королевскихъ, а на французской сторонѣ, считая голосъ кронъ-принца, десять [121].

Чѣмъ затруднительнѣе становились шведскія отношенія, тѣмъ нужнѣе казалось сблизиться съ Даніею. Императрица еще въ 1745 году навѣдывалась у канцлера, скоро ли начнутся переговоры съ датскимъ посломъ о заключеніи союза; но препятствіемъ тому служили интересы племянника ея какъ герцога голштинскаго. Елисавета считала неделикатнымъ заставить племянника принести голштинскіе интересы въ жертву русскимъ, хотя въ разговорѣ съ канцлеромъ при докладахъ заявляла, что великому князю слѣдовало бы заниматься болѣе своимъ русскимъ наслѣдствомъ, чѣмъ голштинскими дѣлами. Въ началѣ 1746 года, когда она снова спросила Бестужева, дѣлается ли что-нибудь для начатія переговоровъ съ датскимъ посломъ, и когда канцлеръ отвѣчалъ, что призванные въ Петербургъ голштинскіе министры Пехлинъ и Пфеннигъ толкуютъ, что датскій король не только долженъ возвратить Шлезвигъ, но и заплатить многіе милліоны Голштиніи,—то императрица сказала: «Я въ это дѣло съ датскимъ дворомъ не вступлю, потому что оно собственно принадлежитъ великому князю, однако голштинскимъ министрамъ можно сказать, что для этого дѣла я не остановлю переговоровъ съ датскимъ дворомъ о возобновленіи союза, нужнаго для интересовъ здѣшней имперіи: такъ они бы не медлили рѣшеніемъ шлезвигскаго дѣла.» Елисавета велѣла канцлеру начать переговоры съ дат-

скимъ посломъ, при чемъ долженъ былъ присутствовать и принцъ Августъ, какъ штатгальтеръ голштинскій, и голштинскіе министры.

Въ первой конференціи датскій посолъ Голштейнъ предложилъ голштинскому герцогу милліонъ ефимковъ за вѣчную уступку Шлезвига; но голштинскіе министры не согласились. Тогда Голштейнъ подалъ ноту, въ которой просилъ не останавливать переговоровъ о возобновленіи союза между Россіею и Даніею и заключить его на прежнемъ основаніи съ такими сепаратными артикулами: 1) владѣніе Шлезвигомъ выключить изъ гарантіи императрицы до будущаго соглашенія между королемъ датскимъ и великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ; 2) гарантировать это владѣніе противъ всѣхъ другихъ родственниковъ (агнатовъ) голштинскаго дома; 3) недопускать никогда голштинское герцогство во владѣніе тому государю, который будетъ на шведскимъ престолѣ. Но императрица, выслушавъ ноту, замѣтила, что вмѣсто сепаратнаго артикула о выключеніи Шлезвига изъ русской гарантіи, надобно внести это условіе прямо и явственно въ самый договоръ, съ цѣлію дать знать и другимъ дворамъ, что императрица не пренебрегаетъ интересами своего племянника; въ остальномъ же она совершенно согласна съ проектомъ договора.

Преемникомъ Корфа въ Копенгагенѣ былъ камергеръ Алексѣй Пушкинъ, который въ одномъ изъ первыхъ своихъ донесеній увѣдомилъ о кончинѣ датскаго короля Христіана VI, послѣдовавшей 26 іюля, и о восшествіи на престолъ Фридриха V-го. Но послѣ этого донесенія Пушкина были такъ ничтожны, что изъ Петербурга должны были прислать ему внушеніе прилежнѣе слѣдить за отношеніями Даніи къ иностраннымъ державамъ и подробнѣе сообщать о томъ своему двору [122]. Другимъ характеромъ отличались донесенія новаго резидента въ Константинополѣ Адріана Неплюева. Турецкіе министры прежде всего навѣдались, какіе подарки привезъ имъ новый резидентъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что резиденты подарковъ не привозятъ, и когда переводчикъ Порты замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ рейсъ-ефенди нужно что-нибудь дать въ знакъ дружбы, то Неплюевъ сказалъ, что когда этотъ министръ дѣйствительно окажетъ Россіи услуги, то получитъ награжденіе. Новый резидентъ обратился за вѣстями къ старому пріятелю миралему, который объявилъ ему, что на

миръ съ Персіею нѣтъ надежды, и что Турція находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, будучи подобна старому безкровному тѣлу, въ которомъ всѣ кости раздроблены и которое находится при послѣднемъ издыханіи. На дняхъ приснилось султану, что шахъ напалъ на него: страшно испугался, послалъ за муфтіемъ, чтобъ растолковалъ сонъ, тотъ кое-какъ успокоилъ его. Султанъ и отъ природы не уменъ, а видя себя окруженнымъ глупыми и злонамѣренными людьми, со страха и печали находится внѣ себя и часто заговаривается. При свиданіи своемъ съ рейсъ-ефенди Неплюевъ началъ съ того, что у буджакскихъ и крымскихъ Татаръ и въ другихъ мѣстахъ еще много находится русскихъ плѣнныхъ, и требовалъ посылки нарочныхъ для ихъ освобожденія. Рейсъ-ефенди отвѣчалъ, что нарочные были отправлены и возвратились съ извѣстіемъ, что нигдѣ уже болѣе нѣтъ русскихъ плѣнныхъ, кромѣ обратившихся въ магометанство; новыхъ нарочныхъ посылать не для чего; но если резидентъ именно покажетъ, въ какомъ мѣстѣ и у какого хозяина еще остаются русскіе плѣнные, то немедленно будутъ отправлены объ нихъ надлежащіе указы. Со стороны Порты даны были записки о турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи; но полученъ былъ отвѣтъ, что такихъ не имѣется, тогда какъ извѣстно, что они находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Нѣжинѣ и Кіевѣ, визирскій посланецъ Али самъ ихъ видѣлъ, слезныя письма отъ нихъ привезъ, а другіе бѣгствомъ спаслись отъ неволи и подали вѣдомость объ оставшихся. Неплюевъ отвѣчалъ, что былъ бы радъ, еслибъ русское представленіе о плѣнныхъ было основательно не болѣе турецкаго; къ сожалѣнію въ проѣздъ свой онъ самъ видѣлъ русскихъ невольниковъ; если Турки хотятъ послать нарочныхъ въ означенные русскіе города, то онъ готовъ дать паспорты; но рейсъ-ефенди самъ хорошо знаетъ правду. Рейсъ-ефенди повторялъ увѣренія въ непремѣнномъ исполненіи договора, говорилъ, что Порта не отрекается освобождать плѣнныхъ и пошлетъ указъ объ этомъ крымскому хану, пусть только Неплюевъ подастъ письменное представленіе. Неплюевъ продолжалъ, что кромѣ плѣнныхъ крымскому хану надобно внушить о соблюденіи добраго сосѣдства: онъ не высылаетъ изъ Крыма козаковъ, называемыхъ Аргатами, не высылаетъ бѣглыхъ Ногаевъ и Калмыковъ; подъ предлогомъ сыска своихъ бѣглыхъ

Татары подъѣзжаютъ къ русскимъ границамъ. Рейсъ-ефенди обѣщалъ сдѣлать внушеніе хану, и говорилъ, что все это дѣла маловажныя и не могутъ произвести холодности между двумя имперіями; что онъ не понимаетъ, зачѣмъ съ русской стороны запрещается подданнымъ ходить въ дружеское государство для зарабатыванія денегъ, вѣдь это плоды мира. Неплюевъ возражалъ, что плоды мира состоятъ во взаимномъ распространеніи купечества, а не въ пріемѣ бѣглыхъ, и спрашивалъ, пріятно ли было бы для Порты, еслибъ въ Россіи приняли нѣсколько сотъ буджакскихъ или другихъ Татаръ, подданныхъ турецкихъ, и настаивалъ, чтобъ непремѣнно выслали изъ Крыма Аргатовъ. «Я съ вами согласенъ въ маловажности всѣхъ этихъ дѣлъ, говорилъ онъ; но если этимъ народамъ немного спустить, то они по своему непостоянству и хищничеству скоро изъ малыхъ большія дѣла сдѣлаютъ, которыя труднѣе будетъ исправить. Согласенъ, что непріятно, скучно слышать безпрестанныя жалобы на такія мелкія дѣла; но отъ этого вы можете избавиться, если при ханѣ будетъ находиться русскій консулъ; это особенно нужно и для торговли, если Порта желаетъ ея распространенія: если теперь Французамъ, а прежде и Шведамъ безъ всякаго торговаго и пограничнаго дѣла позволено было держать въ Крыму консуловъ, то русскому консулу тамъ должно быть по всѣмъ причинамъ.» Рейсъ-ефенди отвѣчалъ, что Порта не можетъ вмѣшиваться въ собственно ханскія дѣла, а Россія должна сдѣлать предложеніе о консулѣ прямо хану.

Въ октябрѣ Неплюевъ сообщилъ важную новость о неожиданномъ заключеніи мира между Турціею и Персіею на условіи остаться при томъ кто чѣмъ владѣетъ (uti possidetis). Въ слѣдствіе этого Неплюевъ сейчасъ же замѣтилъ австрійскому интернунцію Пенклеру, что нельзя держать границъ такъ обнаженными, какъ до сихъ поръ было съ австрійской стороны, что Турки могутъ рѣшиться на внезапное нападеніе въ слѣдствіе постоянныхъ подстреканій съ французской стороны. Неплюевъ писалъ, что и въ Россіи нужно произвести передвиженіе войскъ къ украйнѣ. Успокоивало безденежье Порты, ибо многіе доходы были уже взяты за годъ впередъ; но тревожные слухи не прекращались. Такъ курьеры изъ Кіева дали знать Неплюеву, что ногайскіе татары лошадей кормятъ и молва идетъ, что хо-

тятъ предпринять что-то противъ Запорожья. Неплюевъ сдѣлалъ запросъ Рейсъ ефенди объ этихъ приготовленіяхъ, тотъ отвѣчалъ, что Ногаи кормятъ лошадей для проѣзда крымскаго хана въ Константинополь. Неплюевъ писалъ въ Петербургъ, что хотя онъ и безъ Рейсъ-ефенди зналъ, что Ногаи кормятъ лошадей для ханскаго проѣзда, но сдѣлалъ запросъ нарочно, чтобъ показать Туркамъ, какъ съ русской стороны слѣдятъ за малѣйшими движеніями у нихъ и врасплохъ имъ ничего сдѣлать не удастся. Резидентъ слѣдилъ внимательно за французскими интригами: «Подлинно, писалъ онъ, нѣтъ того, чтобъ Французы постыдились выдумать и предложить Туркамъ.» Такъ они представили Портѣ, что новый императоръ Францъ не имѣетъ никакого права титуловаться королемъ іерусалимскимъ; представили также, что онъ великій магистръ ордена св. Стефана, а каждый кавалеръ этого ордена присягаетъ никогда не мириться съ невѣрными [123].

Также внимательно слѣдили за французскими интригами Англичане. Въ концѣ марта лордъ Гиндфордъ сообщилъ, въ крайнѣйшей конфиденціи, о надежномъ и несомнѣнномъ извѣстіи, полученномъ англійскимъ королемъ, что Франція употребляетъ всѣ способы отвлечь шведскій дворъ отъ Россіи и для того спѣшитъ заключеніемъ договора между Швеціею и Пруссіею съ исключеніемъ Россіи, и надобно стараться, чтобъ виды Франціи не клонились къ тому, чтобъ обязать прусскаго короля помогать Швеціи къ завоеванію уступленныхъ ею Россіи земель съ условіемъ уступки ему шведской Помераніи; кромѣ того Франція старается привлечь и Данію въ этотъ союзъ, для чего старается наслѣднаго принца шведскаго склонить къ уступкѣ всѣхъ его претензій на Голштинію въ пользу Даніи, за что Швеція должна получить вѣчное освобожденіе своихъ кораблей отъ зундской пошлины. Англійскій король, какъ искренній другъ и вѣрный союзникъ императрицы, не хотѣлъ медлить ни минуты въ сообщеніи ей этого извѣстія, усердно желая дѣйствовать заодно съ императрицею во всемъ, что касается благополучія обоихъ государствъ; король очень желаетъ знать о намѣреніяхъ императрицы относительно общихъ европейскихъ дѣлъ, и особенно дѣлъ на Сѣверѣ; его величество приметъ за особенное одолженіе, если его сіятельство великій канцлеръ

графъ Бестужевъ благоволитъ извѣстить о томъ въ секретѣ посла королевскаго. Канцлеръ отвѣчалъ именемъ императрицы, что начатые въ прошломъ году въ Петербургѣ переговоры съ посломъ англійскимъ и министрами другихъ державъ, соединенныхъ варшавскимъ договоромъ, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ добрыхъ намѣреніяхъ императрицы, и если эти переговоры кончились ничѣмъ, то вина не на русской сторонѣ, ибо король великобританскій, съ исключеніемъ императрицы и не давши ей знать, вступилъ въ Ганноверѣ въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ. Несмотря на то, ея величество безъ труда откроется конфидентно королю, что она нисколько не измѣнила своихъ взглядовъ, несмотря на издержки и неудобное время года продолжающаяся передвижка арміи служитъ тому доказательствомъ. Цѣль этой передвижки троякая: 1) безопасность Россіи; 2) сохраненіе тишины и существующаго порядка на Сѣверѣ вообще, и особенно въ Польшѣ; 3) поданіе помощи союзникамъ. Но какъ эти три цѣли могутъ быть достигнуты, объ этомъ ожидается обстоятельнѣйшее изъясненіе со стороны британскаго величества [124].

Своимъ докладамъ о необходимости сближенія съ Англіею канцлеръ встрѣчалъ помѣху въ извѣстіяхъ съ Востока, изъ Персіи, которыя приводили императрицу въ сильное раздраженіе. 24 апрѣля при докладѣ объ иностранныхъ дѣлахъ она разсуждала, что англійскіе купцы дѣйствуютъ въ Персіи такъ, что для Россіи могутъ быть отъ этого дурныя слѣдствія, что они тамъ уже построили два корабля на шаха и еще строить хотятъ, а для Россіи было бы очень вредно, еслибы у Персіянъ заведенъ былъ флотъ. Англичанамъ позволено торговать съ Персіею чрезъ Россію; но отъ этой торговли великая прибыль только Англичанамъ, а здѣшней имперіи, особенно купцамъ и фабрикамъ помѣшательство и убытки происходятъ; очень жаль, что такое позволеніе дано, и всѣми мѣрами надобно эту англійскую торговлю прекратить. Канцлеръ отвѣчалъ, что такія извѣстія и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ получены, что одинъ военный корабль въ Персіи построенъ, а другой заложенъ, и что въ этомъ одинъ изъ Англичанъ, недобрый человѣкъ, именемъ Элтонъ упражняется, а бѣглые изъ Россіи разбойники помогаютъ; отъ коллегіи англійскому двору сдѣланы представленія, чтобъ этотъ

Элтонъ вызванъ былъ изъ Персіи и объявлено, что если онъ вызванъ не будетъ, то и торговля Англичанъ съ Персіею вся пресѣчена будетъ. Отъ англійской компаніи къ тому Элтону писано, чтобъ выѣхалъ изъ Персіи, за что обѣщана ему погодная пенсія по смерть до 2,000 рублей; но онъ, несмотря на то, оттуда не ѣдетъ, а иначе поступить съ нимъ англійскому двору нельзя, ибо извѣстно, что англійскій народъ вольный. Торгующіе съ Персіею Англичане держали два собственныхъ корабля; но такъ какъ было усмотрѣно, что на этихъ корабляхъ изъ Россіи парусныя палатки и другіе такелажи къ вооруженію судовъ принадлежащіе туда привозили, то эти корабли въ Астрахани задержаны, ходить въ Персію имъ болѣе не позволено, и Англичанамъ объявлено, чтобъ они товары свои на русскихъ судахъ перевозили, а свои корабли продали бы русскимъ же купцамъ, и одинъ корабль уже проданъ, а другой еще нѣтъ. На эти представленія Елисавета замѣтила: такъ какъ эта коммерція для здѣшней имперіи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправленіи этого дѣла надобно прилагать стараніе, а лучше эту коммерцію отклонить и вовсе прекратить. Въ августѣ вопросъ возобновился въ слѣдствіе извѣстія, что одинъ персидскій корабль съ пушками, уже совсѣмъ построенный и оснащенный, видѣнъ былъ у Дербента и требовалъ салютаціи отъ русскихъ судовъ, а командиръ его и команда били и другія озлобленія дѣлали русскимъ купцамъ. Императрица объявила канцлеру, что все это отъ того, что Англичанамъ позволено производить торговлю изъ Россіи въ Персію, и еще хуже будетъ, когда у Персіянъ морской флотъ заведется и размножится, и потому англійскую коммерцію въ Персію теперь непремѣнно пресѣчь и англійскому послу о томъ объявить; а какимъ бы образомъ это заведенное у Персіянъ строеніе судовъ вовсе искоренить, о томъ въ Сенатѣ вмѣстѣ съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ совѣтоваться и мѣры безъ упущенія времени принимать [125].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1747 годъ.

Отношеніе канцлера Бестужева къ Сенату. — Усиленныя заботы Сената о финансахъ въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. — Старыя хлопоты о соли. — Мѣры противъ корчемства. — Табакъ. — Недостатокъ въ деньгахъ и рабочихъ рукахъ. — Результаты ревизіи. — Записка графа Петра Шувалова о способѣ умноженія доходовъ. — Препятствія для торговли. — Магистратскіе безпорядки. — Препятствіе для внѣшней торговли со стороны Польши. — Промышленность. — Разбои и пожары. — Полиція. — Областное управленіе. — Коллегіи. — Дѣла церковныя. — Дѣло о госпиталѣ. — О Пыскорскомъ монастырѣ. — Противоположныя мнѣнія иностранцевъ о Россіи. — Переговоры о „перепущеніи“ русскаго войска для морскихъ державъ. — Успѣхъ переговоровъ. — Дѣла Австрійскія. — Дѣла Саксонскія.— Отношенія къ Польшѣ по поводу гоненія на православіе. — Дѣла Прусскія. — Дѣла Шведскія. — Дѣла Турецкія. — Самозванецъ Өедоръ Ивановъ.— Дѣла Персидскія.

Мы видѣли, что берлинскій дворъ сообщилъ петербургскому бумаги несчастнаго Фербера, касавшіяся русскихъ дѣлъ. Вѣроятно въ Берлинѣ думали, что письмо Фербера достигло своего назначенія и хотѣли выказать свое чистосердечіе. Но въ Петербургѣ приняли находившіяся въ бумагахъ извѣстія за вѣрныя, и Бестужевъ воспользовался выходкою Руденшильда противъ Сената, чтобъ высказаться и съ своей стороны противъ этого учрежденія. Противъ словъ Руденшильда онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Канцлеръ ея император. величеству слабѣйшее свое мнѣніе всенижайше представлялъ, что какъ для облегченія ея императ. величеству государственнаго правленія рѣше-

ніемъ спорныхъ въ Сенатѣ и иныхъ коллегіяхъ случающихся дѣлъ, такъ и для пользы самодержавной имперіи не безполезно было бъ кабинетъ изъ вѣрныхъ и надежныхъ подданныхъ сочинить, при которомъ мнѣніи канцлеръ и понынѣ остается, не имѣя притомъ никакого о себѣ вида, ибо ему и безъ того дѣлъ довольно и едва оными исправиться можетъ»[126]. Дѣйствительно Алексѣй Петровичь никогда не бывалъ въ Сенатѣ, отговариваясь постоянно иностранными дѣлами. Сенатъ въ своемъ правительствующемъ значеніи могъ не нравиться канцлеру при настоящемъ составѣ: виднѣе другихъ были въ немъ два члена, генералъ-прокуроръ Трубецкой и Румянцевъ — оба враги Бестужева; въ послѣднее время особенною дѣятельностію началъ отличаться въ Сенатѣ графъ Петръ Ив. Шуваловъ, то же человѣкъ враждебный Бестужеву. Но мнѣніе канцлера не могло произвести впечатлѣнія на Елисавету: отказаться отъ возстановленнаго ею отцовскаго учрежденія и возвратиться къ кабинету, напоминавшему ей самое ненавистное время, она могла считать крайнимъ для себя униженіемъ.

Сенатъ былъ обезпеченъ при ней и продолжалъ заниматься главнымъ дѣломъ: «Денегъ какъ можно болѣе сбирать, ибо деньги суть артеріею войны,» а война казалась неизбѣжна по европейскимъ отношеніямъ. Въ началѣ года уже былъ изданъ указъ о наборѣ 50,000 рекрутъ, также драгунскихъ и подъемныхъ лошадей[127]. Вопросъ о соли продолжался въ прежнемъ видѣ: въ Астрахани подрядчики объявили условія: 1) если рабочимъ за побѣгъ съ судовъ будетъ положено жестокое наказанье и будутъ ихъ ссылать въ ка торжную работу зарабатывать взятыя ими отъ подрядчиковъ деньги; 2) если рабочимъ наемная цѣна опредѣлена будетъ закономъ, — то они, подрядчики, за поставку соли возьмутся по прошлогоднимъ цѣнамъ; въ противномъ случаѣ ни по какой цѣнѣ подряжаться не станутъ, опасаясь, чтобъ имъ отъ побѣговъ рабочихъ не придти въ совершенное разореніе[128]. Медицинская канцелярія, по запросу Сената, объявила, что взятая съ Элтонскаго озера соль и соляной тузлукъ по всѣмъ химическимъ регуламъ изслѣдованы, и явилось, что она безъ литрованія для человѣческаго употребленія не вредна, а затѣмъ къ экономической потребѣ безъ всякой опасности и поврежденія здравія въ пищу и къ соленію мяса и рыбы полезна быть можетъ[129].

По этому, въ слѣдствіе донесенія посланнаго осмотрѣть Элтонское озеро полковника Чемодурова, приказали: 1) Съ озера соль заготовлять и вывозить въ Дмитріевскій городъ, что на Камышенкѣ и въ Саратовъ, и заготовленіемъ и отправленіемъ завѣдывать коммиссарству, имѣющему состоять изъ Чемодурова и двоихъ другихъ членовъ. 2) Для защиты отъ набѣговъ Калмыковъ и прочихъ народовъ, и чтобъ кромѣ казенной поставки никто съ озера тайно соль не вывозилъ, построить земляной городокъ. 3) Для возки соли сдѣлать къ веснѣ 1748 года въ Казанскомъ и Вятскомъ уѣздахъ десять судовъ. 4) Печатными указами вызвать поставщиковъ, которые бы взялись возить съ озера соль и ставить въ казну. Заботиться объ элтонской соли заставило Сенатъ донесеніе Строгановыхъ и другихъ пермскихъ солеваровъ, что лѣса около ихъ варницъ истребляются; а это все будетъ болѣе и болѣе препятствовать вываркѣ соли въ достаточномъ количествѣ, и потомъ то обстоятельство, что доставлять бузунъ изъ Астрахани далеко и дорого и потому относительно этой соли надобно ограничиться только ближними къ Астрахани мѣстами [130]. Но пользованіе элтонскою солью было еще впереди, и баронамъ Строгановымъ послали указъ, чтобъ къ отпуску 1747 года непремѣнно выварили три милліона пудовъ [131]. Строгановы въ маѣ отвѣчали жалобою на крайнее свое изнеможеніе, къ тому же потерпѣли большой убытокъ отъ пожара въ Твери, гдѣ у нихъ сгорѣли домъ, амбары и соль [132]; а въ началѣ іюня соляная контора донесла, что въ настоящемъ году не доварено соли у Строгановыхъ до милліона пудъ; а у другихъ четверыхъ заводчиковъ до 300,000 пудъ; другою солью, кромѣ пермской, Верховые города удовольствовать нельзя, потому что бузуномъ довольствуются города астраханской, казанской, нижегородской и воронежской губерній, а далѣе Нижняго Новгорода въ другіе города отпускать бузунъ за высокими цѣнами нельзя: въ Нижнемъ Новгородѣ пермской баронской соли истинная цѣна 9 копѣекъ, а съ вычетомъ таможенныхъ пошлинъ 8 коп. за пудъ, бузуну же истинная цѣна 18 копѣекъ пудъ; а если Строгановы третьяго милліона пудовъ не выварятъ, то можетъ произойти конечный недостатокъ въ соли. Послали Строгановымъ указъ съ крѣпчайшимъ подтвержденіемъ выварить до трехъ милліоновъ пудъ [133]. Строгановы объявили, что ни одна просьба

ихъ не исполнена, а между тѣмъ убытки такъ увеличились, что капиталъ ихъ весь утратится безъ остатка. Велѣно имъ варить соль на 1748 годъ, но для этого имъ нужно 509,577 рублей на одинъ заваръ; но когда первый заваръ начинается, на другой заключаются подряды и деньги въ задатки выдаются; а когда первый заваръ кончился и въ Нижній соль пошла, то второй заваръ начинается; денегъ они не выручаютъ, потому что деньги идутъ на уплату казенныхъ долговъ. Въ отвѣтъ посланъ указъ: выварить и поставить безъ отговорокъ [134].

Кромѣ продажи соли у казны былъ еще доходъ съ продажи вина; но этотъ доходъ уменьшался отъ корчемства. Корчемная контора послала въ дворцовую Куньевскую волость двоихъ оберъ-офицеровъ съ командой для забранія оговоренныхъ корчемниковъ, и велѣно имъ было заѣхать въ село Измайлово, взять для подмоги тамошняго управителя и служителей. Но управитель Изволовъ указа не принялъ, самъ не поѣхалъ и никого не послалъ. Когда команда пришла въ деревню Кузнецы, то жителей въ домахъ никого не нашла, а въ другихъ деревняхъ и лѣсахъ сыскано 43 варницы, на которыхъ по двѣ и по три очага и дрова горятъ, да нашли вина до 1000 ведръ, 14 кубовъ, 3 котла желѣзныхъ; кромѣ того на каждой варницѣ по два великихъ чана съ брагою. Поймано было 8 человѣкъ и отдано подъ караулъ въ одной деревнѣ на крестьянскомъ дворѣ; но когда команда занималась въ другихъ мѣстахъ сыскомъ корчемниковъ, пришли крестьяне Куньевской волости въ большомъ числѣ, забрали караульщиковъ, колодниковъ, вино, кубы и ушли невѣдомо куда [135]. Но не одни крестьяне такъ защищали свой вольный промыселъ: корчемная контора доносила, что посланный ею оберъ-офицеръ съ командою для выемки вина въ домъ подполковника Дохтурова, долженъ былъ выдержать бой съ хозяиномъ [136].

Табачный сборъ отданъ былъ на откупъ во всемъ государствѣ московскому купцу Матвѣеву на шесть лѣтъ за 42,391 рубль ежегодно [137]. Но денегъ было мало, особенно въ виду издержекъ на усиленіе и передвиженіе войска: Малороссіянамъ, поставлявшимъ въ прошлые годы провіантъ и фуражъ въ военные магазины, по недостатку денегъ, велѣно заплатить парусными полотнами съ казенной почепской фабрики [138]. Денегъ мало и ра-

бочихъ рукъ мало. Адмиралтейство доносило: Сенату извѣстно, какъ въ привозѣ корабельныхъ лѣсовъ была остановка за недостаткомъ рабочихъ съ указными печатными паспортами; на пристаняхъ оставалось множество лѣса; отъ долговременнаго лежанія пропадало, а въ строеніи и починкѣ флота происходилъ недостатокъ. Сенатъ разрѣшилъ: если съ печатными паспортами потребнаго числа рабочихъ не сыщется, то позволить нанимать и съ письменными на одинъ 1746 годъ. Но теперь адмиралтейство опять представляетъ: хотя въ 1746 году многимъ больше лѣсовъ въ отвозъ забрано и въ пути зимовало, однако на пристаняхъ не мало ихъ осталось, ибо вдругъ всего забрать въ одинъ годъ было нельзя, а подрядчиковъ никого не является, тогда какъ въ лѣсахъ крайняя нужда: нѣтъ лѣсу на 40 галеръ; нѣкоторые корабли строены въ давнихъ годахъ и сильно повреждены, надобно ихъ чинить, а для доставки лѣса нельзя надѣяться набрать рабочихъ съ печатными паспортами. Сенатъ разрѣшилъ и на 747 годъ нанимать съ письменными паспортами. Адмиралтейство потребовало, чтобъ тоже было позволено и на 748 годъ, и Сенатъ согласился [139].

Ревизія оканчивалась, количество народонаселенія оказывалось больше противъ прежней переписи, слѣдовательно больше должно было собираться подушныхъ денегъ, и указомъ 27 января вновь учрежденные батальоны велѣно довольствовать изъ новоприбылыхъ по послѣдней ревизіи подушныхъ денегъ. Но по новой ревизіи оказывалось съ прибылыхъ душъ въ полугодовомъ окладѣ въ 32 провинціяхъ прибыли 317329 рублей, а въ 8 провинціяхъ убыли 41,941 рубль, за исключеніемъ этой убыли прибылыхъ денегъ было 275388 рублей, а въ остальныхъ пяти провинціяхъ, за неприсылкою вѣдомостей, неизвѣстно было, имѣется ли прибыль или убыль; на новые же батальоны требовалось болѣе, именно недоставало 115810 рублей. Сенатъ приказалъ взять вѣрныя вѣдомости изъ Бергъ-конторы, сколько теперь въ Петербургѣ на лицо и въ пути желѣза и какая по послѣднему торгу его цѣна [140].

31 Іюля графъ Петръ Ив. Шуваловъ представилъ Сенату записку о способѣ умноженія дохода казеннаго: «Всевидящее око особливымъ смотрѣніемъ руководствуя вѣчной славы достойнаго государя, Отца отечества, великаго Петра, котораго трудами

слава россійской имперіи процвѣла, къ вящей же ея славѣ многія безпримѣрныя дѣла благословилъ Богъ стараніемъ и трудами Матери Отечества государыни всемилостивѣйшей предъ глаза свѣту произвести, а чтобъ благословенная слава имперіи не была гдѣ-либо занозою въ завидливыхъ сердцахъ — сумнительства нѣтъ, слѣдственно дальніе виды, заключенные въ зависти, чрезъ оное не закрытны быть стали. Ея Император. Величество августѣйшей государыни нашей всѣ виды тѣ суть, изъ которыхъ слава и польза, безопасность и цѣлость государства состоитъ; къ оному освященному ея импер. величества виду и вящей пользѣ и безопасности государства и подданныхъ предпріятіемъ потребно, дабы доходы государственные были умножены. Конечно полезнѣе быть ничто можетъ, какъ въ государствѣ имѣть такой пунктъ, который бы во время надобности безсумнительно доходъ государственный умножилъ, а оной не токмо къ тому служить можетъ, какъ самое его дѣйство есть пользы поискъ, о цѣлости надлежащей отпоръ въ защищеніе учинить но довольную опасность поставить въ тѣхъ, которые буде въ разсужденіи не довольныхъ доходовъ нашихъ, завиствуя благословенной славѣ, что-либо противное покою произкиваютъ, и симъ уповательно всѣ дальновидные происки, противные покою, конецъ свой примутъ, въ томъ разсужденіи, что въ благословенной державѣ ея императ. величества далъ Вышній довольно того есть, которое многія государства тѣмъ преимуществуетъ, а особливо люди, пропитаніе, къ тому жъ весьма противъ всѣхъ государствъ дешевое войскъ содержаніе, и оное окрестнымъ державамъ не безызвѣстно; при томъ самонужнѣйшее для содержанія умноженныхъ и впредь въ потребныхъ случаяхъ умножаемыхъ на довольное содержаніе войскъ учрежденный способъ доходовъ казенныхъ весьма вѣрные повсядневно въ сборъ къ теченію готовые извѣстны будутъ же, которое вяще нежели бъ капиталъ лежащій, понеже по продолженію нужныхъ обстоятельствъ изъ него вынимая безъ возвращенія, достатковъ добраться можно, а напротивъ того нашъ порядокъ новоучрежденный быть имѣетъ такой, который умаленія въ себѣ вовсе имѣть не можетъ, но будетъ единое обращеніе циркулярное безконечное.»—Порядокъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобъ уравнять повсюду цѣну соли и вина, въ нужномъ случаѣ увеличи-

вать эту цѣну и лишекъ обращать на войско въ дополненіе къ подушному сбору. Извѣстно, что соли въ государствѣ расходится 7,474,078 пудъ, и вина не менѣе 2000000 ведръ, слѣдовательно еслибъ, напримѣръ, потребно было получить денегъ 2,028,815 рублей, то сверхъ разверстки на соль прибавить по 13¾ копѣйки и придетъ 1028815 рублей 85½ копѣекъ, а на вино сверхъ разверстки прибавить по 50 копѣекъ на ведро, получится милліонъ, или прибавить больше на вино, а меньше на соль—какъ угодно. Этотъ излишекъ за соль станетъ приходить и со всѣхъ тѣхъ, которые ничего не платятъ въ помощь положенныхъ въ подушный окладъ; если же вышеписанную сумму собрать съ положенныхъ въ подушный окладъ, то придется съ числа нынѣ обревизованныхъ душъ, именно 6,491,381 сверхъ обыкновеннаго подушнаго сбора положить на душу по 31½ копѣйки, что будетъ имъ чрезвычайно тяжело, да и нельзя надѣяться, чтобъ бездоимочно можно было собрать; а еслибъ и собрано было со взысканіемъ обыкновеннымъ порядкомъ, то безъ содержанія подъ карауломъ и прочихъ строгостей обойтись нельзя будетъ; въ послѣдующемъ же за тѣмъ годѣ не только нельзя надѣяться получить вновь такой же сборъ, но сомнительно, чтобъ и настоящій окладъ можно было выбрать по причинѣ такой значительной накладки, а конечно останется доимка не малая; а за вино станутъ платить не сохраняющіе впрокъ себѣ своихъ денегъ, которыхъ какъ ни унимать, а все нельзя удержать отъ пьянства.

Шуваловъ подавалъ мнѣніе объ уравненіи цѣнъ на соль еще въ 1745 году; Сенатъ согласился, но императрица не утвердила, склонясь на противное мнѣніе фельдмаршала князя Долгорукаго. Теперь, въ виду увеличивающихся расходовъ, Сенатъ опять принялъ мнѣніе Шувалова, разсуждая, что соль продается неравными цѣнами отъ 3¼ копѣекъ до 20, 30 и 40 копѣекъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 50; въ 1742 году соли продано 7,484,708 пудъ, денегъ въ сборѣ 1,587,111 рублей, изъ которыхъ чистаго дохода 755600 рублей, и если для уравненія продавать соль во всѣхъ мѣстахъ по 35 копѣекъ пудъ, то прибыли будетъ 1,028,815 рублей. Объявилъ несогласіе одинъ сенаторъ, князь Ив. Вас. Одоевскій, который представлялъ, что если увеличить цѣну на вино, то винные откупщики откажутся, и требовалъ, чтобъ за-

прещено было частнымъ людямъ курить вино. Генералъ-прокуроръ Трубецкой подалъ мнѣніе, въ которомъ опровергалъ Одоевскаго, и послѣдній согласился. 9 Декабря Шуваловъ представилъ новое мнѣніе: поташные казенные заводы становятся въ убытокъ, а крестьянъ къ нимъ опредѣлено 27610 душъ; надобно у поташныхъ заводовъ крестьянъ взять, а вмѣсто того приписать ближайшихъ крестьянъ къ добыванію элтонской соли, иначе это добываніе не пойдетъ какъ слѣдуетъ. Окончательно Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ, чтобъ продавать соль по 35 копѣекъ вездѣ, исключая Астрахань и Красный Яръ, гдѣ продавать по $17^1/_2$ копѣекъ пудъ, чтобъ рыбные промышленники не очень много наложили на соленую рыбу, безъ которой народу пробыть нельзя [141].

Для сокращенія расходовъ Сенатъ, разумѣется, долженъ былъ хлопотать, чтобъ подрядчики брали подешевле; но 33 купца, съ которыми былъ торгъ о подрядѣ на провіантъ въ петербургскіе магазины, объявили предъ Сенатомъ, что въ провозѣ провіанта происходятъ разныя затрудненія и убытки: тверской воевода Ивинъ поставилъ по рѣкѣ Тверцѣ капрала съ солдатами и останавливаетъ идущія съ Волги и другихъ рѣкъ суда, которыхъ въ лѣто пройдетъ около двухъ тысячъ; капралъ беретъ прикащиковъ и работниковъ и отводитъ къ воеводѣ, который, кромѣ съѣстныхъ и другихъ припасовъ беретъ съ идущихъ вверхъ съ грузомъ по рублю, а съ плывущихъ внизъ порожнихъ по полтинѣ съ судна, да капралъ съ солдатами и воеводскими людьми берутъ на себя по полтинѣ и больше, а безъ того не пропускаютъ. Подобное тому дѣлаетъ и ладожскій воевода Чеблоковъ. По указамъ велѣно отъ Вышняго Волочка по Тверцѣ, Волгѣ и другимъ рѣкамъ, по всѣмъ берегамъ, по которымъ съ бичевою ходятъ, не запахивать, а теперь во многихъ мѣстахъ запахиваютъ, тянуть судовъ не допускаютъ и притомъ бьютъ на смерть. По Волгѣ, Окѣ и другимъ рѣкамъ суда находятъ на камни, карши и пески, для снманія съ которыхъ обыватели на берега не пускаютъ, отъ чего суда получаютъ поврежденія, хлѣбъ и прочіе товары водою разноситъ и обыватели тѣхъ мѣстъ, перенимая, развозятъ по своимъ дворамъ и отъ нихъ скрываютъ, а оставшійся подмоклый хлѣбъ и товары на берега для пересушки и поправки безъ знатной платы не

пускаютъ и бьютъ. Въ тѣхъ городахъ, откуда суда отпускаютъ, покупаютъ вино, на которое и ярлыки берутъ, для угощенія работниковъ и призываемыхъ на помощь обывателей во время бѣдствія; но въ городахъ осматриваютъ барки и гдѣ сыщутъ вино, начинаютъ слѣдствіе и разоряютъ. Въ Нижнемъ, Костромѣ и другихъ городахъ останавливаютъ суда для пересмотра работничьихъ паспортовъ, и пока офицерамъ, подъячимъ и караульнымъ взятокъ не поднесутъ, бьютъ и суда держатъ долгое время. Указами коллегіямъ и губернаторамъ запрещено самовольно накладывать пошлины; а орловскій магистратъ, грубымъ своимъ смысломъ, беретъ сверхъ указной пошлины по копѣйкѣ съ рубля съ товаровъ, а съ указныхъ пошлинъ беретъ по копѣйкѣ съ рубля будто на лѣкаря, беретъ съ извощиковъ, перевозящихъ провіантъ, по копѣйкѣ съ лошади. Извощики, которые возятъ провіантъ на гжацкую пристань и въ другія мѣста, въ дорогѣ изъ кулей крадутъ муку, и вмѣсто нея кладутъ песокъ, золу и другія непотребности, а пріемщики ставятъ это въ вину поставщикамъ, поносятъ и убытчатъ ихъ. Иногда, спѣша исправною поставкою, наскоро нанимаютъ подводы по ямамъ, гдѣ, особенно въ Бронницахъ и на Крестцахъ, ямщики составляютъ заговоры, и, возвышая чрезвычайно цѣну, раскладываютъ между собою по очереди, у очередныхъ случаются лошади худыя, а иногда въ поляхъ, и затѣмъ происходитъ замедленіе и передача напрасная деньгамъ, а другихъ постороннихъ наниматься не допускаютъ и бьютъ, а управители ямовъ, участвуя въ этихъ взяткахъ, суда не даютъ. Разныхъ городовъ купцы, которые въ Петербургъ на продажу хлѣбъ судами привозятъ, жаловались, что на рѣкѣ Невѣ, у Невскаго монастыря, гдѣ опредѣлено стоять ихъ баркамъ, монахи и служки собираютъ съ каждой барки по копѣйкѣ въ сутки [142].

Началось дѣло по жалобѣ купца Арефьева, что въ тверской провинціи секретарь Башиловъ на обывателей-помѣщиковъ, духовенство и купечество дѣлаетъ нападки и въ дѣлахъ проволочку; весною при нагрузкѣ барокъ для отвоза хлѣба въ Петербургъ отсылаетъ собственный хлѣбъ, отдавая муку ржаную вѣсомъ въ полосма пуда, а съ купечества беретъ петербургскую высшую цѣну за девяти-пудовой куль, и за провозъ ничего не даетъ. Сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу Башилова во-

первыхъ потому, что купцы не должны были брать хлѣбъ на суда, а между тѣмъ брали; потомъ, когда Башиловъ отдалъ дѣло на вѣру (присягу), то челобитчики къ присягѣ не явились и не сысканы. Слѣдователь, капитанъ Ильинъ стоялъ за челобитчиковъ и написалъ въ донесеніи: «Хотя челобитчиковъ слѣдовало привести къ присягѣ, но Башиловъ объявилъ, что челобитчики при подпискѣ были въ бородахъ и въ неуказномъ платьѣ и чтобъ къ присягѣ допущены были безъ бородъ: онъ сдѣлалъ это нарочно, не имѣя оправданія и зная, что челобитчики не сбрѣютъ бородъ и потому не явятся къ присягѣ; но слѣдствіе производится не о бородахъ, а о взяткахъ.» Сенатъ замѣтилъ, что Ильинъ написалъ это неправильно, а Башиловъ сдѣлалъ свое объявленіе правильно, ибо русское платье и бороды носить запрещено, и поэтому Ильинъ за необращеніе вниманія на указы, какъ военный, долженъ отвѣчать предъ военною коллегіею. По другимъ многочисленнымъ челобитьямъ на Башилова Ильинъ вездѣ обвинялъ его, а Сенатъ отвергъ всѣ мнѣнія Ильина и рѣшилъ взыскать съ него штрафу 500 рублей [143].

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ для торговли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по прежнему присоединялись магистратскіе безпорядки. Бѣлгородское дѣло продолжалось, ибо главный магистратъ не хотѣлъ признавать себя побѣжденнымъ, и донесъ Сенату, что онъ принужденъ взять новаго президента бѣлгородскаго магистрата Андреева къ отвѣту въ непорядочныхъ поступкахъ. Но Сенатъ, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, не захотѣлъ посмотрѣть на это равнодушно и приказали: въ Главный магистратъ послать указъ — велѣть прислать въ Сенатъ извѣстіе немедленно: опредѣленный по удостоеніи бѣлгородскаго купечества отъ правит. Сената президентъ Андреевъ въ Главный Магистратъ къ слѣдствію по какимъ именно дѣламъ потребенъ? ибо хотя изъ Гл. Магистрата въ доношеніи и объявлено, что Андреева нарочно посланному взять велѣно будто бы за непорядочные его поступки, а за какіе именно, того не показано; бѣлгородское же купечество объявляетъ, что Андреева въ Глав. Магистратъ требуютъ по происками Морозова съ товарищи; Глав. Магистратъ имѣетъ злобу на Андреева и на все бѣлгородское купечество за наложеніе изъ-за нихъ на Глав. Магистратъ штрафа Сенатомъ; кромѣ того желаетъ взятіемъ Ан-

древа прикрыть воровство Морозова съ товарищи, именно чтобъ Андреевъ не былъ при слѣдствіи и этимъ самымъ слѣдствіе остановилось бы; наконецъ желаетъ Андреева бездѣльно проволочить и отъ дѣлъ бѣлгородскаго магистрата удалить; поэтому до разсмотрѣнія дѣла въ Сенатѣ Андреева въ Глав. Магистратъ не брать. — Въ челобитьѣ бѣлгородскихъ купцовъ Сенату было показано также, что Морозовъ съ товарищами какъ скоро вступили въ управленіе, то тѣми купцами, которые доносили на нихъ въ похищеніи казеннаго интереса, всего до 60 человѣкъ, безо всякаго суда разыскивали, иныхъ публично плетьми и батожьями наказывали, а нѣкоторымъ и уши рѣзали, и вымучили дать Морозову векселя, а у иныхъ, сбивъ отъ лавокъ замки, товары и деньги выбрали; просить въ Глав. Магистратѣ, зная тамъ защиту Морозову и товарищамъ его, они не смѣютъ, а въ бѣлгородскій магистратъ челобитій ихъ не принимаютъ за тѣмъ, что нынѣшній президентъ Андреевъ на Морозова доносилъ въ похищеніи интереса и слѣдовательно не можетъ быть безпристрастнымъ судьею. Сенатъ велѣлъ это дѣло производить въ бѣлгородской губернской канцеляріи съ участіемъ одного члена изъ бѣлгородскаго магистрата, на котораго отъ истцовъ и отвѣтчиковъ не будетъ показано подозрѣнія, и хотя купцы губернаторамъ и воеводамъ судомъ не подчинены, но теперь купцы сами просятъ, чтобъ ихъ дѣло производилось въ губернской канцеляріи [144].

Калужскій купецъ Софронъ Лобовъ билъ также челомъ Сенату, что когда въ настоящее царствованіе возобновлены были магистраты, то калужское купечество выбрало нѣсколько персонъ въ бургомистры, въ томъ числѣ Осипа Шемякина, а другихъ въ ратманы, въ томъ числѣ брата его Софронова роднаго Никиту, да двоюроднаго Василья Лобовыхъ; Шемякинъ, будучи въ Москвѣ, проискавъ у Глав. Магистрата кредитъ, безъ вѣдома мірскаго исходатайствовалъ себѣ новый чинъ президентскій, и какъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу и вступилъ въ магистратское управленіе, то въ надеждѣ на Главный Магистратъ, прочихъ членовъ и до дѣлъ не допускалъ, а дѣлалъ не малое время всякія дѣла одинъ, и когда прочіе члены о томъ съ учтивостію стали ему предлагать, то Шемякинъ, озлясь, подалъ въ Глав. Магистратъ несправедливое доношеніе и про-

исками своими склонилъ Глав. Магистратъ, что безъ всякаго слѣдствія его товарищамъ разными штрафами нанесъ тягость несносную [145].

На западѣ сухопутная внѣшияя торговля терпѣла отъ польскаго безнарядья. Смоленскій шляхтичъ Николай Потемкинъ, бывшій на пограничной коммиссіи для разбора дѣлъ по долговымъ искамъ между русскими купцами и жидами, представилъ Сенату, что по затрудненіямъ, которыя испытываютъ русскіе купцы въ Польшѣ и разореніямъ отъ своевольныхъ Поляковъ, лучше вести съ Польшею торгъ на границѣ, по тому примѣру, какъ онъ ведется съ Китайцами и Зюнгарцами. Лучше шли дѣла на степномъ Востокѣ: Неплюевъ писалъ, что онъ перевелъ торгъ изъ Орской крѣпости въ Оренбургъ, и въ 1746 году привезеннаго русскими купцами товара съ объявленными для торгу деньгами было на 112,000 рублей, а вымѣненнаго отъ Азіатцевъ на 67,000 [146].

Съ самаго дальняго Востока явился въ Сенатъ иркутскій купецъ Юговъ и, отъ имени своихъ товарищей — Мальцова, Трапезникова и Соловьева, объявилъ, что въ Камчатской экспедиціи у Нижняго Камчатскаго устья и противъ Олюторскаго устья близъ Караганскаго острога въ морѣ, не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ берега, сысканы въ 1741 году пустовые острова, а на нихъ усмотрѣно множество разныхъ звѣрей — песцы, бобры, лисицы: и приняли они, Юговъ съ товарищами, намѣреніе на этихъ островахъ звѣриный промыслъ взять на себя съ платежомъ въ казну пошлины, а для промысловъ нужно имѣть четыре мореходныя судна, которыя они построятъ на свой счетъ. Югова спросили: кѣмъ эти острова отысканы и почему онъ знаетъ, какіе на нихъ звѣри водятся? Юговъ отвѣчалъ, что на этихъ островахъ Берингъ былъ и чуть со всею командою не умеръ, а они, купцы, ходили на острова два раза на двухъ лодкахъ компаніею и въ разныхъ партіяхъ на каждой лодкѣ по 18 человѣкъ, и получили въ первый разъ по 30 бобровъ на человѣка; а въ другой разъ по 90, и продавали звѣря хорошаго отъ 40 до 50 рублей, а похуже отъ 30 до 20. Сенаторы предложили, чтобъ они платили половину добычи въ казну; но Юговъ стоялъ за треть. Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ съ мнѣніемъ, что слѣдуетъ отдать Югову съ товарищами изъ третьей

части [147]. Сенатъ представилъ императрицѣ и другое мнѣніе относительно мануфактурной промышленности: люди и крестьяне на фабрикахъ положены въ подушномъ семигривенномъ окладѣ, и этотъ окладъ они должны платить изъ заработныхъ денегъ; но заработная цѣна платится малая, только для пропитанія, чтобъ не возвысить цѣны сукнамъ при казенной поставкѣ, слѣдовательно подушнаго оклада изъ нея платить нельзя и работники за скудостію разбѣгутся. Фабриканты платить за нихъ также не могутъ: казна платитъ за сукно по 58 копѣекъ, а за каразеи по 14½ аршинъ, и отъ повышенія цѣны на матеріалъ фабрики приходятъ въ крайнее разореніе, Третьяковъ за долги всего имѣнія лишился, фабриканты поэтому не могутъ ничего прибавить къ заработной платѣ, и если за сукно имъ прибавки не будетъ или мастеровые люди не будутъ освобождены отъ подушнаго оклада, то они принуждены будутъ фабрики закрыть. По мнѣнію Сената, такъ какъ сукна и матеріалы долгое время въ одной цѣнѣ стоять не могутъ, то слѣдуетъ на сукна цѣну возвысить, чтобъ изъ этой прибавки подушныя деньги могли платиться бездоимочно; кромѣ того съ фабрикантовъ, поставляющихъ сукна въ казну, не брать рекрутъ и лошадей [148]. Для поддержанія московской шляпной фабрики Черникова и Сафьяникова, поставлявшихъ шляпы на армейскіе полки, запрещенъ вывозъ изъ Россіи за море боброваго пуху; запрещено во всей Россіи, кромѣ ихъ фабрики, дѣлать пуховыя шляпы; позволено дѣлать только шерстяныя шляпы; Черниковъ и Сафьяниковъ обязались выдѣлывать на продажу ежегодно до 8000 пуховыхъ шляпъ [149].

Разбои тогда только и затихали, когда государство употребляло значительныя военныя силы противъ нихъ; когда же въ описываемое время войска должны были стягиваться къ западнымъ границамъ, то о разбояхъ опять становится слышно; по Окѣ снова собираются шайки человѣкъ по сорока, выше и ниже Переяславля Рязанскаго [150]. Изъ Перми пришло извѣстіе, что разбойники разбиваютъ крестьянъ станицами въ 40 человѣкъ; по Камѣ проѣхали воры въ двухъ стругахъ; въ другомъ мѣстѣ показались воры конные и пѣшіе, человѣкъ съ 50; въ третьемъ мѣстѣ 25 человѣкъ; въ четвертомъ 56 человѣкъ съ ружьями и штыками, разбили строгановское село Рождественское и вовсе

разорили; въ пятомъ мѣстѣ пришло съ 30 человѣкъ, сожгли двоихъ крестьянъ, и прочихъ жгли и грабили. По рѣкѣ Сивѣ явились воровскія партіи человѣкъ до 80, жгли деревни и намѣревались разграбить село Сарапуль, обыватели въ страхѣ покинули домы и скитаются по лѣсамъ; умножались также воры въ соликамскомъ и чердынскомъ уѣздахъ. Въ городахъ не только некого послать для преслѣдованія, но и городовъ самихъ охранять некѣмъ, если разбойники вздумаютъ напасть на нихъ, какъ уже и случилось съ Каигородкомъ: 42 разбойника приплыли подъ него и разграбили денежную казну [151]. Шайки получали вождей въ старыхъ опытныхъ разбойникахъ: съ казанскаго тюремнаго двора ушло 20 человѣкъ колодниковъ, убійцъ, разбойниковъ и бѣглыхъ съ каторги, подкопавшись подъ стѣну [152]. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне боролись съ военными командами по наущенію разбойниковъ. Премьеръ-майоръ Веревкинъ и поручикъ Павловъ донесли Сенату; посланы они были противъ крестьянъ Боровенскаго монастыря, воровъ и разбойниковъ Моисея и Полуехта Никитиныхъ съ товарищами, забрали 79 человѣкъ и привели въ Гжацкую пристань, да прежде взято 10 человѣкъ, прочіе укрываются; захваченные крестьяне объявляютъ, что они командамъ троекратно сопротивлялись, посланныхъ противъ нихъ солдатъ били и ружья отбивали по приказу Никитиныхъ, потому что въ 1744 году была прислана комманда для взятія ихъ крестьянъ ко взысканію за держаніе бѣглыхъ. По поводу забранныхъ нужно еще забрать много, ибо въ сопротивленіи было болѣе 700 человѣкъ; слѣдствіе скоро окончиться не можетъ и вотчина можетъ придти въ крайнее разореніе. Сенатъ приказалъ: возмутившихся крестьянъ раздѣлить на три части: отъ 15 до 20 лѣтъ бить батожьемъ, отъ 20 до 40 плетьми, отъ 40 и выше, которые въ службу негодны, пущихъ заводчиковъ кнутомъ, а прочихъ плетьми и взыскать съ нихъ издержки командированія и за испорченныя ими ружья [153].

Съ весною по рѣкамъ разъѣзжаютъ разбойники; съ весною въ городахъ пожары, и вслѣдъ за пожарами жалобы на полицію и магистраты. 27 апрѣля въ Твери, во время большого пожара воевода съ товарищемъ и секретарь до конца находились безотлучно; обыватели и ямщики не помогали; тогда воевода собралъ рекрутъ и потушилъ пожаръ съ великою трудностію. Хотя

опредѣленный главною полиціею въ Тверь прапорщикъ Тарховъ полицмейстеромъ и числился, только въ Твери никогда не бывалъ, жилъ въ деревняхъ своихъ, и хотя въ отсутствіе Тархова полицейское правленіе находилось въ вѣдомствѣ магистрата, только никакого исполненія не было [154]. Бѣда могла грозить не отъ одного пожара въ городахъ: московская полиція доносила, что на Кожевномъ дворѣ, ниже Каменнаго моста отвалились отъ стѣны городовые зубцы, числомъ 12 и упали на обывательскіе дворы, при чемъ задавили младенца до смерти, да двухъ человѣкъ поранили; также по Кремлю, Китаю и Бѣлому городу городовыя стѣны и башни въ немалой ветхости; у Яузскихъ и Всесвятскихъ воротъ городовыя стѣны упали, отъ чего учинились и смертныя убійства; у Срѣтенскихъ воротъ башня первая въ крайней опасности, Мясницкія ворота въ немалую ветхость пришли и проѣзжать въ нихъ опасно. Сенатъ приказалъ поручить починку означенныхъ ветхостей коллежскому ассессору Попову, который долженъ былъ находиться въ вѣдомствѣ московской губернской канцеляріи; производить работы онъ долженъ былъ вольнонаемными людьми, чтобъ обошлось дешевле подряднаго, если же нельзя вольнонаемными, то подрядами [155].

Въ столицѣ полиція только тогда донесла объ опасности, когда отваливающіеся отъ стѣнъ камни убили ребенка; тверской полицмейстеръ живетъ въ деревняхъ своихъ и воевода долженъ исполнять его обязанности; важно для области имѣть дѣятельнаго воеводу, который въ опасномъ случаѣ не сошлется на раздѣленіе должностей, на самомъ дѣлѣ не существующее. Умеръ въ Тулѣ воевода Масловъ; разныхъ чиновъ люди тульской провинціи и помѣщики подали двѣ челобитныя; въ одной, подписанной 23 человѣками, просили назначить воеводою воеводскаго товарища Лопатина; въ другой подписанной 21 человѣкомъ, просили Ивана Маслова. Сенатъ отказалъ и назначилъ изъ представленныхъ герольдмейстерскою конторою кандидатовъ Квашнина-Самарина [156]. Непристойные поступки воеводы въ пьяномъ видѣ имѣли слѣдствіемъ удаленіе его отъ воеводской должности; но вообще смотрѣли на это не очень строго. Такъ бѣлевскій воевода Шеншинъ будучи въ компаніи и напившись пьянъ, обижалъ словами дамъ, придирался къ мущинамъ, потомъ велѣлъ ударить въ набатъ, встревожилъ всѣхъ жителей, по его прика-

занію схватили на улицѣ подпоручика Возницына, жестоко избили, шпагу изломали, и посадили въ тюрьму. Императрица простила Шеншина и велѣла опредѣлить его къ дѣламъ, къ какимъ годенъ, кромѣ воеводства, и велѣла Сенату впредь такія самовольства воеводамъ запретить [157].

Относительно коллегій замѣчательно въ описываемомъ году донесеніе прокурора юстицъ-коллегіи, что въ ней совѣтниками Сабуровъ и Юшковъ, ассессорами Тарбѣевъ и Извѣковъ. Извѣковъ опредѣлился въ дворцовую контору и съ того времени въ юстицъ-коллегію не ѣздитъ, отговариваясь дѣлами дворцовой конторы; Тарбѣевъ по болѣзни не ѣздитъ; Юшковъ ѣздитъ чрезвычайно рѣдко; остается Сабуровъ, который одинъ спорныхъ дѣлъ рѣшить не можетъ, и дѣла въ коллегіи остановились [158].

Духовная коллегія (Синодъ) продолжалъ жаловаться Сенату на притѣсненія новообращеннымъ. Извѣстный Ярцевъ доносилъ: курмышскаго уѣзда новокрещеные Чуваши бьютъ челомъ, что по указу императрицы Анны велѣно имъ для суда въ малыхъ дѣлахъ выбрать между собою трехъ человѣкъ и судиться словесно, какъ производится судъ между купцами въ таможняхъ, и у нихъ такіе выборные старосты есть; но, не смотря на указы, всякихъ чиновъ люди дѣлаютъ имъ великія обиды и разоренія, а курмышская канцелярія привлекаетъ ихъ судомъ и расправою между собою въ ссорахъ, долгахъ и т. п. и держитъ ихъ подъ карауломъ, отъ чего имъ убытокъ; а они не только приказныхъ порядковъ не знаютъ, и по русски говорить не умѣютъ; теперь они желаютъ для лучшаго своего охраненія и въ малыхъ дѣлахъ разбора разбираться у курмышскаго посадскаго бургомистра Брюханова, потому что онъ человѣкъ добросовѣстный, богобоязненный и всегда ихъ по бѣдности награждаетъ, ссужаетъ всякою ссудою и чувашскій языкъ знаетъ довольно. Сенатъ приказалъ: исполнять указы, а о томъ, на что имѣются точные указы, утруждать Сенатъ весьма не надлежало; о обидахъ же произвести слѣдствіе [159].

Были и старокрещеные народцы, на которыхъ свѣтское правительство указывало Синоду какъ на полудикихъ, требующихъ снисхожденія относительно требованій христіанской нравственности. Воронежская консисторія потребовала къ слѣдствію сына донского атамана Данилы Ефремова, старшину Степана Ефремова

и другихъ незаконно женившихся людей. Военная коллегія донесла по этому случаю Сенату, что люди донского войска не похожи на внутреннихъ регулярныхъ народовъ, весьма не обычны къ правамъ и регуламъ, но больше застарѣлаго простого обхожденія и обычаевъ; а такъ какъ правит. Синодъ требуетъ отсылки въ архіерейскую консисторію атаманскаго сына, который тамъ между другими знатными старшиною, то военная коллегія сама собою сомнѣвается такъ строго поступить [160].

Изъ дѣлъ по церковнымъ отношеніямъ замѣчательны были въ этомъ году два слѣдующія. Медицинская канцелярія донесла Сенату, что въ московскомъ госпиталѣ экономическая синодская канцелярія не дѣлаетъ никакихъ починокъ, отъ чего больные претерпѣваютъ великое безпокойство, въ пользованіи больныхъ остановка и невозможность, и больныхъ принимать нельзя, потому что въ палатахъ, гдѣ лежатъ больные и въ ученическихъ бурсахъ окончины и печи очень ветхи, топить ихъ опасно; также и строеніе, гдѣ живутъ служители, очень ветхо, иное и попадало, а въ иномъ зимою жить нельзя. Синодъ отписывался, что его экономическая канцелярія не обязана дѣлать починки въ госпиталѣ, указа для этого нѣтъ: хотя по указу Петра Великаго госпиталь построенъ изъ сборовъ монастырскаго приказа, но чтобъ его чинить изъ сборовъ того же приказа—не изображено, а въ табели 1710 года не написано, а положено въ той табели только жалованье доктору съ товарищи и на покупку лѣкарствъ 3797 рублей, что изъ доходовъ экономической канцеляріи и производится. Учреждены вновь три епархіи: московская, переяславская, костромская, и еще назначено быть владимірской и тамбовской; на содержаніе архіереевъ и домовъ ихъ отданы монастыри: московскому Чудовъ, переяславскому Горицкій, костромскому Ипацкій, и потому доходы съ этихъ монастырей, платившіеся въ экономическую канцелярію, выбыли; на починку ветхостей въ архіерейскихъ домахъ, соборныхъ церквахъ, монастыряхъ экономическая канцелярія опредѣлила не только на настоящіе 1744, 45 и 46 годы, но за неимѣніемъ такой большой суммы, и на будущіе 47, 48, 49 и 50 годы болѣе 30,000 рублей, и еще экономическая канцелярія представляетъ о крайнихъ ветхостяхъ во многихъ монастыряхъ, а на исправленіе ихъ, по смѣтамъ архитекторскимъ, потребно болѣе 60,000 рублей; и такъ починки гос-

питаля изъ доходовъ синодальныхъ исправлять никакъ не слѣдуетъ, а имѣется на содержаніе госпиталей собственная съ вѣнечныхъ памятей собираемая въ военную коллегію сумма, и требуетъ св. Синодъ, чтобъ госпитальную починку и постройку производить изъ этихъ лазаретныхъ денегъ. Но Сенатъ приказали: въ св. Синодъ сообщить вѣдѣніе, что госпиталь исправить надобно непремѣнно изъ доходовъ экономической канцеляріи въ непродолжительномъ времени, чтобъ больнымъ отъ стужи не помереть, ибо если уже госпиталь строенъ на деньги монастырскаго приказа и содержится на деньги экономической канцеляріи, то и чинить его надобно изъ тѣхъ же доходовъ [161].

Мы знакомы уже съ вятскимъ епископомъ Варлаамомъ, который вышелъ невредимъ изъ дѣла по столкновенію своему съ воеводою, и возвратился въ свою епархію. Но по поводу этого возвращенія Сенатъ снова долженъ былъ услыхать о Варлаамѣ. Пыскорскаго монастыря стряпчій Карповъ объявилъ, что въ монастырѣ было денегъ, собранныхъ съ мельницъ, 1030 рублей. Епископъ Варлаамъ наложилъ на Пыскорскій монастырь 600 рублей для вознагражденія за употребленные имъ въ Петербургѣ и Москвѣ расходы и путевыя издержки; но такъ какъ подобныхъ платежей никогда не бывало, то монастырь денегъ не отпустилъ, за что архимандритъ взятъ былъ въ Вятку и отпущенъ только по указу изъ Соляной конторы, ибо монастырь владѣлъ соловарнями, находившимися въ вѣдѣніи Соляной конторы. Такъ какъ для управленія соляными монастырскими промыслами назначено было особое коммиссарство, то архимандритъ отослалъ туда же и мельничныя деньги вмѣстѣ съ приходными книгами: за это консисторія наложила на архимандрита штрафъ въ 50 рублей, велѣла потребовать книги изъ коммиссарства обратно и запретила впредь отправлять туда деньги и книги. Епископъ Варлаамъ пріѣхалъ въ монастырь, денегъ и штрафа спрашивалъ, и хотя ему поднесено было въ почесть 200 рублей, да пушнымъ товаромъ и прочими вещами 40 рублей, да бывшимъ при немъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ 106 рублей, только онъ мельничныя деньги и штрафъ взыскивалъ, угрожая жестокимъ наказаніемъ и изъ оставшихся отъ расхода мельничныхъ денегъ 477 рублей забралъ себѣ, при чемъ билъ казначея плетьми такъ жестоко, что тотъ лежалъ безъ памяти; ар-

химандритъ далъ архіерею своихъ и заемныхъ еще 50 рублей [162].

Внутреннее состояніе Россіи, особенно состояніе финансовъ представляло явленія, которыя могли дать поводъ иностраннымъ посланникамъ толковать о слабости этой державы. Въ самомъ началѣ года Дальонъ писалъ Даржонсону, что Россія слаба, что королю прусскому нечего ея бояться. Но любопытенъ отвѣтъ Даржансона: «Фридрихъ II другого мнѣнія, пишетъ министръ, потому что больше чѣмъ когда-либо боится поссориться съ Россіею и навязать на свою шею силы этой державы. Въ 1733 году Россію также представляли безсильною, стараясь побудить нашего короля къ доставленію польскаго престола тестю своему Лещинскому; но потомъ оказалось, сколько Россія могла сдѣлать въ Польшѣ и Германіи, доведя войска свои до самого Рейна; и въ скоромъ времени таже самая держава взяла такой верхъ надъ Турками, что еслибы Вѣнскій дворъ умѣлъ держать себя только въ оборонительномъ положеніи, то Турки въ одну кампанію могли бы потерять всѣ свои европейскія владѣнія» [163].

Даржансонъ не даромъ пророчилъ о новомъ походѣ русскаго войска къ Рейну. Успѣхи Французовъ въ австрійскихъ Нидерландахъ и опасность, какою грозили эти успѣхи Голландцамъ, заставили морскія державы снова попытаться, нельзя ли склонить Россію, на болѣе сходныхъ для нихъ условіяхъ, дать имъ свое войско, при чемъ выставлялось, что это будетъ единственнымъ средствомъ ускорить всеобщее замиреніе Европы. Въ самомъ концѣ 1746 года возобновились переговоры о «перепущеніи» русскаго войска для морскихъ державъ. 8 декабря лордъ Гиндфордъ подалъ объ этомъ промеморію; 22 декабря данъ ему отвѣтъ съ согласіемъ на перепущеніе войскъ и съ объявленіемъ условій, относительно которыхъ Гиндфордъ отвѣчалъ, что дорого просятъ. Тогда 29 декабря въ зимній ея величествадомъ передъ полуднемъ приглашены были для совѣщанія генералъ-фельдмаршалъ Леси, канцлеръ Бестужевъ, вице-канцлеръ Воронцовъ и членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Веселовскій. Въ это засѣданіе выслушаны были только относящіяся къ дѣлу бумаги, послѣ чего во второмъ часу разошлись; а послѣ обѣда въ 6 часу собрались опять уже впятеромъ, потому что, по волѣ императрицы, явился генералъ кригсъ-коммиссаръ Апраксинъ,

для котораго снова прочитаны были всѣ бумаги; послѣ разсужденія, составили проектъ конвенціи. Тридцать тысячъ русскаго войска, по мнѣнію фельдмаршала Леси, должны были дѣйствовать на Рейнѣ вмѣстѣ съ союзниками. Идти они должны были отъ Курляндіи чрез Литву и Польшу на Краковъ въ Силезію по маршруту, данному австрійскимъ посланникомъ барономъ Бретлакомъ, одною дорогою, раздѣляясь на три колонны. Проходъ чрез Польшу въ 162 мили, полагая на третій день роздыхъ, продолжится не меньше трехъ мѣсяцевъ; на содержаніе корпуса противъ внутреннихъ цѣнъ надобно положить вдвое и потому выйдетъ на три мѣсяца 145525 рублей 83 коп., надобно слѣдовательно требовать у англійскаго двора уплаты напередъ 150,000 ефимковъ наличными деньгами, чтобъ для приготовленія провизіи и фуража въ Литву и Польшу прежде вступленія туда войскъ могли быть отправлены нарочные коммиссары; а если эта сумма англійскому двору покажется велика, то пусть пришлетъ своихъ коммиссаровъ, которые будутъ заготовлять и выдавать войску провизію и фуражъ. Въ земляхъ римской императрицы продовольствіе войскамъ должно быть приготовлено также отъ англійскаго двора или отъ римской императрицы по ихъ соглашенію. Войска отпускаются на два года, считая съ выступленія ихъ за границу; если миръ будетъ заключенъ до этого срока, то войска отпустятся ранѣе назадъ въ Россію; если же нужно будетъ удержать ихъ долѣе срока, то объ этомъ дастся знать за полгода до истеченія двухъ лѣтъ для новыхъ соглашеній. Если англійскій дворъ не приметъ войска на этихъ условіяхъ, то императрица соглашается содержать на лифляндскихъ границахъ отъ 80 до 90,000 регулярнаго войска во все время продолженія настоящей войны, и 50 галеръ въ Курляндіи съ 12,000 войска, за полмилліона голландскихъ ефимковъ. Начальникомъ корпуса назначенъ былъ генералъ-фельдцейгмейстеръ князь Василій Репнинъ, для котораго фельдмаршалъ Леси написалъ инструкцію.

Между тѣмъ прошло два мѣсяца — январь и февраль 1747 года, и 12 марта, Гиндфордъ прислалъ промеморію, что послѣ поданія имъ первой промеморіи (8 декабря) пропущено нѣсколько недѣль понапрасну, что войско не можетъ выступить въ походъ заблаговременно и можетъ быть употреблено только на половину кампаніи; кромѣ того данныя парла-

ментомъ королю деньги на субсидіи текущаго года, по большей части уже издержаны на наемъ войска въ другихъ ближайшихъ мѣстахъ, и потому король желаетъ заключить другую конвенцію, а именно, чтобъ Россія обязалась въ теченіе 1747 года держать тридцатитысячный корпусъ войска на курляндскихъ и лифляндскихъ границахъ, 12,000 въ Курляндіи и 18000 на лифляндскихъ и литовскихъ границахъ, сверхъ того 60 галеръ въ курляндскихъ портахъ, чтобъ все это готово было дѣйствовать по первому требованію англійскаго короля, который обязывается на этотъ годъ одновременно заплатить 100,000 фунтовъ стерлинговъ, какъ скоро ратификаціи будутъ размѣнены. Если же войска дѣйствительно должны будутъ выступать въ походъ, то о содержаніи ихъ должно быть дальнѣйшее соглашеніе.

Канцлеръ переслалъ промеморію и проектъ конвенціи въ коллегію на разсмотрѣніе, давая знать, что императрица вообще согласна на конвенцію, но что по его канцлерову мнѣнію согласиться на содержаніе войска въ Курляндіи нельзя, а надобно выразиться такъ, что войско пробудетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно, ибо со стороны Поляковъ могутъ быть сильные крики. Члены коллегіи — Воронцовъ, Юрьевъ и Веселовскій подали мнѣніе, что въ англійскомъ проектѣ очень темно сказано: «чтобъ по первому требованію короля войско и галеры готовы были дѣйствовать.» Необходимо знать, однимъ ли русскимъ войскамъ дѣйствовать или вмѣстѣ съ союзниками, и подъ какимъ именемъ, вспомогательныхъ войскъ или данныхъ за 100,000 фунтовъ, также въ какомъ мѣстѣ должны дѣйствовать, а безъ точнаго знанія всѣхъ этихъ обстоятельствъ глухо обязываться на письмѣ кажется не пристойно. Также и то надобно выговорить въ конвенціи, что если будетъ заключенъ миръ между Франціею и Англіею, то деньги все же должны быть заплачены, и войска съ галерами не были бы понапрасну продержаны цѣлый годъ. Не должно обязываться держать войска и галеры въ Курляндіи, не имѣя права держать войска въ чужой землѣ: и такъ уже поданы Курляндцами горькія жалобы по поводу введенія только трехъ полковъ. Наконецъ надобно постановить, что въ случаѣ нападенія на Россію съ какой бы то ни было стороны, можно было взять эти 30,000 войска и галеры.

Тогда Бестужевъ подалъ свое «слабѣйшее мнѣніе, которымъ онъ

по поводу вице-канцлерова и обоихъ тайныхъ совѣтниковъ мнѣнія ея императ. величество поневолѣ утруждать принужденъ.»—«Вице-канцлеръ и тайные совѣтники не примѣтили, говоритъ Бестужевъ, что въ проектѣ ясно сказано: если войску понадобится выступить въ походъ нынѣшнимъ годомъ, то о содержаніи его должно быть дальнѣйшее соглашеніе, прямо по этому слѣдуетъ, что войска прежде въ походъ не выступятъ, пока не будутъ опредѣлены условія, какъ ихъ содержать. Вице-канцлеръ и тайные совѣтники хотятъ постановлять, чтобъ деньги были заплачены, еслибы даже и миръ былъ заключенъ; но въ проектѣ прямо сказано, что деньги выплачиваются немедленно послѣ ратификаціи, и потому хотя бы миръ заключенъ былъ по прошествіи одного или двухъ дней по размѣнѣ конвенціи, деньги были бы выданы. Если же они думаютъ, что хотя бы миръ былъ заключенъ во время переговоровъ о конвенціи, однако 100,000 фунтовъ должны быть заплачены за одно сочиненіе контръпроекта, то англійскій дворъ не былъ бы такъ простъ, чтобъ сталъ давать деньги даромъ, а между тѣмъ утвердился бы въ своемъ мнѣніи, что здѣсь никакого дѣла къ концу приводить не хотятъ. Если изъ уваженія къ королю прусскому войска отъ границъ совершенно отвести, и ему невозбранный путь въ Лифляндію очистить, то это будетъ несогласно съ интересами вашего императ. величества; чтобъ не вносить въ конвенцію о содержаніи войскъ въ Курляндіи—это было мое мнѣніе. Но если принимать въ уваженіе горькія жалобы Курляндцевъ, то русскимъ войскамъ никогда изъ своихъ границъ трогаться нельзя будетъ; Петръ Великій, не взирая на всѣ ихъ прошенія и жалобы, не только войска свои тамъ содержалъ, но и Шведамъ сраженія давалъ. Что же касается до совѣта—выговорить, чтобъ въ случаѣ нападенія на имперію эти 30,000 войска могли быть отведены отъ границъ, то это противно прежнему рѣшенію, объявленному Англіи, что ваше величество соглашаетесь содержать на границахъ отъ 80 до 90,000 войска во все продолженіе войны, а теперь англійскій дворъ за 30,000 войска предлагаетъ почти такую же сумму, какую согласились взять за 90,000. Развѣ вице-канцлеръ и тайные совѣтники предварительно увѣрены въ праводушіи и миролюбивыхъ чувствахъ короля прусскаго, что онъ русскія области всегда въ покоѣ оставитъ? Хотя бы ваше

величество съ Швеціею, Турціею или Персіею въ войнѣ были, то, по моему слабому мнѣнію, необходимо до того времени, пока у короля прусскаго не будетъ миролюбиваго преемника, имѣть на лифляндскихъ границахъ до 30,000 войска, дабы въ случаѣ какаго замысла со стороны Пруссіи хотя первое нападеніе выдержать.» 29 марта Гиндфорду было объявлено, что императрица согласна на новую конвенцію съ однимъ условіемъ, чтобы въ случаѣ польскихъ криковъ войска могли быть отодвинуты изъ Курляндіи въ Лифляндію. Англійскій дворъ принялъ это измѣненіе, и 12 іюня послѣдовала ратификація.

24 августа Гиндфордъ вручилъ канцлеру новую промеморію, въ которой предлагалось отдать тридцатитысячный корпусъ русской пѣхоты на жалованье морскимъ державамъ, обѣимъ вмѣстѣ или одной изъ нихъ отдѣльно, для употребленія на Рейнѣ или въ Нидерландахъ, съ тѣмъ, чтобъ прежняя конвенція 12 іюня оставалась ненарушимою, т.-е. чтобъ 30,000 войска находились по прежнему на лифляндскихъ границахъ. Затѣмъ 12 сентября Гиндфордъ объявилъ, что онъ получилъ отъ своего двора приказаніе договариваться непремѣнно вмѣстѣ съ голландскимъ резидентомъ Шварцомъ, ибо войска должны быть даны Англіи и Голландіи вмѣстѣ. Императрица велѣла отвѣчать, что согласна на это, но съ условіемъ, чтобъ отправленный корпусъ всегда дѣйствовалъ нераздѣльно, и если одна изъ державъ захочетъ отстать, то другая исполняетъ всѣ обязательства, именно выплачиваетъ въ годъ по 300,000 фунтовъ, всегда за 4 мѣсяца впередъ наличными деньгами; кромѣ того морскія державы обязаны выдать тотчасъ по размѣнѣ ратификацій въ Ригѣ наличными деньгами 150,000 голландскихъ ефимковъ для содержанія войска во время похода его чрезъ Польшу; а когда корпусъ дойдетъ до границъ Верхней Силезіи, тогда морскія державы возьмутъ его на свое содержаніе, будутъ доставлять припасы натурою на пищу людямъ и лошадямъ, именно каждому солдату ежедневно по два фунта хлѣба, по фунту мяса или въ постный день рыбы, по $^1/_4$ фунта крупъ, на каждый мѣсяцъ по два фунта соли, а на каждую лошадь въ день по $6^2/_3$ фунта овса и по $16^2/_3$ фунта сѣна; кромѣ того квартиры на зиму и дрова должны быть доставлены безденежно.

Морскія державы приняли эти условія, и 4 декабря военной

коллегіи данъ былъ секретный указъ, что для поддержанія европейскаго равновѣсія и ускоренія мира Россія посылаетъ морскимъ державамъ тридцатитысячный корпусъ для дѣйствія на Рейнѣ, Мозелѣ или въ Нидерландахъ; этотъ корпусъ долженъ составиться изъ полковъ, находящихся въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи и долженъ выступить въ походъ въ послѣднихъ числахъ января будущаго 1748 года подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдцейгмейстера князя Репнина. Такъ какъ нынѣшнія обстоятельства европейскихъ дѣлъ необходимо требуютъ, чтобъ по выступленіи въ походъ означеннаго корпуса на лифляндскихъ границахъ и въ Курляндіи нашихъ войскъ оставалось не меньше какъ прежде было, но по возможности и болѣе, то на мѣсто отправляемыхъ перевести столько же изъ находящихся при С.-Петербургѣ и около его полковъ и новоучрежденныхъ батальоновъ, также изъ Выборга, а въ Выборгѣ дополнить новоучрежденными батальонами; къ находящейся въ Псковѣ тысячной командѣ прибавить еще къ лифляндскимъ границамъ 3000 донскихъ козаковъ, да изъ слободскихъ и малороссійскихъ по тысячѣ самыхъ исправныхъ [164].

Какое важное значеніе придавали въ Англіи этому договору морскихъ державъ съ Россіею, видно изъ слѣдующихъ словъ въ письмѣ англійскаго посланника въ Константинополѣ Портера къ лорду Гиндфорду: «Я долженъ начать поздравленіемъ съ успѣхомъ въ важномъ дѣлѣ отправленія русскихъ войскъ: этотъ шагъ спасаетъ все и принуждаетъ непріятеля къ уступчивости; вашему превосходительству будетъ принадлежать безсмертная честь за обращеніе вѣсовъ войны или мира въ нашу пользу» [165].

Легко понять, какъ въ Вѣнѣ дорожили утвердившимися дружескими отношеніями къ Россіи. Въ февралѣ посолъ Маріи Терезіи баронъ Бретлакъ подалъ грамоту, въ которой его императрица писала къ своей «многолюбезной пріятельницѣ и сестрѣ,» что хочетъ распространить драгоцѣнную ей дружбу Елисаветы и на свое потомство, а такъ какъ время къ разрѣшенію ея отъ бремени приближается, то она проситъ русскую императрицу быть воспріемницею имѣющаго родиться ребенка. Родился эрцгерцогъ и названъ Петромъ (Петръ Леопольдъ Іосифъ) [166].

У Австріи по прежнему не ладилось съ Саксоніею, а Саксонія становилась очень нужна союзникамъ. 18 декабря Мих. Петр.

Бестужевъ-Рюменъ объявилъ графу Брюлю въ крайнѣйшей конфиденціи о заключеніи между морскими державами конвенціи, въ силу которой имъ посылается тридцатитысячный корпусъ русскаго войска; этотъ корпусъ въ генварѣ будущаго года вступитъ въ походъ чрезъ Литву и Польшу. О пропускѣ его морскія державы будутъ просить позволенія: и въ свою очередь императрица надѣется, что такъ какъ русскія войска отправляются для общаго блага всей Европы и для скорѣйшаго прекращенія настоящей войны, то король проходу этихъ войскъ не только не будетъ противенъ, но еще будетъ содѣйствовать успѣху требованія морскихъ державъ у рѣчи посполитой, несмотря на домогательства французскаго двора о непропускѣ ихъ; императрица надѣется, что король предпочтетъ русскій, вѣнскій и лондонскій дворы французскому. Брюль отвѣчалъ, что король, для оказанія императрицѣ особеннаго вниманія и дружбы, сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ и сколько пристойно и возможно, чтобъ не подать Полякамъ на себя подозрѣнія. Бестужевъ писалъ, что французскій посолъ въ Дрезденѣ употребляетъ всѣ способы для воспрепятствованія пропуску русскаго войска, а резидентъ французскій въ Польшѣ Кастера интригуетъ тамъ съ тою же цѣлію. На просьбу англійскаго посланника о пропускѣ войска король отвѣчалъ, что безъ согласія всей рѣчи посполитой онъ ничего сдѣлать не можетъ. Чтобъ получить согласіе рѣчи посполитой надобно было получить согласіе значительнѣйшихъ вельможъ. Вице-канцлеръ коронный съ жаромъ отвѣчалъ Бестужеву, что отъ прохода русскихъ войскъ безпорядки и убытокъ будутъ жителямъ, какъ случилось и во время прохода изъ подъ Хотина. Бестужевъ возражалъ, что во время хотинскаго похода безпорядки были отъ нерегулярныхъ войскъ, но и за то жители получили вознагражденіе, а теперь нерегулярныхъ войскъ не будетъ. Вице-канцлеръ говорилъ, что не всѣ потерпѣвшіе получили удовлетвореніе; Бестужевъ повторялъ, что назначенныя въ нынѣшній походъ войска все будутъ покупать на чистыя деньги и будетъ за ними строгій надзоръ, чтобъ не позволяли себѣ никакого насилія. Графъ Брюль, бывшій при этомъ разговорѣ, сказалъ со смѣхомъ, что желалъ бы имѣть теперь деревни въ Польшѣ, потому что отъ похода русскихъ войскъ получилъ бы большія деньги. Наединѣ Бестужеву

Брюль говорилъ, что Поляки, по своему обычаю, поднимутъ большой крикъ и шумъ противъ похода, но покричатъ да и перестанутъ; опасно одно, чтобъ не устроили конфедераціи по французскимъ и прусскимъ наущеніямъ.

Въ Польшѣ по прежнему тянулось безконечное дѣло о притѣсненіяхъ православныхъ католиками и уніатами, дѣло чрезвычайно трудное, какъ видно изъ донесеній русскаго резидента въ Варшавѣ Голембовскаго. На послѣднемъ сеймѣ было постановлено составить коммиссію, на которой должно было выслушать всѣ жалобы православныхъ и удовлетворить имъ. Бестужевъ и Голембовскій думали, что они сдѣлали все для православныхъ, и вдругъ узнаютъ, что православные вовсе недовольны коммиссіею и вовсе не готовы явиться на нее. Голембовскій въ сильномъ раздраженіи писалъ императрицѣ жалобу на Бѣлорусскаго епископа Волчанскаго, который будто бы выставляетъ разныя неосновательныя затрудненія, стараясь уклониться отъ коммиссіи, а слуцкій архимандритъ Оранскій пишетъ, что другіе игумены не даютъ ему никакого отвѣта на его внушенія и нехотятъ быть послушны указамъ кіевскаго митрополита. Такимъ образомъ, писалъ Голембовскій, можно понять, какую они всѣ оказываютъ охоту явиться въ коммиссію съ тѣми жалобами, которыми они безпрестанно утруждали ваше величество и о которыхъ королю и министрамъ такъ много внушено: однако безъ этого они не могутъ получить никакого удовлетворенія и привести свои дѣла въ лучшее состояніе. Громадная переписка посла Бестужева и моя свидѣтельствуютъ ясно, что съ нашей стороны все сдѣлано; теперь они сами должны приняться за дѣло, и я очень боюсь, что если они въ назначенный срокъ не явятся на коммиссію со своими жалобами и доказательствами, то магнаты, которые нарочно пріѣдутъ издалека въ Варшаву для коммиссіи, разсердятся и отложатъ коммиссію въ дальній ящикъ или совсѣмъ оставятъ, объявивъ всѣ жалобы и претензіи православныхъ ложными, мало того, неявившихся, какъ непослушныхъ подданныхъ, приговорятъ къ какому-нибудь штрафу; тогда уже мы съ посломъ лишимся всякой возможности въ чемъ-нибудь помочь имъ.»

Но выслушаемъ и другую сторону, что намъ легко сдѣлать, ибо Голембовскій переслалъ въ Петербургъ письма епископа

могилевскаго. «Вы меня спрашиваете, пишетъ епископъ, приготовленъ ли къ предстоящей коммиссіи списокъ обидамъ и озлобленіямъ, также имѣли ли мы съ архимандритомъ Слуцкимъ и другими начальными людьми монастырей и братствъ совѣтъ и соглашеніе на счетъ приготовленія доказательствъ, основанныхъ на правахъ и конституціяхъ, и уполномоченные на коммиссіи въ состояніи ли вести порученныя имъ дѣла? На это какъ прежде отвѣчалъ, такъ и теперь отвѣчаю: 1) что я во всей моей епархіи не имѣю ни одного способнаго къ тому человѣка, потому что кто и гдѣ могъ научиться правамъ? Ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ никого изъ нашихъ ни въ школы, ни въ канцеляріи не пускаютъ; а католикъ хотя бы и могъ за это взяться, но боится отлученія отъ церкви, какъ я уже нѣсколько разъ пробовалъ; у насъ даже нѣтъ человѣка, который бы могъ искусно написать позывъ къ суду и полномочіе. 2) Звать къ суду трудно, потому что въ Польшѣ крестьяне не могутъ жаловаться на своихъ господъ, равно какъ духовные на землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ находятся ихъ церкви. Въ позывахъ надобно точно показать, отъ кого именно какія были обиды, а когда помѣщикъ прочтетъ такіе позывы, то попа и холопа прежде коммиссіи велитъ повѣсить или убить. Въ Польшѣ что жбанъ, то панъ, шляхтичь на загородѣ равенъ воеводѣ и однимъ правомъ съ нимъ судится; а магнаты здѣшніе всегда вольное право надъ своими подданными имѣютъ, не такъ какъ въ абсолютныхъ государствахъ, въ которыхъ господину и крестьянину одинакая справедливость. Они не очень испугались универсала, выданнаго изъ королевской коммиссіи, и какія дѣлали прежде, такія и теперь продолжаютъ дѣлать обиды, церкви на унію отнимаютъ, священниковъ бьютъ, вяжутъ и обираютъ. Напримѣръ, если послать позывы къ князю воеводѣ русскому за насильное отнятіе на унію церквей въ графствѣ шкловскомъ, а къ Сапѣгѣ за отнятіе церквей въ графствѣ домбровенскомъ, то значитъ обоихъ этихъ знатныхъ магнатовъ прежде озлобить, а потомъ у нихъ же на другихъ справедливости просить, ибо они оба въ коммиссію судьями опредѣлены? Также надобно будетъ позвать въ судъ князя подканцлера литовскаго, Огинскаго воеводу витепскаго, Соллогуба, воеводу бржескаго и Сапѣгу воеводу подляшскаго, съ которыми также трудно тягать-

ся, какъ трудно защитить себя отъ громовой стрѣлы. Не только ни одно духовное лицо не можетъ явиться въ коммиссію съ своими жалобами, но и ко мнѣ являться съ жалобами имъ запрещаютъ; духовенство боится бывать у меня и съ своими церковными нуждами; а которые прежде письменно доносили мнѣ о своихъ обидахъ, тѣ теперь очень объ этомъ жалѣютъ, боясь за свое здоровье и жизнь, видя примѣръ священника расенскаго Цитовича, который для сохраненія жизни оставилъ церковь, домъ, жену и дѣтей, ушелъ въ Могилевъ, скитается здѣсь теперь и для спасенія отъ смерти сбирается уйти за границу. Огинскій, надворный маршалокъ литовскій, въ нынѣшній проѣздъ свой въ Вильну для открытія трибунала, заѣхалъ въ Борисовъ, гдѣ приказалъ всѣмъ обывателямъ стать передъ собою, склонялъ ихъ къ уніи и наконецъ приказалъ борисовскому своему подстаростѣ, что если кто подастъ мнѣ жалобу на религіозное гоненіе, то для такихъ челобитчиковъ поставить колья и висѣлицы, при чемъ запретилъ починку церкви и колокольни, вѣнчаніе, крещеніе младенцевъ и прочіе обряды. Самъ онъ министръ государственный и всѣ права знаетъ, однакожъ поступаетъ противъ нихъ. Такимъ образомъ и другіе, когда будутъ раздражены нынѣшними позывами, еще больше озлятся и нашу религію въ своихъ мѣстностяхъ совсѣмъ искоренятъ. Коммиссія на время, а господинъ всегда господиномъ останется.»

Оранскій, архимандритъ слуцкій писалъ тоже самое: «Перо выпадаетъ изъ рукъ, ибо не знаю, что написать вамъ насчетъ людей, искусныхъ въ правахъ. И самъ Діогенъ со свѣчою такого человѣка между нашими духовными не сыщетъ, ибо между ними большая часть такихъ, которые только имя свое подписать умѣютъ. Въ послѣднюю бытность мою въ Варшавѣ мнѣніе графа Бестужева было, чтобъ объ этомъ представить высшей командѣ и просить сыскать двоихъ пленипотентовъ, совершенно искусныхъ въ правахъ польскихъ и заключить съ ними контрактъ. Поэтому прошу васъ повторить вышней командѣ прошеніе объ этихъ двоихъ пленипотентахъ, иначе никакого успѣха отъ коммиссіи ожидать нельзя.»

Голембовскій написалъ Огинскому съ выговоромъ за его поступокъ, обозначенный въ письмѣ Волчанскаго, причемъ напоминалъ ему о благодарности, которою онъ обязанъ за милости

императрицы. Огинскій отвѣчалъ ему наглымъ письмомъ: «На ваши выговоры я отвѣчаю умѣренно и безъ оскорбленія вашей особы, съ выраженіемъ однако удивленія, что вы, будучи уже совершеннолѣтнимъ, дали себя обмануть баснями Волчанскаго, который забавляется донесеніями о такихъ дѣлахъ, какихъ никогда не бывало, съ явнымъ намѣреніемъ нарушить миръ, господствующій между обоими государствами. Увлекшись излишнею довѣрчивостію, вы заносчивымъ слогомъ упрекаете меня въ неблагодарности и другихъ качествахъ, отъ которыхъ я далекъ по природѣ моей. Пусть эта ложь останется при томъ, кто ей вѣритъ и кто ее выдумалъ. Я питаю всякую благодарность къ пресвѣтлѣйшей государынѣ, подданныхъ своихъ имѣю право наказывать и стращать какъ хочу, и въ этомъ ни у кого спрашиваться не обязанъ; дѣло же вѣры принадлежитъ одному Богу, который Самъ просвѣщаетъ совѣсть. Соизвольте предпочесть мою правду пустымъ донесеніямъ.»

Вмѣсто того, чтобъ разсердиться на Огинскаго, который позволилъ себѣ отдѣлаться одною наглостію, не привелъ ни одного доказательства въ свою пользу и подтвердилъ только показаніе Волчанскаго словами: «Подданныхъ своихъ имѣю право наказывать и стращать какъ хочу, и въ этомъ ни у кого спрашиваться не обязанъ»; — вмѣсто того, чтобъ разсердиться на Огинскаго, Голембовскій разсердился на Волчанскаго, и жаловался на православныхъ духовныхъ, что они «преждевременными и часто весьма неосновательными жалобами сами возбуждаютъ ненависть къ себѣ, а намъ причиняютъ безпокойство, насъ изъ за нихъ обвиняютъ въ легковѣріи.» Съ такими жалобами Голембовскій обращался въ Петербургъ, и въ своихъ сношеніяхъ съ западно-русскимъ духовенствомъ не скрывалъ своего неудовольствія на него. Тогда епископъ Волчанскій обратился въ Синодъ съ жалобою на резидента, какъ на невѣрнаго слугу государыни; Синодъ принялъ сторону епископа, и резидентъ получилъ предписаніе не безпокоить болѣе духовенства своими наставленіями, не вмѣшиваться въ его дѣла, развѣ оно само потребуетъ его помощи. Дѣло о коммиссіи кончилось по желанію духовенства: изъ Дрездена пришелъ приказъ королевскій, что коммиссія откладывается до пріѣзда самого Августа III въ Варшаву. Понятно, что православные могли получить удовлетворе-

ніе не отъ какой-нибудь польской коммиссіи, а только отъ русскаго коммиссара, какимъ былъ Рудаковскій, присланный отцомъ Елисаветы. Но теперь обстоятельства были не тѣ: хотѣли противодѣйствовать прусскому вліянію въ Польшѣ, хотѣли провести чрезъ ея земли войска, и потому не хотѣли ссориться съ Поляками [167].

Въ Берлинѣ ничего не выиграли отъ удаленія Чернышева, ибо его мѣсто занялъ вызванный изъ Франкфурта Кейзерлингъ, извѣстный врагъ франко-прусской политики. Отъ 7 февраля Кейзерлингъ извѣстилъ свой дворъ объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у Фридриха II въ Потсдамѣ. Кейзерлингъ началъ тѣмъ, что истинное намѣреніе императрицы ненарушимо сохранять дружбу между обоими дворами и усиливать ее, для чего онъ, Кейзерлингъ и присланъ. Король отвѣчалъ, что и онъ ничего такъ не желаетъ, какъ еще больше затянуть этотъ узелъ дружбы, признавая драгоцѣнность послѣдней. Кейзерлинга пригласили къ столу, оставили ночевать въ Потсдамѣ и на другой день опять пригласили къ столу. На мѣсто Мардефельда въ Петербургъ отправленъ былъ министромъ графъ Финкенштейнъ, о которомъ Кейзерлингъ прислалъ не очень лестные отзывы, какъ о мастерѣ подольщаться и всякаго привлекать на свою сторону, интриганѣ, человѣкѣ лживомъ, необразованномъ и небольшаго ума и потому употребляющемъ мелкія средства [168].

И въ Петербургѣ мало выигрывали отъ смѣны Мардефельда Финкенштейномъ. Первымъ дѣломъ новаго посланника было сблизиться съ Воронцовымъ, котораго въ депешахъ своихъ онъ обыкновенно называетъ «важнымъ пріятелемъ.» Отъ 3 іюня онъ писалъ королю: «Я нахожу здѣсь дѣла въ самомъ не полезномъ состояніи для интересовъ вашего величества. Канцлеръ остается все тотъ же относительно вашего величества; но хуже всего то, что онъ теперь сильнѣе и пользуется большимъ противъ прежняго довѣріемъ императрицы. Онъ такъ хорошо воспользовался всѣми обстоятельствами, случившимися по отъѣздѣ барона Мардефельда, что непріятелямъ его ничего другаго не остается дѣлать, какъ держать себя въ оборонительномъ положеніи и ожидать лучшихъ временъ. Подкупъ канцлера кажется мнѣ дѣломъ очень труднымъ, даже невозможнымъ, ибо при его пламенномъ усердіи къ дѣлу союзныхъ дворовъ, можно было

бы только подать ему этимъ новое оружіе въ руки, которое онъ сталъ бы употреблять противъ вашего величества. По моему убѣжденію, я долженъ вести себя такъ, чтобъ не подать ему ни малѣйшаго повода ко мнѣ привязаться; я долженъ оказывать ему уваженіе, притворствовать и не возбуждать ни малѣйшаго подозрѣнія, что я нахожусь въ какихъ-либо сношеніяхъ съ его врагами, а между тѣмъ подъ рукою входить съ ними въ соглашенія, какимъ бы образомъ предупреждать и отвращать удары, которыхъ отъ него всегда должно опасаться, и съ терпѣніемъ ожидать, пока фортуна утомится служеніемъ злодѣю.»

Вскорѣ затѣмъ Финкенштейнъ доносилъ, что дружба между «важнымъ и смѣлымъ пріятелями» (Воронцовымъ и Лестокомъ) неизмѣнно очень велика; они нашли способъ приклонить на свою сторону тайнаго совѣтника Веселовскаго, самаго умнаго человѣка въ Россіи и знающаго тайны канцлера. Смѣлому пріятелю, Лестоку, Финкенштейнъ далъ денегъ, и тотъ просилъ обнадежить короля въ его усердіи.

Въ августѣ важный пріятель разсказалъ Финкенштейну, что канцлеръ съ своею шайкою обвиняетъ его, Воронцова, будто бы онъ всѣ тайны открываетъ прусскому королю; чтобъ дать большую силу этому обвиненію, они нѣсколько смягчаютъ его, внушая, что вице-канцлеръ человѣкъ честный и преданъ интересамъ государыни, но не умѣетъ хранить тайны и, питая любовь къ Фридриху II, иногда съ самыми добрыми намѣреніями открываетъ такія дѣла, которыя могутъ имѣть важныя послѣдствія. Воронцовъ открылъ также Финкенштейну, что послѣднее пребываніе его въ Петергофѣ дало ему возможность разговаривать о многихъ важныхъ предметахъ съ императрицею, и открыть ей глаза относительно множества вещей, отъ чего она пришла въ большое удивленіе; онъ указалъ ей на самовластіе канцлера, который въ коллегіи одинъ самъ собою дѣла отправляетъ, не давая знать объ нихъ ни вице-канцлеру, ни другимъ членамъ. Онъ предложилъ императрицѣ и способъ сократить чрезмѣрную власть перваго министра, именно дать ему указъ всѣ дѣла производить чрезъ коллегію и ни о чемъ не докладывать прежде, чѣмъ дѣло будетъ извѣстно всѣмъ, кому объ немъ знать надлежитъ. Письменное мнѣніе объ этомъ Ворон-

цова Елисавета оставила у себя, сказавши, что просмотритъ его. Въ благодарность за такую откровенность Финкенштейнъ сообщилъ важному пріятелю извѣстіе, что канцлеру приписывается обширный замыселъ, касающійся ниспроверженія наслѣдственнаго порядка въ Россіи и возстановленія принца Іоанна на мѣсто великаго князя Петра Ѳедоровича. Воронцовъ замѣтилъ на это, что канцлеръ въ состояніи все предпринять.

Воронцовъ внушалъ Финкенштейну, чтобъ тотъ былъ осторожнѣе въ своихъ донесеніяхъ королю, потому что депеши его въ цифрахъ могутъ перехватить, ибо для этого не жалѣютъ труда. Финкенштейнъ сначала приписывалъ эти внушенія трусливости вице-канцлера, но приведенъ былъ въ крайнее изумленіе, когда тотъ разсказалъ ему содержаніе одной его депеши. Когда узнали объ отправленіи тридцатитысячнаго корпуса къ Рейну, то Финкенштейнъ сталъ внушать Воронцову, нельзя ли склонить кого-нибудь изъ духовенства представить императрицѣ съ религіозной точки зрѣнія непозволительность этой мѣры. Но Финкенштейнъ имѣлъ мало надежды на успѣхъ, ибо, писалъ онъ, канцлеръ держитъ большую часть духовенства въ своихъ рукахъ, такъ что оно чрезъ него обыкновенно дѣлаетъ свои внушенія. Финкенштейнъ сообщилъ королю, что Воронцовъ подалъ мнѣніе противъ похода на Рейнъ, но императрица не обратила на него вниманія.

Фридрихъ II, обезпокоенный этою рѣшительностію петербургскаго двора принять участіе въ войнѣ, боялся, что можетъ оказаться такая же энергія и относительно Швеціи, и далъ знать Финкенштейну, что это было бы противно интересамъ Пруссіи [169].

Въ началѣ января шведскій король объявилъ Корфу, что французская партія, по его мнѣнію, не успѣетъ провести прусскаго союза; если же она будетъ на это настаивать, то онъ никакъ не согласится и велитъ внести въ протоколъ свой протестъ съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, заставляющихъ его такъ дѣйствовать и съ указаніемъ на присягу свою, которою онъ обязался предъ государствомъ. Король при этомъ высказалъ свое неудовольствіе на слабость дѣйствій патріотической партіи на сеймѣ, что подвергло его самого опасности и заставило назначить сенаторами людей ему непріязненныхъ, которые въ

тайномъ комитетѣ предлагали потребовать у него отреченія отъ короны за умѣренную пенсію. «Прошу обнадежить императрицу, заключилъ король, что я никогда не отступлю отъ главнаго моего принципа — утвердить доброе согласіе между обоими государствами.» Корфъ замѣтилъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ императрица не можетъ ожидать добра отъ большинства голосовъ въ Сенатѣ. Король отвѣчалъ, что на будущее время по русскимъ дѣламъ будетъ подавать свой голосъ не иначе какъ письменно: это должно сдержать злыя намѣренія большинства, которое подвергнется отвѣтственности на сеймахъ. Корфъ нашелъ въ наружности короля большую перемѣну къ худшему и далъ знать своему двору, что печаль отъ несчастнаго сенаторскаго избранія можетъ имѣть опасныя слѣдствія для здоровья короля.

Тайный комитетъ, не опасаясь теперь никакого противодѣйствія со стороны Сената, вознамѣрился было дать инструкцію шведскому послу въ Петербургѣ графу Барку, чтобъ онъ ревностно защищалъ Тессина и перемѣнилъ къ нему отношенія петербургскаго двора; если же это не удастся, то французская партія надѣялась выиграть въ томъ, что непріятный ей Баркъ возбудилъ бы этимъ противъ себя нерасположеніе императрицы. Но это намѣреніе было оставлено, когда изъ Берлина пришли извѣстія, что въ Россіи дѣлаются сильныя вооруженія, не могущія имѣть никакой другой цѣли кромѣ войны шведской. Тогда рѣшили, чтобъ король написалъ грамоту императрицѣ, выставилъ бы всѣ свои старанія о поддержаніи дружбы, но если вмѣсто нея обнаруживается холодность между двумя дворами, то виноватъ баронъ Корфъ, который вовсе поступаетъ не такъ, какъ слѣдовало бы поступать министру тѣсно-союзнаго двора, а именно, не такъ часто бываетъ при дворѣ, какъ другіе иностранные министры; о чемъ поговоритъ съ королемъ, сейчасъ разскажетъ мѣщанамъ; подаетъ меморіалы свои королю не чрезъ министерство, а чрезъ другихъ особъ; въ этой же грамотѣ король долженъ былъ оправдать Тессина. Это подало поводъ въ Сенатѣ къ жестокому спору между членами русской и французской партіи. Король сказалъ, что онъ отечески совѣтуетъ Сенату не подавать русской императрицѣ повода къ жалобѣ на Швецію, прекратить торговлю хлѣбомъ, льномъ, пенькою, удер-

жать субсидіи, однимъ словомъ предоставить Швецію ея судьбѣ. Но французское большинство объявило, что если король откажется подписать грамоту, то по уставамъ можетъ подписать и кронъ-принцъ. Тогда король отвѣчалъ, что подпишетъ, слагая отвѣтственность на Сенатъ.

Корфъ, объясняя свое поведеніе по поводу этой грамоты, писалъ императрицѣ, что при королевскомъ дворѣ онъ бываетъ часто, при дворѣ кронъ-принца рѣже, потому что тамъ не обращаютъ на него должнаго вниманія, приглашаютъ къ столу, когда никто не приглашенъ изъ знатныхъ, тогда какъ король всегда приглашаетъ вмѣстѣ двоихъ или троихъ сенаторовъ; вечеромъ при дворѣ кронъ-принца всѣ садятся играть въ карты, а русскій посланникъ долженъ разговаривать съ какимъ-нибудь прапорщикомъ или поручикомъ. На придворныхъ балахъ кронъ-принцесса до тѣхъ поръ не танцуетъ, пока Корфъ не отойдетъ прочь, чтобъ только не танцовать съ нимъ.

7 февраля собрался секретный комитетъ въ чрезвычайномъ множествѣ членовъ, и бургомистръ небольшаго городка Эрегрунда Бобергъ потребовалъ, чтобъ арестованъ былъ купецъ Спрингеръ за то, что во время сейма часто ходитъ въ домъ русскаго посланника, слѣдовательно замышляетъ что-нибудь опасное. Предложеніе это подало поводъ къ жестокимъ и продолжительнымъ спорамъ; но члены французской партіи заперли двери и приступили къ подачѣ голосовъ, разсчитывая на успѣхъ при своемъ большинствѣ, а между тѣмъ духовные встали и удалились съ протестомъ. Когда большинствомъ голосовъ рѣшенъ былъ арестъ, то депутація секретнаго комитета, обойдя короля, который объ этомъ ничего не зналъ, отправилась къ кронъ-принцу съ просьбою дать съ гауптвахты офицера и 14 человѣкъ солдатъ для арестованія Спрингера. Кронъ-принцъ, давно уже съ нетерпѣніемъ ожидавшій этой депутаціи, немедленно далъ караулъ и Спрингера арестовали, захватили всѣ его бумаги. Кромѣ Спрингера хотѣли схватить еще канцеляріи совѣтника Рангштета. Корфъ, зная, что арестъ человѣка игравшаго одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ русской партіи, приведетъ членовъ ея въ совершенное бездѣйствіе, тѣмъ болѣе, что они сильно уныли и отъ Спрингерова ареста, — Корфъ поздно вечеромъ отправился къ королю, объявилъ, какой слухъ въ го-

родѣ носится о Рангштетѣ и прибавилъ, что онъ принадлежитъ къ русскому посольству, завѣдываетъ хозяйствомъ посла, ибо прочіе служители, какъ иностранцы, по незнанію мѣстныхъ условій, не могутъ вести выгодно хозяйства. Король въ тотъ же вечеръ велѣлъ позвать къ себѣ Пальмштрена и Горлемана и въ присутствіи генерала Шталя сдѣлалъ имъ жестокій выговоръ: «Вы, говорилъ онъ, обнадежили меня словесно и письменно, что не предпримете ничего, чтобы могло нарушить дружбу съ русскою императрицею; а теперь вы позволяете себѣ такіе поступки, въ которыхъ едва ли можете оправдаться. Арестованіе Спрингера, въ которомъ я никакого участія не имѣю, я отдаю на вашу совѣсть; а теперь уже носится слухъ, что невиннаго Рангштета хотятъ также схватить на улицѣ, хотя извѣстно, что онъ принадлежитъ къ русскому посольскому дому и ни одному иностранцу не запрещено держать слугъ изъ Шведовъ.»

На другой день король прислалъ къ Корфу статсъ-секретаря Нолькена съ объявленіемъ, что слухъ о Рангштетѣ неоснователенъ. Но Корфъ далъ знать своему правительству, что французская партія хочетъ схватить крестьянскаго предводителя на сеймѣ Гедмана и писалъ по этому случаю: «Если члены французской партіи этихъ трехъ человѣкъ достанутъ въ свои руки, то намѣрены, по примѣру испанской инквизиціи, хитростію, насильствомъ, обѣщаніями и угрозами, какъ они это сдѣлали въ 1741 году съ бѣднымъ Гильденштерномъ, заставить того или другого оговорить сенаторовъ Окергельма, Левена и Цедеркрейца, также двоихъ надворныхъ совѣтниковъ Аркенгольца и Вормгольца, чтобъ ихъ можно было также арестовать, а за ними арестовать генераловъ Дюринга и Сталя, канцлера юстиціи Сильфершильда, надворнаго суда совѣтника Фреденштирна, молодаго камергера барона Пехлина: тогда они легко могли бы управиться и съ графомъ Белке, низпровергнуть всю патріотическую партію, и ваше величество, въ разсужденіе своего интереса, уже ни на что положиться не могли бы, и потому надобно употреблять всякіе способы у духовнаго и крестьянскаго чина, чтобъ отвратить этотъ опасный подкопъ. Кронъ-принцъ игралъ въ карты, когда капитанъ гвардіи Флеммингъ изъ тайнаго комитета сообщилъ ему, что изъ писемъ канальи Спрингера ничего нельзя извлечь

для его обвиненія. Принцъ перемѣнился въ лицѣ, карты выпали изъ рукъ; онъ велѣлъ позвать къ себѣ Пальмстерна и долго съ нимъ разговаривалъ.»

Между тѣмъ, несмотря на силу французской партіи, арестованіе Спрингера произвело сильное волненіе, ибо здѣсь затронута была безопасность каждаго: духовенство 22 голосами противъ 14 рѣшило, что назначенные изъ секретнаго комитета въ слѣдственную коммиссію надъ Спрингеромъ три члена изъ духовенства не должны въ ней присутствовать. Французская партія, съ своей стороны, разгласила въ народѣ, что въ рукахъ у секретнаго комитета списокъ тѣхъ лицъ, которыя подписали просительное о вспоможеніи письмо къ русской императрицѣ. Это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобъ испугать членовъ русской партіи и зажать имъ ротъ. Однако благодаря рѣшенію духовенства, слѣдственная коммиссія надъ Спрингеромъ не могла состояться. Тогда кронъ-принцъ рѣшился на отчаянное средство: отправилъ въ секретный комитетъ письмо, гдѣ всѣ тѣ, которые откажутся присутствовать въ коммиссіи надъ Спрингеромъ, названы бунтовщиками и государственными измѣнниками. Секретный комитетъ приказалъ предводителю (тальману) духовенства архіепископу созвать свой чинъ въ чрезвычайное собраніе, что и было исполнено; но когда предводитель изустно предложилъ, чтобъ чинъ отмѣнилъ прежнее свое рѣшеніе относительно коммиссіи надъ Спрингеромъ, ибо этого требуетъ безопасность короля, кронъ-принца и государства, иначе духовный чинъ, по письму кронъ-принца, сдѣлается виновнымъ въ государственной измѣнѣ,—то протопопъ Сереніусъ обвинилъ архіепископа въ незаконности дѣйствія, ибо тотъ сдѣлалъ такое важное предложеніе изустно, тогда какъ долженъ былъ представить извлеченіе изъ протокола секретнаго комитета. Послѣ сильныхъ споровъ собраніе разошлось, ничего не постановивши; но архіепископъ самовольно приказалъ троимъ депутатамъ изъ духовенства присутствовать въ коммиссіи. Въ это самое время Упсальскій университетъ избиралъ новаго канцлера вмѣсто умершаго графа Гилленборга; графъ Тессинъ очень добивался этого почетнаго и вліятельнаго мѣста, ибо большая часть молодаго дворянства воспитывалась въ Упсалѣ; но университетъ выбралъ сенатора Окергельма. Чтобъ не допустить одного изъ главныхъ членовъ противной партіи уси-

лить свое значеніе, Тессинъ у говорилъ кронъ-принца искать канцлерскаго мѣста, вслѣдствіе чего назначены были вторые выборы, но и на нихъ снова былъ избранъ Окергельмъ. Но Окергельмъ не радовался этой побѣдѣ; онъ боялся, что если французской партіи удастся овладѣть крестьянскимъ чиномъ, то это будетъ грозить страшною опасностію существующей правительственной формѣ; онъ просилъ Корфа ради самого Бога не жалѣть никакихъ денегъ для подкрѣпленія крестьянъ; но Корфъ отвѣчалъ, что уже издержалъ послѣднія деньги и теперь ждетъ указа императрицы, а между тѣмъ надѣется, что патріоты, при такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, сами постараются собрать сколько нибудь денегъ. Не имѣя денегъ, Корфъ дѣйствовалъ другими средствами: подалъ правительству промеморію противъ задержанія Спрингера, чѣмъ затруднилъ французскую партію, не знавшую, что отвѣчать не промеморію, ибо за Спрингеромъ не оказывалось никакой вины; кромѣ того Корфъ распространилъ въ народѣ напечатанную въ Германіи брошюру: «Разговоръ двоихъ Шведовъ;» брошюра была направлена противъ прусскаго союза. Корфъ писалъ своему двору, что французская партія сильно домогается установленія самодержавія и все къ тому приготовлено. Когда сенаторъ Окергельмъ представлялъ кронъ-принцу, что еслибъ онъ имѣлъ малѣйшее извѣстіе, что его высочеству угодно быть канцлеромъ Упсальскаго университета, то никакъ бы не позволилъ внести себя въ число кандидатовъ, то кронъ-принцъ отвѣчалъ ему презрительнымъ тономъ: «Я это званіе хочу имѣть и получу.» Составляютъ планъ, чтобъ кронъ-принцу привести въ свое распоряженіе стокгольмскихъ горожанъ: для этого склоняютъ оберъ-штатгольда барона Фукса уступить это мѣсто кронъ-принцу, за деньги. Составленъ также планъ въ полкахъ, находящихся въ осьми ближайшихъ къ Стокгольму провинціяхъ заставить полковниковъ за деньги уступить свои мѣста, которыя раздать членамъ французской партіи, а полкъ лейбъ-гвардіи отдать самому принцу и такимъ образомъ приготовить корпусъ войска, который бы по первому сигналу могъ произвести въ дѣйствіе насильственный планъ французской партіи. Помѣхою для осуществленія этого плана служитъ старый король, и потому сильно хлопочутъ, какимъ бы образомъ лишить его престола: духовный и крестьянскій чины

тутъ больше всего препятствуютъ. Король далъ знать Корфу чрезъ генерала Сталя, что если будутъ сдѣланы ему предложенія объ отреченіи отъ престола, то онъ отвергнетъ ихъ съ твердостію, если только не будетъ употреблено насилія. Подозрительность дошла до такой степени, что король принималъ мѣры за столомъ, чтобъ не съѣсть или не выпить чего-нибудь отравленнаго.

Члены французской партіи прямо говорили въ секретномъ комитетѣ: «Благодаря дѣятельности комитета, благодаря избранію новыхъ сенаторовъ Швеція освобождена отъ русской зависимости, а еслибъ мы позволили себѣ испугаться поступковъ русскаго посла, то государство наше на вѣки должно было бы повиноваться повелѣніямъ его двора. Всѣ извѣстія единогласно подтверждаютъ, какъ ошиблись заблудшія дѣти шведскаго отечества, которые полагались на русскую помощь. Извѣстенъ обычай русскаго двора на сеймахъ гордо говорить, но при этомъ и остаться. Удивительно, что друзья Россіи такъ упорно ея держатся, хотя они горькимъ опытомъ дознали, что кромѣ обѣщаній они отъ нея ничего не получили.» Кронъ-принцъ сказалъ одному преданному человѣку, который обнаружилъ сомнѣніе на счетъ полезныхъ слѣдствій его поступковъ: «Не думаешь ли ты, что я не получалъ никакихъ извѣстій о состояніи русскаго двора? Если колпаки надѣятся получить отъ него помощь, то они обмануты; мнѣ надобно пользоваться настоящими обстоятельствами, или навсегда отречься отъ своего плана. Когда я былъ любскимъ епископомъ, то нуждался въ помощи русской императрицы; а теперь, будучи кронъ-принцемъ шведскимъ, долженъ самъ себѣ помогать.»

Кронъ-принцъ главнымъ средствомъ поставить себяна твердую почву считалъ привлеченіе на свою сторону крестьянства, для чего разослалъ по областямъ преданныхъ себѣ людей. Но крестьянскіе депутаты на сеймѣ крѣпко держались противъ французской стороны, и Корфъ писалъ, что причину такого поведенія ихъ должно приписать королю, ибо хотя русская партія и собрала небольшую сумму денегъ на содержаніе крестьянъ, но такъ какъ эта сумма оказалась недостаточною, то король далъ значительную сумму какъ на крестьянъ, такъ и на духовенство. «Старый мудрый государь, писалъ Корфъ,

принялъ при этомъ такія хорошія мѣры, что только три человѣка знаютъ тайну, такъ что члены французской партіи никакъ не могутъ угадать, какимъ образомъ крестьяне оказываются имъ противны, несмотря на большія деньги, розданныя кронъ-принцемъ.» Такъ какъ у крестьянскаго оратора были въ рукахъ доказательства интригъ, которыя производились для склоненія крестьянъ къ французской сторонѣ, въ его же рукахъ находился и списокъ лицъ, чрезъ которыя производились эти интриги, — то преданный русской партіи ландмаршалъ уговорилъ оратора и еще одного крестьянина объясниться откровенно съ графомъ Тессиномъ. Крестьяне прямо объявили графу, что онъ во всемъ государствѣ считается виновникомъ всякаго безпорядка; что преданные французской партіи крестьяне во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ хвастаютъ, будто кронъ-принцъ объявилъ себя главою сеймовыхъ дѣлъ, и они подъ такимъ покровительствомъ и разумнымъ руководствомъ графа Тессина надѣются имѣть полный успѣхъ. Но неудовольствіе въ большинствѣ крестьянъ отъ нарушенія ихъ вольности и привилегій такъ усилилось, что можетъ быть опасно ему, графу Тессину. Конечно ему извѣстно мнѣніе большинства народнаго, что пока правленіе будетъ въ его рукахъ, до тѣхъ поръ ни на какой надежный миръ съ Россіею надѣяться нельзя, ибо Россія оскорблена поступками его и его партіи на сеймѣ, и если Данія, увидавъ слабость Швеціи въ слѣдствіе потери русской дружбы, начнетъ непріятельскія дѣйствія, то на кого падетъ отвѣтственность? Онъ графъ Тессинъ напрасно думаетъ, что тѣ крестьяне, которые извѣстнымъ образомъ его посѣщаютъ, ему друзья: въ случаѣ опасности они первые обратятся противъ него.—Смущеніе Тессина при этихъ словахъ было величайшее; онъ могъ только отвѣчать, что все это русскій посланникъ внушаетъ народу дурные объ немъ слухи, но время покажетъ его невинность. Тутъ ораторъ, чтобъ еще болѣе напугать Тессина, объявилъ ему рѣшеніи крестьянъ отправить депутацію къ кронъ-принцу съ представленіемъ, что крестьянскій чинъ никакъ не можетъ думать, чтобъ его высочество позволилъ такъ употреблять во зло свое имя, чтобъ позволилъ объявить себя главою нѣкоторыхъ мятежныхъ крестьянъ, и потому крестьянскій чинъ проситъ позволенія изслѣдовать, кто распустилъ подобный слухъ. Тессинъ началъ усердно

просить оратора, чтобъ онъ уговорилъ крестьянъ не приводить въ исполненіе своего рѣшенія, и, съ своей стороны, далъ честное слово донести кронъ-принцу обо всемъ и перемѣнить все дѣло.

Король при первомъ свиданіи спросилъ Корфа, слышалъ ли онъ о разговорѣ крестьянскаго оратора съ графомъ Тессиномъ. «Кое-что слышалъ,» отвѣчалъ Корфъ. — «Я, продолжалъ король, сегодня въ Сенатѣ свое прямое мнѣніе объявилъ, а еще прежде въ своемъ кабинетѣ графу Тессину сильный выговоръ сдѣлалъ.» Тутъ король подозвалъ къ себѣ сенатора Окергельма и сказалъ ему: «По моимъ вѣдомостямъ французское большинство въ секретномъ комитетѣ начало уменьшаться, и надѣюсь, что наконецъ дѣла благополучно пойдутъ. Этимъ мы обязаны русской императрицѣ: чтобы теперь съ вами, бѣдными колпаками, сдѣлалось, еслибъ русскій посолъ не оказалъ твердости, и противную вамъ партію не держалъ въ страхѣ и трепетѣ? Были бы вы совершенно уничтожены, потому что насилія уже начались.» Корфъ сказалъ на это: «Я сердечно желаю обращенія злой партіи, но чтобъ это обращеніе послѣдовало не отъ страха, а изъ сознанія истинныхъ шведскихъ интересовъ.»

Корфъ предложилъ шведскому правительству приступить къ союзу, заключенному между Россіею и Австріею. Русская партія требовала этого приступленія, указывая на датскія вооруженія, которыя кончатся ничѣмъ, какъ скоро узнаютъ о тройномъ союзѣ между Россіею, Австріею и Швеціею; тогда французская партія начала распускать слухи, что Россія не будетъ въ состояніи помочь Швеціи, ибо на нее вооружается Турція, и потому единственное спасеніе Швеціи—просить предлагаемыя Франціею субсидіи и тѣснѣе соединиться съ Пруссіею. Корфъ вмѣстѣ съ австрійскимъ резидентомъ опровергали слухи о враждебныхъ движеніяхъ Турціи, а король въ Сенатѣ прочелъ и велѣлъ записать въ протоколъ мнѣніе, гдѣ онъ указывалъ на необходимость приступить къ австро-русскому союзу и отвергнуть прусскій.

Этотъ вопросъ о союзѣ подалъ поводъ къ страшнымъ спорамъ въ секретномъ комитетѣ. Приверженцы прусскаго союза выставляли преимущественно опасность, которая будетъ грозить кронпринцу, если состоится приступленіе къ австро-

русскому союзу, и потомъ указывали на состояніе внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Россіи, цитуя тайныя извѣстія изъ Петербурга, Копенгагена, лондона. По этимъ извѣстіямъ будто бы состоялось соглашеніе между Россіею, Даніею и Англіею о низверженіи наслѣднаго принца шведскаго; но Россія сама находится въ опасномъ положеніи: неудовольствіе между императрицею и великимъ княземъ усиливается день ото-дня, и народъ раздѣлился на партіи; образовалась и третья сильная партія въ пользу принца Ивана: она поддерживается нѣкоторыми иностранными дворами. Персіяне съ сильнымъ флотомъ приближаются къ русскимъ берегамъ: на корабляхъ у нихъ 72,000 войска. Графъ Тарло обѣщалъ генералу Штейнфлихту, что какъ скоро будетъ заключенъ союзъ между Швеціею и Пруссіею, то онъ образуетъ конфедерацію въ пользу короля прусскаго и выставитъ польскую конницу, которая будетъ защищать Пруссію отъ русскихъ нерегулярныхъ войскъ. Въ Россіи ни о какихъ вооруженіяхъ не помышляютъ, въ Финляндіи только пять галеръ и три полка, между которыми обнаружились болѣзни: при такихъ обстоятельствахъ Швеція поступила бы крайне неблагоразумно, еслибъ не обезпечила себя сильнымъ союзомъ прусскимъ.

23 апрѣля Сенатъ получилъ извѣщеніе изъ тайнаго комитета, что въ немъ рѣшено вступить въ союзъ съ королемъ прусскимъ и отклонить предложеніе императорскаго двора о приступленіи къ австро-русскому союзу. Король, поддерживаемый сенаторами русской партіи, потребовалъ было, нельзя ли объ этомъ рѣшеніи сообщить напередъ русской императрицѣ; но французская партія возстала противъ этого, говоря, что это покажетъ какую-то зависимость Швеціи отъ Россіи. Когда Корфъ выговаривалъ колпакамъ за слабость, оказанную ими въ этомъ дѣлѣ, то они отвѣчали, что они въ меньшинствѣ и напротивной сторонѣ кронъпринцъ, который дѣйствуетъ какъ самодержецъ; такъ какъ противная партія мало уважаетъ совѣсть, законы, честь и стыдъ, то они должны опасаться арестовъ, гоненій и самой пытки по обвиненію во враждебныхъ замыслахъ къ кронъ-принцу и государству, еслибъ они оказали дальнѣйшее сопротивленіе прусскому союзу, не будучи навѣрно обнадежны въ помощи иностранныхъ державъ. Они даже не знаютъ, какой предстоитъ имъ жребій во время сейма, а крестьянскій чинъ хотя довольно

постояненъ и могъ бы вмѣстѣ съ духовнымъ чиномъ много добра сдѣлать, но опасно, чтобъ и въ немъ не произведено было движеній интригами противной партіи, а противиться этимъ интригамъ нельзя безъ денегъ.

Торжествующая французская партія приступила теперь къ оправданію графа Тессина отъ взведенныхъ на него русскимъ дворомъ обвиненій, потому что ей хотѣлось доставить ему мѣсто президента канцеляріи иностранныхъ дѣлъ; говорили: «Графъ отнесся съ презрѣніемъ къ разглашеннымъ противъ него неосновательнымъ слухамъ; теперь не только Шведы, но даже иностранцы знаютъ о его невинности изъ напечатанныхъ въ его пользу сочиненій.» Корфъ молчалъ; тогда начали говорить: «Еслибъ русскій посолъ могъ доказать что-нибудь противъ графа Тессина, то не упустилъ бы сдѣлать это теперь; его молчаніе показываетъ, что русскій дворъ, затрогивая графа Тессина, хотѣлъ затронуть не его, но кронъ-принца.» Тогда Корфъ препроводилъ канцлеру Нолкину промеморію, въ которой излагалъ содержаніе пересланнаго ему изъ Петербурга письма Тессинова къ извѣстному ренегату Бонневалю. Русскій дворъ, недовольный поведеніемъ шведскаго министра въ Константинополѣ Карлсона, требовалъ его отозванія, что и было исполнено; но при этомъ Тессинъ писалъ Бонневалю, что Карлсонъ призывается въ Швецію только для необходимыхъ донесеній сейму о состояніи дѣлъ, по окончаніи чего возвратится въ Константинополь, что король очень доволенъ поведеніемъ Карлсона и богато наградитъ его. Мало того, преемника карлсонова Целзинга графъ Тессинъ не усумнился поручить милости и руководству Бонневаля, т.-е. такого человѣка, который издавна оказывалъ себя врагомъ Россіи. Императрица, заключилъ Корфъ въ своей промеморіи, никакъ не хочетъ приписывать этого королю; она обвиняетъ только министра, который для прикрытія своихъ тайныхъ замысловъ, употребилъ во зло имя государя и государства, и потому императрица представляетъ просвѣщенному разсужденію, можетъ ли при министерствѣ этого сенатора соблюдаться и укореняться доброе согласіе между Россіею и Швеціею.»

Когда промеморія прочтена была въ Сенатѣ, то французская партія пришла въ ужасъ, зная, что въ раздачѣ копій съ нея недостатка не будетъ. Графъ Тессинъ совершенно растерялся,

и поспѣшилъ объявить, что при такомъ состоянiи дѣлъ никогда не приметъ званiя президента канцелярiи иностранныхъ сношенiй. Такъ какъ не могли понять, какимъ путемъ письма достались въ руки Корфу, и опасались, что пожалуй у него есть и оригиналы, если Неплюевъ нашелъ средство, по смерти Бонневаля, достать нѣкоторыя его бумаги, то и не имѣли духа отрицать подлинность писемъ.

Шведскiй посолъ при петербургскомъ дворѣ графъ Баркъ дѣйствовалъ не такъ, какъ бы хотѣлось господствующей партiи, а потому на его мѣсто назначенъ былъ Вульфенстернъ, который передъ отъѣздомъ имѣлъ совѣщанiя съ членами тайнаго комитета. Содержанiе этихъ совѣщанiй не осталось тайною для Корфа. Вульфенстерну было поручено, вопервыхъ стараться о сверженiи канцлера Бестужева, и потомъ о сверженiи настоящаго правительства. Не надобно упускать времени для сверженiя Бестужева, пока еще война идетъ въ Европѣ, ибо послѣ мира королю прусскому еще крѣпче будутъ связаны руки, ему нужно будетъ тогда ласкать тѣ дворы, которые теперь, находясь въ войнѣ, принуждены его ласкать. У Бестужева много враговъ въ Россiи, и Вульфенстернъ долженъ съ ними сблизиться, особенно надобно ему получить основательное свѣдѣнiе, кто изъ дамъ въ наибольшей силѣ при дворѣ; ихъ онъ долженъ приводить въ движенiе двумя способами, въ которыхъ ошибиться не можетъ, и которыя онъ съ успѣхомъ употреблялъ при дрезденскомъ дворѣ, а именно свое красивое лицо и волокитство; страсть къ игрѣ должна ему также помочь. Хотя графъ Баркъ и назвалъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ, которые при случаѣ показывали свое расположенiе къ Францiи, и слѣдовательно къ Швецiи и Пруссiи и находятся въ сильной враждѣ съ Бестужевымъ; но такъ какъ Баркъ поступалъ двоедушно, то Вульфенстернъ не обязанъ слѣпо слѣдовать его указанiямъ, не подвергнувши ихъ прежде повѣркѣ, въ чемъ графъ Финкенштейнъ и Дальонъ не откажутъ ему помочь. Если онъ при движенiяхъ противъ Бестужева будетъ нуждаться въ деньгахъ, то ему стоитъ только знать дать объ этомъ французскому министру, котораго дворъ не откажется доставить надобную сумму. Пока дѣло не достигнетъ зрѣлости, онъ долженъ содержать виды шведскаго правительства въ глубочайшей тайнѣ, особен-

но не долженъ онъ имѣть явныхъ сношеній съ людьми, преданными принцу Ивану, хотя подъ рукою можетъ обѣщать имъ всякую помощь со стороны Швеціи. Что касается Корфа, то Вульфенстерну причтено будетъ въ особую заслугу, если онъ добьется его отозванія. Во что бы то нистало, его должно выжить изъ Стокгольма: ему одному надобно приписать то, что колпаки такъ упорно держатся и не хотятъ уступить. Настоящій сеймъ былъ самый трудный изъ всѣхъ, и, по введеніи въ сенатъ благонамѣренныхъ членовъ, давно уже долженъ былъ бы кончиться, еслибъ колпачная партія не была подкрѣплена хитростями Корфа при ея вредныхъ видахъ. Кромѣ того самые тайные совѣты и мѣры не могутъ укрыться отъ Корфа, а каналы, которыми доходятъ до него свѣдѣнія, до сихъ поръ открыть нельзя. Вульфенстернъ долженъ стараться, чтобъ въ случаѣ отозванія Корфа, на его мѣсто не былъ назначенъ графъ Михайла Бестужевъ-Рюминъ: онъ такъ знаетъ шведскія дѣла и такъ всѣми любимъ въ Стокгольмѣ, что при такой перемѣнѣ нельзя ничего выиграть. Вмѣстѣ съ Корфомъ долженъ быть удаленъ и канцеляріи юнкеръ Симолинъ, подозрительный своимъ знакомствомъ со всѣми людьми, враждебными настоящей системѣ.

Самымъ виднымъ изъ этихъ людей былъ сенаторъ Окергельмъ, и шляпы рѣшились поднять противъ него обвиненіе; такъ какъ Окергельмъ пользовался большимъ уваженіемъ, то вопросъ, наряжать ли противъ него слѣдствіе прошелъ утвердительно только большинствомъ трехъ голосовъ. Колпаки обратились къ Корфу съ представленіемъ, что благодаря такому расположенію къ Окергельму можно еще выиграть дѣло, что они сложились и собрали нѣсколько денегъ, но мало, и потому не можетъ ли онъ дать имъ 4000 рублей для соблюденія интересовъ ея величества, такъ тѣсно связанныхъ съ сохраненіемъ Окергельма. Корфъ отвѣчалъ, что пошлетъ за указомъ въ Петербургъ. Планъ французской партіи состоялъ въ томъ, чтобъ управясь съ Океpгельмомъ, въ продолженіе сейма вытѣснить изъ Сената и другихъ сенаторовъ русской партіи, именно Кронстета, Левена, Врангеля и Цедеркрейца, а чтобъ сдѣлать пріятное Елисаветѣ, ввести снова въ Сенатъ члена русской партіи графа Бонде и даже сдѣлать его президентомъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ.

Но Корфъ писалъ, что Бонде не уменъ и трусоватъ, безъ подкрѣпленія и наставленія Окергельма никакой помощи Россіи оказать не можетъ; графъ Тессинъ съ своими сообщниками въ Сенатѣ стали бы совершенно имъ управлять. Всѣ благонамѣренные усердно молятся, чтобъ благопріятнымъ вѣтромъ принесло русскія галеры къ шведскимъ берегамъ: тогда французская партія ослабѣетъ, благонамѣренные пріѣдутъ изъ провинцій и дѣла примутъ другой ходъ.

Такъ какъ графъ Баркъ далъ знать, что Корфъ сообщаетъ своему двору самыя тайныя дѣла, то положили канцелярскую переписку раздѣлить на внутреннюю и внѣшнюю, и послѣднюю поручить только самымъ надежнымъ секретарямъ. Корфъ, донося объ этомъ распоряженіи, замѣчалъ: «Это мнѣ не помѣщаетъ имѣть вѣрныя извѣстія обо всемъ. Шведскіе молодые люди такъ испорчены, что деньгами ихъ ко всему склонить можно. Надобно опасаться одного, что когда тѣ люди, которыми я до сихъ поръ пользовался, въ иностранномъ отдѣлѣ не останутся, то надобно будетъ отыскивать новыхъ, и такъ какъ ихъ будетъ меньше, то потребуютъ и большаго вознагражденія, поэтому ваше величество не соизволите ли малую сумму, около 1500 рублей опредѣлить.» Корфъ имѣлъ возможность донести своему двору объ отвѣтѣ кронъ-принца одному вельможѣ, который говорилъ, что долгіе сеймы всегда бывали вредны для Швеціи: «Сдѣлай только, отвѣчалъ принцъ, чтобъ Окергельмъ уволился изъ Сената и далъ по себѣ поруку, что впредь никогда въ сеймовыя дѣла мѣшаться не будетъ; такъ же пусть русскій посолъ отсюда уѣдетъ, и я обѣщаю, что сеймъ въ восемь дней окончится; но всѣ истинные патріоты такого мнѣнія, что они и принятыя ими на нынѣшнемъ сеймѣ полезныя мѣры не могутъ быть обезпечены, пока эти два человѣка будутъ вмѣстѣ.»

Чтобъ поддержать Окергельма Корфъ велѣлъ раздать крестьянамъ 5000 талеровъ; но это не помогло, большинство оказалось не за Окергельма, и послѣдній, испугавшись, согласился подать въ отставку отъ сенаторской и оберъ-маршалской должности. Въ Петербургѣ графъ Баркъ подалъ императрицѣ жалобу на Корфа за его вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи, за представленія настоящаго министерства злонамѣреннымъ и т. п., но жалоба, разумѣется, не произвела никакого дѣйствія.

Въ русскомъ отвѣтѣ говорилось, что императрица «не безъ удивленія усмотрѣть принуждена, что нѣкоторая партія, которая была причиною прежнихъ несогласій, по своекорыстнымъ своимъ видамъ, сильно старается не только доброе сосѣдственное согласіе, сколько возможно, нарушить, но и свое отечество *въ новыя дальности* привесть. Эта партія, по своему превратному намѣренію, никакого надежнѣйшаго предмета изыскать не могла, какъ его величество короля склонить на ея императ. величества посла барона Корфа жалобы приносить повелѣть. Ея величество не можетъ не выразить своего удивленія, что съ шведской стороны хотятъ сочинять жалобы, къ которомъ сами поводъ подали.» По опроверженіи всѣхъ жалобъ отвѣтъ заключаетъ: «Ея императ. величество, по любви его величества короля и справедливости, такимъ образомъ обнадежена пребываетъ, что его величество безъ труда симъ неосновательство всѣхъ на ея посла принесенныхъ жалобъ усмотрѣть, еже его королевскому величеству и толь легче будетъ, понеже онъ посла при каждомъ случаѣ особливо отличалъ, и многіе знаки своего милостиваго удовольствія объ немъ оказалъ. Ея императ. величество имѣетъ потому основательную причину чаять, что его величество король во всѣхъ сихъ жалобахъ весьма никакого участія не принялъ, но оныя только нѣкоторыми персонами, кои охотно приватной своей корысти при поссореніи дворовъ ищутъ, умышленно составлены.» Не имѣя возможности отдѣлаться отъ Корфа, тѣмъ сильнѣе начали хлопотать о томъ, чтобъ добить членовъ русской партіи, чѣмъ наносился самый чувствительный ударъ Корфу. Тайный комитетъ рѣшилъ отказать Окергельму въ увольненіи изъ Сената, а призвать его предъ особо назначенную депутацію къ отвѣту въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, равно какъ и единомысленныхъ съ нимъ сенаторовъ Кронштерта, Поссе и Врангеля. Тѣ самые люди, которые напугали его и присовѣтовали подать въ отставку, теперь начали его уговаривать, чтобъ онъ, для избѣжанія бѣды, подалъ въ тайный комитетъ меморіалъ, гдѣ бы призналъ себя виновнымъ и предалъ себя великодушію тайнаго комитета: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть обнадеженъ, что съ честію выйдетъ изъ дѣла и получитъ увольненіе. Но Окергельмъ показалъ себя не совсѣмъ колпакомъ и не согласился на это предложеніе, увидавъ ясно, что его

нарочно уговорили подать въ отставку, чтобъ накинуть па него подозрѣніе въ народѣ. Въ русской партіи было рѣшено, чтобъ Окергельмъ обратился ко всѣмъ четыремъ чинамъ, а между тѣмъ духовный и крестьянскій чины привести къ тому, чтобъ они его поддерживали; обратились и къ мѣщанскому чину, но бургомистръ Бобергъ потребовалъ за услугу 10000 платовъ, какой суммы достать было не откуда; тогда самъ король взялся ее доставить, занявши за 12 процентовъ. Тайный комитетъ настоялъ, чтобъ Окергельмъ отвѣчалъ предъ депутаціею, послѣ чего въ комитетѣ онъ былъ оправданъ и рѣшено дать ему увольненіе изъ Сената; но духовный и крестьянскій чины потребовали, чтобъ Окергельмъ, за его великія заслуги, оставленъ былъ въ Сенатѣ, за что получили отъ Корфа обѣщанные имъ 7000 талеровъ (мѣдною монетою). «Такимъ образомъ, писалъ Корфъ, изъ назначенныхъ вашимъ в—ствомъ для Окергельмова дѣла 4000 рублей издержано до 1800 рублей; а что французская партія не примѣтила, какъ дѣло дѣлалось въ духовномъ и крестьянскомъ чинахъ, это видно изъ смущенія ея членовъ, когда они узнали о рѣшеніи духовнаго и крестьянскаго чиновъ. Ландмаршалъ велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ крестьянскаго старшину (тальмана) и старался ему внушить объ опасныхъ слѣдствіяхъ поступка обоихъ чиновъ, прося его измѣнить дѣло на будущемъ полномъ собраніи чиновъ; послалъ и за Окергельмовымъ секретаремъ и просилъ его склонить сенатора, чтобъ онъ настоялъ на своемъ увольненіи, ибо иначе французская партія къ нему вновь придерется и вторично подниметъ его дѣло. Секретарь отвѣчалъ, что онъ не можетъ вмѣшаться въ это дѣло, да и не видитъ, какъ можно взвести на Окергельма новыя обвиненія, когда онъ уже оправданъ секретнымъ комитетомъ. Между тѣмъ комитетъ собрался въ превеликой ярости. Пальмстерна угрожалъ Окергельму конечною погибелью, и всѣ вообще нападали на духовный чинъ, особенно на епископа Альстрина, Крича, что онъ хотѣлъ воспалить огонь несогласія во всѣхъ четырехъ частяхъ государства: старикъ приведенъ былъ въ такое волненіе грубыми выраженіями противниковъ, что больной отвезенъ былъ домой. Принято рѣшеніе начать переговоры съ Окергельмомъ, въ которыхъ проведенъ цѣлый день. Передъ домомъ Окергельма вдругъ появилось множество людей, одна ка-

рета отъѣзжала, другая подъѣзжала; сперва налегали на него съ угрозами, что если онъ своего увольненія не приметъ, то неминуемо придетъ въ гораздо опаснѣйшее состояніе. Такъ какъ угрозы оказались недѣйствительны, то употребили сладкія слова, обѣщая ему со стороны тайнаго комитета такое вознагражденіе, которое замѣнитъ всякую пенсію, какую бы онъ могъ получить, и потому въ его волѣ состоитъ возвратить государству согласіе. Окергельмъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не хочетъ умножить раздоръ въ государствѣ; но тайный комитетъ передалъ его дѣло чинамъ, и потому онъ будетъ ожидать ихъ рѣшенія; онъ подалъ въ отставку по неволѣ, и несмотря на то противъ него начали дѣло и нѣкоторое время его репутація подвергалась пересудамъ народнымъ, отъ пенсіи же онъ отказаться не можетъ. Переговоры еще продолжаются, а между тѣмъ я стараюсь поддерживать его смѣлость и постоянство и онъ обѣщаетъ мнѣ быть твердымъ. Нѣкоторые изъ твердѣйшихъ патріотовъ думаютъ, что не будетъ никакого вреда ихъ дѣлу, если Окергельмъ при настоящихъ обстоятельствахъ выйдетъ изъ Сената: его невинность и злонамѣренность противниковъ ясны, и на будущемъ сеймѣ можно легко дѣйствовать въ его пользу, маршальскій жезлъ его не минуетъ, и такимъ образомъ онъ больше будетъ имѣть случая показать свои услуги въ рыцарскомъ дому, чѣмъ въ Сенатѣ, гдѣ большинство голосовъ на сторонѣ враждебной; останется онъ въ Сенатѣ, то всѣ злонамѣренные соединятся противъ него вмѣсто того чтобъ ссориться между собою, что непремѣнно послѣдовало бы, еслибъ они не имѣли общаго предмета ненависти въ немъ.»

Подучили самого короля, чтобъ и тотъ уговорилъ Окергельма выйти изъ Сената; но старикъ не принялъ и королевскихъ представленій. Тогда французская партія подкупила придворнаго проповѣдника Тропліуса, одного изъ лучшихъ друзей Окергельма. Тропліусъ пошелъ въ собраніе духовнаго чина, благодарилъ его за желаніе удержать Окергельма въ Сенатѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ его именемъ, что онъ для общаго блага и для возстановленія согласія между государственными чинами не хочетъ оставаться сенаторомъ. Духовный чинъ, не подозрѣвая ни сколько Тропліуса, сильно разсердился на Окергельма за его непостоянство, и опредѣлилъ дать знать прочимъ чинамъ, что

такъ какъ Окергельмъ настаиваетъ на своемъ увольненіи, то духовный чинъ приступаетъ къ рѣшенію дворянскаго и мѣщанскаго чиновъ. Такимъ образомъ дѣло объ оставленіи Окергельма сенаторомъ и было покончено; враждебная партія не замедлила разгласить, что значитъ у Окергельма нечиста совѣсть, когда онъ не посмѣлъ остаться въ Сенатѣ, находясь въ такомъ выгодномъ положеніи, имѣя на своей сторонѣ духовенство и крестьянъ. Въ слѣдъ за тѣмъ французская партія одержала и другую побѣду, провела Тессина въ президенты канцеляріи иностранныхъ дѣлъ. Сеймъ кончился въ декабрѣ [170].

Гроссъ изъ Парижа доносилъ въ Петербургъ, что Франція также сильно интригуетъ противъ Россіи и въ Константинополѣ, какъ въ Стокгольмѣ. Неплюевъ въ началѣ года писалъ изъ Константинополя: «Хотя теперь съ турецкой стороны чего-нибудь опасаться и нечего, хотя всѣ пріятели обнадеживаютъ, что Порта ни о чемъ противъ вашего импер. величества не помышляетъ и хану внушено сохранять спокойствіе: однако уменьшать предосторожности не слѣдуетъ, а надобно прибавить на Украйнѣ нѣсколько полковъ; это послужитъ въ пользу вѣнскаго двора и противъ французскихъ подущеній, которыя не только не перестаютъ, но еще умножаются, впрочемъ, по благости Божіей, безъ успѣха.» Такъ французскій посолъ Кастелланъ внушалъ, что въ Россіи на Украйнѣ вспыхнулъ бунтъ, нѣсколько козаковъ ушло въ Польшу, и вообще вся Малороссія ждетъ только удобнаго случая къ возстанію, что Порта должна воспользоваться этими обстоятельствами и сдѣлать диверсію въ пользу Швеціи, которой Россія хочетъ предписывать законы.

21 января явились къ Неплюеву три человѣка, венеціанскій подданный корабельщикъ Макри, александрійскій Грекъ Пери и русскій подданный Ѳедоръ Ивановъ. Пери, служившій у послѣдняго толмачомъ, объявилъ слѣдующее: Ѳедоръ Ивановъ называетъ себя сыномъ царя Ивана Алексѣевича, будто въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ порученъ для скрытія матерью его, царицею Прасковьею Ѳедоровною греческому монаху Евфимію вмѣстѣ съ одною женщиною Голландкою, по имени Маріей. Евфимій, одѣвъ его въ женское платье, провезъ изъ Москвы въ Астрахань, а оттуда чрезъ Персію въ Бассору, гдѣ Марія умер-

ла, а монахъ съ Өедоромъ Ивановымъ переѣхалъ въ окрестности Дамаска. Между тѣмъ монахъ будто бы три раза ѣздилъ въ Россію, жилъ тамъ по два и по три года и привозилъ много денегъ и драгоцѣнныхъ камней, полученныхъ будто бы отъ царицы Прасковьи Өедоровны. Евфимій пропалъ въ Іерусалимѣ, а Иванъ Өедоровъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ Азіи, содержа себя продажею драгоцѣнныхъ камней, оставленныхъ ему Евфиміемъ, потомъ объявилъ себя лѣкаремъ и взялъ себѣ въ толмачи Пери, потому что не зналъ никакого другого языка, кромѣ арабскаго, былъ въ Кипрѣ, гдѣ открылъ свое происхожденіе архіепископу, который посовѣтовалъ ему отправиться на Аѳонскую гору; здѣсь монахи приняли его дурно, объявивши плутомъ и лжецомъ, и онъ отправился въ Константинополь. Неплюевъ сталъ увѣщевать самозванца, чтобъ объявилъ о себѣ сущую правду; тотъ отвѣчалъ, что отъ роду ему 40 лѣтъ и что все сказанное Пери правда. Тогда Неплюевъ принялся за другое средство, велѣлъ сѣчь его нещадно плетьми, и заставилъ объявить, что онъ дѣйствительно русскій подданный, а изъ котораго мѣста, какъ выѣхалъ, и кто его отецъ, о томъ ничего не знаетъ, кромѣ того что монахъ Евфимій и жена его Марья ему объявили, а если они все затѣяли ложно, то и онъ лжетъ. Неплюевъ велѣлъ его сковать и отправить въ Россію сухимъ путемъ съ поручикомъ Обрѣзковымъ, наказавъ послѣднему употребить всѣ средства, чтобъ не дать колоднику уйти. Самозванецъ притворился, что сильно желаетъ возвратиться въ Россію; но пріѣхавъ съ Обрѣзковымъ въ Айдосы, закричалъ, чтобъ Турки освободили его какъ султанскаго подданнаго и что онъ хочетъ принять магометанство. Обрѣзковъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ и, не успѣвши выручить его изъ турецкихъ рукъ никакими посулами и домогательствами, поспѣшилъ возвратиться въ Константинополь. Неплюевъ, чтобъ спасти теперь Обрѣзкова отъ опасности и не завести непріятнаго дѣла съ Портою, отправилъ его немедленно опять въ Россію на Кіевъ. Послѣ Неплюевъ узналъ, что турецкое правительство отправило Өедора Иванова въ Алеппо, откуда онъ объявилъ себя родомъ [171].

Новое значеніе турецкимъ отношеніямъ грозилъ дать переворотъ, происшедшій въ Персіи. Назначенный сюда полномоч-

нымъ посломъ князь Голицынъ въ началѣ описываемаго года вступилъ въ персидскія границы; но въ апрѣлѣ писалъ императрицѣ изъ Ряща, что отъ самыхъ границъ до этого города кромѣ обидъ, наглости и неудовольствій отъ Персіянъ ничего не видалъ и на будущее время лучшаго надѣяться нельзя; притомъ во многихъ мѣстахъ начались бунты, потому что правительство обходится съ подданными безо всякаго милосердія. «Если отважиться въ дальнѣйшій путь, писалъ Голицынъ, то не предвидится никакихъ средствъ къ охраненію моего значенія и самой жизни; нѣтъ надежды, чтобъ я могъ достать подводы даже и за свои деньги, и потому безъ указа я опасаюсь ѣхать дальше. По нынѣшнимъ дурнымъ обращеніямъ и обстоятельствамъ въ Персіи не повелите ли мнѣ, рабу вашему, моремъ возвратиться въ Россію?» Къ умноженію непріятностей Голицыну дали знать, что резидентъ Братищевъ «въ пьянствѣ упражнялся и такія сумазбродства, драки и прочіе непотребные поступки чинилъ, которыхъ не только резидентъ, но и самый бы бурлакъ чинить не могъ.» Въ бытность свою въ Рящѣ вмѣстѣ съ резидентомъ, Голицынъ замѣтилъ, что «такое его пьянство и въ пьянствѣ сумазбродство по ночамъ случается.» Мало того, получены были извѣстія отъ Персіянъ, что Братищевъ просилъ шаха принять его въ персидское подданство.

Голицынъ писалъ жалобы и на консула Бакунина, который представлялъ, что жители Ряща хотятъ отложиться отъ шаха и принять русское подданство, и требовалъ, чтобъ посолъ принялъ ихъ въ свое покровительство, стращая, что въ противномъ случаѣ ему предстоитъ отъ нихъ большая опасность, въ случаѣ же согласія на ихъ желаніе прельщалъ тѣмъ, что въ городѣ находится шаховыхъ денегъ триста тысячъ рублей. Голицынъ отвѣчалъ ему, чтобъ онъ не только дѣломъ, но и словомъ не смѣлъ вмѣшиваться въ такія дѣла. Но и послѣ этого Бакунинъ, по словамъ Голицына, продолжалъ дѣйствовать по злодѣйскимъ и коварнымъ вымысламъ, чтобъ только поскорѣе отпустили его въ Россію.

15 мая Голицынъ извѣстилъ императрицу, что принужденъ, не дожидаясь указа, возвратиться на судахъ въ Астрахань. Ему давали знать изъ Петербурга, что изъ Крыма пронеслись на Украйну вѣдомости, будто между султаномъ и шахомъ услов-

лено напасть въ одно время на Россію. Голицынъ отвѣчалъ, что слухи невѣроятны, потому что какъ бы Надиръ ни былъ золъ на Россію, и какъ бы Французы ни старались усиливать эту злобу, только теперь и на будущее время онъ ничего сдѣлать не въ состояніи: повсюду мятежи, войско отъ постояннаго голода такъ изнурено, что и съ внутренними врагами управиться не можетъ, новое войско набрать не откуда, да хотя бы вооружилъ всѣхъ Персіянъ поголовно и двинулъ на Россію, то послѣдней это не опасно: отъ рѣки Куры до Дербента мѣста пустыя, гдѣ хлѣба ни зерна; къ Дербенту пройти трудно, потому что встрѣтитъ препятствія отъ измѣнившихъ ему шемахинскихъ и генджинскихъ жителей и грузинскаго владѣльца Теймуразъ-мирзы, которые будутъ дѣйствовать за одно съ Лезгинцами. Голицынъ впрочемъ оставался въ Рящѣ до 5 іюля, когда получилъ извѣстіе о смерти Надира, убитаго взбунтовавшимся войскомъ, послѣ чего посолъ возвратился въ Астрахань.

Увѣдомленный имъ объ этихъ событіяхъ, канцлеръ доложилъ императрицѣ: «Нынѣшнимъ въ Персіи генеральнымъ бунтомъ, раздѣленіемъ народа на многія партіи, моромъ и голодомъ предвѣщается упадокъ этого государства; но такъ какъ для Россіи очень опасно, чтобъ Оттоманская Порта, пользуясь слабостію Персіи, не овладѣла ею и не сдѣлалась для Россіи опаснымъ сосѣдомъ, и такъ какъ главная цѣль Петра Великаго въ завоеваніи Гиляни и другихъ персидскихъ областей была та, чтобъ отдалить сосѣдство Турокъ, а не та, чтобъ удерживать эти области за собою, то канцлеръ представляетъ, не соизволитъ ли ея величество указать, для разсужденія о персидскихъ дѣлахъ, какъ можно скорѣе собрать совѣтъ; а между тѣмъ канцлеръ думаетъ, не потребно ли иногда будетъ подъ командою добраго генерала послать въ Гилянь нѣсколько войска на помощь Персіянамъ противъ Турокъ въ случаѣ внезапнаго нападенія послѣднихъ, или подъ предлогомъ успокоенія междоусобныхъ замѣшательствъ; а чтобъ отнять всякое подозрѣніе, то нагрузя нѣсколько судовъ хлѣбомъ, размѣнивать его тамъ на шелкъ, отъ чего, въ слѣдствіе свирѣпствующаго тамъ голода, казнѣ будетъ большая прибыль. Совѣту же быть можетъ предложено и прежнее канцлерово мнѣніе о сожженіи построенныхъ въ Персіи кораблей и о захваченіи Элтона.» Императрица 21 авгу-

ста указала пригласить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для разсужденія и совѣтованія о персидскихъ дѣлахъ генерала графа Румянцова, генералъ-прокурора князя Трубецкого, генераловъ Бутурлина, Апраксина и тайнаго совѣтника барона Черкасова. 27 августа совѣтъ постановилъ: 1) удостовѣриться въ смерти шаха Надира; 2) пригласить горскихъ дагестанскихъ владѣльцевъ ко вступленію въ русское подданство, пославши къ нимъ небольшіе подарки изъ суконъ и камокъ; 3) въ Астрахани держать на готовѣ достаточное число морскихъ судовъ, на которыхъ, въ случаѣ нужды, перевозить войско и провіантъ, отправить туда готовыя суда изъ Казани и строить новыя; 4) заготовить въ Астрахани провіантъ; 5) отправить нынѣшнею же осенью какъ можно скорѣе къ гилянскимъ берегамъ до 1,000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошнимъ жителямъ на деньги или для мѣны на шолкъ; 6) воспользоваться смутою въ Персіи и смертію шаха для искорененія корабельнаго строенія, заведеннаго Элтономъ: для этого предписать находящемуся въ Гиляни резидентомъ Черкасову подкупить изъ бунтовщиковъ или другихъ Персіянъ, чтобъ сожгли всѣ корабли, построенные или еще строющіеся, сжечь также заведенное тамъ адмиралтейство, анбары, парусныя и прочія фабрики и инструменты, что можно будетъ, то бы все сожгли, а иное разорили бъ до основанія, къ чему хотя нѣсколькихъ разныхъ людей уговорить, чтобъ они это сожженіе какъ можно скорѣе сдѣлали, и за то имъ хотя бы и знатную сумму изъ казенныхъ денегъ выдать. Еслибъ это не удалось, можно тѣмъ командирамъ, которые на судахъ съ продажнымъ хлѣбомъ къ гилянскимъ берегамъ будутъ отправлены, поручить, чтобъ они какъ на походѣ въ морѣ, такъ и въ бытность при берегахъ всегда примѣчали, и гдѣ имъ персидскіе корабли попадутся, всячески старались, если возможно, скрытно, а по нуждѣ хотя и явно зажечь, и такимъ образомъ сдѣлать, чтобъ они вовсе пропали; также командиры приложили бы стараніе, будучи тамъ на малыхъ судахъ тайно или подъ видомъ разбойниковъ съѣздить въ Ленгерутъ и случая искать находящіеся тамъ корабли и всякое адмиралтейское строеніе сжечь и до основанія раззорить. Равномѣрно и о томъ стараться, чтобъ заводчика этого корабельнаго строенія Элтона оттуда достать или уговорить, или

тайно схватить или у Персіянъ за деньги выпросить и немедленно въ Астрахань отослать. Императрица апробовала этотъ докладъ, подписанный графомъ Алексѣемъ Бестужевымъ, графомъ Румянцевымъ, Бутурлинымъ, графомъ Воронцовымъ, Апраксинымъ, барономъ Черкасовымъ, Юрьевымъ и Веселовскимъ.

Въ сентябрѣ было получено достовѣрное извѣстіе, что шахъ Надиръ убитъ, и шахомъ сдѣлался племянникъ его Али-Кулыханъ, умертвивъ дѣтей и внука надировыхъ. Поэтому 6 октября императрица велѣла опять собраться совѣту, который рѣшилъ войти съ новымъ шахомъ въ дружескія сношенія; впрочемъ прежнее рѣшеніе совѣта остается во всей силѣ, съ исключеніемъ одного, чтобъ командиры судовъ отправляемыхъ въ Гилянь, *явно* не жгли персидскихъ кораблей, чтобъ не озлобить новаго шаха, а стараться сжечь корабли самымъ скрытнымъ образомъ подъ видомъ разбойниковъ, или какъ будетъ удобнѣе. И это мнѣніе было апробовано [172].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1748 годъ.

Распоряженія относительно войны. — Финансовыя мѣры. — Новый характеръ консульства въ Персіи. — Страшные пожары. — Состояніе полиціи. — Разбои. — Сельское народонаселеніе. — Коллегіи. — Иностранная коллегія; отношенія между ея членами. — Паденіе Лестока. — Сношенія съ Англіею, Австріею, Саксоніею, Польшею, Швеціею, Франціею. — Отъѣздъ императрицы въ Москву.

Россія приняла участіе въ войнѣ, войска ея двинулись на помощь морскимъ державамъ; при этомъ имѣлось цѣлію прекратить европейскую войну, но считалось возможнымъ и обратное дѣйствіе, что война вспыхнетъ съ новою силою, что нужно будетъ перевѣдываться съ опаснымъ сосѣдомъ, прусскимъ королемъ. Нужно было приготовиться, и въ тотъ же день, когда подписанъ былъ указъ Военной коллегіи объ отправленіи тридцатитысячнаго корпуса на помощь морскимъ державамъ, 4 декабря 1747 года поднесенъ былъ императрицѣ для подписанія указъ Сенату по поводу записки, составленной со словъ генерала Апраксина, въ которой указывалось на затрудненіе и медленность со стороны Сената во время послѣдней шведской войны. Въ указѣ говорилось, чтобъ впредь въ Сенатѣ по представленіямъ Военной и Адмиралтейской коллегій давались немедленно резолюціи, не отлагая изо дня въ день, какъ нѣкоторымъ образомъ донынѣ происходило; чтобъ Сенатъ въ такихъ дѣлахъ не дѣлалъ никакихъ затрудненій и излишнихъ запросовъ, и кромѣ того, что отъ этихъ двухъ коллегій будетъ пред-

ставлено, болѣе ни въ какія до нихъ касающіяся дѣла не вступался. Елисавета, читая указъ, велѣла зачеркнуть слова: «какъ то нѣкоторымъ образомъ донынѣ происходило» и написать именно: чтобъ впредь не такъ поступали какъ въ минувшую шведскую войну происходило, и что Сенату всегда надлежитъ объ отечествѣ своемъ ревностное попеченіе имѣть и о такихъ дѣлахъ, въ чемъ государственная нужда есть, съ вѣрнымъ раденіемъ поступать, дабы никакого упущенія и вреда не произошло [173].

Затрудненія оказались и не по винѣ Сената. Назначенъ былъ рекрутскій наборъ со 121 души; по послѣдней ревизіи оказалось 6,580,715 душъ, подлежащихъ рекрутской повинности, а за исключеніемъ 433,325 содержащихъ ландмилицію однодворцевъ, 6,147,390 душъ, съ котораго числа надлежало взять рекрутъ 50,804 человѣка; но по присланнымъ въ коммиссаріатъ вѣдомостямъ изъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій выходило другое число жителей, обязанныхъ рекрутскою повинностію, именно 6,122,185 душъ; въ шацкой провинціи напримѣръ отъ ревизора было показано 212,359 человѣкъ, а отъ провинціальной канцеляріи 182,041 [174]. Послѣ неоднократныхъ требованій камеръ-коллегія прислала вѣдомости о приходѣ и расходѣ 1742 года, спрашивая, вѣдомости другихъ годовъ въ такой же ли точно формѣ приказано будетъ оканчивать. Въ Сенатѣ разсмотрѣли эту вѣдомость, сравнили съ присланною въ 1743 году о сборѣ и расходѣ того же 1742 года и нашли значительное несходство, а какъ оно явилось, неизвѣстно: 1) въ прежнихъ табеляхъ показано остаточныхъ отъ 1741 года, кромѣ остзейскихъ губерній, 832,700 рублей, червонныхъ 12, ефимковъ счетомъ 3,683, вѣсомъ три пуда тридцать девять фунтовъ четыре золотника три четверти, песцовъ шесть; а по вновь присланнымъ вѣдомостямъ того же остатка написано 620,606 рублей, червонныхъ 11, ефимковъ вѣсомъ 14 пудъ 23 фунта сорокъ пять золотниковъ да счетомъ 23, разница — 212,093 рубля, червонныхъ одинъ, а ефимковъ больше 10 пудъ 24 фунтовъ 41 золотника. 2) Окладнымъ сборамъ написанъ окладъ 2,217,075 рублей, а по новой вѣдомости 2,263,877 рублей, разница 46,802 рубля. 3) Окладныхъ написано въ сборѣ 1,864,483 рубля, а по новой вѣдомости 1,874,542 рубля, въ приходѣ слѣдовательно показано

больше 10,059 рублей. 4) По прежней вѣдомости написано неокладныхъ въ приходѣ 1,242,601 рубль, ефимковъ 82 пуда 27 фунтовъ 88¾ золотника, а по новой вѣдомости 1,302,408 рублей, ефимковъ 89 пудъ 34 фунта 69 золотниковъ, да счетомъ 2 ефимка, въ приходѣ показано больше 59,807 рублей, вѣсомъ больше на 7 пудъ 6 фунтовъ 76¼ золотниковъ, да счетомъ 2 ефимка. 5) Въ первой вѣдомости показано въ расходѣ 2,430,343 рубля, а въ новой написано 3,252,601 рубль, ефимковъ 99 пудъ 16 фунтовъ 70 золотниковъ, червонныхъ 11, въ расходѣ слѣдовательно показано больше на 822,258 рублей, кромѣ того ефимки и червонцы. 6) Въ прежней вѣдомости показано въ остаткѣ отъ 742 на 743 годъ 1,509,441 рубль, червонныхъ 12, ефимковъ 6 пудъ 29 фунтовъ 92¾ золотника да шесть песцовъ, а по новой 545,137 рублей, ефимковъ 2 пуда 27 фунтовъ 94 золотника, да счетомъ 25. Кромѣ того одинъ сборъ въ два мѣста разнесенъ; сборы, идущіе въ другія мѣста, написаны вмѣстѣ съ доходами камеръ-коллегіи, напримѣръ доходы синодальнаго вѣдомства, также съ государственныхъ крестьянъ четырехгривенные и съ купечества подушные, котсрые отсылаются въ коммиссаріатъ [175].

Въ доходъ прибавились субсидіи отъ морскихъ державъ; на счетъ ихъ было сдѣлано распоряженіе: такъ какъ отправленныя въ службу морскихъ державъ войска будутъ содержаться на ихъ иждивеніи и жалованье имъ будетъ выдаваться изъ субсидій, то деньги, которыя будутъ оставаться въ воинской казнѣ въ слѣдствіе отсутствія этихъ расходовъ, также деньги, которыя останутся отъ субсидій, отдать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для сбереженія ихъ на лицо, чтобъ въ готовности были къ нужному случаю, если понадобится войско умножить и на другіе нужнѣйшіе воинскіе расходы употребить [176].

Но въ нужномъ случаѣ нельзя было надѣяться на одни субсидіи; надобно было приготавливать другія средства, которыхъ находить было очень трудно. Въ іюнѣ Сенатъ имѣлъ разсужденіе, что многія разныя присутственныя мѣста считаютъ другъ на другѣ многіе и неоплатные долги и долгое время не платятъ: поэтому приказалъ изо всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Сенатъ подать вѣдомости, сколько какое мѣсто кому должно на нынѣшній 1748 годъ и для чего тотъ долгъ не въ платежѣ [177].

Штатсъ-контора объявила, что она имѣетъ долгъ на Главной полицмейстерской канцеляріи съ 732 года 80,140 рублей, на Сибирскомъ приказѣ съ 731 года 261,660 рублей, на Соляной конторѣ съ 727 года 676,326 рублей, всего 1,018,127 рублей [178]. Тогда же президентъ штатсъ-конторы Шиповъ доложилъ, что присланъ изъ Сената указъ объ отпускѣ въ Швецію на минувшіе три срока 150,000 рублей; но штатсъ-конторѣ отпустить такой суммы не изъ чего; по именнымъ указамъ, за неимѣніемъ денежной казны, исполненія еще не учинено: по именнымъ указамъ надлежитъ отпустить 99,572 рубля, да за прошлые годы и настоящій 1748 на генварскую и майскую трети въ опредѣленные расходы штатсъ-контора заплатить должна 3,234,440 рублей, а съ вышеозначенными это составитъ 3,334,013 рублей; а губерніи высылкою денегъ всеконечно безнадежны, у нихъ и на тамошніе расходы не достаетъ. Сенатъ приказалъ: въ штатсъ-контору послать указъ требуемую сумму отпустить въ иностранную коллегію въ самой скорости и не имѣя никакихъ отговорокъ. Это было въ іюлѣ; а въ сентябрѣ штатсъ-контора прислала докладъ: по именнымъ указамъ штатсъ-конторѣ надобно отпустить теперь денежной казны: для взносу въ комнату ихъ высочествъ на будущую сентябрьскую треть 26,666 рублей 66½ копѣйки, которые велѣно отпускать въ началѣ каждой трети. На дачу лейбъ-компаніи на эту майскую треть жалованья 28,221 рубль 19½ коп., которые велѣно отпускать по прошествіи трети, не продолжая болѣе недѣли; въ камеръ-цалмейстерскую контору на дачу придворнымъ на майскую треть 47,305 рублей 29½ коп., что велѣно отпускать по прошествіи трети не продолжая болѣе трехъ дней; да сверхъ того обрѣтающимся въ Петербургѣ министрамъ, сенаторамъ и всѣмъ служащимъ на майскую треть 47,806 рублей 84½ коп., итого 150,000 рублей, а въ петербургской рентереѣ денежной казны ничего нѣтъ: не повелѣно ли будетъ 150,000 отпустить изъ монетной канцеляріи подъ образомъ займа? Сенатъ согласился [179]. 1 декабря опять докладъ той же штатсъ-конторы, что въ Петербургской рентереѣ денегъ нѣтъ, а нужно платить и въ комнату ихъ высочествъ, и лейбъ-компаніи, и придворнымъ и всѣмъ служащимъ въ Петербургѣ. Сенатъ приказалъ: монетной канцеляріи изъ капитальныхъ денегъ въ штатсъ-контору

подъ образомъ займа отпустить 200,000 рублей немедленно, а возвратить изъ присылаемыхъ въ штатсъ-контору для передѣла на монетный дворъ ефимковъ и серебра первыхъ присылокъ [180].

Обратили вниманіе на уменьшеніе сборовъ на Макарьевской ярмаркѣ, и рѣшили поручить надзоръ надъ вѣрными сборщиками губернатору или опредѣлить знатную особу, ибо когда ярмарка была подъ смотрѣніемъ губерніи, то въ сборѣ было до 34,000 рублей, а при нарочно опредѣленныхъ съ 1744 года сборъ уменьшился отъ 27 до 18,000 [181]. Оказалось за генварскую треть въ питейной продажѣ недоборъ на 20,687 рублей; Сенатъ приказалъ: камеръ-конторѣ подтвердить, чтобъ она за опредѣленными выборными ларешными и прочими сборщиками крайнее и неусыпное смотрѣніе имѣла и подтвердила, чтобъ въ нынѣшней майской и въ будущей сентябрьской третяхъ противъ сборовъ прошлыхъ лѣтъ собрано было не только съ пополненіемъ, но чтобъ и происшедшій въ генварской трети недоборъ замѣненъ былъ, подъ опасеніемъ взысканія этихъ недоборовъ на сборщикахъ [182]. Другая важная доходная статья, соль по прежнему не давала покоя. Въ самомъ началѣ года Соляная контора уже представила, что у Строгановыхъ къ надлежащей вываркѣ соли никакой надежды нѣтъ, недовариваютъ и противъ 1746 года, когда они цѣлаго милліона пудъ не выварили. Послѣдовало обычное рѣшеніе: послать указъ съ крайнимъ подтвержденіемъ [183]. Въ мартѣ баронъ Александръ Строгановъ явился съ просьбою, чтобъ ему съ братьями выдано было заимообразно 30,000 рублей: Сенатъ согласился [184]. Но и это не помогло: въ половинѣ года Сенатъ убѣдился, что Строгановымъ нельзя вести дѣла по прежнему при возвышеніи цѣнъ и рѣшилъ доложить императрицѣ, не соизволитъ ли, чтобъ Строгановы отправляли соль за свидѣтельствомъ отъ Соляной конторы, сколько лишняго въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время заплачено ими будетъ сверхъ прежняго положенія, и этотъ лишекъ доплачивать имъ изъ казны, которая потомъ выручитъ свое возвышеніемъ продажной цѣны [185]. Но Строгановы объявили, что и эта приплата, которой надобно еще дожидаться, не покроетъ ихъ убытковъ; тогда Сенатъ рѣшилъ: представить императрицѣ, чтобъ снять съ Зырянскихъ промысловъ Строга-

новыхъ оброкъ во 100,000 пудовъ соли, пусть ставятъ они и эту соль, только за деньги [186].

Сальные промыслы (рыбные) у Архангельска и Колы, находившіеся въ описываемое время въ казенномъ содержаніи, отданы были на 20 лѣтъ графу Петру Шувалову съ единовременною выдачею изъ казны 6,000 рублей и на условіяхъ, на какихъ прежде содержалъ эти промыслы купецъ Евреиновъ, платившій только настоящія пошлины [187]. Смола продана была отъ казны англійскимъ купцамъ по одному полновѣсному ефимку и по 11½ копѣекъ за осмипудовую бочку [188].

Относительно внѣшней торговли замѣчательно было распоряженіе на счетъ консульства въ Персіи. На мѣсто бывшаго тамъ консуломъ Бакунина Сенатъ велѣлъ коммерцъ-коллегіи вмѣстѣ съ Главнымъ Магистратомъ выбрать изъ московскаго купечества достойнаго человѣка. Гл. Магистратъ поручилъ выборъ знатнымъ московскимъ купцамъ Роману Журавлеву съ товарищи, и они выбрали московскаго же купца Ивана Данилова, потому что онъ «предъ прочими достаточнѣе коммерцію знающъ.» Коммерцъ-коллегія объявила согласіе на выборъ, и Сенатъ утвердилъ съ жалованьемъ по 2,000 рублей въ годъ персидскою монетою; но жалованье это должно было производиться сборомъ съ купцовъ по разсмотрѣнію Гл. Магистрата, ибо этотъ консулъ отправлялся теперь не отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но отъ купечества, для ихъ купеческой пользы, для защиты прикащиковъ и проч. [189]. Относительно внутренней торговли Сенатъ былъ увѣдомленъ, что въ настоящемъ году изъ ѣдущихъ чрезъ Боровицкіе пороги судовъ 300 было разбито, тогда какъ по репортамъ, присланнымъ въ Сенатъ, показано съ 17 апрѣля по 1 іюня только 36 разбитыхъ судовъ, а съ 1 іюня нѣтъ донесеній, и потому Сенатъ приказалъ потребовать обстоятельныхъ донесеній [190].

Страшный вредъ городамъ въ описываемомъ году былъ нанесенъ пожарами. Въ Москвѣ 10 мая во 2 часу пополудни загорѣлось въ Бѣломъ городѣ между Ильинскими и Никольскими воротами въ домѣ княжны Куракиной, загорѣлось отъ кузницы; сильный вѣтеръ перебросилъ огонь къ Златоустову монастырю и къ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, отсюда къ Яузскимъ воротамъ, на Яузскій мостъ, отъ котораго огонь пошелъ

налѣво по Николоямской улицѣ и Алексѣевской слободѣ вплоть до Андроньева монастыря, который былъ истребленъ, чѣмъ пожаръ на этой сторонѣ и кончился; но съ другой стороны отъ церкви Всѣхъ Святыхъ огонь пошелъ къ городовой стѣнѣ и перекинувшись чрезъ городовую стѣну пошелъ до церкви Иліи Пророка на Воронцовомъ полѣ, потомъ по Покровской улицѣ. Пожаръ прекратился въ 1 часу пополуночи. Сгорѣло 96 человѣкъ, 1,202 дома, обгорѣло 25 церквей. 15 числа за Яузою въ Гончарахъ сгорѣло 25 дворовъ. 23 мая опять большой пожаръ въ Москвѣ — въ селѣ Покровскомъ (теперь улица) и Новонѣмецкой слободѣ, сгорѣло 196 дворовъ. На другой день пожаръ въ противоположномъ концѣ города, на Стоженкѣ и Пречистенкѣ, сгорѣли три церкви и 72 дома. 25 мая погорѣла Покровка и пламя перекинуло за земляной валъ въ Басманную слободу и на Красныя ворота, сгорѣло 62 дома, тріумфальные ворота, комедіальный домъ, находившійся между Красными воротами и церковію Петра и Павла въ Новой Басманной. Указали на зажигателей, но когда чиновники пріѣхали для сыску оговоренныхъ, то въ двухъ мѣстахъ, у Новинскаго монастыря и въ селѣ Покровскомъ они были встрѣчены жителями, которые бросились ихъ бить. Пожары не ограничились Москвою: въ тотъ день, когда былъ самый большой московскій пожаръ, 10 мая погорѣлъ Воронежъ, истреблено было 681 домъ, осталась соборная Благовѣщенская церковь, архіерейскій домъ, двѣ приходскихъ церкви, да весьма малое число обывательскихъ дворовъ. 24 мая въ Глуховѣ сгорѣло 275 домовъ, въ томъ числѣ школъ и *шпиталей* (госпиталей) 15. 19 іюня Главный Магистратъ объявилъ Сенату, что въ Можайскѣ погорѣли безъ остатка 94 лавки и 35 домовъ, отъ чего купечество разорилось и уплатить подушныхъ денегъ не въ состояніи. 17 іюня былъ большой пожаръ во Мценскѣ, сгорѣло 205 домовъ и воеводская канцелярія объявила, что онъ былъ дѣломъ злодѣевъ: подлѣ воеводской квартиры зажигали разные дворы, только тушили, а при третьемъ поджогѣ найденъ въ соломѣ съ пухомъ и въ хлопьяхъ зажженный трутъ, отъ чего жители перепугались и съ пожитками вывезлись на поля и на берега рѣки. Кромѣ того въ Ярославлѣ сгорѣло 140 дворовъ; въ Бахмутѣ 150, въ Орлѣ 16; въ Сапожкѣ 122; Михайловѣ 385; Рыльскѣ 11; Костромѣ 26, Сѣв-

скѣ 57; Нижнемъ 10; Переяславль южный и Венденъ выгорѣли всѣ; въ Болховѣ сгорѣло 1,500 дворовъ [191]. Въ Петербургѣ приняли предосторожности; пикеты изъ гвардейскихъ полковъ стояли на площадяхъ и на улицахъ; въ Москву былъ отправленъ генералъ Ѳедоръ Ушаковъ, который долженъ былъ предсѣдательствовать въ особой коммиссіи для изслѣдованія о причинахъ пожаровъ; гвардейскіе офицеры разосланы были для того же и по другимъ городамъ [192].

Найдено было, что полицейскія команды дѣйствовали очень плохо, и вообще, какъ мы уже видѣли, положеніе полиціи было очень печально. Главная полицмейстерская канцелярія объявила Сенату, что въ Кіевѣ на Подолѣ въ рядахъ чистоты никакой нѣтъ, потому что скотъ бьютъ въ рядахъ, а не въ *бойницахъ*, и мясо продаютъ къ пищѣ негодное, и отъ нечистоты въ рядахъ смрадный воздухъ, да и рогатокъ нѣтъ, и хотя отъ полиціи запрещеніе и принужденіе сдѣланы относительно чистоты, однако по причинѣ малой команды не исполняютъ, магистратъ не помогаетъ и рогатокъ до сихъ поръ не дѣлаетъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ ямщики, по приказанію ямскаго управителя Кучинскаго, рогаточныхъ карауловъ не содержатъ и полицейской должности не исправляютъ; отъ того въ самонужнѣйшихъ мѣстахъ семь рогатокъ запустѣло и происходитъ не малое воровство. Архангельскій магистратъ сотскихъ и десятскихъ изъ купечества для полицейской должности не присылаетъ, не присылаетъ и вѣдомостей о съѣстныхъ припасахъ для смотрѣнія, чтобъ цѣнъ не возвышали [193]. Сверхъ того изъ многихъ полицейскихъ конторъ представляютъ сильныя жалобы на магистраты, которые въ должности полицейскаго правленія сами вступаютъ, а учиненнымъ полиціямъ препятствуютъ. Препятствія эти заключались иногда въ слѣдующемъ: упомянутый ямской управитель въ Нижнемъ прапорщикъ Кучинскій, собравшись съ ямщиками, билъ дубьемъ опредѣленнаго къ исправленію полицейской должности квартермистра Баранщикова, держалъ двое сутокъ въ цѣпи и водилъ по улицамъ, чтобъ въ ямскіе дворы не ставилъ постоя. Въ 1747 году Сенатъ велѣлъ губернской канцеляріи изслѣдовать о своевольствахъ ямщиковъ, но ничего не было сдѣлано. Послѣ этого уже когда нѣсколько ямщиковъ взято было въ полицію за нехожденіе въ

рогаточный караулъ, то Кучинскій и ямской староста Долининъ пришли въ полицію съ ямщиками человѣкъ со сто, схватили полицмейстерскаго служителя и вытаща за волосы на дворъ, пробили голову, при чемъ Кучинскій и Долининъ кричали: если впередъ на караулъ будутъ наряжать, то быть великой бѣдѣ! Полиція жаловалась въ губернскую канцелярію, но та ничего не сдѣлала. Кучинскій и Долининъ не допустили печатать печи у ямщиковъ, Долининъ вытолкалъ сотника, пришедшаго за этимъ. Губернская канцелярія, съ своей стороны, доносила, что 20 іюня у ямщика случился пожаръ и погорѣло 10 домовъ вѣроятно отъ несмотрѣнія нижегородскаго полицмейстера Метревелева и особенно ямскаго управителя Кучинскаго, между которыми большое несогласіе, ибо полицмейстеръ жалуется на Кучинскаго, а Кучинскій показываетъ, что онъ у ямщиковъ печи печатаетъ самъ, только позволяетъ топить въ указные дни надворныя печи, а на рогаточные караулы ямщикамъ ходить не приказалъ, потому что по указу изъ ямской канцеляріи ямщикамъ ходить на эти караулы не велѣно. Губернская канцелярія о сохранности города полицмейстеру безпрестанно подтверждаетъ; но онъ, видя, что состоитъ въ вѣдомствѣ главной полицмейстерской канцеляріи, приказаніями губернской канцеляріи пренебрегаетъ; то же самое дѣлаетъ и ямской управитель. Изъ другихъ городовъ такія же жалобы: въ полицмейстерской инструкціи велѣно смотрѣть, чтобъ строенія не выдавались въ улицу и оставляли проѣзду не менѣе пяти саженъ; но въ Воронежѣ ямщикъ въ торговую площадь прибавилъ двора своего и выставилъ городьбу на 10 саженъ; полицмейстеръ городьбу сломалъ, но ямщикъ опять загородилъ, а при ломаніи ямской управитель Сиверцевъ приказывалъ ямщикамъ бить до смерти посланныхъ отъ полицмейстерской конторы солдатъ и десятскихъ, отъ чего ямщики и прочіе обыватели пришли въ безстрашіе и полиціи не слушаются; тутъ же полицмейстерская контора доносила, что въ Воронежѣ архитектора нѣтъ. — Главная полицмейстерская канцелярія доносила, что въ Москвѣ послѣ пожара 1737 года стоятъ ветхія каменныя строенія, которыя вмѣсто украшенія такого знатнаго города даютъ дурной видъ и въ нихъ можетъ быть пристанище ворамъ и другимъ непотребнымъ людямъ; сверхъ того находится въ нихъ множе-

ство помету и всякаго скаредства, отъ чего сосѣдямъ и проѣзжающимъ людямъ, особенно въ лѣтнее время можетъ быть повреждение здоровью, и хотя полиція неоднократно понуждала обывателей достраивать ихъ, однако не достроиваютъ и трудно надѣяться, чтобъ скоро достроили, а потому главная полиція думаетъ, что надобно положить срокъ — полгода, по истеченіи котораго отдавать это строеніе другимъ желающимъ. Сенатъ приказалъ: принуждать достраивать, кромѣ тѣхъ, которые въ арміи или другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; кто объявитъ, что достраивать не въ состояніи, такимъ велѣть продавать охочимъ людямъ за вольную цѣну, обязывая ихъ въ томъ подписками; а желающимъ изъ выстройки этихъ домовъ отдавать не слѣдуетъ, ибо отъ такой отдачи домовладѣльцамъ послѣдуетъ крайняя обида; также и полугодичный срокъ невозможенъ по короткости его.—Главная полиція предлагала въ Москвѣ на Тверской ямской для большей красивости, такъ какъ это первая улица для пріѣзжающихъ изъ Петербурга, насадить березки какъ на Невскомъ проспектѣ. Сенатъ и на это не согласился, такъ какъ слобода за землянымъ городомъ; къ тому же въ ней бываетъ великая грязь и многихъ разныхъ чиновъ людей пріѣзды, отъ которыхъ деревьямъ всегда можетъ происходить поврежденіе, особенно отъ скота, ямщики принуждены будутъ безпрестанно садить новыя деревья, отъ чего будутъ терпѣть напрасный убытокъ [194].

Противъ пожаровъ извѣстна была самая дѣйствительная мѣра: замѣна деревянныхъ строеній каменными. По просьбѣ петербургскаго купечества императрица приказала вмѣсто деревяннаго гостинаго двора строить купцамъ на свой счетъ каменный въ одинъ *апартаментъ* на каменныхъ погребахъ съ наружными и внутренними галлереями, покрыть черепицею или желѣзомъ, полы намостить камнемъ или кирпичемъ. Оброчныя деньги брать съ лавокъ и погребовъ по 75 коп. съ погонной сажени [195]. Труднѣе было придумать средства для улучшенія личнаго состава полиціи. Полиція жаловалась на магистраты, а Главный Магистратъ доносилъ Сенату, что присутствующій въ московской полиціи совѣтникъ Воейковъ обижаетъ и беретъ взятки съ московскаго купечества, купца Тимоѳеева билъ плетьми, отчего тотъ чрезъ двое сутокъ умеръ. Сибирскій воевода Колударовъ доносилъ, что худые поступки управителя полицмейстерскихъ дѣлъ Обухова «преодолѣли общенародную терпѣливость» [196].

При описанномъ печальномъ состояніи общественной охраны случилось, что разбойники пріѣхали въ Одоевъ, взяли изъ тюрьмы четверыхъ колодниковъ и благополучно уѣхали. Воры и разбойники въ калужской провинціальной канцеляріи показывали, что они пограбленныя вещи отвозятъ за польскую границу на Ветку, а форпость на границѣ объѣзжаютъ лѣсами; также пріѣзжали въ Калугу и живали у многихъ посадскихъ людей въ домахъ недѣли по двѣ и больше безъ паспортовъ; при чемъ домохозяева знали, что за люди ихъ жильцы. Полицмейстеръ поручикъ Волковъ ни зачѣмъ не смотритъ, въ надлежащихъ мѣстахъ карауловъ и рагатокъ нѣтъ [197]. Прислано для поимки воровъ 20 солдатъ пѣшихъ, но надобны конные. Села Грибцова крестьяне, собравшись многолюдствомъ, напали на домъ ротмистра Дурнова въ Калужскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Незамаевѣ, мать его мучительски били, деньги и пожитки побрали, потомъ пришли въ другой разъ, мать его закололи ножами и домъ зажгли. Люди и крестьяне Дурнова нашли въ Калугѣ разбойничью партію, троихъ схватили и привели въ Калужскую провинціальную канцелярію, но воевода отпустилъ ихъ [198]. Олонецкая провинціальная канцелярія доносила о появившихся въ олонецкомъ уѣздѣ двухъ воровскихъ партіяхъ и большомъ числѣ бѣглыхъ изъ службы людей и крестьянъ, а для поимки злодѣевъ посылать некого. Порховская воеводская канцелярія писала, что для сыску воровъ и разбойниковъ сыщика и команды никакой нѣтъ, и безпрестанно изъ запольскаго рубежа выходятъ бѣглые солдаты, матросы, рекруты, бѣглые крестьяне и имѣютъ пристани у помѣщичьихъ крестьянъ, нѣсколько церквей пограблено безъ остатку, а у жителей крадутъ лошадей [199]. Въ новогородскомъ уѣздѣ въ разныхъ мѣстахъ, особенно по московской дорогѣ и близъ нея появились воры и разбойники [200]. Епископъ Сарскій и Подонскій (Крутицкій) жаловался Синоду, что Бѣлевскаго уѣзда вотчины капитана Левшина управитель Семеновъ, да села Троицкаго прикащикъ Павловъ да староста Кирилловъ съ 30 человѣками крестьянъ пришли въ церковь села Троицкаго съ ружьями, дубьемъ и цѣпами, выбили сѣверныя двери и выстрѣлили въ алтарѣ, священника изъ алтаря выволокли, ризы на немъ изодрали, на престолѣ и жертвенникѣ одежды подрали, прочія ризы, которыя висѣли въ алтарѣ, стаща, топтали ногами и из-

марали все безъ остатка; священника отволокли на помѣщичій дворъ и, разложа среди двора, били кнутомъ, а управитель билъ дубиною мучительски, такъ что священникъ едва живъ [201].

Относительно быта крестьянъ замѣтимъ слѣдующія распоряженія и случаи. Графъ Петръ Шуваловъ словесно предложилъ Сенату, что во многихъ городахъ и уѣздахъ, на заводахъ и на торжкахъ при покупкѣ у крестьянъ хлѣба употребляютъ хлѣбныя мѣры, въ которыхъ сверхъ указной осмичетвериковой мѣры больше отъ четверика до осмины, а деньги платятъ за четверть, и отъ такихъ неровныхъ мѣръ крестьяне несутъ не малую обиду: по этому не соизволитъ ли Сенатъ подтвердить указомъ во всѣхъ мѣстахъ имѣть хлѣбныя мѣры ровныя и заклейменыя, чтобъ въ четверти было восемь четвериковъ. Сенатъ согласился [202]. Въ ближнихъ къ Дону мѣстахъ крестьяне не отвыкали отъ бѣгства: Ряжская воеводская канцелярія донесла, что изъ разныхъ помѣщиковыхъ вотчинъ людей и крестьянъ бѣжало человѣкъ 270 съ женами, дѣтьми и пожитками; нѣкоторые пойманы и показали, что бѣгутъ на житье въ козачьи городки [203]. Бѣгство крестьянъ явленіе очень для насъ знакомое; но въ описываемомъ году случилось бѣгство особаго рода: бѣжалъ воевода черньской провинціи Ляпуновъ, съ нимъ бѣжали съ приписью подъячій и канцеляристъ, не сдавши никакихъ дѣлъ опредѣленному на его мѣсто воеводою майору Хитрово [204].

Мы видѣли, что въ высшихъ учрежденіяхъ, коллегіяхъ прокуроры указывали на неправильность дѣйствій членовъ; но въ описываемое время президентъ камеръ-коллегіи Кисловскій донесъ Сенату, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ вице-президента и членовъ, съ общимъ опредѣленіемъ членовъ камеръ-коллегіи и Главн. Магистрата, ибо видитъ упущеніе интересовъ ея имп. величества и явную потачку ворамъ, утаителямъ товаровъ отъ пошлинъ чрезъ наглый разбойническій проѣздъ въ пограничную брянскую заставу; онъ записалъ въ протоколъ особливыя свои мнѣнія; но эти мнѣнія присутствующими уничтожены; прокуроръ Философовъ не обратилъ на нихъ вниманія, и исполнено по голосамъ вице-президента и членовъ [205].

Любопытное явленіе въ концѣ года произошло въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 8 Декабря канцлеръ призвалъ къ себѣ въ домъ тайнаго совѣтника Веселовскаго да оберъ-секретаря Пуго-

вишникова, показалъ имъ присыланныя къ нему отъ времени до времени изъ коллегіи экстракты изъ министерскихъ реляцій, которыхъ накопилось очень много и по которымъ резолюціи требуются, и началъ говорить: «Удивляюсь, для чего въ коллегіи о такихъ дѣлахъ, между которыми есть и нужныя, господа члены по должности своей старанія не прилагаютъ, ибо извѣстно имъ, что по силѣ регламента въ дѣлахъ мнѣнія свои членамъ напередъ съ нижнихъ голосовъ президенту предлагать надобно.» — «Я, отвѣчалъ Веселовскій, какъ и другіе члены въ коллегіи всегдашнее сидѣніе имѣемъ и по возможности своей въ дѣлахъ упражняемся, и которыя дѣла предложны были намъ къ рѣшенію, какъ старыя такъ и новыя, по тѣмъ всѣмъ недавно мы, сколько ума нашего было, разсужденіе свое дали.» *Канцлеръ*: Однако мнѣ весьма мало такихъ дѣлъ видно было, которыя бы по вашимъ разсужденіямъ изготовлены были, и мнѣ не безъизвѣстно, что нѣкоторыя дѣла по полугоду и больше въ коллегіи безъ резолюціи лежали, хотя вы, господа члены, всѣ входящія въ коллегію дѣла одинъ за другимъ въ круговую читаете, но о резолюціяхъ притомъ ничего не помышляете. Если вы думаете, чтобъ я самъ напередъ на всякое дѣло свои разсужденія давалъ, то это не моя должность, да мнѣ и не растянуться стать во всѣхъ дѣлахъ одному, ибо для меня довольно исправлять такія нужнѣйшія дѣла, которыя времени не терпятъ, и о которыхъ безъ замедленія ея импер. величеству докладывать надобно. *Веселовскій*: Мнѣ не извѣстно, какія бы дѣла такъ долго безъ резолюціи въ коллегіи лежали, развѣ которыхъ я не видалъ. *Канцлеръ*: И такія дѣла, которыя я уже самъ, хотя и сверхъ должности своей, чтобъ не потерять времени, къ высочайшей апробаціи у себя дома сочинялъ и въ коллегію на разсмотрѣніе посылалъ, долговременно безо всякаго дѣйствія лежали, между ними поданный со стороны саксонскаго двора отвѣтъ на сдѣланное ему призываніе приступить къ союзному договору съ вѣнскимъ дворомъ съ полгода въ коллегіи лежалъ; я, видя, что ничего объ немъ не помышляется, сочинилъ у себя отвѣтъ и на разсмотрѣніе въ коллегію отослалъ, но и послѣ того онъ въ три мѣсяца въ молчаніи пролежалъ. *Веселовскій*: Я и другіе члены этотъ отвѣтъ саксонскому двору читали, а зачѣмъ онъ потомъ въ коллегіи пролежалъ, мнѣ неизвѣстно. *Канцлеръ*: Еслибъ вы, прочтя,

свое мнѣніе объявили, такъ ли тому быть или что въ немъ перемѣнить надобно, то слѣдовало бы вамъ мнѣ о томъ знать дать, но этого не сдѣлано; съ такимъ же молчаніемъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ происходитъ; но когда отъ меня для напамятованія о какихъ-нибудь дѣлахъ записки въ коллегію присылаются, то, какъ слышно, на меня же нарекаютъ и такія записки указами моими называются. Принужденъ я былъ васъ нарочно теперь къ себѣ позвать и персонально напамятовать, чтобъ о дѣлахъ въ коллегіи лучшее стараніе приложено было. *Веселовскій*: Я съ своей стороны въ дѣлахъ столько тружусь, сколько силъ и ума у меня есть, а если въ чемъ ума не достаетъ, то гдѣ-жъ мнѣ его взять? Я бы радъ его купить или въ кузницѣ сковать, ежели бы возможно было. *Канцлеръ*: Вамъ самимъ извѣстно, что покойный Бревернъ не хуже васъ, но также тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ да и конференцъ министромъ былъ, однако онъ всякія дѣла на апробацію канцлерову всегда своеручно сочинялъ; а отъ васъ не только какого сочиненія, но съ начала сидѣнія вашего въ коллегіи до сихъ поръ еще не видно было, чтобъ вы когда либо одно слово для поправленія въ дѣлахъ своею рукою написали, кромѣ подписанія своего имени въ готовыхъ дѣлахъ; а товарищъ вашъ, тайный совѣтникъ Юрьевъ, хотя и въ крайней старости находится, однако часто случается, что онъ своею рукою въ сочиненныхъ дѣлахъ поправки дѣлаетъ. *Веселовскій*: Еслибъ у меня силы и лѣта такіежъ были, какъ у Бреверна, то и я также бы могъ трудиться. *Канцлеръ*: Когда за старостію не можете въ сочиненіяхъ дѣлъ себя употреблять, то и не требуется отъ васъ, однако что принадлежитъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ въ коллегіи, то вамъ какъ и другимъ членамъ можно входящія дѣла хотя каждому про себя читать или всѣмъ вдругъ слушать, и не откладывая вдаль, тогда же разсуждать и самимъ кратко записать или секретарю приказать, что по онымъ исполнить надлежитъ, особливо жъ по реляціямъ министерскимъ разсматривая, какія наставленія имъ подать надобно, и такія свои разсужденія написавъ, ежели вице-канцлеръ не присутствовалъ, то ему, а потомъ и канцлеру показывать, что и съ регламентомъ согласно будетъ. *Веселовскій*: Ежели бъ давно такимъ образомъ сказано, тобъ и поступали потому; но случаются такія важныя дѣла, о которыхъ лучше

при собраніи всей коллегіи совѣтовать. *Канцлеръ*: Хотя и при собраніи всей коллегіи, однако мнѣнія по дѣламъ напередъ съ нижнихъ голосовъ подавать надлежитъ; а впрочемъ вамъ самимъ не безызвѣстно, что я прежде часто въ коллегію пріѣзжалъ, но никакой пользы въ дѣлахъ отъ того не видалъ, ибо вы, господа члены, въ такихъ моихъ присутствіяхъ только и дѣлали, что одинъ за другимъ въ круговую читали, а никакого предложенія или разсужденія не чинили; а когда я, видя ваше всегдашнее молчаніе, хотя мнѣ этого и не слѣдовало и напередъ ваши мнѣнія слышать надлежало, о нѣкоторыхъ дѣлахъ свои мнѣнія предлагалъ, въ такихъ случаяхъ одни только критическія разсужденія отъ васъ слышалъ, а какъ бы иначе по вашему мнѣнію дѣло окончить надлежало, того никогда отъ васъ добиться не могъ; наскучивши такими безплодными сидѣніями въ коллегіи и жалѣя о времени, что напрасно въ томъ проходило бъ, я и пріѣзжать въ коллегію пересталъ, потому что я гораздо больше у себя дома, нежели сидя въ коллегіи, нужнѣйшихъ дѣлъ исправлять могу» [206].

Этотъ любопытный разговоръ вскрываетъ намъ ходъ дѣлъ въ иностранной коллегіи. Президентъ ея, канцлеръ не ѣздитъ въ коллегію, нужнѣйшія дѣла исправляетъ у себя дома, а между тѣмъ слышитъ, что его упрекаютъ въ деспотизмѣ, въ присыланіи указовъ членамъ коллегіи; онъ призываетъ къ себѣ Веселовскаго и оправдывается въ своемъ поведеніи, складывая вину на него, на то, что не находитъ помощи въ коллегіи, жалуется, что тамъ ведутъ дѣла не такъ, не по регламенту, а между тѣмъ самъ признается, что пріучилъ вести дѣла исправильно, дѣлалъ чего не слѣдуетъ, предлагалъ свое мнѣніе, не собирая голоса съ младшихъ. Веселовскій наивно и грубо отвѣчаетъ: давно бы сказалъ, что надобно поступать по регламенту, такъ бы и поступали. Бестужеву особенно чувствительны были нареканія на его оведеніе въ коллегіи потому, что вице-президентомъ ея былъ Воронцовъ, его врагъ. Бестужевъ удалилъ изъ коллегіи воронцовскаго кліента Неплюева, пославши его въ Константинополь; но теперь получались извѣстія, что и Веселовскій, выведенный Бестужевымъ по старымъ пріятельскимъ отношеніямъ, перешелъ на сторону Воронцова.

О поведеніи враговъ канцлера, Воронцова и Лестока мы про-

должаемъ узнавать изъ депешъ Финкенштейна. Воронцовъ увѣрялъ Финкенштейна, что прусскому королю нечего опасаться ни отъ послѣдняго заключеннаго Россіею трактата, ни отъ похода тридцатитысячнаго русскаго корпуса. «Я, доносилъ Финкенштейнъ своему королю, имѣвши много случаевъ находить сообщаемыя имъ извѣстія справедливыми и хвалиться добрымъ его расположеніемъ къ интересамъ вашего величества, я не могу думать, чтобъ онъ меня въ этомъ случаѣ хотѣлъ обмануть. Онъ, правда, боязливъ, но эта боязливость заставляетъ его скрывать отъ меня нѣкоторыя подробности только, и я никакъ не думаю, чтобъ онъ захотѣлъ представить мнѣ не то, что на самомъ дѣлѣ» [207]. Но кромѣ Воронцова, пріятеля важнаго, у Финкенштейна былъ еще пріятель неустрашимый, Лестокъ. Этотъ объявлялъ ему о всеобщемъ неудовольствіи, которое возбуждено походомъ тридцатитысячнаго корпуса за границу [208]. «Боюсь одного, говорилъ Лестокъ, чтобъ канцлеръ нарочно не замедлилъ походомъ съ цѣлію не допустить войско придти во время и вступить въ дѣло съ непріятелемъ, потому что если случится противное и дѣло дойдетъ до битвы, то можно биться объ закладъ, что русскіе потерпятъ неудачу: прежняя дисциплина исчезла и командующій генералъ Ливенъ не любимъ войскомъ; пораженіе войска составляетъ теперь желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ генераловъ; многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что нѣтъ другого средства заставить императрицу открыть глаза на счетъ канцлера; если дѣла пойдутъ хорошо, то нечего и думать о перемѣнѣ; надобно получить пощечину, и тогда не трудно будетъ свергнуть канцлера.» По поводу этой депеши Бестужевъ замѣтилъ: «Такою измѣнническою о войскахъ ея импер. величества хулою король прусскій столько ободрится, что съ ея величествомъ равняться думаетъ, вмѣсто того, что дѣдъ и отецъ его въ зависимости государя Петра Великаго были.—Совсѣмъ ложь: генерала Ливена не только солдаты, но и офицеры всѣ любятъ и почитаютъ.—А какъ долго сіи измѣнники не искоренятся, то и помышлять нечего, чтобъ они къ присяжной своей должности обратились, ибо злость ихъ и ненависть на канцлера не допущаетъ ихъ чувствовать, что они, желая его погубить, вредятъ интересамъ своей монархіи и отечества.»

Воронцовъ старался отстранять причины неудовольствія Ели-

саветы на Фридриха II. Одною изъ причинъ неудовольствія былъ отказъ Фридриха отдать русскихъ солдатъ — великановъ, присланныхъ отцу его прежними правительствами. Воронцовъ внушалъ Финкенштейну, что если Фридрихъ возвратитъ нѣсколько изъ нихъ въ Россію, то нѣтъ сомнѣнія, что это произведетъ самое полезное впечатлѣніе въ мысляхъ императрицы; онъ, Воронцовъ знаетъ навѣрное, что это дѣло представлено ей съ религіозной точки зрѣнія, и всякій день толкуютъ ей объ этомъ, чтобъ раздражить ее противъ прусскаго короля [209]. Воронцовъ, въ разговорахъ съ Финкенштейномъ, укорялъ Бестужева, что тотъ посылкою тридцатитысячнаго корпуса вовлекалъ Россію въ европейскія замѣшательства. Бестужевъ по этому случаю замѣчаетъ: «Ея и. в—ства слава и интересы требуютъ въ европейскія дѣла мѣшаться. Петръ Великій столько о томъ старался, что помощный корпусъ на своемъ собственномъ иждивеніи отправить радъ былъ бы. Инако же развѣ Турками или Персіянами быть запертыми въ своихъ границахъ? Примѣръ тому недавно сдѣлался, что когда король прусскій въ чужія дѣла вмѣшался, а съ здѣшней стороны никакого движенія противъ того чинено не было, то онъ до такой силы дошелъ, что подлинно найопаснѣйшимъ сосѣдомъ есть» [210].

Въ концѣ мартѣ мѣсяца Финкенштейнъ доносилъ своему двору объ опасной грудной болѣзни генералъ-прокурора князя Трубецкого, прибавляя: «Смерть князя Трубецкого подлинно была бы великая потеря, и канцлеръ избавился бы отъ самого опаснаго непріятеля, какого онъ въ здѣшней землѣ когда-либо имѣлъ. Графы Лестокъ и Воронцовъ, которые связаны съ нимъ дружбою, очень безпокоятся». Бестужевъ замѣтилъ: «изъ сего ея имп. величество усмотрѣть изволитъ, въ какихъ людяхъ сія шайка состоитъ» [211].

Бестужева очень обрадовала депеша Финкенштейна отъ 23 іюля, изъ которой оказалось, что Воронцовъ получаетъ пенсію отъ прусскаго двора. Финкенштейнъ писалъ королю: «Такъ какъ срокъ пенсіи, которую вашему величеству угодно жаловать важному пріятелю, истекъ 1 сентября прошлаго года, то я считаю долгомъ испросить приказаній вашего величества относительно ея, тѣмъ болѣе, что пріятель, не называя вещь ея именемъ, однако далъ мнѣ знать, что надѣется на продолженіе къ нему

милостей вашего величества. Я долженъ также прибавить, что хотя настоящее положеніе дѣлъ не даетъ ему возможности быть полезнымъ въ той же степени, въ какой онъ былъ прежде, однако онъ продолжаетъ быть одинаково благонамѣренъ и сообщать мнѣ отъ времени до времени то, что, по его мнѣнію, можетъ быть полезно службѣ вашего величества.» — Бестужевъ замѣчаетъ: «Христосъ во Евангеліи глаголетъ, не можетъ рабъ двума господинома работати, Богу и мамонѣ; а между тѣмъ изъ сего видно, что сія сумма еще прежде бытности его въ Берлинѣ знатно чрезъ Мардефельда назначена. Сіе же теперь толь больше вѣроятности подаетъ подаваннымъ отъ казненнаго въ Пруссіи тайнаго совѣтника Фербера къ полковнику Виттингу извѣстіямъ, которыхъ оригиналы изъ коллегіи скрадены, и тому письменному извѣстію, каково камергеръ Чоглоковъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Берлинъ отъ бывшаго тамъ секретаря Лоренца получилъ, а именно, что вице-канцлеръ сообщилъ королю прусскому изъ Дрездена о планѣ Саксонцевъ; король прусскій ихъ предупредилъ и тѣмъ Саксонію разорилъ».

Въ концѣ августа Лестокъ далъ знать Финкенштейну, что императрица сильно раздражена противъ морскихъ державъ, говорила, что повидимому хотятъ уничтожить ея войска; но впрочемъ вѣнскій дворъ не перестаетъ быть любимымъ дворомъ [212]. Увѣдомляя объ этомъ, Финкенштейнъ писалъ королю: «Выходитъ изъ этихъ словъ, что возникло охлажденіе между русскимъ дворомъ и морскими державами, которымъ благонамѣренные могли бы воспользоваться, еслибъ они имѣли мужество и способны были къ дѣятельности. Говорятъ сильнѣе прежняго о путешествіи въ Москву. Канцлеръ впрочемъ еще не отчаявается отклонить его и сильно хлопочетъ объ этомъ подъ рукою». Бестужевъ замѣчаетъ: «Ея импер. величеству лучше извѣстно, изволила ль такіе разговоры при Лестокѣ держать; но преступленіе его въ томъ равно, лгалъ ли онъ на ея величество или вѣрный рапортъ дѣлалъ министру короля прусскаго. Ея императ. величество изъ прежнихъ писемъ уже усмотрѣть изволила, что Лестокъ совѣтовалъ, чтобъ ни министра ея величества на конгрессъ не допущать, ниже Россіи въ мирный трактатъ не включать.»

Въ слѣдъ за тѣмъ Финкенштейнъ писалъ: «Я внушилъ обо-

имъ пріятелямъ, что такое положеніе дѣлъ въ соединеніи съ раздраженіемъ императрицы мнѣ кажется благопріятнымъ случаемъ, котораго не должно упускать, что именно теперь надобно раскрыть предъ императрицею недостойное поведеніе ея перваго министра, что затрудненія, которыя дѣлаютъ Россіи въ Ахенѣ, чтобъ не допустить ея до участія въ дѣлѣ умиротворенія Европы и печальное состояніе русскаго войска доставляютъ страшныя доказательства противъ канцлера, и можно сдѣлать эти представленія такъ, что тщеславіе императрицы не будетъ затронуто, ибо она, быть можетъ, сочтетъ дѣломъ своей чести поддерживать и ложныя мѣры своего министра: надобно ей внушить, что величайшіе государи имѣли иногда несчастіе быть обманутыми безо всякой вины съ своей стороны; надобно напомнить ей примѣръ роднаго отца, который, несмотря на свой геній и всю свою дѣятельность, часто находился въ такомъ положеніи и избавлялся изъ него посредствомъ розысковъ и примѣрныхъ наказаній, и тѣмъ не менѣе онъ считался во всей Европѣ государемъ мудрымъ, правосуднымъ, правителемъ самостоятельнымъ. Важный пріятель, казалось, принялъ мои внушенія и сказалъ, что не преминетъ воспользоваться ими при первомъ удобномъ случаѣ; но въ то же самое время я нашелъ его въ такомъ душевномъ разслабленіи въ слѣдствіе обхожденія съ нимъ императрицы, что я не могу много на него разсчитывать, если только государыня сама не сдѣлаетъ перваго шага. Я былъ болѣе доволенъ графомъ Лестокомъ, который рѣшился объясниться съ императрицею при первомъ случаѣ. Я говорилъ имъ также о поѣздкѣ въ Москву, на которую я смотрю какъ на продѣлку партіи; я ихъ уговорилъ приложить свое стараніе при этомъ, и надѣюсь, что они успѣютъ, потому что императрица страстно желаетъ этой поѣздки» [213].

Неизвѣстно, объяснялся ли Лестокъ съ императрицею; извѣстно только, что въ ноябрѣ онъ былъ арестованъ, и ему предложены были слѣдующіе допросные пункты: 1) Зачѣмъ водилъ компаніи съ шведскимъ и прусскимъ послами? 2) Отъ богомерзкаго человѣка Шетардія табакерки къ тебѣ присланы и именно написано было, чтобъ онъ я *герою* отдать: ты, вѣдая, кому онъ сіе имя давалъ (Елисаветѣ) и будучи сіе уже по высылкѣ его отсюда учинено, то сіе отъ него дерзостно сдѣлано, а ты какъ

присяжный человѣкъ такую ль вѣрность къ государю своему имѣешь, что о семъ утаилъ? Любя Шетардія, такого плута на государя своего промѣнялъ! Не могъ ли ты себѣ представить, что ежели бъ и партикулярной дамѣ въ ссорѣ находящейся кто-либо подарокъ прислалъ, то оный ни отъ кого принятъ быть не можетъ, кольмиже паче чести ея величества предосудительно. 3) Ты въ нѣкоторое время ея имп. величеству самой говорилъ, что ежели бъ де принцесса цербстская послушала твоихъ и Брюммеровыхъ совѣтовъ, тобъ она великаго князя за носъ водила: такъ объяви, въ чемъ совѣты твои состояли? 4) Ты хочешь перемѣнить нынѣшнее царствованіе, ибо совѣтуешься съ министрами шведскимъ и прусскимъ, а они ко дворамъ своимъ писали, что здѣшнее правленіе на такомъ основаніи какъ теперь долго оставаться не можетъ. 5) Финкенштейнъ писалъ, что для произведенія перемѣны удобнымъ случаемъ была бъ ссора между императрицею и великимъ княземъ: не учинено ль отъ тебя какихъ откровеній? 6) Въ тѣхъ же письмахъ усмотрѣно, что генералъ-прокуроръ князь Трубецкой главнымъ сообщникомъ всѣхъ твоихъ злодѣйскихъ замысловъ былъ, да и то еще объ немъ упомянуто, что въ случаѣ воспослѣдуемаго происшествія премѣны онъ такимъ между твоею шайкою признавается, который въ состояніи тѣми пріятелями предводительствовать, кои теперь въ спячкѣ находятся, а тогда всѣ возстанутъ. 7) Ты самъ Финкенштейну говорилъ, что тебѣ съ вице-канцлеромъ удалось тайнаго совѣтника Веселовскаго на свою сторону преклонить, такъ что онъ учиня тебѣ весьма много откровеній, и отстать не можетъ. 8) Во время негоціаціи съ морскими державами о перепущеніи имъ помощнаго корпуса ты старался всѣ тайности у вице-канцлера свѣдать и о всемъ Финкенштейну пересказывалъ; уже доказано, что и самъ вице-канцлеръ прусскому министру такія открытія чинилъ, съ тобою же былъ въ тѣсной дружбѣ. 9) Шапизо (капитанъ ингерманландскаго полка, племянникъ Лестока) показалъ, что ты чрезъ Мардефельда отъ короля прусскаго 10,000 рублей получилъ. — Лестокъ ни въ чемъ не признался; его сослали въ Угличъ [214].

Паденіе Лестока произвело сильное впечатлѣніе при иностранныхъ дворахъ; оно показывало несокрушимую силу Бестужева, показывало слѣдовательно и будущее направленіе рус-

ской политики послѣ важнаго событія въ Западной Европѣ, замиренія ея на Ахенскомъ конгрессѣ.

10 мая въ Петербургѣ съѣхались къ канцлеру австрійскій посолъ баронъ Бретлакъ, англійскій лордъ Гиндфордъ, голландскій посланникъ Шварцъ, и Бретлакъ жаловался на медленность князя Репнина, который въ Гроднѣ напрасно жилъ три недѣли, а 13 апрѣля былъ не далѣе мѣстечка Гуры. Князь Репнинъ, будучи боленъ, нарочно задерживаетъ войска, изъ одного желанія всѣ ихъ вмѣстѣ самому показать императору и императрицѣ римскимъ. По словамъ Бретлака онъ получилъ отъ своего двора выговоръ, ибо твердо обнадежилъ, что русскія войска въ исходѣ апрѣля вступятъ въ австрійскія владѣнія; теперь же, какъ по всему видно, они прежде іюня туда не придутъ. Гиндфордъ и Шварцъ жаловались еще сильнѣе, представляя что Французы, зная о медленномъ движеніи русскаго войска, которое потому въ нынѣшнюю кампанію не можетъ сдѣлать имъ большого вреда, безъ малѣйшаго опасенія, устремляютъ всѣ свои силы противъ союзниковъ, отъ чего общее дѣло очень страдаетъ. Чернышевъ доносилъ изъ Лондона, что какъ при дворѣ, такъ и въ народѣ главнымъ предметомъ разговора служатъ движенія русскаго вспомогательнаго корпуса, вычисляютъ, по скольку миль онъ долженъ дѣлать въ день и когда придетъ къ мѣсту назначенія.

Но движеніе этого корпуса способствовало только скорѣйшему заключенію мира, переговоры о которомъ уже начаты были въ Ахенѣ. Въ апрѣлѣ Чернышевъ увѣдомилъ о заключеніи прелиминарныхъ статей, по которымъ воюющія державы обязывались возвратить другу всѣ завоеванія; прусскому королю была гарантирована Силезія; Франція признавала императоромъ германскимъ мужа Маріи Терезіи. Англійское министерство жаловалось Чернышеву. что Англія принуждена заключить этотъ миръ въ слѣдствіе дурного дѣйствія своихъ союзниковъ, Австріи и Голландіи, что король не иначе смотритъ на него, какъ на вынужденный силою, и потому намѣренъ остаться непоколебимымъ въ своей прежней системѣ, т. е. находиться въ тѣснѣйшей дружбѣ съ своими собственными союзниками, особенно съ русскимъ дворомъ, въ знакъ чего велѣлъ отослать къ графу Гиндфорду копію съ прелиминарныхъ статей и всѣхъ піесъ, относящихся

къ мирнымъ переговорамъ для представленія императрицѣ съ увѣреніемъ, что король въ точности исполнитъ всѣ обязательства. Чернышевъ получилъ также увѣреніе, что англійское правительство не намѣрено вступать ни въ какія тѣснѣйшія обязательства съ королемъ прусскимъ. Но въ конвенціи о перепущеніи русскаго войска было внесено условіе, что въ случаѣ мирныхъ переговоровъ Россія принимаетъ въ нихъ участіе, почему теперь Чернышевъ потребовалъ, чтобъ русскій министръ былъ допущенъ на Ахенскій конгрессъ или, по крайней мѣрѣ, Россія была включена въ окончательный трактатъ, дабы не испытать какой-нибудь мести со стороны державъ, противъ которыхъ она подала помощь своимъ союзникамъ. Чернышеву отвѣчали, что англійскій уполномоченный на конгрессѣ, графъ Сандвичь предложилъ объ этомъ, но получилъ рѣшительный отказъ со стороны французскаго уполномоченнаго, графа Сан-Северина, и потому Англія, нуждаясь въ скорѣйшемъ заключеніи мира, не можетъ болѣе настаивать ни надопущеніе русскаго министра на конгрессъ, ни на включеніе Россіи въ окончательный договоръ. Но если императрица пожелаетъ, то Англія употребитъ все свое стараніе, чтобъ Россія была приглашена приступить къ окончательному договору послѣ его заключенія; притомъ Англія обязывается не входить съ Австріею и Голландіею ни въ какіе тѣснѣйшіе союзы безъ предварительнаго сношенія и согласія съ русскимъ дворомъ. Князю Репнину, находившемуся въ Элберфельдѣ, послано было требованіе, чтобъ немедленно возвращался назадъ, ибо подъ этимъ условіемъ Французы обязывались вывести изъ Брабанта 35,000 своего войска. Но не князь Репнинъ привелъ назадъ русское войско: онъ умеръ 30 іюля, и начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ-поручикъ Ливенъ.

Въ октябрѣ между Чернышевымъ и англійскимъ министромъ герцогомъ Ньюкестлемъ были разговоры объ Австріи по поводу столкновеній ея съ сардинскимъ дворомъ. Ньюкестль обвинялъ вѣнскій дворъ въ неполитичности его дѣйствій, настаивалъ, что необходимо щадить сардинскій дворъ, ибо иначе онъ передастся на сторону Франціи; Чернышевъ защищалъ вѣнскій дворъ, ибо враждебность отношеній къ Пруссіи заставляла въ Петербургѣ поддерживать австрійскіе интересы во что бы то ни стало.

Ньюкестль говорилъ, что поведеніе вѣнскаго двора можетъ нарушить настоящую систему и равновѣсіе Европы; Чернышевъ возражалъ, что Австрія неоспоримо болѣе въ состояніи поддержать европейское равновѣсіе, чѣмъ сардинское королевство, и Ньюкестль долженъ былъ съ этимъ согласиться, хотя продолжалъ выражать раздраженіе противъ Австріи [215].

Въ Вѣнѣ раздраженіе противъ Англіи было еще сильнѣе. Ланчинскій еще отъ 30 марта сообщилъ своему двору о словахъ канцлера Улефельда, что относительно примиренія Англія, кажется, благопріятствуетъ Пруссіи и что есть намѣреніе заключить миръ на однихъ проторяхъ Австріи. И въ апрѣлѣ Улефельдъ пѣлъ ту же пѣсню, жаловался на Англичанъ, что слишкомъ поздно заключили конвенцію съ Россіею, говорилъ, что не заключили бы и этой конвенціи, еслибы не штатгалтеръ голландскій, принцъ Оранскій; утверждалъ, что Англичане непремѣнно хотятъ ввести на конгрессъ прусскаго уполномоченнаго. Въ маѣ Улефельдъ, говоря объ ахенскихъ прелиминаріяхъ, объявилъ, что они чрезвычайно странны и заручены Англіею, Франціею и Голландіею въ предосужденіе вѣнскому двору, которому въ Италіи очень мало остается; Силезія гарантируется прусскому королю, котораго Англичане и Голландцы стараются усилить на помощь себѣ впредь. «Вашему и нашему двору, говорилъ канцлеръ, не надобно надѣяться ни на Англію, ни на Голландію и ни на какую другую державу, но твердо держаться вмѣстѣ: у насъ одни интересы и наши системы всѣхъ другихъ постояннѣе. Но теперь, при такомъ смутномъ положеніи дѣлъ посылается указъ графу Кауницу въ Ахенъ, чтобъ подписалъ прелиминаріи. Въ іюнѣ Улефельдъ уже толковалъ, что теперь необходимо стараться не только не допускать прусскаго короля до тѣснѣйшаго соединенія съ Франціею, но всячески ихъ раздѣлять. Англійскіе министры, говорилъ канцлеръ, объявляютъ другое несостоятельное мнѣніе, что Россіи надобно соединиться съ Англіею, Пруссіею и здѣшнимъ дворомъ противъ Франціи; но на самомъ дѣлѣ они хотятъ принести насъ въ жертву и усилить прусскаго короля. Они хотятъ удержать субсидію, чтобъ наше войско въ Нидерландахъ голодомъ поморить. Нашимъ постояннымъ непріятелямъ Французамъ мы обязаны тѣмъ, что прусскаго министра на конгрессъ не допускаютъ. Въ Вѣнѣ употреб-

ляли всѣ средства, чтобъ вооружить Россію противъ Пруссіи, разсказывали Ланчинскому, что Фридрихъ II хочетъ принять католицизмъ для полученія императорской короны, что имѣетъ виды на Польшу; въ то же время внушали, что Россія не должна настаивать на допущеніе своего министра на Ахенскій конгрессъ, ибо въ такомъ случаѣ Англія будетъ настаивать на допущеніе прусскаго министра. Улефельдъ продолжалъ бранить Англичанъ: «Не только противности, но и неучтивости ихъ къ нашему двору умножаются; и съ нами-то незачто такъ поступать, а русскія вспомогательныя войска чѣмъ провинились? для чего такъ странно отсылаются, не дождавшись рѣшенія ихъ императрицы? Смѣхотворно объявляютъ, что Франція требовала ихъ отсылки, обѣщая отпустить и съ своей стороны такое же число войска: но Французамъ возвращаться близко, а русскимъ полкамъ 300 миль идти надобно безъ отдыха. На то не обратили вниманія, что одно движеніе этихъ войскъ заставило Францію спѣшить съ прелиминаріями, если же Англичане приняли эти прелиминаріи себѣ безъ пользы, и намъ ко вреду, то русскія войска къ тому причины не подали.»

Въ Дрезденѣ Мих. Петр. Бестужева прежде всего занималъ вопросъ о проходѣ русскаго вспомогательнаго отряда черезъ Польшу. Въ мартѣ графъ Брюль сообщилъ ему, что перенято письмо французскаго резидента Кастера, изъ котораго видно, что онъ пишетъ къ польскимъ магнатамъ и великому гетману, какъ безчестно и стыдно, что дозволяется пропускъ чужимъ войскамъ черезъ Польшу. Король очень разсердился, и рѣшено жаловаться французскому двору на Кастера. Въ апрѣлѣ Бестужевъ писалъ императрицѣ, что въ Польшѣ довольны дисциплиною и исправнымъ платежемъ проходившаго черезъ нее репнинскаго корпуса; но такъ какъ на будущемъ сеймѣ безъ крику и шуму противъ прохода русскихъ войскъ не обойдется, то надобно прислать къ сейму нѣсколько денегъ и мягкой рухляди для успокоенія этихъ криковъ. Надобно было ожидать на сеймѣ поднятія и другого непріятнаго для Россіи вопроса — курляндскаго, предвидѣлось, что Поляки потребуютъ или освобожденія Бирона и его сыновей, или объявленія герцогскаго престола празднымъ и выборовъ на него; Морицъ саксонскій, прославившійся какъ маршалъ французской службы, не пере-

ставалъ называться герцогомъ курляндскимъ, и носились слухи, что онъ самъ пріѣдетъ въ Польшу къ сейму. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ Бестужевъ представлялъ своему двору необходимость разорвать сеймъ, а для этого надобились деньги и мягкая рухлядь. По этому представленію переслано было въ Польшу для сейма 11,000 рублей деньгами.

Касательно Саксоніи Бестужевъ долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобъ она приступила къ союзу, заключенному между Россіею и Австріею. По предложенію со стороны Бестужева Брюль отвѣчалъ, что это дѣло великой важности, ибо Саксонія, будучи окружена владѣніями короля прусскаго, первая подвергается его нападенію, какъ въ послѣднюю войну и случилось: за исполненіе обязательствъ Варшавскаго трактата король подвергся великой опасности, почти вся Саксонія была завоевана и разорена, и не получила не откуда ни помощи, ни вознагражденія за понесенные убытки. По этому желательно, чтобъ здѣшнему двору были показаны безопасность и выгоды; а безъ того его величество приступленіе къ договору не находитъ согласнымъ съ своими интересами; наконецъ между Россіею, Австріею и Саксоніею и безъ того существуютъ союзные договоры.

Осенью начался сеймъ въ Варшавѣ. 8 октября Бестужевъ писалъ: «Дворъ продолжаетъ желать, чтобъ сеймъ состоялся; князья Чарторыйскіе, въ угодность королю, особенно же для показанія своей силы въ рѣчи посполитой, стараются объ этомъ всѣми средствами и почти никого противниковъ себѣ не находятъ. Правда, воевода сендомирскій Тарло, какъ богатѣйшій здѣсь послѣ князей Чарторыйскихъ, могъ бы имъ противиться, но и его, какъ человѣка корыстолюбиваго, король какимъ-нибудь обѣщаніемъ можетъ задобрить, а великій гетманъ коронный (Потоцкій) такъ устарѣлъ и одряхлѣлъ, что уже и себя почти не помнитъ, такъ что теперь сеймъ состоитъ совершено изъ креатуръ Чарторыйскихъ. Великій гетманъ литовскій князь Радзивилъ просилъ меня, чтобъ я вашему имп. величеству засвидѣтельствовалъ о его доброжелательности и усердіи къ русскимъ интересамъ, и притомъ ко мнѣ отзывался, что хотя онъ съ князьями Чарторыйскими и въ дружбѣ находится, однако не охотно можетъ видѣть, чтобъ они приходили въ большую силу; и я самъ усматриваю, что у главныхъ магнатовъ къ фамиліи Чарто-

рыйскихъ большая зависть, да и правда, эти князья вмѣстѣ съ воеводою мазовецкимъ Понятовскимъ, многихъ изъ нихъ умнѣе и въ дѣлахъ гораздо поворотливѣе и расторопнѣе.»

9 октября послѣ обѣда королевскаго, къ которому былъ приглашенъ и Бестужевъ, Брюль подошелъ къ нему и какъ бы шутя сказалъ, что король желаетъ совершенія сейма, а слышно, что онъ Бестужевъ хочетъ противнаго, и не имѣетъ ли онъ объ этомъ указа императрицы? Бестужевъ признается, что былъ смущенъ этими словами, но принялъ также шутливый тонъ и отвѣчалъ, что указа нѣтъ и никому никакихъ внушеній о томъ не сдѣлано. Послѣ этого Брюль попросилъ его пріѣхать къ нему на другой день, чтобъ переговорить серіознѣе и обстоятельнѣе. На другой день Брюль началъ разговоръ просьбою, чтобъ Бестужевъ прямо и откровенно объявилъ, есть ли у него указъ императрицы разорвать сеймъ, ибо если такъ, то король и трудовъ своихъ употреблять не станетъ, зная что императрица, по своему кредиту въ Польшѣ и посредствомъ денегъ, не допуститъ сейма до окончанія, хотя король и желалъ бы противнаго единственно для чести и для утвержденія своего кредита въ Польшѣ, что императрицѣ можетъ быть не только не противно, но по общимъ интересамъ и пріятно, и еслибъ она прислала указъ о разорваніи сейма, то это было бы поступлено не союзнически. Бестужевъ отвѣчалъ, что точнаго указа не имѣетъ, но слыша, что въ посольской избѣ раздаются крики о курляндскомъ дѣлѣ, за которымъ сюда и депутаты присланы, считаетъ своею обязанностію и безъ указа разорвать сеймъ, чтобъ не было внесено въ конституцію чего-нибудь противнаго русскимъ интересамъ; впрочемъ до сихъ поръ не сдѣлалъ еще ни одного шага и ни съ кѣмъ изъ своихъ друзей не изъяснился, и потому подозрѣнія Брюля напрасны. Что же касается до желанія короля о завершеніи сейма, то онъ до сихъ поръ ничего объ этомъ не зналъ, а теперь когда ему королевское намѣреніе объявляется, то оно императрицѣ ни мало противно быть не можетъ, лишь бы только въ конституцію не было внесено ничего противнаго русскимъ интересамъ. Разговоръ кончился тѣмъ, что Брюль далъ слово не вносить ничего о курляндскомъ дѣлѣ въ конституцію, лишь бы императрица со временемъ покончила это дѣло, и Бестужевъ извѣстилъ свой дворъ, что въ

сеймовыя дѣла больше мѣшаться не будетъ, въ слѣдствіе чего 10,000 рублей останутся въ казнѣ. Сеймъ расползся и безъ русскихъ денегъ. Говорили, что причиною этому были французскія и прусскія интриги, но Бестужевъ писалъ, что чужихъ интригъ не было, а были интриги завистниковъ фамиліи князей Чарторыйскихъ, усиленія которыхъ не хотятъ допустить. Литовскій гетманъ Радзивилъ, пріѣхавши къ Бестужеву проститься, просилъ его отъ имени всей Литвы увѣрить императрицу въ истинной преданности и въ томъ, что Литва, въ случаѣ какого-нибудь происшествія, полагаетъ надежду на помощь Россіи, при этомъ жаловался онъ на Чарторыйскихъ, что поступаютъ деспотически, что сношенія двора съ домомъ Чарторыйскихъ во время послѣдняго сейма клонились къ тому, чтобъ на сеймахъ ввести рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ; а liberum veto уничтожить. «Отъ этого, говорилъ Радзивилъ, вольность республики была бы истреблена въ конецъ, и я скорѣе дамъ себя на части изрубить, чѣмъ позволю на введеніе такой вредной новости.» Бестужевъ извѣщалъ, что этотъ замыселъ Чарторыйскихъ увеличилъ число ихъ враговъ, поднялъ противъ нихъ Радзивиловъ, Огинскихъ, Сапѣгъ, Сангушекъ, Потоцкихъ, Тарловъ; великій канцлеръ коронный Малаховскій показываетъ имъ только видъ пріязни, негодуя, что дворъ довѣряетъ имъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Бестужевъ внушалъ своему двору, что введеніе большинства голосовъ на польскихъ сеймахъ будетъ вредно русскимъ интересамъ.

Прусскій дворъ во время движенія русскаго вспомогательнаго корпуса и во время ахенскихъ переговоровъ хранилъ глубокое молчаніе. Въ Швеціи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Корфъ былъ смѣненъ дѣйствительнымъ камергеромъ Никитою Ив. Панинымъ. Новый посланникъ долженъ былъ начать свои донесенія печальными извѣстіями о состояніи королевскаго здоровья: «Хотя жизнь его величества и не пресѣчется, писалъ Панинъ въ маѣ, однако по причинѣ старости и невоздержанія часъ смерти не можетъ быть далекъ, и бдительная французская партія давно уже принимаетъ свои мѣры; кронъ-принцъ почти ежедневно присутствуетъ въ Сенатѣ, куда преданные Франціи сенаторы пріѣзжаютъ постоянно, носящіе же имя патріотовъ очень рѣдко. Эти патріоты здраво судятъ о дурныхъ послѣдствіяхъ смерти королевской,

но плохая надежда, чтобъ они могли принять какія-нибудь полезныя мѣры, всѣ единогласно признаютъ слабость и трусость своихъ единомышленниковъ; одинъ изъ нихъ Вормгольцъ откровенно сказалъ мнѣ, что ихъ партія безъ помощи посторонней державы не двинется.

Въ письмѣ къ канцлеру Панинъ изложилъ свое мнѣніе, какъ Россіи надобно дѣйствовать послѣ смерти королевской. Она должна имѣть въ виду три задачи: 1) не допустить до установленія самодержавія; 2) низвергнуть настоящее министерство; 3) возведеніемъ на мѣста прежнихъ министровъ добрыхъ патріотовъ связать руки у молодаго двора. Достигнуть этихъ цѣлей посредствомъ старой русской партіи (колпаковъ) нельзя; надобно изъ французской партіи выбрать сильнаго человѣка и склонить на свою сторону; дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Даніею по единству интересовъ и подкрѣпить сеймъ оружіемъ, раздача же денегъ никакой пользы не принесетъ. Королевская болѣзнь затянулась на долго. Панинъ требовалъ, чтобъ рѣшительныя мѣры, именно вооруженное вмѣшательство было принято прежде смерти королевской, ибо послѣ будетъ уже поздно; онъ настаивалъ на то, что Швеція рѣшительно не въ состояніи сопротивляться нападенію съ двухъ сторонъ, русской и датской.

19 октября въ Петербургѣ былъ написанъ Панину секретный рескриптъ: «Усмотря изъ разныхъ вашихъ доношеній несумнѣнныя доказательства старательствамъ и проискамъ поверхнствующей въ Швеціи французско-прусской партіи о введеніи, по преставленіи его величества шведскаго, самодержавства, мы, по неутомленному нашему о благѣ и цѣлости нашей имперіи и объ отвращеніи всего того, еже интересамъ оной вредительно быть можетъ, всегда имѣющему попеченію, уже предъ давнымъ временемъ канцлеру нашему поручили съ пребывающимъ при нашемъ дворѣ дацкимъ министромъ Шезомъ о такомъ важномъ и до обоихъ государствъ равно существительно—касающемся предметѣ потребныя сношенія имѣть, дабы такой предосудительный оной шайки замыслъ соединенными силами въ ничто обратить и тѣмъ покой въ Сѣверѣ постояннымъ и надежнымъ учинить. И мы на вѣрность и искусство ваше полагаемся, что вы сію деликатную матерію съ надежнѣйшими изъ патріотовъ такъ тайно трактовать будете, что о томъ ничего

наружу не выйдетъ.» Но Данія медлила, и Панинъ былъ не доволенъ министромъ ея въ Стокгольмѣ Винтомъ. Послѣдній открылъ ему, что онъ увѣдомленъ отъ своего двора о сношеніяхъ Россіи съ Даніею по поводу шведскихъ дѣлъ, и получилъ указъ поступать съ нимъ, Панинымъ, откровенно и ободрять шведскихъ патріотовъ. Панинъ, съ своей стороны, открылъ ему только то, что датскій министръ въ Петербургѣ предложилъ принять общія мѣры противъ возстановленія самодержавія въ Швеціи, и что онъ, Панинъ будетъ обнадеживать патріотовъ въ сохраненіи ихъ свободы какъ отъ имени императрицы, такъ и отъ имени короля датскаго; но въ дальнѣйшія изъясненія съ нимъ не вошелъ, «потому что, писалъ Панинъ, до сихъ поръ отъ него ничего сходнаго съ его инструкціями не вижу; это такой человѣкъ, что свои забавы и спокойствіе предпочитаетъ дѣламъ.»

7 ноября Панинъ былъ приглашенъ наслѣднымъ принцемъ, который началъ ему говорить: «По окончаніи несчастной войны у Швеціи съ Россіею, недоброжелательные обоимъ дворамъ люди постарались противъ меня лично вооружить ея импер. величество и внушить подозрѣнія, будто я, во время европейской смуты, вмѣстѣ съ шведскимъ народомъ дѣйствовалъ вопреки интересамъ ея величества и даже хотѣлъ прямо принять непріятельскія мѣры противъ Россіи. Я боюсь, чтобъ эти подозрѣнія рано или поздно не причинили горести моему отечеству и чтобъ я не былъ первою причиною несчастія. Такъ какъ теперь въ слѣдствіе общаго замиренія Европы несправедливость такихъ подозрѣній сама собою оказывается, то я прошу васъ дружески донести императрицѣ о моей истинной преданности и высокопочитаніи, увѣрить, что я почелъ бы себя за неблагодарнѣйшаго человѣка въ мірѣ, еслибы когда-нибудь забылъ милости и благодѣянія ея величества.» — «Эта штука внушена Тессиномъ, писалъ Панинъ: онъ заставилъ принца свою *ватагу* шведскою націею назвать и свои дѣйствія вымышленными будто отъ непріятелей. Что за вздоръ — общимъ замиреніемъ доказывать свои добрыя намѣренія относительно Россіи, и ставить себѣ въ заслугу свою невозможность дѣйствовать прямо противъ нея! Я отвѣчалъ, что о подозрѣніяхъ, о какихъ онъ изволилъ упоминать, никакихъ свѣдѣній не имѣю.» Панинъ приписывалъ

эти заявленія принца страху передъ движеніемъ русскихъ войскъ въ Финляндіи и датскихъ въ Норвегіи, тѣмъ болѣе, что и Тессинъ разсыпался предъ нимъ въ ласкательствахъ. Дѣло дошло до того, что Тессинъ издалека черезъ другихъ сталъ внушать Панину, что ему не трудно будетъ французскіе интересы принести въ жертву русскимъ; Панину пришла въ голову мысль, что между Тессиномъ и другими членами французской партіи долженъ быть разладъ, и потому Россіи можно употребить Тессина орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ выражался на этотъ счетъ такъ: «Питая въ Тессинѣ надежду успѣха не невозможно найдется нынѣ господствующую партію раздѣлить на двое и тѣмъ Тессина съ молодымъ дворомъ въ брани и битвѣ съ своими упражняемыми учинить, еже несказанно мудрому предпріятію вашего импер. величества для перемѣны здѣшнихъ дѣлъ поспѣшествовать можетъ, ибо во время того дѣйствія оный Тессинъ достаточною лозою служить можетъ, которая обычайно послѣ наказанія другихъ, въ огонь ввергается.» По мнѣнію Панина, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ всѣ эти уласкиванія имѣли цѣлію отвлечь Россію отъ Даніи, то и тогда слѣдовало пока держать Шведовъ между страхомъ и надеждою и тѣмъ выиграть поболѣе времени, ибо наставшая зимняя пора неудобна для военныхъ дѣйствій и нельзя надѣяться, чтобъ датское войско могло получить этою зимою значительный успѣхъ, ибо не имѣетъ магазиновъ.

Такимъ образомъ кронъ-принцъ и его или такъ-называемая французская партія, достигнувшая своими жалобами въ Петербургѣ отозванія Корфа, ничего не выиграла, получивъ на его мѣсто Панина. Корфъ отправился на свое прежнее мѣсто въ Копенгагенъ склонять Данію дѣйствовать за одно съ Россіею.

16 декабря отправленъ былъ къ нему рескриптъ: «Мы напередъ обнадежены пребываемъ, что его величество корол. чиненные ему съ нашей стороны толь откровенные авансы съ предварительнымъ сообщеніемъ о нашей въ Швеціи чинимой деклараціи и о сдѣланныхъ уже дѣйствительно въ Финляндіи распоряженіяхъ за удостовѣрительные опыты нашей союзнической и истинной дружбы купно съ тою надобностію, чтобъ онымъ равнымъ образомъ чрезъ откровенное объявленіе его притомъ имѣющихъ сентиментовъ соотвѣтствовать, совершенно признаетъ,

слѣдовательно же далѣе и неотречется чрезъ своего министра Шеза у насъ первыя предложенія учинить и его достаточными инструкціями къ неотлагательному заключенію формальной конвенціи снабдить повелѣть, дабы сіе зѣло важное дѣло, въ совершеніи котораго, въ разсужденіи зѣло слабаго состоянія здравія короля шведскаго, ни единаго часа упускать болѣе не должно, безъ дальняго отлагательства къ совершенному состоятельству приведено было. Польза же, которая датскому двору при семъ произрастетъ, видится гораздо вящей важности быть, нежели для насъ, ибо мы, какъ упомянуто, ничего болѣе какъ ненарушимое сохраненіе тишины въ сѣверѣ, не желая притомъ чего-либо завоевать, предметомъ имѣемъ; напротивъ же того оному двору на счетъ Швеціи охотно нѣкоторые авантажи дозволяемъ» [218].

И относительно другихъ дворовъ произошли перемѣщенія русскихъ министровъ: графъ Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ изъ Дрездена перемѣстился въ Вѣну; на его мѣсто въ Дрезденъ назначенъ Кейзерлингъ изъ Берлина; на мѣсто Кейзерлинга переведенъ въ Берлинъ Гроссъ изъ Парижа. Въ Парижъ не назначенъ никто, потому что охлажденіе между Россіею и Франціею достигло высшей степени въ слѣдствіе перепущенія русскаго вспомогательнаго корпуса морскимъ державамъ для дѣйствія — противъ Франціи. Дальонъ былъ отозванъ еще въ концѣ 1747 года, но такъ какъ его отъѣзду было дано значеніе временное, то Гросса немедленно не отозвали, и онъ долженъ былъ выслушивать непріятныя выходки отъ завѣдывавшаго иностранными дѣлами маркиза Пюизіе: «Такой великой державѣ, какъ Россія, говорилъ маркизъ, неприлично свое войско за деньги отдавать другимъ державамъ; приличнѣе было бы ей прямо объявить войну противъ Франціи.» Гроссъ получилъ изъ Петербурга приказаніе: «При всякомъ такомъ случаѣ разговоровъ продолжительно доказывать, что сія нашимъ союзникамъ чинимая помощь никому въ обиду причтена быть не можетъ, да и мы въ томъ никому же отчета давать не обязаны.» Годъ проходилъ, но французское правительство никого не назначало въ Петербургъ на мѣсто Дальона, и 9 декабря императрица подписала Гроссу рескриптъ, въ которомъ приказывала ему немедленно выѣхать изъ Франціи: «Мы изъ разныхъ реляцій вашихъ усмотрѣли, говори-

лось въ рескриптѣ, что маркизъ Пюизіе въ нѣкоторый реванжъ за отправленныя нами къ обѣимъ морскимъ державамъ 30,000 человѣкъ войска отзывъ отъ нашего двора французскаго министра Дальона почиталъ, оказывая притомъ, что король его государь и совсѣмъ не намѣренъ кого-либо другаго на мѣсто его къ намъ прислать. Сверхъ же того, по поводу помянутаго перепущенія нашихъ войскъ весьма непріятные и всевысочайшему нашему достоинству предосудительные разговоры вамъ держаны. И яко намъ вкорененное французскому двору къ нашей имперіи недоброжелательство и произведенныя издревле при разныхъ дворахъ, да и при самой Оттоманской Портѣ намъ предосудительные происки и возмущенія, которые по пріобрѣтенной Франціею несправедливыми и богомерзкими войнами въ свѣтѣ знатности, отъ большей части и успѣхъ получаютъ, довольно извѣстны,—мы же для обезсиленія такой знатной инфлюенціи лучшихъ способовъ не изобрѣли, какъ вѣрнымъ и натуральнымъ нашимъ союзникамъ постороннимъ образомъ противъ оной державы сильно вспомогать, чрезъ который способъ наконецъ и пожеланный миръ въ Европѣ возстановленъ. Тако мы, какъ въ разсужденіи того, что французскій дворъ причиненною посылкою нашихъ войскъ препятствія прогрессомъ оружія онаго намъ не скоро позабыть можетъ, такъ и для неподанія о насъ въ свѣтѣ мнѣнія, якобы сія корона столько намъ надобна, что мы и собственную всевысочайшую нашу честь изъ глазъ выпущаемъ, оставляя васъ тамо, не взирая на то, что принашемъ дворѣ французскаго министра не находится, и что хотя почитай ко всѣмъ другимъ новые послы и министры назначиваются, а о насъ не помышляется, за весьма нужно изобрѣли вамъ повелѣть, чтобъ вы оттуда со всѣми у васъ находящимися канцелярскими дѣлами, какъ скоро токмо собраться можете, въ Гагу подъ такимъ претекстомъ выѣхали, что вы по прошенію вашему о распоряженіи нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ въ отечествѣ вашемъ всевысочайшее отъ насъ позволеніе получили» [219].

Желанный миръ былъ возстановленъ и, по общему признанію, одною изъ причинъ его ускоренія было движеніе русскаго войска къ Рейну. Такимъ образомъ уже въ третій разъ движеніе русскаго войска останавливало завоевательные замыслы,

сдерживало побѣдителя, вело къ миру въ Европѣ: появленіе русскаго войска на Рейнѣ повело къ вѣнскому миру, окончившему войну за польское наслѣдство; движеніе русскаго войска въ 1743 году заставило Фридриха II ускорить дрезденскимъ миромъ, и наконецъ послѣднее движеніе репнинскаго корпуса заставило спѣшить ахенскими переговорами. Новое могущество, появившееся на Востокѣ съ начала вѣка, оказывало свое вліяніе на европейскія дѣла новымъ, особеннымъ образомъ; политическое равновѣсіе получало для себя сильное ручательство.

Дѣло кончилось, повидимому, страшнымъ раздраженіемъ между Россіею и Франціею, заставившимъ ихъ прекратить дипломатическія сношенія. Но это раздраженіе Россіи противъ старой Франціи было послѣднее. Старая Франція теряла свою силу и вовсе не была такъ опасна, что ясно оказалось при окончаніи войны за австрійское наслѣдство: съ какими надеждами вступила въ нее Франція? съ надеждами окончательно низложить, раздробить Австрію, послѣ чего вся Германія представляла бы рядъ мелкихъ, слабыхъ государствъ, подчиненныхъ вліянію Франціи. Но сбылись ли эти надежды? Нисколько. Австрійскія владѣнія не раздробились; но дѣло было не въ Австріи: въ Германіи явилась держава гораздо опаснѣе Австріи; Франція вела войну для Пруссіи, ибо одна Пруссія воспользовалась войною, одна усилилась, одна пріобрѣла отъ Австріи богатую область, потерю которой Австрія не могла забыть; конецъ войны долженъ былъ убѣдить Францію въ томъ, въ чемъ русскіе государственные люди были давно уже убѣждены: они были убѣждены въ томъ, что Пруссія опаснѣе Франціи; Франція должна была убѣдиться что для нея Пруссія опаснѣе Австріи: въ этомъ убѣжденіи, естественномъ и необходимомъ лежала главная причина перемѣны старыхъ вѣковыхъ отношеній, которая была слѣдствіемъ войны за австрійское наслѣдство и причиною Семилѣтней войны.

Но пока вся Европа замирилась, и Елисавета стала приготовляться къ своей любимой поѣздкѣ, поѣздкѣ въ Москву. Мы видѣли, что вопросъ объ этой поѣздкѣ сталъ вопросомъ партіи. Бестужевъ выставилъ сильное сопротивленіе, указывая на необходимость оставаться двору въ Петербургѣ въ виду шведскихъ событій, въ которыхъ не преминутъ принять участіе Пруссія и Франція. Канцлеръ основывался на депешахъ Панина, который настаивалъ

на томъ же, указывая, какъ обрадовалась въ Стокгольмѣ французская партія при извѣстіи объ отъѣздѣ русской императрицы въ Москву. Но сопротивленіе Бестужева заставляло противниковъ его тѣмъ сильнѣе утверждать Елисавету въ ея намѣреніи ѣхать въ Москву.

17 октября Сенатъ получилъ указъ: въ будущемъ декабрѣ императрица ѣдетъ въ Москву и повелѣваетъ учинить нарядъ подводамъ, чтобъ было на каждый станъ по 725 подводъ, въ томъ числѣ ямскихъ и градскихъ по 300, уѣздныхъ по 425. Для Сената, Синода и коллегій подводы нанимать вольныя и что ненужное отправлять другими трактами; а чтобъ за множествомъ проѣзда, за дороговизною кормовъ наемщики цѣнъ безмѣрно не возвышали, того ради отпуски партикулярнымъ людямъ своихъ товаровъ до генваря мѣсяца. какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ велѣть удержать, также разставленныхъ по почтамъ въ разныхъ мѣстахъ ямскихъ лошадей, кромѣ московской отсюда дороги велѣть убавить на весь декабрь мѣсяцъ.

15 декабря императрица выѣхала въ Москву.

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Образованность въ Россіи въ первые семь лѣтъ царствованія Елисаветы.

(1741—1748 г.).

Царствованіе, занимающее послѣднее десятилѣтіе первой половины XVIII вѣка и первое десятилѣтіе второй половины, царствованіе Елисаветы представляетъ замѣтную перемѣну во внутренней жизни русскаго общества. Употребляя общепринятое выраженіе, историкъ имѣетъ право сказать, что нравы смягчаются, къ человѣку начинаютъ относиться съ большимъ уваженіемъ и умственные интересы начинаютъ находить болѣе доступа въ обществѣ, которое начинаетъ чувствовать потребность высказаться, въ слѣдствіе чего являются начатки литтературы и попытки обработать, облагозвучить орудіе выраженія пробивающейся мысли, языкъ. Эта перемѣна должна была произойти отъ разныхъ причинъ: прежде всего отъ естественнаго роста, естественнаго развитія русскаго общества, по тому направленію, которое было усвоено въ эпоху преобразованія; каковы бы ни были препятствія, развитіе должно было совершаться въ сильномъ и живомъ народѣ; вовторыхъ Россія, вошедшая въ общую жизнь европейскихъ народовъ, должна была подчиняться вліяніямъ, среди нихъ господствовавшимъ. Сильное литтературное движеніе на западѣ, обхватывавшее всю Европу при господствѣ французскаго языка, содѣйствовало повсюду возбужденію вопро-

совъ о человѣкѣ и обществѣ; сосѣдняя Германія почувствовала это вліяніе, почувствовала его и Россія; наконецъ многое зависѣло отъ условій времени и, въ государствѣ самодержавномъ, зависѣло отъ характера царствующаго лица.

Описываемое время оставило по себѣ пріятное воспоминаніе въ народѣ, несмотря на то, что за нимъ почти непосредственно слѣдовало блестящее екатерининское время. Этому, разумѣется, содѣйствовало печальной памяти предшествовавшее царствованіе Анны, Бироновщина и слабое, безтолковое правленіе Анны Леопольдовны, не дававшее обезпеченія ни въ чемъ. Елисавета подняла славное знамя отца своего и успокоила оскорбленное народное чувство яснымъ для всѣхъ стремленіемъ неуклонно слѣдовать главному и самому важному для народа правилу — нисколько не ослабляя связей съ западною Европою, давать первенствующее значеніе русскимъ людямъ, въ ихъ рукахъ держать судьбу государства. Возстановленіе учрежденій Петра Великаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ, постоянное стремленіе дать силу его указамъ, поступать въ его духѣ сообщали извѣстную твердость, правильность, систематичность дѣйствіямъ правительства, а подданнымъ увѣренность и спокойствіе, тѣмъ болѣе, что слѣдованіе правиламъ и указамъ Петра не было рабскимъ, мертвымъ подражаніемъ чему-то отжившему или отживающему, ибо не являлось новыхъ потребностей, которыя бы вызывали новый духъ и новыя формы: напротивъ извѣстная, хотя и безсознательная реакція, извѣстныя уклоненія отъ духа и формъ Петровыхъ, сдѣланныя съ 1725 года, оказывались вовсе неполезными для государства. Становились на твердую почву, указавши какому образцу будутъ слѣдовать, а между тѣмъ это слѣдованіе по стопамъ Преобразователя было спокойное и легкое, чуждое волненій преобразованія, какъ уже совершившагося. Правительство отличалось миролюбіемъ, а между тѣмъ войны, имъ веденныя, ознаменовались блестящими успѣхами. Это спокойствіе, довольство, удовлетвореніе главнымъ потребностямъ народнымъ заслужило елисаветинскому времени пріятную память особенно по сравненію съ временемъ предшествовавшимъ, чему много способствовалъ, какъ уже было сказано, характеръ императрицы, который выразился всего рѣзче въ томъ, что народъ долженъ

былъ отвыкнуть отъ ужаснаго зрѣлища смертной казни. Закона, уничтожавшаго смертную казнь, не было издано: вѣроятно Елисавета боялась увеличить число преступленій, отнявши страхъ послѣдняго наказанія; суды приговаривали къ смерти, но приговоры эти не были приводимы въ исполненіе, и въ народное воспитаніе вводилось великое начало.

Мы хорошо знаемъ препятствія правильному ходу народнаго воспитанія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, и наше дѣло слѣдить по возможности, во сколько, откуда и въ какой формѣ являлось противодѣйствіе этимъ препятствіямъ. Восточные дикари, вступавшіе въ русскую службу, продолжали раздѣлываться другъ съ другомъ по своему старому обычаю. Въ 1744 году генералъ-лейтенантъ грузинскій царевичъ Бакаръ велѣлъ своимъ людямъ схватить служившаго въ астраханскомъ гарнизонѣ капитаномъ грузинскаго же князя Назарова, бить и волочить его за ноги по улицѣ. Бакара призвали въ Сенатъ и объявили ему указъ государыни, что ему не только въ резиденціи, но и нигдѣ такой своевольной продерзости чинить не надлежало, и хотя онъ, царевичь, по указамъ подлежитъ тягчайшему штрафу, но ея имп. в—ство изъ высочайшей милости указать соизволяетъ, чтобъ онъ князя Назарова во всемъ удовольствовалъ немедленно, а если не удовольствуетъ, то поступлено будетъ съ нимъ по указамъ [220]. Въ 1745 году прокуроръ коммерцъ-коллегіи Самаринъ представилъ въ Сенатъ, что ассессоръ Красовскій отказался подписать журналъ, ибо въ немъ не сказано, какъ президентъ князь Юсуповъ въ судейской ударилъ солдата по щекѣ, причемъ и самъ Юсуповъ говорилъ, что солдата ударилъ [221]. Государство нуждалось въ деньгахъ, и явились люди, которые предложили средство добыть деньги. Въ началѣ 1748 года двое бѣлгородскихъ купцовъ Ворожайкинъ и Турчаниновъ донесли, что несмотря на указы Петра Великаго многіе носятъ бороды и русское платье, и просили, чтобъ позволено имъ было такихъ преслѣдовать, обѣщаясь доставить въ казну на 1748 годъ болѣе 50,000 рублей отъ штрафовъ съ бородачей. Но Сенатъ рѣшилъ Ворожайкину и Турчанинову отказать, ибо смотрѣть за исполненіемъ указовъ о бородахъ и русскомъ платьѣ поручено губернаторамъ, воеводамъ и раскольничьей конторѣ [222].

Въ семейныхъ отношеніяхъ, даже въ высшихъ слояхъ обще-

ства, сильно отзывалась иногда старина. Въ 1746 году жена экипажъ-мейстера Конона Никитича Зотова, Марья Прокофьевна по смерти мужа осталась беременна и родила сына Конона; но послѣ родинъ дворовые ея люди, мужчины и женщины убѣжали изъ Петербурга въ Москву къ падчерицамъ ея Зотовымъ, и подали челобитную, что вдова Зотова родила мертвую дочь, а мальчика принесли подставного, чтобъ лишить падчерицъ наслѣдства. По всему оказывается, что челобитье было ложное [223]. Внѣ дома правительство должно было вооружиться также противъ стараго явленія: въ декабрѣ 1743 года Сенатъ велѣлъ въ камеръ-контору подвердить указомъ, чтобъ въ торговыхъ баняхъ мужчинамъ и женщинамъ париться вмѣстѣ было запрещено, и смотрѣть за этимъ накрѣпко, а кто будетъ допускать, такихъ штрафовать безо всякой пощады [224]. Подлѣ старыхъ бань условія новой жизни выставили *герберги* или трактирные домы; въ Петербургѣ было такихъ герберговъ 25 съ квартирами и постелями, столомъ, кофе, чаемъ, *чекулатомъ*, билліардомъ, табакомъ курительнымъ, виноградными винами и водками, заморскимъ эльбиромъ и полпивомъ легкимъ петербургскаго варенья, которое употребляется вмѣсто квасу. Въ 1746 году Сенатъ далъ указъ: если кто изъ русскихъ купцовъ пожелаетъ содержать герберги съ платежомъ акциза, то явились бы въ камеръ-контору [225]. Кромѣ герберговъ съ ихъ виномъ, кофе и чекулатомъ, въ Петербургѣ публика приглашалась еще къ другимъ удовольствіямъ. Въ январѣ 1745 года въ Вѣдомостяхъ встрѣчаемъ слѣдующее объявленіе отъ 4 числа: «Сегодня пополудни въ началѣ 6 часа въ Морской, не далеко отъ Синяго моста начнутъ играть комедіи съ выпускными куклами, и оная въ каждой недѣли по по недѣльникамъ, средамъ и пятницамъ продолжаться имѣетъ.» Въ августѣ другое объявленіе: «Сего мѣсяца 5 числа начнется нѣмецкая комедія и по вся дни впредь продолжаться будетъ». Въ Москвѣ существовалъ также комедійный домъ, сгорѣвшій въ 1748 году.

Въ другихъ городахъ о подобныхъ удовольствіяхъ не упоминается, и вѣроятно эти вечернія удовольствія, еслибъ существовали здѣсь, не рѣдко обходились бы дорого. Мы видѣли, что государство должно было вести постоянную борьбу съ разбойниками, для которой надобились значительныя военныя средства.

Въ городахъ мы слышали сильныя жалобы на плохое состояніе полиціи, что позволяло даже въ Москвѣ совершаться грабежамъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Это печальное положеніе, — съ одной стороны возмутительные грабежи, а съ другой недостатокъ средствъ для ихъ преслѣдованія, безнаказанность грабителей, заставляло, для сыску преступниковъ, употреблять людей изъ преступниковъ же, которые, повидимому приносили пользу, предавая злодѣевъ въ руки правосудія, но эта польза перевѣшивалась вредомъ, происходившимъ отъ самихъ сыщиковъ, вовсе не забывавшихъ старыхъ привычекъ. Представителемъ такихъ сыщиковъ былъ знаменитый Иванъ Каинъ. Иванъ былъ крѣпостной человѣкъ; съ ранней молодости повадился онъ воровать, въ кабакѣ подружился съ опытнымъ уже мошенникомъ, который уговорилъ его бѣжать, что Каинъ и сдѣлалъ, покравши господина. Въ священническомъ платьѣ, также украденномъ, онъ прошелъ мимо рогаточныхъ сторожей, и приведенъ былъ своимъ руководителемъ въ притонъ мошенниковъ, собиравшихся у Каменнаго моста. Новые товарищи привѣтствовали Каина словами: «Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшены мосты, а голоду и холоду анбары стоятъ; пыль да копоть, притомъ нечего и лопать.» На другое же утро неопытный бѣглецъ, вышедшій днемъ погулять по Китаю-городу, былъ схваченъ и возвращенъ господину, который, по тогдашнему обычаю, вмѣсто собаки держалъ на дворѣ на цѣпи медвѣдя. Бѣглеца приковали къ медвѣдю, не велѣли кормить два дня и потомъ высѣчь. Каинъ избавился отъ послѣдняго наказанія доносомъ на господина, закричавши «слово и дѣло.» Выпущенный наволю изъ Тайной канцеляріи за основательный доносъ, онъ присталъ уже къ знакомой шайкѣ отъ Каменнаго моста. Промышлялъ Каинъ не въ одной Москвѣ, ѣздилъ и на Макарьевскую ярмарку обворовывать армянскихъ купцовъ. Онъ искалъ все болѣе широкой дѣятельности и присталъ къ большей разбойничьей шайкѣ, состоявшей изъ 70 человѣкъ и бывшей подъ начальствомъ атамана Зори. Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ шаекъ, извѣстія о подвигахъ которыхъ мы уже встрѣчали въ жалобныхъ донесеніяхъ изъ приволжскихъ и приокскихъ областей въ Сенатъ. Шайка разбила большой винный заводъ, село, въ другомъ селѣ на рѣкѣ Сурѣ отдыхала, жила «въ смир-

номъ образѣ» мѣсяца съ три; покинувъ «смирный образъ» разграбила армянское судно. Узнавши о сильной погони за собою, разбойники отняли у Татаръ лошадей и отправились къ монастырю Боголюбову подлѣ Владиміра, откуда Каинъ поѣхалъ въ Москву для прінсканія квартиры.

По природѣ и воспитанію Каинъ не былъ отважнымъ волжскимъ разбойникомъ, былъ столичный мошенникъ, и потому естественно пришла ему мысль заняться другимъ ремесломъ побезопаснѣе. Въ концѣ 1741 года онъ явился въ Сыскной приказъ и подалъ челобитную, въ которой приносилъ повинную Богу и ея импер. в—ству, что «будучи на Москвѣ и въ прочихъ городахъ, мошенничалъ денно и нощно, въ церквахъ и разныхъ мѣстахъ, у всякаго званія людей, изъ кармановъ деньги, платки всякіе, кошельки, часы, ножи и прочее вынималъ; а нынѣ отъ того прегрѣшенія престалъ, а товарищи мои не только что мошенничаютъ, но ѣздятъ по улицамъ и грабятъ, которыхъ я желаю нынѣ искоренить, и дабы высочайшимъ указомъ для сыску и поимки означенныхъ моихъ товарищей дать конвой.» Въ приложенномъ реэстрѣ Каинъ написалъ имена 32 своихъ товарищей. Каину дали конвой, 14 человѣкъ солдатъ и подьячаго, и въ одну ночь онъ захватилъ всѣхъ означенныхъ товарищей своихъ въ Зарядьѣ. Съ этихъ поръ «доноситель Иванъ Каинъ» ежедневно ходилъ съ солдатами по публичнымъ мѣстамъ и ловилъ мошенниковъ; въ два года онъ сыскалъ 298 человѣкъ воровъ, становщиковъ, бѣглыхъ солдатъ. Между тѣмъ онъ женился достойнымъ образомъ: обговорилъ, застращалъ пытками, подвелъ подъ кнутъ солдатскую вдову, которая не хотѣла было выходить замужъ за мошенника; изъ подъ кнута онъ взялъ ее на поруки и повелъ въ церковь. У Каина былъ свой домъ—полная чаша; наполнялъ онъ эту чашу такимъ образомъ: онъ составилъ себѣ шайку изъ опытныхъ воровъ и съ ними ловилъ другихъ, при чемъ пойманныхъ приводилъ прежде къ себѣ и страхомъ сыскного приказа заставлялъ откупаться; промышлялъ также игрою и фальшивыми деньгами, и чтобъ обезопасить себя отъ доносовъ, объявилъ въ Сенатѣ, что онъ въ поимкѣ воровъ и разбойниковъ провѣдываетъ чрезъ такихъ же воровъ и съ ними принужденъ знаться, почему имѣетъ опасеніе, что когда эти злодѣи, будучи пойманы, будутъ на него показывать, то не

подвергся бы онъ какому истязанію. Сенаторы увѣрили его, что никакому показанію на него не будетъ дана вѣра и что онъ будетъ за свою службу награжденъ, если только не будетъ за одно дѣйствовать съ преступниками и привлекать невинныхъ. Но Каинъ не могъ выполнить этихъ условій: онъ являлся къ богатымъ раскольникамъ, забиралъ у нихъ дѣтей и заставлялъ отцовъ выкупать ихъ; захватилъ у одного богатаго крестьянина племянницу подъ предлогомъ, что она была раскольница, плетью заставлялъ ее признаться въ расколѣ и оговорить дядю, потомъ освободилъ за 20 рублей. Но это не прошло ему даромъ: по доносу въ тайную контору онъ былъ арестованъ, битъ плетьми нещадно и «хотя подлежалъ жесточайшему наказанію кнутомъ и дальней ссылкѣ, однако освобожденъ, дабы впредь въ сыскѣ разбойниковъ и воровъ имѣлъ крѣпкое стараніе, только отданъ подъ надзоръ.» Но ему трудно было перемѣнить свое поведеніе, потому что трудно было отказаться отъ доходовъ. Онъ подговорилъ товарища среди бѣлаго дня на Москвѣ рѣкѣ разграбить стругъ богатаго купца. Наконецъ онъ попался, увезши дочь у солдата; отецъ пожаловался полиціи, а на бѣду Каина тогда пріѣхалъ самъ генералъ-полиціймейстеръ Татищевъ въ Москву по поводу прибытія туда императрицы въ 1749 году. Каинъ принужденъ былъ разсказать Татищеву подробно всѣ свои похожденія, и въ слѣдствіе этого разсказа генералъ-полиціймейстеръ донесъ императрицѣ, что по дѣлу Каина надобно нарядить особую коммиссію, ибо въ его сообщничествѣ были секретари и другіе чиновники сыскного приказа, полиціи, раскольничьей коммиссіи и сенатской конторы. Каинъ былъ приговоренъ къ смертной казни; но смертные приговоры не приводились въ исполненіе: его наказали кнутомъ и сослали въ тяжкую работу [226].

Безнравственныя явленія прекращались правительственною властію; если не топоръ палача, какъ прежде, то ссылка освобождала общество отъ Ваньки Каина съ товарищи. Взглянемъ теперь на состояніе церкви и школы, какія у нихъ были средства освобожденія общества отъ безнравственныхъ явленій. Число священниковъ, получившихъ школьное образованіе, увеличивалось, но недостаточно, и это недостаточное количество ученыхъ священниковъ, необходимо имѣвшихъ преимущество предъ неучеными, должно было ограничивать право прихода

избирать себѣ священника: Синодъ требовалъ, чтобъ къ лучшимъ церквамъ опредѣлялись окончившіе школьный курсъ, въ слѣдствіе чего мѣстныя власти распоряжались, чтобъ на упразднившіяся мѣста необученныхъ въ школахъ не представлять и заручныхъ прошеній о нихъ не собирать, а требовать ученыхъ; такимъ образомъ епархіальное начальство стало указывать достойныхъ кандидатовъ, ибо оно одно знало, кто ученъ и кто не ученъ, кого слѣдуетъ опредѣлить на лучшее мѣсто, и кого на худшее. Отъ этого столкновенія правъ епархіальнаго начальства и прихода происходили слѣдующіе случаи: студентъ московской академіи Некрасовъ, по приказанію своего архіепископа Платона (Малиновскаго), отправился въ церковь Спаса въ Наливкахъ, куда хотѣлъ поступить въ дьяконы, чтобъ взять себѣ заручную отъ прихожанъ; но священникъ церкви объявилъ ему, что прихожанинъ, купецъ Азбукинъ, который имѣетъ стараніе о церкви, склонилъ всѣхъ другихъ прихожанъ и его, священника, дать заручную одному дьячку горлапу. Некрасовъ однако не отсталъ отъ своего намѣренія, и когда священникъ сказалъ Азбукину, что студентъ богословія хочетъ къ нимъ въ дьяконы, то Азбукинъ отвѣчалъ: «Я плюю на богословію, и что намъ есть отъ богословіи?» Чрезъ нѣсколько дней Некрасовъ опять пришелъ въ церковь и сталъ на клиросъ, но Азбукинъ согналъ его съ клироса и онъ ушелъ въ алтарь; а когда послѣ обѣдни священникъ началъ говорить прихожанамъ, что Некрасовъ человѣкъ хорошій и Синодъ, по указу Петра I-го, опредѣляетъ ученыхъ людей на священническія и дьяконскія мѣста, то Азбукинъ и его пріятели стали кричать, что имъ школьниковъ отнюдь не надобно, пусть школьники идутъ въ села и учатъ тамъ деревенскихъ мужиковъ, а московскіе жители до нихъ еще переучены, да и лучше ихъ, и если школьникъ впередъ придетъ въ ихъ церковь, то они опредѣлили — метлой его выгнать. Архіепископъ Платонъ велѣлъ вызвать Азбукина въ консисторію, и объявивъ ему регламентъ духовный о студентахъ, допросить: «Для чего онъ противится именному указу государеву, и для чего мужикъ простой безстудный въ церковное наше дѣло вступаетъ?» Азбукинъ объявилъ, что безъ воли Главнаго магистрата въ консисторію не пойдетъ; потомъ одумался и подалъ архіерею доношеніе, въ которомъ запирался въ своихъ

словахъ о школьникахъ. Архіерей велѣлъ ему объявить съ подпискою указъ Петра I-го о студентахъ; Азбукинъ подписался, и Некрасовъ попалъ въ дьяконы къ Спасу въ Наливки [227].

Для введенія образованія среди духовенства необходимымъ средствомъ былъ признанъ вызовъ ученыхъ монаховъ изъ Малороссіи на архіерейскія каѳедры въ Великой Россіи. Необходимость продолжалась и послѣ Петра Великаго; но мы видѣли темную сторону этого явленія: на архіереевъ смотрѣли враждебно какъ на чужихъ, втершихся и оттѣснившихъ великороссіянъ; ихъ упрекали, что они благопріятствуютъ только своимъ, наполняютъ значительнѣйшія мѣста малороссіянами же. Неудовольствіе было сильное и простиралось не только на лица, но и на дѣло, для котораго были призваны лица, на школы; вмѣсто того, чтобъ спѣшить сравняться съ Малороссіянами въ образованіи и такимъ образомъ сдѣлать послѣднихъ ненужными, оказывали нерасположеніе къ тому, чѣмъ были Малороссіяне выше ихъ, къ наукѣ, къ школѣ, при томъ же смотрѣли на школу какъ на учрежденіе, которое дорого стоитъ, уменьшаетъ доходы архіерейскіе. Мы видѣли уже гоненіе на школу и учителей въ Казани, воздвигнутое архіереемъ изъ великороссіянъ. Печальное явленіе не было единственнымъ. Архангельскій архіерей Варсоноѳій говорилъ о большей, хорошо выстроенной школѣ: «Чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена? да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи Черкасишки, ни къ чему негодницы.» Экзаминатора Венедикта Галецкаго Синодъ велѣлъ произвести въ архимандриты въ Антоніевъ Сійскій монастырь; но Варсоноѳій, изъ ненависти къ нему какъ малороссіянину, не произвелъ его въ архимандриты, и пищу давалъ очень скудную, напитковъ ничего не давалъ и въ келью къ себѣ рѣдко допускалъ. Галецкій, не вынесши такого обращенія, уѣхалъ, а Варсоноѳій обрадовался и говорилъ: «Слава Богу, Черкашенина отсюда избыли!» Неохотникъ до школы отличался грубостію и жестокостію. Въ 1742 году въ Архангельскѣ, на святой недѣлѣ, 17 апрѣля, въ праздникъ св. Зосимы Соловецкаго, архіерей служилъ обѣдню, а предъ церковію противъ алтаря стояли босые на снѣгу соборные протопопъ съ священниками и дьяконами за то, что не служили накапунѣ

всеночной. Пріѣхавъ въ Николаевскій корельскій монастырь и подгулявши, не извѣстно за что жестоко прибилъ своими руками соборнаго ключаря и велѣлъ водить вокругъ монастыря на цѣпи въ жестокій морозъ; ставилъ въ священники людей моложе двадцати лѣтъ, волочилъ ставленниками, бралъ съ нихъ взятки [228].

Архіереи, заботливые о школахъ, встрѣчали препятствіе къ ихъ заведенію въ недостаткѣ денегъ, дѣйствительномъ или мнимомъ. Въ 1748 году тобольскій митрополитъ Антоній просилъ Синодъ, и Синодъ представилъ въ Сенатъ, чтобъ въ Тобольскѣ, при архіерейскомъ домѣ учредить славяно-латинскаго ученія семинарію для двухъ сотъ студентовъ съ тѣмъ, чтобъ студентовъ, учителей и проповѣдника, по примѣру московской славяно-греко латинской академіи, содержать изъ казны императорской, кромѣ учениковъ и учителя русской школы, которые, по силѣ духовнаго регламента, должны быть содержаны—ученики на собираемую съ знатнѣйшихъ монастырей двадцатую часть хлѣба и на готовыхъ книгахъ архіерейскихъ, а учитель на домовомъ архіерейскомъ кощтѣ. Антоній указывалъ, гдѣ взять деньги на новый расходъ: собираемыя въ тобольской епархіи съ вѣнечныхъ памятей на содержаніе лазаретовъ деньги (которыхъ въ сборѣ бываетъ до 500 рублей въ годъ) опредѣлить на новую семинарію, ибо на содержаніе гошпиталей послѣ 1714 года сверхъ денегъ, собираемыхъ съ вѣнечныхъ памятей, изобрѣтены и другіе немалые сборы, а именно вычеты за повышеніе ранговъ мѣсячнаго жалованья, вычеты при выдачѣ жалованья у всѣхъ служащихъ по копѣйкѣ съ рубля, съ неисповѣдающихся всякихъ чиновъ людей положенные штрафы. Если съ вѣнечныхъ памятей сумма опредѣлится на семинарію, то она пойдетъ на платье и обувь студентамъ и на жалованье учителямъ и проповѣднику, а кормовыя деньги пусть велѣно будетъ производить противъ студентовъ московской академіи вполовину, т.-е. по $1^1/_2$ копѣйки каждому на день изъ неокладныхъ доходовъ сибирской губерніи, а хлѣбомъ ихъ Синодъ опредѣлитъ довольствовать изъ архіерейскихъ житницъ, также и о снабженіи семинаріи библіотекою Синодъ промыслитъ. На это представленіе Сенатъ отвѣчалъ: на содержаніе семинаріи доходовъ опредѣлить нельзя по причинѣ многочисленныхъ расходовъ, удѣлить не изъ чего,

и потому св. Синодъ благоволилъ бы опредѣлить изъ доходовъ своего вѣдомства, ибо, какъ уповательно, при домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ и въ канцеляріи экономическаго правленія, за расходами денежной казны и хлѣба, остается не малая сумма [229].

Въ Тобольскѣ хотѣли заводить славяно-латинскую семинарію, а между тѣмъ въ Москвѣ было не болѣе 40 ученыхъ священниковъ и дьяконовъ, включая сюда и некончившихъ академическаго курса. Цѣль ихъ ученія было наставленіе прихожанъ, но на допросъ консисторіи, кто сколько въ годъ говорилъ проповѣдей, нѣкоторые отозвались, что проповѣдей своего сочиненія не говорили за неимѣніемъ нужной для того библіотеки, чтобъ безъ справки съ книгами «вмѣсто пшеницы праваго ученія не сказать плевелъ мерзкія ереси.» Обучавшіеся въ реторикѣ объявляли, что и сложить проповѣди не могутъ; нѣкоторые показывали, что не говорили проповѣдей, потому что еще продолжаютъ учиться въ Академіи. Предъ поставленіемъ въ священники архіерей отсылалъ кандидата въ школу или къ экзаминатору, который преподавалъ ему нужное ученіе по букварю и по особо изданной тетрадкѣ, а потомъ писалъ аттестатъ: «Такой-то силу символа православной вѣры, десяти заповѣдей Божіихъ и церковныхъ, седьми таинствъ церковныхъ, добродѣтелей богословскихъ и евангельскихъ, и совѣтовъ о грѣсѣхъ и всего надлежащаго до катехизиса изустно сказалъ.» Не смотря на то, ученые архіереи объявляли, что въ ихъ епархіяхъ духовенство, въ давнихъ и недавнихъ лѣтахъ произведенное, надлежащаго по его должности ученія ничего не знаетъ, узнанное у экзаминатора послѣ посвященія совсѣмъ забываетъ, умышленно не прилагая никакого радѣнія для удержанія того въ памяти, а нѣкоторые, произведенные въ давнихъ лѣтахъ, никогда ни чему и не учились.

Теперь посмотримъ, чему и какъ въ школахъ учились, и начнемъ съ старой московской школы, славяно-латинской Академіи.

Здѣсь явно стремились къ тому, чтобъ учителями были постоянно одни монахи. Въ 1744 году въ Академіи былъ только одинъ свѣтскій учитель Кондаковъ, и то въ низшихъ классахъ, но и относительно его, по представленію ректора, послѣдовало такое опредѣленіе Синода: «Кондакова изъ учителей, понеже

онъ монашескаго чина нынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять.» По штату 1745 года на Академію выдавалось ежегодно 4,450 рублей; ректоръ получалъ 300 рублей жалованья, учителя по 150 рублей; старшіе ученики получали по 4, младшіе по 3 копѣйки въ день; учениковъ, не получавшихъ жалованья было очень немного. Духовный регламентъ требовалъ «чтобъ при школахъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки, какъ безъ души, Академія.» Не смотря на то на библіотеку денегъ не выдавалось, учителя и ученики пользовались книгами синодальной и типографской библіотекъ, академическая же библіотека наполнялась съ теченіемъ времени книгами, оставшимися послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ. Академію составляли ректоръ, префектъ или инспекторъ и отъ 6 до 7 учителей. Префектъ, по регламенту, долженъ быть «не весьма свирѣпый и не меланхоликъ.» Низшій или приготовительный классъ носилъ названіе славяно-русской школы: въ ней учили азбукѣ, часослову, псалтырю и письму, училъ студентъ высшихъ классовъ, которому за то давалось двойное студенческое жалованье. За славяно-русскою школою слѣдовала *фара*, гдѣ учили читать и писать по латыни, за фарою *инфима*, гдѣ преподавали первыя грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языковъ, также исторію и географію, катехизисъ и ариѳметику. За тѣмъ слѣдовали синтаксима, реторика, философія и богословія. Въ преподаваніи богословія господствовала схоластика, занимались рѣшеніемъ, напримѣръ, такихъ вопросовъ: гдѣ сотворены Ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ—посредствомъ соединенія, различенія, или какъ-нибудь иначе? какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли? какъ велико по объему мѣсто, которое можетъ занимать Ангелъ? въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ жизни будущей и т. п. Въ богословіе входила глава о договорахъ, и здѣсь говорилось о договорахъ съ дьяволомъ, о колдунахъ, которые могутъ переставлять съ мѣста на мѣсто цѣлыя поля, обращаться въ невидимокъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ возсталъ противъ схоластики, которая, по его словамъ, занимала учениковъ пустыми спорами, поселяла въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости, дѣлала изъ науки ко-

медію: несмотря на то новое направленіе, указанное Ѳеофаномъ, начало пробиваться въ Московской Академіи только въ сороковыхъ годахъ, благодаря особенно богословскому преподаванію ректора Кирилла Флоринскаго (умершаго въ 1743 году). Профессоръ философіи преподавалъ физику, метафизику, психологію и метеорологію; въ психологіи послѣ главы о душѣ слѣдовалъ трактатъ о волосахъ, гдѣ рѣшались вопросы, отъ чего у стариковъ выпадаютъ волосы, отъ чего у женщинъ не ростетъ борода? и т. п. Физика оканчивалась уранографіей, гдѣ рѣшались вопросы о числѣ небесъ, о жидкости неба, о движеніи небесъ, о разстояніи неба отъ земли, и, между прочимъ вопросъ, росла ли въ раю роза безъ шиповъ. Цѣлію преподаванія реторики было заставить ученика выражаться какъ можно высокопарнѣе, вычурнѣе, какъ можно болѣе разниться въ своей рѣчи отъ рѣчи простой, разговорной. Вотъ образчикъ реторическаго упражненія въ описываемое время. Предметъ сочиненія: цари мудрые и воинственные одинаково знамениты:

«Еще доселѣ Ѳемида на своихъ не ложныхъ вѣсѣхъ сей не объяви правды, яко едали кровавой Беллоны или премудрыя Паллады славнѣйшія суть дѣла и вящіе у міра пріобрѣтаютъ ли славы, и во правду яко гдѣ-либо Марсъ язвоноснымъ своимъ пооретъ желѣзомъ, гдѣ-либо мужественная Беллона изобильную воинства своего кровь истощитъ, всегда тамо, аще бо бы были и Алпейскіе каменія, неувядаемые побѣдителей процвѣтутъ лавры; обаче весь свѣтъ исповести нужду мать, яко и Паллада подобная паче является Беллонѣ, яко во славѣ, тако и въ побѣдоносіяхъ. Не всегда бо по истощеніи кровей моря къ блаженному торжеству и блаженныя славы пристанищу Марсъ свой корабль препровождаетъ, но безопаснѣе сѣдше у кормила Палладова корабля и безъ малѣйшихъ обуреванія страстей намѣреннаго Тулліановыми волнами достигаетъ брега, неутолимое восклицая веселіе: се совершенно лаѳія приста ко брегу» [230].

Такъ медленно и съ такими уклоненіями пріобрѣтались средства, указанныя Преобразователемъ русскому духовенству для его поднятія согласно съ новыми условіями быта. Но мы видѣли, что Петръ обратилъ вниманіе и на матеріальныя средства бѣлаго духовенства и на отстраненіе тѣхъ затрудненій, которыя мѣшали правильности занятія духовныхъ мѣстъ. Мы

видѣли, что Петръ освободилъ духовенство отъ обязанности покупать и поддерживать дома; но въ царствованіе троихъ первыхъ его преемниковъ указъ его совершенно потерялъ силу; въ Москвѣ на мѣста были опредѣляемы только тѣ, которые давали большую цѣну за дома своихъ предмѣстниковъ. Только второй архіерей московской епархіи, Платонъ Малиновскій счелъ своею обязанностію требовать исполненія петровскаго указа. Тотъ же архіепископъ старался и объ исполненіи другого указа Петрова, чтобъ количество священнослужителей соотвѣтствовало средствамъ прихода, чтобъ духовенство такимъ образомъ получало обезпеченное содержаніе. Несмотря на строгія мѣры противъ безмѣстныхъ священниковъ, нанимавшихся на площадяхъ или крестцахъ отправлять церковныя службы, этотъ наемъ продолжался. Консисторія посылала на крестцы забирать священниковъ, ихъ наказывали плетьми, но они все не переставали ходить на крестецъ. Грубости нравовъ соотвѣтствовали жестокія наказанія, наказывали плетьми за пьянство и буйство, наказывали плетьми даже монахинь, сажали на тяжелыя цѣпи; но скоро мы услышимъ, какъ лучшіе люди станутъ вооружаться противъ жестокости наказаній, употреблявшихся въ монастыряхъ [231].

Отъ учителей церковныхъ перейдемъ къ свѣтскимъ. Мы видѣли состояніе высшаго учено-учебнаго учрежденія, Академіи Наукъ или по тогдашнему Десьянсъ-Академіи въ первое время ея существованія, видѣли, что очень скоро возникаетъ въ ней борьба между лучшими академиками и библіотекаремъ Шумахеромъ, который, умѣя находить поддержку во всѣхъ президентахъ, забралъ власть въ свои руки. Бреверпъ оставилъ президентское мѣсто, и Шумахеръ управлялъ дѣлами Академіи какъ совѣтникъ канцеляріи. Лучшіе ученые оставили Академію и Россію, молодой Миллеръ, обѣщавшій неутомимаго труженика, хотя не оставилъ Россіи, но принужденъ былъ бѣжать отъ Шумахера въ Сибирь, въ Камчатскую экспедицію. По удаленіи лучшихъ Нѣмцевъ главнымъ врагомъ Шумахера оставался Французъ Делиль, попытка котораго побороться съ могущественнымъ библіотекаремъ не имѣла никакого успѣха. Делиль однако остался въ Петербургѣ и дождался воцаренія Елисаветы. Его одноземецъ Шетарди хлопоталъ о возведеніи на престолъ до-

чери Петра Великаго, чтобъ этимъ возведеніемъ низложить поднявшихся при Аннѣ нѣмцевъ, которымъ приписывалъ участіе Россіи въ дѣлахъ Европы. Понятно, что когда Шетарди считалъ себя въ правѣ думать о близкомъ исполненіи своихъ желаній, когда Остерманъ, Минихъ и Левенвольдъ отправились въ ссылку, французъ Делиль не хотѣлъ терять времени и выступилъ въ походъ противъ Шумахера и Нѣмцевъ, разумѣется, подъ знаменемъ науки и Россіи. Въ январѣ 1742 года онъ подалъ въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ обвинялъ Шумахера въ обремененіи Академіи разными учрежденіями по части искусствъ и ремеслъ, въ искаженіи такимъ образомъ характера Академіи и лишеніи ея необходимыхъ средствъ; русскій народъ не мало потерпѣлъ отъ этого, русскихъ не старались обучать и двигать въ наукахъ, употребляли и повышали однихъ почти нѣмцевъ, которые немного принесли пользы государству; профессора не имѣютъ возможности управлять Академіею по намѣренію Петра Великаго.

Французъ доноситъ на нѣмца, что тотъ поступалъ противъ русскихъ интересовъ, а что же русскіе? Мы видѣли, что русскихъ, которые бы имѣли важное ученое значеніе, занимали профессорскія мѣста, въ Академіи не было. Ададуровъ былъ только адъюнктомъ; Тредьяковскій числился секретаремъ и потому долженъ былъ держать себя въ сторонѣ, когда профессора ссорились съ Шумахеромъ и президентами. Былъ въ Академіи одинъ значительный человѣкъ изъ русскихъ, извѣстный токарь Петра Великаго Андрей Константиновичъ Нартовъ, котораго свѣдѣнія въ механикѣ, какъ видно, очень уважались современниками; въ концѣ царствованія Анны онъ опредѣленъ былъ въ Академію къ инструментальнымъ дѣламъ, учреждена особая механическая экспедиція. Нартовъ сдѣланъ вторымъ совѣтникомъ академической канцеляріи и столкнулся съ Шумахеромъ, который видѣлъ въ немъ лишняго и мѣшавшаго ему человѣка. Нартовъ слышалъ отъ своихъ русскихъ, мелкихъ людей въ Академіи, переводчиковъ, студентовъ, приказныхъ и мастеровыхъ, сильныя жалобы на дурное обращеніе съ ними Шумахера, на его своеволіе, казнокрадство, и рѣшился выступить въ походъ, въ союзѣ съ Делилемъ. Время было самое благопріятное: нѣмцы попадали сверху, на престолѣ была дочь Петра Великаго,

знавшая хорошо Нартова, какъ близкаго человѣка къ отцу. 2 августа 1742 года, когда дворъ и Сенатъ были въ Москвѣ, сенатская контора въ Петербургѣ получила отъ совѣтника Академіи Наукъ Андрея Нартова представленіе, что онъ подалъ въ Сенатъ проекты «при экспедиціи лабораторій механическихъ и инструментальныхъ наукъ, главной артиллеріи и о прочихъ высочайшихъ, государственныхъ дѣлъ для пользы отечества и интересовъ ея импер. величества денежной казны поданы отъ него въ прав. Сенатъ проекты, и требовалъ, чтобъ его для исходатайствованія по онымъ резолюціи, такожъ и для объявленія въ Москвѣ ко артиллеріи секретныхъ дѣлъ отпустить, и по отбытіи его порученныя ему дѣла исправлять имѣющемуся при той же Академіи профессору Делилю» [232]. Нартова отпустили къ чрезвычайной досадѣ Шумахера, который уже провѣдалъ, что Делиль и Нартовъ жаловались на него Сенату. Онъ писалъ Штелину въ Москву: «Г. совѣтникъ Нартовъ получилъ изъ сенатской конторы паспортъ на проѣздъ въ Москву конечно для подтвержденія поданныхъ Делилемъ пунктовъ и своихъ собственныхъ клеветъ. Я не обращаю на то вниманія, потому что у меня совѣсть чиста. Делиль уже болѣе двухъ лѣтъ не имѣетъ сношеній съ Академіей, а теперь сенатская контора, по представленію Нартова, безъ вѣдома Академіи, передала этому Делилю экспедицію инструментальныхъ и лабораторныхъ наукъ — такъ титулуется теперь инструментальная мастерская! Это позоръ» [233]!

Нартовъ взялъ съ собою въ Москву доносъ на Шумахера академическихъ служителей — коммиссара Камера, канцеляриста Грекова, копіиста Носова; кромѣ нихъ послали доносъ на того же Шумахера студенты Пухортъ, Шишкаревъ и Ковринъ, ученикъ гравера Поляковъ, переводчики Горлицкій и Поповъ.

Переводчикъ Горлицкій писалъ Нартову въ Москву: «Что же о насъ — благодатію Божіею до сего числа здравы пребываемъ, ожидая тщаніемъ вашимъ милости всещедраго Бога чрезъ помазанницу его получить, а супостатовъ ходатайствомъ Пресв. Богородицы и всѣхъ святыхъ подъ ноги вѣрныхъ рабовъ и сыновъ россійскихъ покорить дай Боже» [234].

Сначала успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ: императрица назначила слѣдственную коммиссію надъ Шумахеромъ и его со-

общниками, въ слѣдствіе чего Шумахеръ былъ арестованъ. Всѣ академическія дѣла поручены были Нартову, который сталъ заботиться о томъ, чтобъ какъ-нибудь вывести Академію изъ ея печальнаго положенія. Въ мартѣ 1743 года онъ жаловался въ Сенатъ, что штатсъ-контора вмѣсто 24912 рублей выдала только 10,000 рублей, отговариваясь отсутствіемъ денегъ въ рентереѣ, тогда какъ вся Академія и за прошлый 42 годъ жалованья не получила. При этомъ Нартовъ заявлялъ, что Академія не можетъ пробыть болѣе безъ президента и безъ утвержденія штата, составленнаго еще въ 1735 году и не конфирмированнаго; также, что Академія сама долговъ своихъ заплатить не можетъ. Сенатъ приказалъ отпустить всю сумму немедленно и всегда отпускать сполна вначалѣ года. 27 Іюня того же года Нартовъ, отъ имени Академіи, подалъ доношеніе въ кабинетъ, жаловался на долги и недостатки Академіи, выставляя главною причиною ихъ то, что въ Академіи два учрежденія Академія Наукъ и Академія Художествъ, и вторая истощаетъ первую. При этомъ Нартовъ доносилъ, что канцелярія отрѣшила излишнихъ и вопреки указамъ пенсіоны и двойное жалованье получающихъ неподобныхъ людей, т.-е. танцмейстера, также безпашпортныхъ и тому подобныхъ служителей. Изъ гимназіи отрѣшила трехъ нѣмецкихъ учителей: первый изъ нихъ Миллеръ, родной братъ профессору Академіи Миллеру, почти всегда больнымъ сказывался; онъ и другой учитель Германъ русскаго языка вовсе не знаютъ и потому больше учили иноземческихъ дѣтей, а русскія дѣти почти напрасно къ нимъ въ гимназію и ходили, ибо Германъ и Миллеръ недѣли по двѣ и по три туда не являлись, но учили на дому за деньги, а вмѣсто нихъ одинъ только информаторъ Фишеръ въ гимназіи училъ, да и тотъ русскаго языка почти ничего не знаетъ, къ тому же глухъ и плохо видитъ. На мѣсто отрѣшенныхъ Академія имѣетъ русскихъ людей, а именно Василья Тредьяковскаго и Ивана Горлицкаго, которые въ гимназіи могутъ обучать русскихъ дѣтей грамматическимъ порядкомъ латинскому и французскому языкамъ, а для нѣмецкаго языка будетъ опредѣленъ переводчикъ Гронингъ, который не только въ нѣмецкомъ, но и во французскомъ и въ русскомъ языкѣ очень силенъ. А въ гимназіи главное дѣло, чтобъ русской націи дѣти грамматическимъ порядкомъ на всѣхъ языкахъ учились, безъ чего право

писать и говорить не могутъ; сверхъ того можетъ надъ гимназіею смотрѣніе имѣть адъюнктъ Ломоносовъ и другіе. Нартовъ спрашивалъ, неугодно ли будетъ въ Академіи для каждой науки оставить по одному профессору и по одному адъюнкту; почетнымъ членамъ, пребывающимъ въ иностранныхъ земляхъ, пенсій не давать; художественные департаменты убавить, ибо никакого плода россійскому государству не приносятъ.

Отъ Академіи представленъ былъ длинный списокъ учрежденій и лицъ, должныхъ ей за напечатаніе указовъ и забранныя книги: на самомъ сенатѣ числилось 6501 рубль, на бывшемъ кабинетѣ 75, на Синодѣ 577, на императорскомъ дворѣ за забранныя книги, комедіи и прочія вещи 813, на принцессѣ Аннѣ 260, на принцѣ Антонѣ 135, на баронѣ Менгденѣ 270, на Брюммерѣ 102; особенно значительныя суммы числились на бывшихъ президентахъ: на Блюментростѣ за книги 179, да чистыми деньгами взялъ 5061 рубль, на Кейзерлингѣ 217, на Корфѣ 4339, на Бревернѣ 355; на всѣхъ учрежденіяхъ и лицахъ числилось 32203 рубля. Въ сентябрѣ 1743 года Нартовъ подалъ просьбу Елисаветѣ, что императрица Анна въ разные годы пожаловала Академіи 110,000 рублей, а по ея кончинѣ до сего времени никакой дачи не было, отчего Академія пришла въ совершенную нищету, и всѣ ея служители не только за этотъ 1743 годъ, но и за нѣсколько мѣсяцевъ прошлаго 1742 заслуженнаго жалованья не получали, и какъ профессора, такъ и всѣ служители съ женами и дѣтьми, дневной пищи лишаясь, гладомъ таютъ, а мастеровые и художники просятъ увольненія въ другія мѣста.

Чтобъ побудить къ скорѣйшему отдѣленію отъ Академіи художественныхъ департаментовъ Нартовъ подалъ въ Сенатъ доношеніе, гдѣ говорилось: «Въ прошломъ 1724 году поданъ былъ отъ меня его импер. величеству письменный проектъ объ учрежденіи Академіи Художествъ, который и соизволилъ его императ. величество заблагопринять и собственною своею рукою росписаніе Академіи художествъ по классамъ написалъ, по которому намѣреніе имѣлъ опредѣлить на содержаніе помянутой Академіи художествъ денежную сумму сверхъ Академіи Наукъ подъ надзираніемъ особливаго директора. Въ собственноручномъ росписаніи Петра Великаго было означено: І-й классъ: 1) мастеръ архитектуры цывилисъ; 2) мастеръ механики всякихъ мельницъ

и слюзовъ; 3) мастеръ живописныхъ всякихъ дѣлъ; 4) мастеръ скульпторныхъ всякихъ дѣлъ; 5) мастеръ грыдорованныхъ всякихъ дѣлъ. II-й классъ: 6) мастеръ иконныхъ дѣлъ; 7) мастеръ штыхованныхъ всякихъ дѣлъ; 8) мастеръ тушеванныхъ дѣлъ; 9) мастеръ граверныхъ дѣлъ, который отправляетъ шпейтели. III-й классъ: 10) мастеръ оптическихъ дѣлъ; 11) мастеръ фонтанныхъ дѣлъ, что надлежитъ до гидролики; 12) мастеръ токарныхъ дѣлъ, что надлежитъ до токарныхъ машинъ; 13) мастеръ математическихъ инструментовъ; 14) мастеръ лѣкарскихъ инструментовъ; 15) мастеръ слесарскихъ дѣлъ желѣзныхъ инструментовъ. IV-й классъ: 16) мастеръ плотническихъ дѣлъ, что надлежитъ до шпицовъ; 17) мастеръ столярныхъ дѣлъ; 18) мастеръ замочныхъ дѣлъ; 19) мастеръ типографическихъ дѣлъ; 20) мастеръ обронныхъ мѣдныхъ дѣлъ; 21) мастеръ литейныхъ мѣдныхъ дѣлъ; 22) мастеръ оловяничныхъ всякихъ дѣлъ; 23) мастеръ мѣдныхъ мелкихъ гарнитурныхъ дѣлъ; 24) мастеръ серебряныхъ всякихъ дѣлъ. Всего мастеровъ 24 человѣка, учениковъ 240 человѣкъ, покоевъ академическихъ 115. Петръ велѣлъ архитектору Земцову сдѣлать чертежъ зданія Академіи художествъ.

Наконецъ Нартовъ вошелъ съ жалобою, что учрежденное въ 734 году Россійское собраніе разрушилось [235].

Всѣ эти движенія со стороны Нартова показываютъ въ немъ человѣка добросовѣстнаго, хотѣвшаго принести возможную пользу Академіи и не позволяютъ намъ легко отнестись къ этому токарю, повторять объ немъ отзывы людей, явно ему враждебныхъ. Предположеніе, что онъ могъ имѣть хорошаго совѣтника въ человѣкѣ болѣе даровитомъ, только можетъ увеличить его заслугу. Къ сожалѣнію Нартовъ не могъ оставаться долго на своемъ мѣстѣ и спокойно отдаться заботамъ объ Академіи, потому что дѣло по жалобамъ на Шумахера съ самаго начала приняло неблагопріятный для него и союзниковъ его характеръ. Изслѣдованіе дѣла было поручено особой коммиссіи, которая состояла изъ петербургскаго комменданта генерала Игнатьева и президента коммерцъ-коллегіи князя Юсупова подъ предсѣдательствомъ адмирала Головина. Почему-то главнымъ дѣятелемъ въ коммиссіи явился князь Юсуповъ, что не обѣщало хорошаго исхода для жалобщиковъ. Мы уже не разъ встрѣчались съ этимъ Юсуповымъ, слышали жалобы вице-президента коммерцъ-колле-

гіи на его нападки и ругательства, слышали прокурорское извѣщеніе, какъ тотъ же Юсуповъ въ присутствіи ударилъ солдата по щекѣ. Предъ такого-то господина являются теперь нѣсколько мелкихъ, ничтожныхъ людей, которые осмѣливаются обвинять своего начальника: да это неслыханное дѣло, это просто бунтъ, въ родѣ недавняго нападенія въ Петербургѣ на Святой подъ качелями на нѣмецкихъ офицеровъ, или недавняго же бунта солдатъ въ Финляндской арміи; эти явленія надобно прекращать какъ можно скорѣе арестами, плетьми и ссылками. Не говоримъ уже о томъ, что со стороны Шумахера и его друзей были употреблены всѣ средства, чтобъ въ глазахъ людей сильныхъ представить это дѣло именно такимъ образомъ. Еще прежде разразившейся надъ нимъ бури, Шумахеръ успѣлъ заискать расположеніе Лестока, Черкасова, гофмаршала Миниха, Воронцова; есть извѣстіе, что къ Юсупову писалъ за Шумахера какой-то сильный тогда при дворѣ человѣкъ иностранный. Жалоба на Шумахера была собственно жалоба на бывшихъ президентовъ Академіи, а эти президенты, именно двое послѣднихъ, Корфъ и Бреверлъ были люди сильные, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ; обвинить Шумахера значило обвинить ихъ. И въ какихъ злоупотребленіяхъ обвинялся Шумахеръ? въ томъ, что онъ былъ любезный, услужливый человѣкъ, не спрашивалъ денегъ съ тѣхъ, кто забиралъ книги въ Академіи? Въ упомянутомъ спискѣ лицъ должныхъ Академіи за забранныя книги находимъ имена двоихъ членовъ коммиссіи—Головина, на которомъ числилось 97 рублей, и Игнатьева, на которомъ числилось 5 рублей.

Съ другой стороны характеръ обвиненій противъ Шумахера былъ такой, что ему легко было оправдаться. Въ обвиненіяхъ выразилось самымъ сильнымъ образомъ долго подавляемое оскорбленное національное чувство, какъ оно высказывалось въ одахъ и проповѣдяхъ; но въ одахъ и проповѣдяхъ оно высказывалось по поводу падшихъ, осужденныхъ, Бирона и Остермана съ товарищами; тогда какъ обвинители Шумахера, высказывая свою вражду, забыли, что имѣютъ дѣло не съ сибирскими и ярославскими заточниками, а съ людьми сильными, забыли, что они будутъ обязаны вести дѣло юридически, доказывать каждую выходку свою, каждое слово. Шумахеръ обвинялся въ томъ, что отъ его злаго умышленнаго непорядка сущее безславіе, поношеніе, уничтоже-

ніе и изсякновеніе наукъ и вмѣсто пользы вредъ происходитъ; что въ 18 лѣтъ ни одного професcора изъ русскихъ нѣтъ, и что отсюда явно шумахерово на Россію скрежетаніе. Шумахеру легко было оправдаться, указавши, что онъ былъ человѣкъ подначальный, исполнялъ волю президентовъ, а, съ другой стороны, дѣло научное было не въ его рукахъ, а въ рукахъ професcоровъ. Такимъ образомъ онъ защищался именами президентовъ, тѣмъ болѣе, что въ обвиненіяхъ была выходка и противъ нихъ. Горлицкій писалъ: «Ежели бы (по проекту Петра В.) директоръ и два его товарища были россійскаго народа, православные и добросовѣстные, то бы сіи три человѣка не допустили до такихъ его злоковарныхъ и вредныхъ отечеству нашему умышленій; къ тому жъ президентъ вельми ученый и не супостатъ бы былъ православію, понеже таковые люди не вѣрны да и разнствіе закона по нуждѣ другъ другу противиться понуждаетъ». Шумахеръ отвѣчалъ, что президенты были опредѣлены по именнымъ указамъ, люди искусные и науки знающіе, которые и нынѣ обрѣтаются въ службѣ ея величества, Блюментростъ въ Москвѣ при медицинскихъ дѣлахъ, Кейзерлингъ при польскомъ дворѣ, Корфъ при датскомъ министрами, а Бревернъ въ иностранной коллегіи тайнымъ совѣтникомъ, и чтобъ изъ нихъ кто былъ супостатъ православія не знаетъ и злоковарныхъ и вредныхъ россійскому отечеству умышленій никакихъ отъ него Шумахера не было. Обвинители доставили также Шумахеру самыхъ ревностныхъ союзниковъ въ людяхъ, которые прежде были его врагами, именно въ професcорахъ Академіи; послѣдніе увидали, что обвиненія, направленныя на Шумахера, еще болѣе направлены на нихъ, изъ распоряженій Нартова относительно гимназіи увидали ясно, къ чему идетъ дѣло, и сочли необходимымъ въ собственныхъ интересахъ поддерживать Шумахера противъ Нартова, жаловались въ коммиссію, что Нартовъ пишетъ къ нимъ въ формѣ указовъ, чего и прежніе президенты никогда не дѣлали и Шумахеръ такой власти себѣ не присвоивалъ. Миллеръ самъ признавался, что всѣ эти движенія противъ Нартова въ пользу Шумахера дѣлались по его совѣтамъ, что онъ писалъ всѣ представленія и просьбы.

Уже 24 декабря 1742 года слѣдственная коммиссія доносила императрицѣ, что она никакого важнаго преступленія Шумахера

не видитъ, а потому не соизволитъ ли ея величество Шумахера изъ подъ ареста освободить и отдать ему шпагу. По отзывамъ коммиссіи доносители не привели ниодного доказательства, и требуютъ, чтобъ ихъ допустили до всѣхъ дѣлъ академическихъ, о которыхъ и не доносятъ, изъ чего видно, что они только хотятъ продолжать время, ибо о чемъ не имѣютъ доносить, то не для чего такихъ посторонних дѣлъ имъ и требовать. Гридоровальнаго дѣла подмастерье Поляковъ въ коммиссіи при генералѣ Игнатьевѣ, Нартовѣ и Делилѣ кричалъ и неучтиво говорилъ, что у него на допросъ шумахеровъ доказательство готово, только объявлять не будетъ и судомъ коммиссіи не доволенъ, секретаря Иванова называлъ воромъ, потому что по его Полякова доношенію по третьему пункту Шумахеръ не допрашиванъ о самовольныхъ и непорядочныхъ расходахъ, за что коммиссія велѣла заключить Полякова въ оковы.

12 Марта 1743 года коммиссія объявила, что всѣ доносители показывали ложно изъ злости, не исключая Нартова и Делиля; а что Нартовъ представлялъ проектъ и собственноручное росписаніе Петра Великаго объ учрежденіи Академіи рукодѣльной, то ему надлежало объявить объ этомъ въ Сенатѣ или въ кабинетѣ и требовать исполненія; но этого до сихъ поръ имъ не сдѣлано и намѣреніе Петра Великаго не осуществлено отъ него Нартова, за что онъ подлежитъ суду. А Делиль доноситъ за то, что Шумахеръ ему жалованья не давалъ, по слѣдствію же явилось, что онъ Делиль въ конференцію къ профессорамъ не ходилъ и ничего не сообщалъ; а на Нартова Шумахеръ въ 742 году сенатской конторѣ представлялъ, что онъ большую часть своего времени на артиллерійскія работы употребилъ и употребляетъ, тогда какъ президентъ Корфъ требовалъ его въ Академію Наукъ для того, чтобъ начатый тріумфальный столбъ всѣмъ славнымъ баталіямъ и акціямъ и героичнымъ дѣламъ Петра В. окончить, Нартовъ же, несмотря на многократныя ему отъ Академіи Наукъ напоминанія, этого великаго и важнаго дѣла не только не кончилъ, но въ шесть лѣтъ и не началъ. Онъ же Нартовъ съ профессоромъ Делилемъ, по вступленіи коммиссіи въ слѣдствіе, архивъ ученыхъ бумагъ и шкафы географическаго департамента запечатали самовольно, безъ всякой причины, и тѣмъ остановили ученыя занятія, а профессорамъ нанесли крайнюю

обиду, изъ чего можно заключить, что Делиль желалъ на такую славную въ свѣтѣ Академію навлечь безславіе и поношеніе. По этому коммиссія полагаетъ профессора Делиля уволить, за то что онъ въ конференцію къ профессорамъ не ходитъ и никакихъ изобрѣтеній имъ не сообщаетъ; о совѣтникѣ же Нартовѣ коммиссія предаетъ въ высочайшее соизволеніе, но притомъ представляетъ, что онъ Академіею Наукъ управлять не можетъ, потому что наукъ не знаетъ, необходимо опредѣлить президента, а къ нему въ помощь совѣтника Шумахера, который этого вполнѣ достоинъ, къ тому же онъ служитъ въ Академіи съ самаго ея основанія; его трудами кунсткамера и библіотека приведены въ порядокъ, а такъ какъ въ проектѣ Петра Великаго повелѣно назначить директора и двоихъ товарищей, то директоромъ быть Шумахеру, а товарищами Ададурову и Тауберту.»

Нартовъ, узнавши о такомъ донесеніи коммиссіи, подалъ императрицѣ челобитную: «Въ именномъ указѣ велѣно при разборѣ и разсмотрѣніи канцелярскихъ дѣлъ — все ли по силѣ указовъ происходило, равно и въ прочихъ дѣлахъ для разъясненія и доказательства всѣхъ непорядковъ и похищенія казны быть мнѣ съ профессоромъ Делилемъ, также и доносителямъ безотлучно; ясно, что требуемыя отъ нихъ изъясненія и доказательства должны быть представляемы по наличнымъ дѣламъ, а не на память, и если бъ коммиссія поступила по силѣ именнаго указа, то, разборомъ запечатанныхъ вещей и академическихъ дѣлъ при насъ депутатахъ и при доносителяхъ выведены были бы наружу не только показанныя въ доношеніяхъ неправые поступки Шумахера и похищенія казны, но и противные интересу вашего величества непорядки. Но коммиссія начала не разборомъ и свидѣтельствомъ академическихъ дѣлъ вмѣстѣ съ нами, а судомъ, какъ будто бы это было партикулярное челобитчиково дѣло. Нынѣ увѣдомился я, что коммиссія предложила вашему величеству докладъ, не объявя намъ депутатамъ, не изслѣдовавъ подлинно, не допустивъ доносителей къ разсмотрѣнію и свидѣтельству составленныхъ выписокъ и экстрактовъ и къ прикладыванію рукъ, подлинныя дѣла при насъ депутатахъ и при доносителяхъ не свидѣтельствованы, а свидѣтельствовали и разсматривали ихъ члены коммиссіи безъ насъ и по требованіямъ доносителей ничего не объявляли, представляя, что доно-

сители доказательствъ не имѣютъ, несмотря на то, что Шумахеръ ими обличенъ и по нѣкоторымъ пунктамъ самъ винился. Коммиссія полагаетъ, будто бы все то дѣлано было не имъ Шумахеромъ, а президентами, и будто бы онъ Шумахеръ при президентахъ воли не имѣлъ, несмотря на то, что многія опредѣленія имъ однимъ крѣплены, и самъ онъ Шумахеръ въ книгѣ: «Краткое изъясненіе о состояніи Академіи Наукъ» на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ о себѣ во весь свѣтъ объявилъ, что съ самаго начала Академіи Наукъ правилъ канцеляріею и прочими академическими дѣлами, чего безъ одобренія прав. сената печатать ему о себѣ не слѣдовало; да въ той же книгѣ въ началѣ въ фигурѣ у фамы на значкѣ изобразилъ, будто бы Анна (правительница) совершила то, что Петръ I началъ; что начало Академіи отъ Петра Великаго это всѣмъ извѣстно, а что бывшая принцесса Анна будто бы ее совершила, то онъ приписалъ ложно, потому что и до сихъ поръ Академія въ несовершенствѣ; въ 19 лѣтъ ни одного русскаго профессора не произведено, а денегъ истрачено на нее болѣе полумилліона.»

Поповъ, Горлицкій, Камеръ, Пухортъ и Грековъ подали также просьбу на высочайшее имя, также жаловались, что коммиссія, оставя слѣдствіе, начала судъ между ними и Шумахеромъ, что они обличили Шумахера въ похищеніи казеннаго интереса. Они просили освободить ихъ отъ коммиссіи и допустить къ академическимъ дѣламъ, потому что въ этихъ дѣлахъ такіе скрытные подлоги находятся, которыхъ никто незнающій академическихъ порядковъ безъ нихъ разобрать и показать ясно не можетъ. Поляковъ подалъ жалобу, что одинъ допросный пунктъ былъ въ коммиссіи утаенъ; онъ завелъ объ этомъ споръ и отданъ подъ караулъ по приказанію генерала Игнатьева; когда же онъ объявилъ, что судомъ его превосходительства не доволенъ, то пріѣхавшій въ это время въ коммиссію князь Юсуповъ называлъ его плутомъ и шельмою въ противность стоящаго на столѣ зерцала, и когда онъ, Поляковъ, объявилъ, что коммиссіею не доволенъ, то князь Юсуповъ велѣлъ посадить его на цѣпь какъ злодѣя [236].

Коммиссія требовала для Шумахера директорскаго мѣста, хотя и признала его виновнымъ въ растратѣ казенной собственности; для доносителей его требовала плетей, батаговъ и ссылки. За

Шумахера хлопоталъ при дворѣ старый его пріятель, профессоръ Штелинъ, находившійся въ это время наставникомъ при великомъ князѣ наслѣдникѣ. Въ декабрѣ 1743 года послѣдовалъ указъ императрицы Шумахеру быть въ Академіи удѣлъ по прежнему, Нартову быть также у прежняго дѣла, у котораго онъ былъ до отрѣшенія Шумахера. По свидѣтельству Ломоносова «уговорены были съ Шумахеровой стороны бездѣльники изъ академическихъ нижнихъ служителей, кои отъ Нартова наказаны были за пьянство, чтобъ, улуча государыню гдѣ при выѣздѣ, упали ей въ ночи, жалуясь на Нортова, якобы онъ заставилъ терпѣть голодъ безъ жалованья. Сіе они сдѣлали, и государыня, по наговоркамъ шумахерова патрона, указала Нартова отрѣшить отъ канцеляріи и быть въ ней Шумахеру главнымъ по прежнему» [237].

Коммиссія закрывалась; но все дѣло было передано на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ Сенатъ. Сенатъ призналъ справедливымъ заключеніе коммиссіи о неосновательности доносовъ на Шумахера въ государственныхъ преступленіяхъ, хотя и смягчилъ наказанія для доносителей; но жалобъ на академическіе безпорядки и казнокрадство разбирать не сталъ, прося императрицу назначить президента, который и долженъ разсмотрѣть всѣ эти дѣла. Императрица велѣла освободить доносителей отъ всякаго наказанія. Изъ бумагъ, оставшихся послѣ знаменитой коммиссіи объ Академіи Наукъ, сохранилась вѣдомость о колодникахъ, содержавшихся по этой коммиссіи; имена колодниковъ оканчиваются слѣдующемъ именемъ: «адъюнктъ Михайла Ломоносовъ» [238].

Мы уже видѣли, что въ первое пятнадцатилѣтіе существованія Академіи русскій элементъ не могъ имѣть въ ней значенія. На первомъ планѣ были иностранцы болѣе или менѣе знаменитые; русскихъ было очень не много, и тѣ не выдавались своими дарованіями; виднѣе другихъ былъ Тредьяковскій; но русскіе не могли имъ похвалиться, указывать на него какъ на своего представителя въ наукѣ и литтературѣ. Дѣла пошли иначе, когда въ Академіи явился Ломоносовъ.

Намъ неизвѣстно время рожденія отца русской науки и литтературы: очень можетъ быть, что онъ и самъ съ точностію не могъ опредѣлить этого времени; но намъ извѣстно мѣсто его рожденія: поморская или бѣломорская страна пустынная, хо-

лодная, но прилегавшая къ морю, которое принадлежало Европѣ, на которомъ появлялся европейскій корабль. Сюда явился очень скоро молодой преобразователь, жаждавшій моря; эта страна впервые почувствовала прикосновеніе его сильной руки. Страна, народонаселеніе которой давно привыкло къ трудной и опасной, развивающей силы дѣятельности, давно привыкло къ тѣмъ явленіямъ, которыя стояли теперь на очереди, сильно потребовались; эта страна наполнилась новымъ духомъ, новымъ движеніемъ; кто-то сильный, необыкновенный явился, прошелъ, оставилъ неизгладимые слѣды, поразилъ воображеніе, овладѣлъ памятью народа. Всюду для людей чуткихъ, исполненныхъ силы, слышались слова: «Иди за мной, время наступило!» Подъ такими впечатлѣніями богатырскаго времени Новой Россіи воспитывался одаренный великою духовною силою сынъ холмогорскаго рыбака. Мать, происходившая изъ духовнаго званія, выучила его грамотѣ, и ребенокъ страстно схватился за книги, разумѣется, книги церковныя, кромѣ того онъ досталъ грамматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго. Работа съ отцемъ, морскія плаванія и промыслы укрѣпляли его физическія силы, дѣлали изъ него богатыря и тѣломъ. Богатырь не усидитъ въ отцовскомъ домѣ; его тянетъ на подвигъ, а подвигъ новой, преобразованной Россіи не разминать въ степи плечо богатырское, а развивать умъ наукою въ школѣ. Семейная обстановка печальна, выживаетъ изъ дому; матери, первой наставницы уже нѣтъ, вмѣсто ея мачиха, которая, по старому обычаю, «поѣдомъ ѣстъ» пасынка, за то, что онъ не работаетъ какъ слѣдуетъ крестьянскому сыну, корпитъ надъ книгами точно поповичъ. Богатырь уходитъ изъ дому — въ Москву, въ заиконоспасскія школы. Мужика не приняли бы по уставу; Ломоносовъ сказался поповичемъ, метрическихъ свидѣтельствъ тогда не спрашивали. Говорятъ, послѣ Ломоносовъ признался въ обманѣ вождю «ученой дружины,» оставшейся отъ петровскаго времени, и Ѳеофанъ Прокоповичъ обѣщалъ ему покровительство. Новая жизнь встрѣтила богатыря сильными препятствіями и искушеніями; послѣ онъ писалъ: «Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ ме-

ня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться»[239]! Ломоносовъ, какъ не имѣвшій дома никакого приготовленія въ латинскомъ языкѣ, долженъ былъ поступить въ нисшіе классы.

Но богатырь преодолѣлъ всѣ искушенія. Наука овладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе; какъ представитель новой Россіи онъ тяготился односторонностію направленія спасскихъ школъ, не могшихъ удовлетворить его относительно изученія естественныхъ наукъ, къ которымъ онъ чувствовалъ преимущественно призваніе. Учителя Малороссіяне нахвастали ему, что у нихъ въ Кіевѣ эти науки преподаются гораздо лучше; Ломоносовъ отправился въ Кіевъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Къ счастію для Ломоносова Петръ уже прошелъ передъ нимъ: при каждой новой потребности дѣлали наборъ способныхъ, сколько-нибудь подготовленныхъ молодыхъ людей и посылали за границу учиться. Въ 1736 году отправленъ былъ и Ломоносовъ съ двумя товарищами за границу изучить горное дѣло; но прежде онъ долженъ былъ заняться въ марбургскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго философа Вольфа. Въ 1739 году студентъ, занимавшійся по отзывамъ Вольфа, съ большимъ успѣхомъ математикою, философіею и особенно физикою, прислалъ оду на взятіе Хотина, которая составила эпоху въ исторіи русскаго языка и литтературы. То, чего такъ сильно желали отъ русскихъ ученыхъ, отъ россійскаго собранія и не могли дождаться отъ извѣстнаго пінты и переводчика Тредьяковскаго, именно живой русской рѣчи и сколько-нибудь гармоническаго стиха, то было получено отъ студента, занимавшаго-

ся за границею горнымъ дѣломъ. Для насъ въ общей исторіи Россіи вовсе не важно то, въ какомъ отношеніи находится первая ода Ломоносова къ одамъ знаменитаго тогда нѣмецкаго поэта Гюнтера; для насъ важны извѣстныя мысли, взгляды, высказанные авторомъ по поводу воспѣваемаго событія. Историкъ спокойно и безпристрастно смотритъ и на то, что въ извѣстное время, при извѣстномъ складѣ и настроеніи общества, замѣчательное событіе порождаетъ ли торжественную оду или рядъ газетныхъ статей и брошюръ, оцѣнивающихъ его значеніе, ибо газетная статья, брошюра и цѣлая книга можетъ также получить характеръ похвальной оды; для историка всюду, подъ какою бы то ни было формою, важны мысли и взгляды, взятые авторомъ изъ общества, или данные имъ обществу. Такъ въ первой одѣ Ломоносова нельзя не остановиться на видѣніи, гдѣ Петръ является вмѣстѣ съ Іоанномъ IV:

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ казанскихъ?
Каспійски воды! Онъ при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.
Герою молвилъ тутъ герой:
Не тщетно я съ тобой трудился;
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.

Въ сопоставленіи Петра съ Грознымъ сопоставлены новая и древняя Россія, сопоставлены ровно и дружно; способность автора сопоставить ихъ такимъ образомъ основывалась на изученіи имъ русской исторіи, которое и дало ему твердую почву, устанавливала его навсегда русскимъ человѣкомъ. Новый русскій человѣкъ не увлекся военнымъ торжествомъ, побѣдами, завоеваніями; онъ умѣлъ понять смыслъ русской исторіи, понять цѣль русскихъ войнъ, умѣлъ выставить борьбу Россіи съ азіатскимъ варварствомъ, азіятскимъ хищничествомъ и слѣдствія торжества Россіи въ этой борьбѣ:

Казацкихъ поль заднѣстрскій тать
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ;
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства...
Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ.

Тутъ же, въ первомъ самостоятельномъ произведеніи сына преобразовательной эпохи, знаменитаго труженика и представителя сѣверныхъ земскихъ людей Россіи, встрѣчаемъ вынесенное изъ исторіи и жизни опредѣленіе русскаго народа, встрѣчаемъ стихъ:

„Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ."

Мы не будетъ касаться чуждаго для насъ вопроса о степени поэтическаго таланта Ломоносова; мы видимъ одно, что Ломоносовъ, по своимъ способностямъ, былъ преимущественно ученый, и этими способностями служилъ какъ нельзя болѣе своему времени и своему народу, пробужденному преобразованіемъ къ умственной жизни. Любимымъ занятіемъ Ломоносова были естественныя науки, но по силѣ своихъ дарованій онъ не могъ быть узкимъ спеціалистомъ, и русскій человѣкъ съ возбужденною въ высшей степени мыслію не могъ не быть остановленъ страшнымъ недостаткомъ, недостаткомъ для выраженія мысли, результатовъ знанія, необработанностію языка; русскій человѣкъ съ возбужденною знаніемъ мыслію испытывалъ самое тяжкое чувство, чувствовалъ себя нѣмымъ. И понятно, почему высоко-даровитый русскій человѣкъ, естествоиспытатель чувствуетъ обязанность, потребность заняться устройствомъ роднаго языка, безъ чего успѣхъ русскихъ людей въ наукахъ былъ невозможенъ. Ученые иностранцы были призваны въ Россію и лучшіе изъ нихъ дѣлали свое дѣло, академія издала труды своихъ членовъ, но что было въ этихъ трудахъ для русскаго человѣка, когда они переводились такимъ образомъ: «О силахъ тѣлу подвиженному вданныхъ и о мѣрѣ ихъ (De viribus corpori moto insitis et illarum mensura)» или «О вцѣлоприложеніяхъ равненія разнственныхъ.» Надобно было создавать литтературный и научный языкъ, создавать не указані-

емъ только извѣстныхъ его свойствъ, но умѣньемъ пользоваться указаннымъ. Первая ода Ломоносова была ученымъ опытомъ, примѣромъ лучшаго, болѣе соотвѣтствующаго духу русскаго языка стихосложенія, надъ которымъ думалъ Ломоносовъ и за границею, будучи возбужденъ «способомъ къ сложенію русскихъ стиховъ» Тредьяковскаго. Ломоносовъ вмѣстѣ съ одой прислалъ въ академію письмо о правилахъ россійскаго стихотворства, гдѣ, сходясь съ Тредьяковскимъ въ главной мысли о необходимости тоническаго стихосложенія для русскаго языка, Ломоносовъ противорѣчилъ ему въ подробностяхъ. Василій Кирилловичь немедленно написалъ отвѣтъ и передалъ его въ канцелярію академіи для пересылки Ломоносову; но адьюнкты Ададуровъ и Таубертъ представили Шумахеру, чтобъ «сего учеными ссорами наполненнаго письма, для пресѣченія дальнихъ, безплодныхъ и напрасныхъ споровъ, къ Ломоносову не отправлять и на платежъ денегъ напрасно не терять.» Для современниковъ вопросъ заключался не въ томъ, кто первый указалъ на тоническое стихосложеніе, но кто писалъ:

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну то-есть благополучну,
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку.
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну—

и кто писалъ:

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, росская побѣда!
Но врагъ что̀ отъ меча ушолъ
Боится собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ
Луна стыдилась сраму ихъ
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль русская ужасна сила!

Перваго автора звали Тредьяковскимъ, второго Ломоносовымъ. Лѣтомъ 1741 года Ломоносовъ возвратился въ Россію, уже извѣстный въ Петербургѣ и своею одою и отличными отзывами нѣкоторыхъ его наставниковъ въ Германіи, и очень дурными отзывами другихъ, и собственными признаніями въ безпорядоч-

номъ поведеніи [240]. Подобно великому царю, который началъ походы русскихъ людей на Западъ за наукою, и Ломоносовъ долженъ былъ явиться здѣсь и очень хорошимъ и очень дурнымъ человѣкомъ. У Ломоносова была таже богатырская природа, то же обиліе силъ; но мы знаемъ, какъ любили погулять богатыри, какъ разнуздывались ихъ силы, не сдержанныя воспитаніемъ, границами, которыя вырабатываетъ зрѣлое, цивилизованное общество для проявленія этихъ личныхъ силъ, часто стремящихся нарушить его нравственный строй. Отсутствіе благовоспитанности въ Петрѣ могло рѣзко броситься въ глаза людямъ изъ высшаго западнаго общества, и особенно женщинамъ, которыя и оставили намъ отзывы объ этой неблаговоспитанности вмѣстѣ съ отзывами о необыкновенныхъ достоинствахъ царя. Что же касается Ломоносова, то въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ онъ находился за границею, его несдержанность, его богатырскія замашки могли поражать далеко не всѣхъ. Намъ тяжело теперь говорить о порокѣ, которому былъ подверженъ Ломоносовъ, о тѣхъ поступкахъ, которые были слѣдствіемъ его *шумства;* но мы знаемъ, что современники смотрѣли на это шумство и безпорядки, отъ него происходившіе, гораздо снисходительнѣе. Французскіе писатели средины XVIII вѣка съ радостію отзываются, что пьянство вывелось у нихъ въ высшихъ кругахъ и предоставлено низшимъ. Германія, отстававшая въ это время отъ Франціи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, отстала и въ этомъ. Университетская жизнь германская, въ которую попалъ нашъ Ломоносовъ, далеко не могла имѣть сдерживающаго значенія для его пылкой природы, а скорѣе разнуздывающее, и Ломоносовъ, въ оправданіе своихъ безпорядковъ, имѣлъ право указывать на соблазнительное общество. Послѣ разныхъ приключеній, послѣ женитьбы на дочери марбургскаго портного, послѣ завербованія подъ хмѣлемъ въ прусскую службу, изъ которой спасся бѣгствомъ, сопряженнымъ съ величайшими опасностями, Ломоносовъ явился въ Петербургъ, когда Шумахеръ управлялъ Академіею. Могущественный совѣтникъ, котораго собственная университетская жизнь, какъ мы знаемъ, была также не безъ приключеній, встрѣтилъ Ломоносова не очень сурово, тѣмъ болѣе, что передъ пріѣздомъ онъ обратился къ нему съ почтительнымъ письмомъ, считая его единственнымъ че-

ловѣкомъ, отъ котораго зависѣла его судьба. Очень пріятно и выгодно было господину совѣтнику имѣть подъ руками даровитаго и покорнаго русскаго, который по возвращеніи въ Россію написалъ двѣ оды — одну на день рожденія императора Іоанна, другую на побѣду при Вильманстрандѣ, а послѣ восшествія на престолъ Елисаветы перевелъ съ нѣмецкаго торжественную оду Штелина. Пріятно и полезно было имѣть подъ руками даровитаго русскаго человѣка при явно враждебныхъ отношеніяхъ къ профессорамъ-нѣмцамъ съ одной стороны, а съ другой при поднявшихся послѣ восшествія Елисаветы нареканіяхъ, что въ Академіи проводили только нѣмцевъ и придавливали русскихъ; покровительствуя Ломоносову, можно было выставить свое усердіе къ русскимъ интересамъ и сложить всю вину на ненавистныхъ профессоровъ. Ломоносовъ дѣйствительно первую непріятность въ Академіи встрѣтилъ отъ профессоровъ, которые отъ августа до ноября держали его двѣ ученыя работы безъ одобренія, оставляя его между небомъ и землей безъ мѣста и безъ жалованья; нѣсколько разъ просилъ онъ конференцію объ опредѣленіи его адъюнктомъ и все безуспѣшно; но когда въ началѣ 1742 года онъ подалъ просьбу въ канцелярію на высочайшее имя, то совѣтникъ Шумахеръ опредѣлилъ его адъюнктомъ физическаго класса, и въ программѣ было выставлено: «Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ Академіи руководство въ физическую географію чрезъ Крафта сочиненное публично толковать будетъ, а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о рудахъ, также обучать въ стихотворствѣ и штилѣ.» Такимъ образомъ съ самаго начала занятія словесностію становятся рядомъ съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ.

Но скоро наступило смутное время для Академіи, борьба между Нартовымъ и Шумахеромъ, походъ противъ Нѣмцевъ. Время борьбы, раздражительно дѣйствуя на всѣхъ, особенно сильно дѣйствуетъ на такихъ людей какъ Ломоносовъ, и онъ присталъ къ Нартову, пошелъ въ походъ противъ Нѣмцевъ, забушевалъ. Богатырь новой Россіи сдерживался благоговѣйнымъ уваженіемъ къ знанію, уваженіемъ къ людямъ, славнымъ въ наукѣ; еслибы въ это время въ Академіи были «Петромъ Великимъ выписанные славные люди,» по выраженію Ломоно-

сова, то конечно онъ не позволилъ бы себѣ выходокъ противъ нихъ; но «Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы»; они уѣхали, и уѣхали, какъ всѣ говорили, отъ Шумахера; вмѣсто нихъ были люди, не имѣвшие авторитета въ глазахъ Ломоносова, и онъ съ ними не поцеремонится, тѣмъ болѣе, что они держали такъ долго его диссертаціи, и не давали ему адъюнктскаго званія, которое онъ получилъ прямо отъ канцеляріи. Ломоносовъ сталъ бывать *шуменъ*, по тогдашнему выраженію, а въ *шуму* онъ былъ безпокоенъ. Въ сентябрѣ 1742 года на него подалъ жалобу академическій садовникъ Штурмъ: «Пришедъ ко мнѣ въ горницу и говорилъ, какіе нечестивые гости у меня сидятъ, что епанчу его украли, на что ему отвѣтствовалъ бывшій у меня въ гостяхъ лѣкарь Брашке, что ему Ломоносову непотребныхъ рѣчей не надлежитъ говорить при честныхъ людяхъ, за что онъ его въ голову ударилъ, и схватя болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, и началъ всѣхъ бить и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти; и выскочивъ я изъ оконъ и началъ караулъ звать; и пришедъ я назадъ, засталъ я гостей своихъ на улицѣ битыхъ, и жену свою прибитую.»

Професcора, видя въ Ломоносовѣ сообщника Нартова, объявили ему, чтобъ онъ не присутствовалъ въ ихъ конференціяхъ до окончанія академическаго дѣла въ коммиссіи. Они уже жаловались въ коммиссіи, что Нартовъ не разъ присылалъ своихъ сообщниковъ, Ломоносова и другихъ, съ великою неучтивостію и шумомъ мѣшать имъ въ ихъ занятіяхъ, будто бы для осматриванія печатей. Въ маѣ 1743 года профессора подали въ коммиссію новую просьбу: «Сего 1743 года апрѣля 26 дня предъ полуднемъ онъ Ломоносовъ, напившись пьянъ, приходилъ въ ту палату, гдѣ профессоры для конференцій засѣдаютъ и въ которой въ то время находился профессоръ Винсгеймъ и при немъ были канцеляристы. Ломоносовъ, не поздравивши никого и не скинувъ шляпы, мимо ихъ прошелъ въ географическій департаментъ, гдѣ рисуютъ ландкарты, а идучи около профессорскаго стола, ругаясь оному профессору, остановился и весьма неприличнымъ образомъ безчестилъ и крайне поносный знакъ (кукишъ) самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ руками противъ нихъ сдѣлавъ, пошелъ въ оный географическій департаментъ, въ которомъ находились адъюнктъ Трескотъ и

студенты. Въ томъ департаментѣ, гдѣ онъ шляпы также не скинулъ, поносилъ онъ профессора Винсгейма и всѣхъ прочихъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами, чего и писать стыдно. Сверхъ того грозилъ онъ профессору Винсгейму, ругая его всякою скверною бранью, что онъ ему зубы поправитъ, а совѣтника Шумахера называлъ воромъ. Пришелъ обратно въ конференцію и всѣхъ профессоровъ бранилъ и ворами называлъ, за то, что ему отъ профессорскаго собранія отказали.» По словамъ свидѣтелей Ломоносовъ говорилъ: «Что они себѣ воображаютъ? я такой же, и еще лучше ихъ всѣхъ, я природный русскій!»

Въ слѣдствіе профессорской жалобы Ломоносова вызвали въ коммиссію къ допросу; но онъ объявилъ Юсупову: «Я по пустому отвѣчать не буду и надо мною главную имѣетъ команду Академія, а не коммиссія; надобно, чтобъ Академія отъ меня потребовала отвѣта, и безъ того въ допросъ не пойду и ничего со мною коммиссія дѣлать не можетъ.» — «Сверхъ того, сказано въ протоколѣ коммиссіи, предъ присутствіемъ кричалъ онъ Ломоносовъ неучтиво и смѣялся.» Юсуповъ и Игнатьевъ велѣли его арестовать и содержать подъ карауломъ при коммиссіи. Призванный вторично въ коммиссію Ломоносовъ объявилъ, что безъ воли Нартова отвѣчать не смѣетъ. Призвали въ третій разъ и объявили показаніе Нартова, что тотъ не запрещалъ ему идти въ допросъ и теперь не запрещаетъ. Несмотря на то, Ломоносовъ объявилъ, что отвѣчать не будетъ, потому что это дѣло судное. Приговорили: держать его подъ карауломъ по прежнему. Ломоносовъ подалъ просьбу въ Академію: «Содержусь подъ арестомъ, отлученъ будучи отъ наукъ, а особливо отъ сочиненія полезныхъ книгъ и отъ чтенія публичныхъ лекцій. А понеже отъ сего случая не токмо искренняя моя ревность къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, но и то время, въ которое бы я другихъ моимъ ученіемъ пользовать могъ, тратится напрасно, и отъ меня никакой пользы отечеству не происходитъ: ибо я нижайшій нахожусь отъ сего напраснаго нападенія въ крайнемъ огорченіи. И того ради императорскую Академію Наукъ покорно прошу, дабы соблаговолено было о моемъ изъ-подъ ареста освобожденіи для общей пользы отече-

ства стараніе приложить.» Нартовъ приложилъ стараніе, но понапрасну. Коммиссія представила императрицѣ дѣло въ очень неблагопріятномъ для Ломоносова видѣ, привела справку изъ Академіи, что Ломоносовъ и за границею «чинилъ непорядочные и неспокойные поступки и оттуда тайнымъ почти образомъ уѣхалъ, да и по пріѣздѣ сюда въ С.-Петербургъ явился въ дракѣ и присланъ изъ полиціи въ Академію.» Коммиссія не упустила случая сдѣлать выходку и противъ Нартова: «Да и правленіе его Нортова по Академіи за незнаніемъ его недовольное, ибо онъ не только какой ученый человѣкъ и знающій иностранныхъ языковъ, но съ нуждою и по-русски только можетъ имя свое написать.» По мнѣнію коммиссіи Ломоносова слѣдовало наказать не только за «противные» поступки его въ коммиссіи и Академіи, но даже и въ нѣмецкой землѣ. Но 18 января 1744 года Сенатъ приказали: онаго адъюнкта Ломоносова *для его довольнаго обученія* отъ наказанія свободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему Ломоносову жалованья годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему же Ломоносову въ канцеляріи пр. Сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указамъ неотмѣнно [241].

Въ указѣ причиною освобожденія было означено «довольное обученіе»; но довольное обученіе Ломоносова могли оцѣнить очень немногіе; гораздо большее число русскихъ и сильныхъ людей могло оцѣнить его оды, которыя онъ представлялъ одну за другою и какихъ прежде не читывали на русскомъ языкѣ. Эти-то оды, конечно, и были главною причиною освобожденія отъ наказанія. Въ февралѣ 1742 года Ломоносовъ написалъ оду на прибытіе изъ Голштиніи великаго князя Петра Ѳедоровича

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зритъ конецъ бѣдамъ,
И что уже Елисавета
Златые въ ону вводитъ лѣта,

Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ внукъ.

Въ концѣ года Ломоносовъ написалъ оду на прибытіе Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ послѣ коронаціи:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
. . . .
Благословенна вѣчна буди,
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти я твоей.
Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчатся роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить!

Въ одѣ, написанной въ это время, естественно ожидать указаній на шведскія отношенія:

Стокгольмъ, глубокимъ сномъ покрытый
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецовъ своихъ защиты,
Отринь коварну ихъ любовь;
Ты всуе солнце почитаешь,
И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй Елисаветинъ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь.
Свою полтавску вспомни рану.
. . . .
Народы нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренно пріязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте:

Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

Въ 1743 году была написана ода на день незоименитства великаго князя Петра Ѳедоровича; въ ней находится знаменитая языческая строфа о Петрѣ Великомъ:

Воззри на трудъ и громку славу,
Что свѣтъ въ Петрѣ не ложно чтитъ;
Нептунъ познавъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На внука весело взираетъ,
Среди героевъ, выше звѣздъ.

Конечно извѣстность, пріобрѣтенная одами, не мало способствовала Ломоносову въ полученіи мѣста профессора химіи въ 1745 году; посвященіе Ломоносовымъ перевода своего сокращенной экспериментальной физики графу Воронцову указываетъ на сношенія его съ этимъ сильнымъ при дворѣ человѣкомъ. Когда еще дѣло о производствѣ не было окончено, кабинетъ ея величества затребовалъ отъ академіи извѣщенія, секретарь Тредьяковскій и адъюнктъ Ломоносовъ произведеныль въ профессора. Производство Ломоносова шло прямымъ путемъ чрезъ академію: по его просьбѣ и по представленнымъ сочиненіямъ профессорская конференція рѣшила, что Ломоносовъ достоинъ просимаго имъ мѣста и дѣло пошло въ Сенатъ. Но Тредьяковскій получилъ мѣсто профессора элоквенціи мимо академіи.

Въ мартѣ 1744 года Тредьяковскій подалъ донесеніе въ Сенатъ: «Поданнымъ отъ меня доношеніемъ въ канцелярію академіи наукъ прошедшаго 1743 года, маія 2 дня я предложилъ: что обучаяся языкамъ, также свободнымъ наукамъ, а наконецъ философическимъ и математическимъ знаніямъ, употребилъ на то 18 лѣтъ, сперва въ отечествѣ моемъ Астрахани, у римскихъ монаховъ, потомъ, оставя мое отечество, родителей, домъ и всѣхъ сродниковъ, чрезъ краткое токмо время въ Москвѣ въ

славяно-латинскомъ училищѣ, напослѣдокъ въ парижскомъ университетѣ, куда я прибылъ своею охотою, не бывши посланъ ни отъ кого, и слѣдовательно съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности, и куда дошелъ я пѣшъ изъ самаго Антверпена, всежъ то для снисканія наукъ и съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ потомъ принести отечеству моему нѣкоторую пользу. Что по должномъ возвращеніи моемъ въ Россію увѣдомился я о родителяхъ моихъ, нѣсколькихъ кровныхъ, и почитай о всѣхъ сродникахъ, что они волею Божіею отъ язвы померли, и отеческое мое наслѣдіе за небытностію тамъ моею, какъ движимое такъ и недвижимое, все по рукамъ растащено и слѣдовательно увидѣлъ я себя тогда еще больше бѣднымъ для того, что лишившись родителей моихъ, лишился не токмо надлежащаго пропитанія, но и дневныя пищи, и не имѣя куда приклониться, сталъ быть совершенно безнадеженъ. Что почитай въ тожь самое время, а именно въ 1733 года, опредѣленъ я въ академію наукъ отъ бывшаго тогда въ ней президента барона Карла фонъ Кейзерлинга съ достоинствомъ академическаго секретаря и съ полученіемъ окладнаго на годъ жалованья 360 рублей къ слѣдующей должности: 1) чтобъ мнѣ по возможности стараться о чистомъ слогѣ на нашемъ языкѣ какъ простымъ, такъ и стихотворнымъ сочиненіемъ; 2) чтобъ давать при академіи лекціи, ежели то отъ меня потребуется; 3) чтобъ трудиться совокупно съ другими надъ лексикономъ; 4) чтобъ переводить съ латинскаго и французскаго на русскій, все что мнѣ дано ни будетъ. — Что исполняя назначенную мнѣ должность во всемъ выше упомянутомъ отъ того времени, ревностно я трудился и многіе опыты нѣсколькой моея къ тому способности уже подалъ какъ простымъ такъ и стихотворнымъ сочиненіемъ; а россійское стихотвореніе и новымъ изобрѣтеніемъ, по званію академика, первый въ правильнѣйшій порядокъ привелъ и правила печатныя издалъ, которыя уже подали причину искуснымъ людямъ о совершенствѣ науки сея стараться, о чемъ прежде меня никто и не мыслилъ, довольствуяся токмо весьма неправильнымъ стариннымъ способомъ. Чтожь до переводу, не считая безчисленныхъ небольшихъ дѣлъ, какъ съ латинскаго и французскаго на россійскій, такъ и съ русскаго сверхъ должности моей на оба помянутые языка, буде не больше, то не меньше прочихъ всѣхъ

при академіи въ томъ я трудился и труждаюся понынѣ, ибо перевелъ съ французскаго великую книгу, названную родословною исторіею о Татарахъ, которая для своихъ примѣчаній весьма достойна свѣта; перевелъ также съ французскаго великую книгу графа Марсильи — Военное состояніе Оттоманской Имперіи, которая уже напечатана; перевелъ уже я съ французскаго жь и Древнея Исторіи чрезъ Ролена (состоящія въ 13 великихъ томахъ, которыхъ пользу и красоту довольно и достойно выхвалить и не мнѣ не можно) совершенно три тома, а два еще, съ Божіею помощію, почитай уже къ окончанію приведены, и уповаю скоро ихъ отдать въ академію. Перевелъ и еще небольшую книгу, именемъ Истинная Политика, и напечаталъ ее своимъ иждивеніемъ, положивъ на то едва не цѣлый годъ моего жалованья; а сіе токмо для пользы россійскихъ читателей; напослѣдокъ, перевелъ я нынѣ недавно съ латинскаго уже небольшую жъ книгу, именемъ Рѣчи краткія и сильныя, и поднесъ его импер. высочеству благовѣрному великому князю Петру Ѳеодоровичу. При сей валовой академической работѣ трудился я и въ бывшемъ при главномъ коммандирѣ баронѣ фонъ Корфѣ россійскомъ собраніи, приходя съ прочими трижды въ недѣлю, надъ Целларіевымъ лексикономъ и надъ прочими работами приличными тому собранію. Также я токмо одинъ переводилъ всѣ перечни италіанскихъ комедій и всѣ бывшія тогда интермедіи, да одну всю италіанскую первую оперу подъ именемъ Сила любви и ненависти, которыя всѣ напечатаны. Здѣсь не упоминаю я похвальнаго слова въ 1733 годѣ, рѣчи къ членамъ россійскаго собранія въ 1735 году, одъ въ разныхъ годахъ моего сочиненія, также многихъ и переводныхъ съ Юнкеровыхъ и Штелиновыхъ, надъ чѣмъ всѣмъ много я пролилъ пота; одно токмо воспоминаю, что я былъ, по имянному ея импер. величества указу, и при полномочномъ французскомъ министрѣ марки де ля Шетарди въ Москвѣ въ 1742 года. — Для долговременнаго моего ученія, для употребленнаго къ тому страннаго способа и великія охоты, для претерпѣнія бѣдностей, для лишенія родителей и всего родительскаго за науками, для десятилѣтныя при академіи службы, для показанныхъ при ней вышепомянутыхъ услугъ и трудовъ, для того, что нынѣ, имѣя уже жену, и содержа бѣдную сироту сестру мою родную вдову и съ малолѣтнымъ ея

сыномъ, не могу содержаться вышеозначеннымъ моимъ жалованьемъ, не имѣя жъ ни откуда ни прибавки, ни надежды и приходя уже въ лѣта, впалъ я въ долги, а слѣдовательно въ бѣдность же и печаль; для всего сего просилъ я канцелярію Академіи Наукъ благоволить сравнить мое жалованье съ жалованьемъ секретаря Волчкова, который получаетъ по 560 рублей въ годъ.

«Канцелярія Академіи Наукъ не захотѣла учинить мнѣ сравненія просимаго отъ меня такъ просто, чтобъ я еще какой должности на себя не принялъ. Я, увидѣвъ ея намѣреніе, паки просилъ ее доношеніемъ Августа 18 дня прошедшаго жъ 1743 года въ такой силѣ, чтобъ благоволить постараться о произведеніи меня въ профессора элоквенціи какъ латинскія такъ и россійскія и также при томъ о такомъ уже мнѣ жалованіи, каково получаютъ профессоры элоквенціи при академіи; а я обѣщался, при профессорской должности отправлять еще по прежнему и переводы книгъ, понеже въ нихъ великая нужда Россіи. По благосклонномъ принятіи онаго моего доношенія канцеляріи Академіи Наукъ надлежало сообщить того содержаніе господамъ профессорамъ для того токмо, дабы имъ благоволить меня освидѣтельствовать, по ихъ должности, въ способности къ элоквенціи, что канцелярія академіи наукъ и учинила октября 10 дня прошедшаго жъ 1743 года. Но господа профессоры вмѣсто чтобъ принять меня на свой экзаменъ, а потомъ или удостоить меня, или показать къ тому мою неспособность, опредѣлили письменно отвѣтствовать и отвѣтствовали того жъ октября 17 дня: понеже де при академіи наукъ профессія элоквенціи латинской поручена господину Штелину, а профессія де элоквенціи на россійскомъ языкѣ отъ императора Петра Великаго не учреждена, и для того де напрасно стараніе будетъ о полученіи при здѣшней академіи такова профессорскаго мѣста.

«Видя загражденный мнѣ путь къ профессорству сею ихъ отговоркою, прибѣгъ я къ мужамъ весьма больше почтеннымъ а искуснымъ равно въ элоквенціи латинской, но въ россійской совершеннѣйшимъ, т.-е. къ членамъ св. прав. Синода, и просилъ ихъ покорнѣйше освидѣтельствовать меня въ такой силѣ, имѣю ли я нѣсколько достатка въ элоквенціи, какъ латинской, такъ и россійской. Св. прав. Синода члены благоволили свидѣ-

тельствовать меня въ томъ чрезъ надлежащее время и нашли меня нѣсколько, но довольно искусна въ обѣихъ помянутыхъ элоквенціяхъ; а въ увѣреніе сего дали мнѣ непостыдный аттестатъ. Получивши такой аттестатъ, сообщилъ я оный при доношеніи въ канцелярію академіи наукъ, которымъ еще просилъ благоволить прописать всѣ причины изъясненныя въ первыхъ моихъ доношеніяхъ, для которыхъ я прошу быть профессоромъ и подать о мнѣ удостоеніе съ мнѣніемъ въ прав. Сенатъ, ибо я нынѣ, получа толь твердое и важное отъ членовъ св. прав. Синода засвидѣтельствованіе, признаваю себя способнымъ къ исправленію должности профессора хотя латинскія, хотя россійскія элоквенціи; а профессорскую отговорку отразилъ въ ономъ доношеніи цѣлымъ пунктомъ слѣдующаго содержанія: 1) хотя и есть профессоръ элоквенціи латинской, однако надлежитъ ему быть токмо по то время, пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ россійскихъ: ибо сія академія учреждена въ пользу россійскихъ людей, какъ то явствуетъ въ прожектѣ Петра Великаго и въ указѣ объ академіи наукъ 1725 года декабря 25 дня. 2) Такъ могутъ быть два профессора элоквенціи, какъ теперь дѣйствительно находятся три профессора астрономіи. 3) Хотя и не положена профессія россійскія элоквенціи, да не положена жъ и латинская; но токмо положена просто элоквенція, которая не привязана къ одному латинскому языку, для того, что можетъ состоять на всякомъ: положено токмо, чтобъ всякому профессору курсъ своея науки издавать на латинскомъ языкѣ. 4) Ежели бы элоквенція здѣсь привязана была къ одному токмо латинскому, то бы всѣ профессоры элоквенціи обрѣтавшіеся здѣсь и нынѣ обрѣтающейся г. Штелинъ не издавали своихъ сочиненій стихами и прозою на нѣмецкомъ, котораго элоквенція также не положена въ прожектѣ, какъ и россійскаго. 5) Слѣдовательно россійская элоквенція въ здѣшней академіи еще больше имѣетъ права нѣмецкой для паичастѣйшаго и общаго во всей Россіи употребленія, и толь больше, что сія академія учреждена въ пользу Россіянамъ. 6) Профессорская должность не въ томъ состоитъ, чтобъ не допускать до профессорскія степени россійскаго человѣка, на которой онъ можетъ стоять съ честію и пользою, но чтобъ токмо освидѣтельствовать, достоинъ ли претендентъ того, чего требуетъ, ибо имъ должно токмо

видѣть пробу искусства просителева, которой наслѣдовать имъ имѣетъ право по силѣ прожекта. 7) Для того, что господа профессоры охотно принимали въ 1733 годѣ на свой экзаменъ переводчика Горлицкаго, который также просилъ быть профессоромъ, и мѣста профессорскія всѣ были заняты жъ чужестранными; но онъ самъ къ нимъ не пошелъ, отговариваяся парижскимъ свидѣтельствомъ,—то видно, что меня для того не приняли, что я къ нимъ съ радостію самъ шелъ на экзаменъ, хотя и я также имѣю парижское свидѣтельство: ибо вѣдаютъ тѣ, что имъ меня не удостоить и трудно и стыдно; однако надобно было заградить путь россійскому человѣку какъ-нибудь, такъ что кто къ нимъ нейдетъ, того принимаютъ, а кто идетъ, того всячески не хотятъ. 8) Оный профессорскій отвѣтъ въ канцелярію къ непринятію меня на экзаменъ нисколько кажется и не въ честь толь ученымъ и благоразумнымъ людямъ, для того что онъ не къ дѣлу и не кстати: ибо не требовала отъ ихъ запросомъ канцелярія, что естьли профессоръ элоквенціи латинской и положена ли профессія россійскія элоквенціи въ прожектѣ, вѣдая о томъ извѣстно; но токмо просила ихъ благоволить освидѣтельствовать меня въ искусствѣ элоквенціи. И по сему, истолковавъ прямо вышеписанную профессорскую отговорку, не знаю, не будетъ ли она значить точно сіе слѣдующее: хотя Тредіаковскій и достоинъ быть профессоромъ элоквенціи, однако онъ намъ не надобенъ: ибо въ почтенную нашу компанію вмѣшается русской, чего здѣсь отроду не бывало да и быть не должно, потому что добрый случай опредѣлилъ сей хлѣбъ точно нашимъ, а онъ, вмѣшавшись къ намъ, можетъ быть сего хлѣба лишитъ нашего, и потому впредь будетъ лишать кого-нибудь изъ нашихъ, которой еще не выѣхалъ сюда; а за нимъ тожъ учинитъ другой подобной ему и третій, для того что уже мы ихъ нѣсколько видимъ готовыхъ. И такъ запремъ путь сему Тредіаковскому, то потомъ и прочихъ отлучать не будетъ намъ труда.

«Въ такой силѣ было послѣднее мое помянутое доношеніе въ канцелярію И. А. Н. отъ 22 ноября 1743 года. А по силѣ прозьбы содержащіяся въ семъ доношеніи, помянутая канцелярія А. Н. готовила уже доношеніе съ мнѣніемъ въ прав. Сенатъ. Но между тѣмъ совѣтникъ Нартовъ отрѣшенъ отъ помянутыя канцеляріи, а опредѣленъ по прежнему совѣтникъ Шумахеръ,

котораго я многократно просилъ словесно о произведеніи моея просьбы въ дѣло. Сей совѣтникъ многократножъ меня о томъ и благосклонно обнадеживалъ, а иногда говорилъ мнѣ совѣтуя, чтобъ я и не просился въ профессоры: ибо имѣетъ онъ намѣреніе выпросить мнѣ хорошій рангъ и довольное жалованье, а быть бы мнѣ токмо при старомъ дѣлѣ, для того что де Россіи больше въ томъ дѣлѣ нужды и пользы, нежели хотя бы я былъ и профессоръ. Однако, напослѣдокъ, объявилъ мнѣ генваря 19 дня сего 1744 года, что онъ нынѣ не имѣетъ ни времени ни свободности, и для того, буде я желаю, то бы я самъ просилъ прав. Сенатъ.»

Въ слѣдствіе этого объявленія Тредьяковскій и подалъ просьбу въ Сенатъ — повелѣть быть ему профессоромъ элоквенціи; если же это заблаго не разсудится, пожаловать въ ассессоры въ академію наукъ съ 600 рублей жалованья, по примѣру Ададурова, переведеннаго изъ адъюнктовъ въ ассессоры; если и это не будетъ угодно, то дать майорскій рангъ по примѣру секретаря иностранной коллегіи, съ окладомъ профессора элоквенціи и быть при прежнихъ должностяхъ, которыя всѣ касаются до элоквенціи же россійской и до переводовъ, для того что въ семъ состоитъ великая нужда и «почитай не нужнѣе ли еще должности профессора элоквенціи.»

Въ приложенномъ къ просьбѣ аттестатѣ, данномъ Тредьяковскому синодальными членами, говорилось, что они «предложенные сочиненія его виды какъ россійскимъ, такъ и латинскимъ языкомъ, разсмотрѣли и симъ свидѣтельствуютъ, что оные его сочиненія виды по точнымъ правиламъ элоквенціи произведены, чистыми и избранными словами украшены и по всему тому явно есть, яко онъ не нѣсколько, но толико произшелъ въ элоквенціи, си есть, въ краснорѣчіи россійскомъ и латинскомъ, что праведно надлежащее въ томъ искусство приписатися ему долженствуетъ» [242].

Сенатъ, на основаніи синодальнаго аттестата, утвердилъ Тредьяковскаго профессоромъ элоквенціи; но мы видѣли, что и объ немъ былъ запросъ изъ кабинета, слѣдовательно имѣемъ право заключать о ходатайствѣ сильныхъ лицъ. Какъ бы то ни было, 30 іюля 1745 года Тредьяковскій и Ломоносовъ присягнули какъ профессора академіи въ церкви Апостола Андрея на Васильевскомъ острову.

Новый профессоръ химіи не переставалъ напоминать о себѣ одами. Въ томъ же году онъ написалъ оду на бракосочетаніе великаго князя:

Исполнилъ Богъ свои совѣты
Съ желаніемъ Елисаветы:
Красуйся свѣтло Россійскій родъ.
Се паки Петръ съ Екатериной
Веселья общаго причиной.

Въ концѣ слѣдующаго года, въ одѣ на день восшествія на престолъ Елисаветы читали, что отъ русской императрицы вся Европа ожидаетъ возстановленія мира:

Отъ той Европа ожидаетъ,
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

Въ одѣ на день рожденія Елисаветы, поэтъ возвѣстилъ, что нѣтъ болѣе смертной казни:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью караешь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Въ концѣ 1747 года, когда велись окончательные переговоры о движеніи русскихъ войскъ на помощь морскимъ державамъ, и когда, несмотря на увѣренія правительства, что это участіе въ войнѣ необходимо для ускоренія мира, многіе думали, что такое участіе можетъ имѣть слѣдствія противныя и завлечь Россію въ опасныя «дальности», по тогдашнему выраженію, Ломоносовъ пишетъ знаменитую оду на день восшествія на престолъ, въ которой прославляетъ миръ и его главный плодъ, процвѣтаніе наукъ. Вспомнимъ отношенія Ломоносова къ противнику воинственнаго канцлера Воронцову и вспомнимъ, что новый президентъ академіи, младшій Разумовскій не слѣдовалъ примѣру старшаго и былъ другомъ Воронцову.

Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зналъ наизусть этихъ стиховъ?

Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
. . . .
Ужасный чудными дѣлами

Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами,
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка,
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россіи простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды
. . . .
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Ода оканчивается обращеніемъ къ императрицѣ, соотвѣтствовавшимъ тогдашнему положенію дѣлъ, ожиданію войны, которая могла быть вызвана движеніемъ русскихъ войскъ:

Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.

Въ концѣ слѣдующаго 1748 года Ломоносовъ имѣлъ возможность прославить возстановленіе мира въ Европѣ не безъ содѣйствія Россіи посылкою вспомогательнаго корпуса. Въ над-

писи на иллюминаціи въ день именинъ императрицы, 5 сентября онъ говорилъ:

Смущенный бранью міръ миритъ Господь тобой.
Россійска тишина предѣлы превосходитъ,
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюетъ воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

Въ одѣ на восшествіе на престолъ Елисаветы Ломоносовъ говоритъ:

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ твой лаврами обвитый
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Отъѣздъ императрицы въ Москву, испепеленную страшными пожарами, заставилъ Ломоносова окончить свою оду такъ:

Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ тобой стоитъ.
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, богиня ожидаетъ,
Къ тебѣ единой вопія:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны,
Я жду щедроты твоея.
Гряди краснѣйшая денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя ты будешь съ нами:
Покрытымъ орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?
Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,

Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Вспомнимъ, что поѣздка въ Москву была также предметомъ раздора между двумя партіями; Бестужевъ не хотѣлъ этой поѣздки; враги его хлопотали, чтобъ она состоялась, чего не трудно имъ было достигнуть при сильномъ желаніи самой императрицы ѣхать въ Москву. Окончаніе оды, если не было внушено Воронцовымъ съ товарищи, то было для нихъ какъ нельзя кстати; Елисаветѣ она должна была особенно понравиться: она подарила за нее автору 2,000 рублей, сумму, по тому времени, очень значительную [243].

Возвратимся къ академической дѣятельности Ломоносова. Въ октябрѣ 1745 года совѣтникъ Шумахеръ донесъ Сенату, что книга, именуемая Сокращенная экспериментальная физика, переведенная профессоромъ Ломоносовымъ, въ конференціи проф. Гмелинымъ прочтена, и усмотрѣно, что объявленный переводъ по большей части довольно хорошъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, которыя профес. Ломоносовымъ при проф. Гмелинѣ отчасти тогда же исправлены, а отчасти исправленіе ихъ отложено до будущаго печатанія, чтобъ письменнаго экземпляра поправками не испортить. Приказали: книгу по исправленіи напечатать, а проф. Ломоносову на русскомъ діалектѣ показывать лекціи [244]. Это донесеніе и распоряженіе были сдѣланы на томъ основаніи, что книга не могла быть выпущена безъ разрѣшенія Сената: въ 1743 году посланъ былъ указъ въ Академію Наукъ, чтобъ она немедленно прислала въ Сенатъ по одному экземпляру всѣхъ книгъ, какія были напечатаны съ начала академіи, съ реестромъ, и впредь какія будутъ печататься также присылать съ означеніемъ цѣнъ, а прежде взнесенія книги въ Сенатъ для народнаго извѣстія въ продажу не употреблять [245].

Въ мартѣ 1746 года билъ челомъ Сенату проф. Ломоносовъ, чтобъ ему положено было годовое жалованье по 660 рублей въ годъ, «ибо химическая наука состоитъ не токмо въ одной

теоріи, но и въ весьма трудной практикѣ, которая и здравію вредительна бываетъ.» Просьба была исполнена [246]. Въ іюнѣ того же года въ вѣдомостяхъ читали слѣдующее извѣстіе [247]: «Сего іюня 20 дня, по опредѣленію Академіи Наукъ президента, той же Академіи профессоръ, господинъ Ломоносовъ началъ о физикѣ экспериментальной на россійскомъ языкѣ публичныя лекціи читать, при чемъ сверхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей и самъ господинъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами присутствовалъ.»

Въ то время, какъ даровитѣйшій изъ членовъ Академіи, первый русскій ученый, овладѣвшій вполнѣ европейскою наукою, и создававшій для нея языкъ, собиралъ въ академической аудиторіи слушателей изъ разныхъ чиновъ, воинскихъ и гражданскихъ, Академія дожидалась рѣшенія своихъ внутреннихъ распрей. Возстановленіе Шумахера въ прежнемъ значеніи, разумѣется, не могло прекратить этихъ распрей, ибо онъ возвратился съ прежними стремленіями, законности которыхъ никакъ не хотѣли признать профессора, тѣмъ болѣе теперь, когда они думали, что оказавъ своею поддержкою великую услугу совѣтнику, имѣютъ право требовать отъ него перемѣны поведенія въ отношеніи къ нимъ. Другой совѣтникъ, Нартовъ успокоился на рѣшеніи Сената; у него была дѣятельность внѣ Академіи: въ 1746 году Вѣдомости извѣщали, что совѣтникъ Академіи Андрей Нартовъ пожалованъ деревнями и знатною денежною суммою за новообрѣтенныя дѣла при артиллеріи, чего еще понынѣ не было [248]. Кромѣ того Нартовъ жилъ воспоминаніями о великомъ человѣкѣ, подлѣ котораго судьба привела его работать вначалѣ поприща и онъ записывалъ эти воспоминанія для потомства. Все что осталось отъ Петра Великаго было драгоцѣнно для его усерднаго токаря, и въ маѣ 1747 года онъ представилъ въ Сенатъ [249], что въ 1723 году трудами Петра Великаго сдѣланы и имѣются въ Петропавловскомъ соборѣ два костяныя паникадила и одинъ Животворящій крестъ съ апостольскими ликами, также и въ Троицкомъ соборѣ костяное паникадило; а нынѣ онъ усмотрѣвъ, что такое великое и премудрое дѣло многотрудныхъ рукъ Петра Великаго отъ нападающей пыли чрезъ долгое время весьма повредилось, отъ чего столь уже

оно не удивленія, но сожалѣнія достойно, а понеже древнихъ славныхъ государей, напрнм. Александра Великаго и прочихъ токмо по повелѣнію сдѣланныя куріозныя вещи хранятся въ кунсткамерахъ съ великимъ присмотромъ, то кольми паче вышеозначенныя вещи, произведенныя собственными премудрыми трудами несравненнаго въ семъ свѣтѣ императора Петра Великаго долженствуется всѣми мѣрами хранить и содержать въ великомъ наблюденіи; а по мнѣнію его надлежитъ сдѣлать изъ зеркальныхъ стеколъ въ мѣдныхъ рамахъ футляры и вызолотить въ пристойныхъ мѣстахъ фигуры, на что нужно 2,500 рублей. Сенатъ велѣлъ выдать на первое время 1,000 рублей. Въ 1748 году Сенатъ выразился, что «совѣтникомъ Нартовымъ въ зачинкѣ въ пушкахъ раковинъ совершенное искусство оказано, коихъ пушекъ починено многое число» [250].

Успокоился Нартовъ, но не могъ успокоиться товарищъ его въ походѣ на Шумахера, Делиль. Видя, что коммиссія взяла рѣшительно сторону Шумахера, Делиль въ августѣ 1743 года подалъ императрицѣ просьбу объ увольненіи по слѣдующимъ побужденіямъ: возвратившись изъ Сибирской ученой экспедиціи, увѣдомился онъ, что президентъ Академіи Корфъ взялъ его астрономическія наблюденія и отдалъ молодому профессору Гейнзіусу, который выписанъ трудиться подъ надзоромъ его, Делиля. Оскорбленный этимъ Делиль пересталъ бывать въ конференціяхъ; Шумахеръ удержалъ жалованье его за 1741 и 1742 годы, а коммиссія рѣшила удержать все жалованье. Делиля не уволили: какъ видно Шетарди вмѣшался въ дѣло. Только въ іюлѣ 1745 года императрицѣ былъ представленъ докладъ объ отпускѣ Делиля. Но у Делиля и кромѣ Шетарди, были русскіе доброжелатели, которые успѣли представить ей, какъ вредно для Академіи и для Россіи лишиться знаменитаго ученаго, вызваннаго отцомъ ея. Поэтому при докладѣ «ся импер. величество, въ разсужденіи, что оный профессоръ при Академіи надобенъ, указала его склонять, чтобъ онъ здѣсь еще остался.» При этомъ уговариваніи остаться Делиль прежде всего потребовалъ выдачи всего заслуженнаго жалованья и отпуска денегъ на устройство обсерваторіи; императрица приказала исполнить эти требованія [251]. Потомъ въ сентябрѣ Делиль подалъ въ Сенатъ доношеніе: императрицѣ угодно его оставить; но онъ можетъ остаться

только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобъ Академія была такимъ образомъ установлена, дабы канцелярія не имѣла никакой власти надъ профессорами и надъ принадлежащими вещами до наукъ, ниже надъ академическою экономіею; а оное установленіе можно въ дѣйство произвесть, давши Академіи регламентъ, по которому бы она на разные департаменты, касающіеся до наукъ раздѣлена была, и чтобъ каждый профессоръ надъ приличнымъ ему департаментомъ главнымъ былъ, и въ томъ бы никому иному отвѣтъ не далъ, какъ только правительствующему Сенату и профессорскому корпусу, и, по регламенту Петра Великаго, выбрать одного изъ профессоровъ въ президенты или директоры, который бы безперемѣнно въ ономъ чину находился, или поперемѣнно каждый годъ или полгода, а понеже онъ Делиль изъ профессоровъ старшій и имѣетъ совершенное извѣстіе о всѣхъ прочихъ европейскихъ академіяхъ, для того уповаетъ, что директорское избраніе сперва бы ему досталось. — Сенатъ приказали: о опредѣленіи президента подать ея импер. величеству докладъ, и до полученія указа что касается до наукъ и имъ принадлежащихъ вещей, то поручить вѣдать и смотрѣть и исправлять обще въ собраніи всѣмъ профессорамъ, а для того и служителямъ тѣхъ наукъ быть у нихъ же профессоровъ, а канцеляріи академической нынѣ, что до наукъ принадлежитъ, имъ профессорамъ не точію какого помѣшательства, но всякое по ихъ требованіямъ чинить вспоможеніе безъ продолженія времени [252].

Между тѣмъ и остальные профессора выступили въ походъ противъ Шумахера.

Въ іюнѣ 1745 года совѣтникъ получилъ отъ профессоровъ — Гмелина, Вейтбрехта, Миллера, Леруа и Рихмана слѣдующее оффиціальное письмо: «Вашему высокоблагородію памятно, что по полученному изъ прав. Сената прошлаго 1744 года іюля 10 дня указу о распечатаніи и ревизіи библіотеки и кунсткамеры, тогожъ іюля 27 дня въ обыкновенный день нашего собранія вы приходили къ намъ въ Академію и о содержаніи помянутаго указа намъ въ собраніи объявили, что указано производить ревизію двумя адъюнктами, назначенными отъ Академіи; и притомъ ваше высокоблагородіе свое мнѣніе предложили, что ревизія очень продолжительна будетъ, если только двумъ адъюнктамъ

у того дѣла быть; къ тому же нельзя положиться на адъюнктовъ, чтобъ они во всѣхъ наукахъ достаточную опытность имѣли, чтобъ ревизію производить какъ слѣдуетъ; скорѣе и исправнѣе она будетъ произведена, если при ней будутъ присутствовать нѣсколько изъ профессоровъ, и можно надѣяться, что Сенатъ на это склонится охотно. Послѣ совѣщанія объ этомъ каждый изъ насъ охотно на себя принялъ производить ревизію такихъ вещей, которыя тѣснѣе соприкасаются съ его науками. Надлежало тогда вашему высокоблагородію намъ сообщить подлинный сенатскій указъ, чтобъ намъ можно было обсудить, на какомъ основаніи намъ поступать при ревизіи, ибо нельзя думать, что намѣреніе прав. Сената было такое, какъ ваше высокоблагородіе насъ изволили удостовѣрить, а именно, чтобъ на печатныхъ каталогахъ основаніе положить, потому что ревизія наиболѣе для того и учреждена, дабы извѣстно было, правда ли то, что на васъ донесено, будто во время двадцатипятилѣтняго вашего правленія библіотекарской должности, и библіотеки и кунсткамеры много унесено и утрачено, а печатные каталоги сочинены въ недавнихъ годахъ и въ нихъ внесено только то, что въ то время находилось на лицо, слѣд. эти каталоги показать не могутъ, чему въ кунсткамерѣ и библіотекѣ быть надлежитъ, это можетъ быть усмотрѣно по самымъ старымъ каталогамъ и счетамъ, какъ каждая вещь куплена и въ Академію внесена; но такъ какъ мы этому дѣлу не судьи и это могло оскорбить ваше высокоблагородіе, то мы по справедливости уклонились и разсмотрѣнію правительствующаго сената оставили, изволитъ ли такую ревизію за достовѣрную принять, однакожъ еще сверхъ означеннаго другая причина есть, почему намъ очень обидно, что ваше высокоблагородіе сенатскій указъ отъ насъ утаили. Ревизію окончивши, услыхали мы, что по сенатскому указу велѣно юстицъ-коллегіи Мелисино быть при ревизіи, которая адъюнктамъ была приказана. Правител. Сенатъ вѣроятно разсуждалъ, что въ такомъ дѣлѣ, которое вашего высокоблагородія такъ близко касается, на однихъ адъюнктовъ всю надежду положить нельзя, потому что они, для угожденія вамъ, легко что-нибудь пропустить могутъ; также адъюнкту не оскорбительно трудиться въ чемъ-нибудь подъ смотрѣніемъ какого-нибудь ассессора. Но такъ какъ вмѣсто адъюнктовъ мы въ

это дѣло вступили, то вашему высокоблагородію надлежало съ нами поступать не такъ скрытно и важнаго такого обстоятельства отъ насъ не таить. Вамъ не безызвѣстно, что профессора при Академіяхъ Наукъ никогда не ставятся ниже коллежскихъ ассессоровъ, и уже причины не было, зачѣмъ господину Мелисину при ревизіи присутствовать, ибо надѣяться можно, что намъ не меньше какъ и ему повѣрятъ. И такъ надобно думать, что ваше высокоблагородіе сенатскій указъ отъ насъ утаили для того во 1) чтобы мы не знали, на какомъ основаніи велѣно сдѣлать ревизію; во 2) дабы къ уменьшенію чести нашей скрытно насъ отдать подъ надзоръ ассессору юстиціи, противъ чего мы конечно протестовали бы, еслибы намъ о томъ извѣстно было; однако притомъ на господина Мелисино жаловаться причины никакой не имѣемъ, потому что онъ во время ревизіи никакой себѣ надъ нами власти не взялъ. Также мы и того не знали и до сихъ поръ еще очень сомнѣваемся, что вашему высокоблагородію при ревизіи велѣно главное правленіе имѣть. Въ сенатскомъ указѣ написано, чтобъ вамъ при томъ быть, а чтобъ вамъ надъ ревизіею дирекцію имѣть, того не написано, ибо такъ какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ никто судьею быть не можетъ, то и думать нельзя, что намѣреніе прав. Сената было вашему высокоблагородію правленіе такого дѣла поручить, которое противъ васъ самихъ гласитъ: и такъ мы больше разсуждаемъ, что вашему высокоблагородію притомъ быть велѣно только для того, чтобъ объ утраченныхъ вещахъ отвѣтъ дать. Поэтому намъ удивительно кажется, какъ ваше высокоблагородіе случай себѣ нашли при ревизіи такъ поступать, будто бы она и отъ васъ зависѣла. Ваше высокоблагородіе съ г. ассессоромъ Мелисиномъ какую-то новую коммиссію учредили, въ которой вы оба назывались членами, а мы вамъ подчиненными; вамъ же довольно извѣстно, что мы ни въ нашихъ дѣлахъ въ вашей командѣ не состоимъ, ниже при такомъ чрезвычайномъ случаѣ вамъ послушными быть могли; только мы тогда не знали, что труды наши отъ вашего правленія зависятъ, а какъ мы теперь о томъ увѣдомились и опредѣленіе видѣли, которое вы о томъ съ г. ассессоромъ Мелисиномъ составили, то мы уже съ позволенія вашего о томъ еще упомянемъ по пространнѣе. Это опредѣленіе внесено въ журналъ академической канцеляріи

о ревизіи прошлаго 1744 года іюля 16 дня, т.-е. одиннадцатью днями прежде, какъ ваше высокоблагородіе о томъ съ нами въ собраніи совѣтовались. Это опредѣленіе съ сдѣланнымъ въ собраніи согласно въ томъ, что каждый изъ насъ ревизію на себя принялъ, только разнится въ томъ, что въ вашемъ канцелярскомъ опредѣленіи намъ будто повелѣвается отъ вашего высокоблагородія и отъ г. ассессора Мелиспна все то, что мы одиннадцать дней спустя своею охотою на себя приняли, и журналистъ развѣ пророческимъ духомъ одаренъ былъ, что 16 іюля могъ знать о томъ, что 27 числа сдѣлается. Такими коварствами намъ въ обиду и чести нашей въ поврежденіе вы величаться хотѣли. Если правда, что опредѣленіе написано было уже 16 числа, то для чего ваше высокоблагородіе его къ намъ въ собраніе не принесли и для чего вы его никому изъ насъ не сообщили? Еслибы у вашего высокоблагородія совѣсть была чиста, тобъ вы въ томъ не такъ скрытно поступали. Хотя всѣ пункты этого опредѣленія чести нашей весьма вредны, однако одиннадцатый больше всего подаетъ поводъ къ жалобѣ: въ немъ вы надсмотрщикомъ надъ нами поставили такого человѣка, котораго мы и въ самомъ маломъ дѣлѣ не считаемъ такимъ, какъ вы о немъ разсуждаете: рѣчь идетъ о г. Таубертѣ. Правда, что по русскому, а отчасти и французскому языкамъ обученъ и въ переводахъ, если постарается, значительное искусство имѣетъ, и онъ бы могъ при Академіи служить съ пользою, еслибъ вы его при тѣхъ переводахъ оставили; но, какъ видно, вашему высокоблагородію этого показалось для него слишкомъ мало. Вы ему, какъ родственнику своему, титулъ адъюнкта исходатайствовали, который можетъ быть полученъ только въ слѣдствіе занятій науками и ихъ преподаваніемъ; потомъ вы ему исходатайствовали титулъ унтеръ-библіотекаря, дабы ему мало-по-малу и библіотекарство и канцелярское правленіе поручить, и такимъ образомъ оба чина наслѣдственными въ вашей фамиліи сдѣлать; а всему свѣту извѣстно, что для библіотекаря больше требуется знаній, чѣмъ г. Таубертъ имѣетъ; сверхъ того онъ произведенъ въ адъюнкты и унтеръ-библіотекари безъ вѣдома Академіи. Отъ того и происходятъ такіе страшные безпорядки въ библіотекѣ; печатные каталоги свидѣтельствуютъ, что нѣтъ въ Академіи человѣка, который бы могъ

ихъ составить, какъ составляются они въ другихъ библіотекахъ. Безъ труда разсудить можете, что съ нашею честью несогласно умолчать о томъ, что вы изволили насъ отдать подъ надзоръ г. Тауберта, написавши въ опредѣленіи: что унтеръ-библіотекарь Таубертъ долженъ смотрѣть, чтобъ все порядочно происходило. И для чего вы опредѣлили взять съ насъ письменный реверсъ подъ присягою, что при ревизіи честно и совѣстно поступать будемъ? ибо во 1) вы не имѣете надъ нами такой власти, чтобъ намъ это приказывать; 2) въ сенатскомъ указѣ этого и отъ адъюнктовъ не требовалось; въ 3) ни ваше высокоблагородіе того отъ насъ никогда не требовали, въ чемъ и нужды не было, ибо ревность наша и вѣрность и справедливые поступки всякому извѣстны, и никто еще на насъ ни въ какой погрѣшности не доносилъ. Учиненная намъ отъ вашего высокоблагородія въ этомъ дѣлѣ обида такъ важна, что намъ нельзя не требовать удовлетворенія, если вы сами не поспѣшите оказать его намъ и тѣмъ прекратить наши жалобы. Такъ какъ мы ничего болѣе не желаемъ, какъ всегда жить съ вашимъ высокоблагородіемъ въ покоѣ и согласіи, то мы предлагаемъ вамъ самый легкій способъ, именно въ томъ же журналѣ внести новый пунктъ такого содержанія, что въ опредѣленіи 16 іюля 1744 года мы бывшіе у ревизіи профессора обижены, будто трудовъ нашихъ при библіотекѣ и кунсткамерѣ не было, но что мы все сдѣлали по своей охотѣ, ревнуя о благополучіи Академіи по силѣ состоявшагося въ академическомъ собраніи тогожъ іюля 27 дня опредѣленія, и что слѣдовательно ни ваше высокоблагородіе, ни г. ассессоръ Мелиссино ниже г. Таубертъ, надъ нами смотрѣнія никакого не имѣли; и наконецъ, что намъ это опредѣленіе не въ то время объявлено, но только 7 іюня текущаго 1745 года, когда мы уже по всеобщему слуху о томъ извѣстились и отъ вашего высокоблагородія требовали, чтобъ его изъ канцеляріи намъ сообщили. А такъ какъ ваше высокоблагородіе о всемъ вышеписанномъ и прав. Сенату отъ имени Академіи Наукъ представили и не упомянули о нашемъ опредѣленіи, состоявшемся въ академическомъ собраніи, донесли такимъ образомъ этому вышнему суду несправедливо, а нашу честь публично повредили, то и требуемъ, чтобъ ваше высокоблагородіе въ другомъ донесеніи предъ прав. Сенатомъ въ своей

погрѣшности повинились и о всемъ дѣлѣ донесли справедливо. На этихъ условіяхъ мы готовы сдѣланную намъ обиду предать забвенію, и радостно намъ будетъ, если ваше высокоблагородіе соизволите какъ себя такъ и насъ избавить отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, чтобъ мы для защиты чести нашей не были принуждены утруждать жалобами вышній судъ.»

Шумахеръ не далъ никакого отвѣта, и профессора перенесли дѣло въ Сенатъ, приложивши къ своей просьбѣ и копію съ приведеннаго выше письма своего къ Шумахеру. Сенатъ отвѣчалъ указомъ, что о слѣдствіяхъ учрежденной имъ ревизіи до сихъ поръ отъ Академіи ему не репортовано, и потому *приказали:* при осмотрѣ библіотеки и кунсткамеры быть и профессорамъ, подавшимъ жалобу и о слѣдствіяхъ ревизіи репортовать въ Сенатъ чаще; относительно же дѣла, изложеннаго въ профессорской жалобѣ подать отвѣтъ немедленно. Шумахеръ отвѣчалъ, что прежній сенатскій указъ о ревизіи былъ сообщенъ профессорамъ, они 4 сентября собрались въ канцелярію академическую и по общему согласію назначили время для начатія ревизіи. Ассессоръ Мелисино въ назначенный срокъ въ канцелярію явился, но изъ профессоровъ не явился никто, а прислали за рукою опредѣленнаго при конференціи писца, какъ бы въ поруганіе канцеляріи, записку, что совѣтникъ Шумахеръ оскорбилъ ихъ, осмѣлившись вызвать въ канцелярію, которой они ни мало не подчинены, что Шумахеръ обязанъ подавать въ конференцію профессорскому корпусу присылаемые изъ Сената указы и прочія тому подобныя непристойности. Въ слѣдствіе чего канцелярія требуетъ оборонить честь ея отъ такихъ ругательныхъ поступковъ и самовольства профессоровъ и принудить ихъ къ надлежащему повиновенію. Канцелярія доносила, что Мелисино началъ немедленно производить ревизію съ двумя адъюнктами, уже всю библіотеку пересмотрѣлъ, а теперь ожидаетъ сенатскаго указа, при комъ ему новые каталоги сличать съ старыми, ибо профессора къ этому сличенію не являются [253].

Это дѣло довело раздраженіе съ обѣихъ сторонъ до высшей степени. 28 ноября 1745 года въ Сенатъ явилась новая просьба профессоровъ: они требовали наказанія Шумахеру за нанесенное имъ поруганіе доктору Гмелину, просили поручить управленіе академіею профессорскому собранію, а Шумахера отрѣ-

шить [254]. Сенатъ съ нетерпѣніемъ ждалъ назначенія президента въ академію, чтобъ избавиться отъ этихъ тяжелыхъ, неудоборѣшаемыхъ для него дѣлъ. Наконецъ президентъ былъ назначенъ.

У фаворита Алексѣя Григорьевича Разумовскаго былъ младшій братъ Кирилла. Чтобъ сдѣлать молодаго человѣка болѣе достойнымъ того положенія, на которое фаворъ Елисаветы поднялъ малороссійскихъ мужиковъ, чтобъ дать ему возможность получить серіозное образованіе, чему въ Петербургѣ было, какъ видно много помѣхи, и дать брату даже средства затмѣвать и родовитыхъ русскихъ людей, графъ Алексѣй рѣшился отправить его за границу учиться. Молодой Кирилла получилъ передъ отъѣздомъ отъ брата инструкцію, написанную, по всѣмъ вѣроятностямъ, извѣстнымъ Ададуровымъ, котораго Алексѣй Григорьевичъ приблизилъ къ себѣ какъ необходимаго по своему образованію человѣка. Въ инструкціи предписывалось [255]: вопервыхъ, крайнее попеченіе имѣть о истинномъ и совершенномъ страхѣ Божіи, во всемъ поступать благочинно и благопристойно, и вѣру православнаго греческаго исповѣданія, въ которомъ вы родились и воспитаны, непоколебимо и нерушимо содержать, удерживая себя притомъ отъ всякихъ продерзостей, праздности, невоздержанія и прочихъ, честному и добронравному человѣку неприличныхъ поступковъ и пристрастій. А понеже главное и едипое токмо намѣреніе при семъ вашемъ отправленіи въ чужестранныя государства состоитъ въ томъ, чтобы вы себя къ вящей службѣ ея имер. величества по состоянію вашему способнымъ учинили, и фамиліи бы вашей впредь собою и своими поступками принесли честь и порадованіе, того ради имѣете вы о дѣйствительномъ исполненіи онаго намѣренія прилагать съ своей стороны неусыпное попеченіе, и оное за едино токмо средство всего вашего будущаго благополучія признавать, оставя всѣ другія разсужденія и пристрастія. Дабы вы, при семъ уже довольно созрѣвшемъ возрастѣ, пренебреженное понынѣ время своимъ прилежаніемъ въ ученіи наградить и оставшуюся еще, по вашимъ младымъ лѣтамъ, въ васъ способность въ собственную вашу пользу употребить могли, что къ вашей рекомендаціи впредь тѣмъ наипаче служить имѣетъ.

Съ Разумовскимъ за границу въ качествѣ наставника, отправ-

ленъ былъ адъюнктъ академіи Григор. Никол. Тепловъ. Именнымъ указомъ повелѣно было его для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнія въ чужестранныхъ академіяхъ установленныхъ наилучшихъ порядковъ и учрежденій отправить въ виртембергское княжество въ городъ Тубингъ (Тюбингенъ), а оттуда въ Парижъ, дабы онъ, возвратясь послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, при здѣшней академіи наукъ достойнымъ профессоромъ быть могъ и для того опредѣлить ему жалованья по 600 рублей на годъ [256]. — Это требованіе отъ Теплова, чтобъ онъ присмотрѣлся къ порядкамъ, существующимъ въ чужестранныхъ академіяхъ, можетъ обнаруживать намѣреніе сдѣлать Кириллу Разумовскаго президентомъ Академіи, а Теплова помощникомъ ему въ этомъ званіи. То же намѣреніе обнаруживается и въ долгомъ неназначеніи президента, не смотря на нудящую необходимость, выставляемую и самою Академіею и Сенатомъ: кого-то ждали. Въ 1745 году Разумовскій возвратился изъ-за границы и былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а 21 мая 1746 года назначенъ президентомъ Академіи съ жалованьемъ по 3000 рублей въ годъ. 12 іюня Разумовскій въ первый разъ явился въ Академію и обратился къ профессорамъ съ такими словами: «За необходимо вамъ объявить нахожу, что собраніе ваше такія мѣры отъ перваго нынѣшняго случая принять должны, которыя бы не одну только славу, но и совершенную пользу въ семъ пространномъ государствѣ производить могли. Вы знаете, что слава одна не можетъ быть столь велика и столь благородна, ежели къ ней не присоединена польза. Сего ради Петръ Великій какъ о славѣ такъ и о пользѣ равномѣрное попеченіе имѣлъ, когда первое основаніе положилъ сея Академіи, соединивъ оную съ университетомъ.» Профессоръ элоквенціи Тредьяковскій привѣтствовалъ новаго президента: «Академія чрезъ ваше графское сіятельство оживотворивши всѣ свои члены и въ здравіе пришедши, какъ съ одратяжкія болѣзни востала. Академія чрезъ васъ, первую россійскую свою главу, всеконечно изобрящетъ всегда дѣйствительный способъ, дабы исполнить основателя своего намѣреніе — множиться россійскими членами, въ россійскихъ твердо обращаемыми составахъ» [257].

Въ рѣчи новаго президента было ясно высказано, что изъ двухъ цѣлей, указанныхъ академіи ея основателемъ, одна, имен-

но университетская, учебная не достигалась, мало было славы, что въ Петербургѣ существуетъ Академія Наукъ, что произведенія ея членовъ съ интересомъ читаются учеными западной Европы; государство хотѣло еще пользы, хотѣло, чтобъ Академія имѣла не одинъ ученый, но и учебный характеръ, преимущественно соотвѣтствовавшій потребностямъ тогдашней неразвитой Россіи, хотѣла, чтобъ она была университетомъ, гдѣ бы русскіе молодые люди знакомились съ наукою. Такимъ образомъ правительство устами назначеннаго имъ президента признавало справедливость упрековъ, дѣлаемыхъ академіи въ продолженіе пяти лѣтъ, оправдывало Нартова и Делиля съ товарищи; разница была въ томъ, что Нартовъ, Делиль и другіе обличители академическихъ безпорядковъ складывали всю вину ихъ на одного человѣка, Шумахера, а теперь упрекъ правительства обращался не къ канцеляріи, ни къ ея совѣтнику, а къ профессорскому корпусу. Шумахеру какъ прежде предъ коммиссіею, такъ теперь передъ новымъ президентомъ легко было оправдаться и сложить всю вину на своихъ враговъ — профессоровъ; конечно онъ воспользовался обстоятельствами чрезвычайно для того благопріятными, выставлявшими его дѣятельность въ свѣтломъ видѣ и бросавшими тѣнь на дѣйствія профессоровъ. Укоряли академію, что она выводитъ Нѣмцевъ, заграждаетъ путь Русскимъ: но кто въ этомъ виноватъ? Виднѣе всѣхъ по талантамъ русскій профессоръ Ломоносовъ; но въ то время какъ онъ возвратился изъ заграницы и профессорская конференція неизвѣстно почему не хотѣла признать его правъ, Шумахеръ назначилъ его адъюнктомъ; Шумахеръ присовѣтовалъ и почтенному Тредьяковскому обратиться прямо въ Сенатъ съ просьбою о профессурѣ, зная, что профессорская конференція никогда не согласится сдѣлать его профессоромъ; изъ иностранцевъ болѣе другихъ трудится для Россіи Миллеръ, а кто вызвалъ и провелъ Миллера, несмотря на открытое сопротивленіе профессоровъ? Шумахеръ. Что ему платили за его благодѣянія, за его старанія въ пользу Россіи и русскихъ черною неблагодарностію—это его несчастіе, но не вина.

Сенатъ спѣшилъ воспользоваться назначеніемъ президента въ академію, чтобъ сдать ему всѣ дѣла, всѣ жалобы на Шумахе-

ра. Разумовскій переслалъ въ Сенатъ оправданія Шумахера и свое собственное мнѣніе обо всемъ этомъ академическомъ дѣлѣ, такъ долго безпокоившемъ Сенатъ. Отвѣты Шумахера на обвиненія состояли въ томъ, что канцелярія академическая выдумана не имъ, но Петръ Великій въ 1724 году пожаловалъ его секретаремъ академіи, а президентъ Блюментростъ приказалъ ему набрать переводчиковъ, писцовъ и другихъ служителей; если же онъ въ небытность президентовъ одинъ канцелярскими дѣлами управлялъ, и профессоровъ не допускалъ, то дѣлалъ онъ такъ потому, что о допущеніи ихъ къ дѣламъ указа не имѣлъ. Шумахеръ не виноватъ въ задержкѣ жалованья: и въ другихъ командахъ это часто бываетъ. Профессорскія требованія канцелярія исполняла: такъ Шумахеръ поданный Ломоносовымъ рисунокъ лабораторіи изъ канцеляріи въ конференцію послалъ. требуя отъ профессоровъ объ немъ мнѣнія, но они, приславши рисунокъ назадъ, объявили, что они объ этомъ дѣлѣ высшему мѣсту представили, при чемъ такъ и осталось; а еслибъ профессора ломоносовскій проектъ одобрили, то канцелярія академіи потребовала бы отъ строительной канцеляріи, чтобъ та построила лабораторію. Онъ Шумахеръ въ постороннія и неизвѣстныя ему дѣла мѣшаться не привыкъ; также не помнитъ, чтобъ ему отъ честныхъ и умныхъ людей такія грубыя и неосновательныя нареканія когда были; не только студентамъ, но самимъ профессорамъ добрымъ и полезнымъ совѣтомъ съ охотою служилъ, когда они его о томъ просили, а что гимназіею управлялъ и переводчикамъ приказывалъ книги переводить, то дѣлалъ онъ по чину и званію своему. Другіе умные люди никогда никакимъ упущеніемъ должности его Шумахера не упрекали: каталоги академическимъ книгамъ съ такою возможною исправностію сдѣланы, что всѣми посторонними людьми одобрены; а хотя въ нихъ нѣкоторыя малыя погрѣшности быть и могутъ, однако профессора и сами признаться должны, что такое дѣло безъ частыхъ поправокъ въ надлежащее совершенство привесть не возможно. Такъ какъ въ коммиссіи справедливые и разумные судьи засѣдали, то ей не въ пользу совѣтника Шумахера окончиться было невозможно: только совѣтникъ отъ этого ни мало не возгордился и профессорамъ никакой обиды не дѣлалъ. Поданнаго профессоромъ Миллеромъ проекта для того

Сенату не представилъ, что президенты академіи давно разныя опредѣленія о россійской исторіи сдѣлали, которыя Миллерову проекту противны, и для того онъ Шумахеръ Миллеру совѣтовалъ этимъ дѣломъ обождать, пока президентъ опредѣленъ будетъ. Что же на совѣтника показано, что онъ сочиненной профессоромъ Гмелинымъ книги о сибирскихъ травахъ переписывать не велѣлъ, и то неправда! Гмелинъ самъ представилъ для переписки информатора Германа, что по его представленію и сдѣлано; но послѣ того Гмелинъ въ конференціи ложно объявилъ, что такъ какъ Шумахеръ списывать не велитъ, то не прикажутъ ли профессора эту книгу Герману переписать; за такую ложь Шумахеръ Гмелина по справедливости плутомъ назвалъ. Совѣтникъ Шумахеръ не виновенъ и въ томъ, что великому князю Петру Θеодоровичу книгу въ четверть листа посвятить былъ намѣренъ, потому что не въ формѣ или величинѣ, но въ добротѣ книги сила состоитъ: изъ этого можно явно видѣть, съ какою злостью профессора съ нимъ совѣтникомъ обходились и такими неправдами облыгать старались. Главное намѣреніе ихъ было его отъ академіи отрѣшить, а правленіе ея себѣ въ руки взять.

Заключеніе президента Разумовскаго состояло въ слѣдующемъ, «Отъ каждаго изъ профессоровъ я требовалъ письменно, имѣютъ ли что еще въ подтвержденіе или доказательство своихъ жалобъ, и когда каждый письменно объявилъ, что никакого доказательства въ улику приносить не можетъ, а нѣкоторые объявили, что и сами того не знали и неразумѣли, къ чему руки свои прикладывали, но дѣлали это больше по наученію другихъ: то усмотрѣлъ я, что совѣтникъ Шумахеръ во всѣхъ своихъ поступкахъ предъ профессорами правъ и ненависть отъ нихъ однимъ только тѣмъ заслужилъ, что по ревности своей къ пользѣ и славѣ государственной въ небытность президентовъ принуждалъ профессоровъ къ отправленію ихъ должности и къ показыванію дѣйствительныхъ трудовъ, за которые имъ столь знатное жалованье опредѣлено. Когда по вступленіи моемъ въ правленіе академическихъ дѣлъ разсмотрѣны труды профессоровъ, то нашлось, что нѣкоторые изъ нихъ больше въ убытокъ государству здѣсь жили и обманывали командировъ, нежели старались произвести пользу въ народѣ; при томъ не по достоин-

ству своихъ трудовъ и знанія требовали себѣ жалованья и къ полученію его всякіе происки употребляли; а какъ потомъ строгій надъ ними надзоръ учрежденъ, то главный возбудитель всѣхъ ссоръ и несогласій между профессорами и совѣтникомъ Шумахеромъ, бывшій при академіи профессоръ Делиль, видя, что дѣла академическія не по его намѣренію стали происходить, и что ему невозможно уже канцелярію обманывать, взялъ свой абшидъ (увольненіе). И ежелибы описать всѣ прежніе поступки нѣкоторыхъ бывшихъ и нѣкоторыхъ нынѣ находящихся при академіи профессоровъ, изъ которыхъ однакожъ исключаются добрые и достойные, то бы прав. Сенатъ могъ совершеннѣе видѣть ревность къ пользѣ отечества россійскаго шумахерову и лѣность и нерадѣніе къ трудамъ разныхъ профессоровъ. И тѣмъ подтверждаю, что при нынѣшнемъ времени многіе въ порученныхъ имъ дѣлахъ такъ нерадѣтельно поступали, что на силу возможно было пріискать способъ, чтобъ ихъ привести въ надлежащій порядокъ, и могу увѣрить прав. Сенатъ, что между профессорами многими ничего инаго не усматривается, какъ желаніе одно — стараться всегда о прибавкѣ своего жалованья, получить разными происками ранги великіе и ничего за то не дѣлать и не быть ни у кого въ командѣ, и дѣлать собою, что кому вздумается подъ тѣмъ прикрытіемъ, что науки не терпятъ принужденія, но любятъ свободу» [258].— Сенатъ успокоился на этомъ бездоказательномъ донесеніи. Содержаніе отдѣльныхъ сказокъ, поданныхъ профессорами о Шумахерѣ, по требованію президента, осталось тайною и для членовъ академіи, по свидѣтельству Ломоносова.—«Но то вѣдомо, прибавляетъ Ломоносовъ, что Шумахеръ остался по прежнему въ своей волѣ, и вскорѣ получилъ большее подкрѣпленіе.» Профессора: Крафтъ, Гейнзіусъ, Вильде, Крузіусъ, Делиль и Гмелинъ оставили Россію [259].

24 іюля 1747 года изданъ былъ регламентъ академіи наукъ и художествъ [260]. Въ немъ говорится, что «по сіе время академія наукъ и художествъ плодовъ и пользы совершенно не произвела потому только одному, что не положенъ былъ регламентъ и доброе всѣму опредѣленіе. Регламентъ замѣчателенъ тѣмъ, что хотя и въ немъ академія наукъ и художествъ и университетъ соединялись еще въ одномъ учрежденіи, но раздѣлены обязанности собственно академиковъ отъ обязанности преподава-

телей или профессоровъ.» Академія собственно называется собраніе ученыхъ людей. Сіи люди не только о томъ стараются, чтобъ собрать все то, что уже въ наукахъ извѣстно, но и далѣе трудятся въ изобрѣтеніяхъ поступать. Видно по сему, что такіе люди заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ; чего ради имъ времени мало останется на то, чтобъ обучать другихъ публично. И такъ опредѣляются особливые академики, которые составляютъ академію и никого не обучаютъ, кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ, и особливые профессоры, которые учить должны въ университетѣ. Но ежели нужда востребуетъ и время допуститъ и академику трудиться въ университетѣ, въ такомъ случаѣ отдается на президентское разсужденіе, чтобъ опредѣлить онъ могъ и академика для чтенія потребныхъ лекцій въ университетѣ. Академиковъ должно быть десять и они собственно симъ именемъ называются, а не профессоровъ; и почетныхъ внѣ государства десять же. Всякъ академикъ имѣть долженъ при себѣ адъюнкта, который должность имѣетъ помощника академику; и притомъ стараться долженъ, какъ академикъ объ адъюнктѣ, такъ и адъюнктъ самъ о себѣ, чтобъ ему современемъ заступить академика своего мѣсто. Стараться, чтобъ адъюнкты были всѣ изъ русскихъ. Всѣмъ управляетъ и повелѣваетъ президентъ. Онъ смотрѣть долженъ, чтобъ всякъ вездѣ у своего званія былъ прилеженъ, и напрасно на него иждивеніе не было употреблено. Президентъ имѣетъ совершенную власть выписать или отпустить надлежащимъ порядкомъ всякаго академика.—Россія не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ; но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно поставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что за первый случай учрежденіе академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, а впредь должно оно состоять изъ природныхъ россійскихъ: того ради къ академіи другая ея часть присоединяется, университетъ. Университетъ есть собраніе учащихъ и учащихся людей. Первые называются профессоры, а другіе студенты. Профессоры не обучаютъ языковъ, но обучаютъ наукъ. Того ради студенты должны уже искусны быть въ языкѣ латинскомъ, дабы лекціи въ нау-

кахъ, которыхъ на иномъ ни на какомъ языкѣ давать не позволяется, какъ токмо на латинскомъ и русскомъ, могли они совершенно разумѣть: сего ради надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при академіи, давъ имъ жалованье и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ. А чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой 20 человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ академію художествъ; вольныхъ людей принимать свыше сего позволяется, сколько случится, а за науку отъ учениковъ ничего не требовать. Принимать въ университетъ изъ всякихъ чиновъ людей смотря по способности, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Профессоры, при начинаніи такого дѣла, могутъ быть всякаго закона люди, только при вступленіи въ свою должность присягою обязываться должны, чтобъ имъ ни ученіемъ, ни совѣтомъ о законѣ противнаго православному греческому исповѣданію не внушать ничего учащимся. Чего ради духовникъ быть долженъ при университетѣ изъ ученыхъ іеромонаховъ, который всякую субботу учить долженъ катехизиса. Науки въ университетѣ отправляются слѣдующія: 1) латинскій языкъ; 2) просодія; 3) языкъ греческій; 4) латинское краснорѣчіе; 5) ариѳметика; 6) рисовать; 7) геометрія и прочія части математики; 8) географія, исторія, генеологія и геральдика; 9) логика и метафизика; 10) физика теоретическая и экспериментальная; 11) древности и исторія литеральная; 12) права натуральныя и философія практическая или нравоучительная. Президентъ при себѣ долженъ всякіе четыре мѣсяца, когда рапорты принимаетъ отъ академиковъ, что они сдѣлали, и что ихъ адъюнкты и студенты выучили, экзаменовать учениковъ въ гимназіи и студентовъ въ университетѣ. Канцелярія учреждается по указамъ ея импер. величества, и оная есть департаментъ президенту для управленія всего корпуса академическаго принадлежащій, въ которой члены быть должны по нѣскольку искусны въ наукахъ и языкахъ, дабы могли разумѣть должность всѣхъ чиновъ при академіи и въ небытность президента корпусомъ такъ, какъ президентъ самъ

управлять, чего ради и въ собраніи академиковъ имѣть имъ голосъ и засѣданіе. Ученымъ людямъ и учащимся, кромѣ наукъ, ни въ какія дѣла собою не вступать, но о всемъ представлять канцеляріи, которая должна имѣть обо всемъ попеченіе.

Новый регламентъ не понравился ученымъ членамъ академіи: права канцеляріи были подтверждены и, что всего болѣе раздражало, этими правами пользовался по прежнему Шумахеръ. Ломоносовъ такъ отзывается о новомъ уставѣ: «Въ его расположеніи и составленіи никого, сколько извѣстно, не было изъ академиковъ участника. Шумахеръ подлинно давалъ сочинителю совѣты, что изъ многихъ его духа признаковъ, а особливо изъ утвержденія канцелярской великой власти, изъ выписыванія иностранныхъ профессоровъ, изъ отнятія надежды профессорамъ происходить въ высшіе чины несомнѣнно явствуетъ. Многіе жалѣли, что оный регламентъ и на другихъ языкахъ напечатанъ и поданъ случай къ невыгоднымъ разсужденіямъ о академіи и въ другихъ государствахъ» [261]. Въ концѣ 1747 года въ академіи произошелъ пожаръ, сгорѣло зданіе, гдѣ находились библіотека и кунстъ-камера; но президентъ донесъ Сенату, что сколько въ скорости узнать было можно, всѣ нужныя вещи благополучно вынесены, только лежатъ въ крайнемъ непорядкѣ. Императрица велѣла подъ библіотеку и кунстъ-камеру отдать домъ дворянъ Демидовыхъ впредь до указа [262]. Ломоносовъ обвиняетъ (хотя не непосредственно), Шумахера въ этомъ несчастіи: «Для большаго уваженія канцеляріи, при такой перемѣнѣ (регламента), надобно было и мѣсто просторнѣе; прежнее разсудилось быть узко и тѣсно. Таковыхъ обстоятельствъ не пропускалъ Шумахеръ никогда, чтобъ не воспользоваться какимъ-нибудь образомъ къ утѣсненіе своихъ соперниковъ. И для того присовѣтовалъ перенести канцелярію въ рисовальную и грыдоровальную палату, а рисовальное дѣло перебрать въ механическую экспедицію, гдѣ имѣлъ засѣданіе Партовъ, который для сего принужденъ былъ очистить мѣсто, рушить свое засѣданіе; а инструменты и мастеровые разведены по тѣснымъ угламъ. Сіе же было причиною академическаго пожара, ибо во время сей перемѣны переведены были нѣкоторые мастеровые люди въ кунсткамерскія палаты въ такіе покои, гдѣ печи едва ли съ начала сего зданія были топлены и при переводѣ тогдашнихъ мастеровъ либо худо поправ-

лены или совсѣмъ не осмотрѣны. Сказываютъ, что близь трубы лежало бревно, кое отъ топленія загорѣлось. Разныя были о семъ пожарѣ разсужденія, говорено и о Геростратѣ; но слѣдствія не произведено никакого. А сторожъ тѣхъ покоевъ пропалъ безвѣстно, окоемъ и не было надлежащаго иску. Погорѣло въ Академіи, кромѣ не малаго числа книгъ и вещей анатомическихъ, вся галлерея съ сибирскими и китайскими вещами, астрономическая обсерваторія съ инструментами, готторпскій большой глобусъ, оптическая камера со всѣми инструментами и старая канцелярія съ оставшимися въ ней старыми дѣлами. Однако поврежденіе двору и публикѣ показано весьма малое, и о большомъ глобусѣ объявлено, что онъ только повредился, не взирая на то, что онаго въ цѣлости ничего не осталось кромѣ старой его двери. Для лучшаго увѣренія о маломъ вредѣ отъ пожару въ Вѣдомостяхъ описано хожденіе по кунсткамерѣ нѣкоего странствующаго мальтійскаго кавалера Загромозы, въ коемъ именованы оставшіяся въ цѣлости вещи, кои онъ Загромоза видѣлъ. Но еслибъ и то объявлено въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ было, чего уже онъ въ кунсткамерѣ не видалъ, то бы едва ли меньшій реестръ изъ того вышелъ» [263].

Въ самое смутное для Академіи Наукъ время, именно въ концѣ 1743 года Сенатъ потребовалъ отъ нея извѣстія — для надзиранія при сочиненіи исторіи Петра Великаго изъ ученыхъ достаточный къ тому человѣкъ имѣется ль и кто именно [264]? Академія донесла, что «при ней имѣются переводчикъ Иванъ Горлицкій, секретарь Василій Тредьяковскій и уповательно, что оные въ томъ надзираніи способными себя учинить могутъ». Нашелся въ это время для Петра историкъ незваный и непрошеный. Въ 1746 году Делиль заявилъ въ профессорской конференціи о желаніи Вольтера быть избраннымъ въ почетные члены петербургской Академіи, и желаніе было исполнено, а въ слѣдующемъ году новый почетный членъ сталъ хлопотать чрезъ Дальона и Разумовскаго, чтобъ ему было поручено писать исторію Петра Великаго [265].

Мы видѣли, что на обязанности Академіи Наукъ лежалъ переводъ и изданіе нужныхъ для Россіи книгъ. Въ концѣ 1746 года канцелярія Академіи Наукъ донесла Сенату, что переведенная съ французскаго капитаномъ поручикомъ Ремезовымъ Воба-

нова книга «Объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей» напечатана академическимъ иждивеніемъ, а Ремезову выдано за трудъ 300 рублей и велѣно тѣ книги пустить въ вольную продажу; но до сихъ поръ и 50 книгъ не продано, потому что они нужны только людямъ занимающимся фортификаціею и инженерствомъ, для которыхъ она и напечатана; а хотя о взятіи этихъ книгъ канцелярія Академіи не разъ просила письменно артиллерійскихъ командировъ, однако до сихъ поръ не берутъ, и Вобанова книга лежитъ по напрасну, а употреблено на нее 3560 рублей казенныхъ денегъ. Прежде въ артиллеріи напечатаны «Артиллерійскія записки С. Реми», за которыя Артиллерія въ Академію деньги заплатила, а книги раздала офицерамъ въ жалованье. На этомъ основаніи канцелярія Академіи просила, чтобъ велѣно было Вобановы книги взять въ Артиллерію, и раздать артиллерійскимъ и инженернымъ офицерамъ, какъ принадлежащія къ ихъ занятіямъ, а слѣдующія въ Академію деньги заплатить: этимъ академическіе служители, терпящіе нужду отъ неполученія во время жалованья, могли бы быть удовольствованы. Сенатъ согласился [266]. Потомъ канцелярія Академіи донесла Сенату [267], что секретарь ея Волчковъ перевелъ съ нѣмецкаго и французскаго на русскій языкъ въ разные годы три нравоучительныя книги: 1) Наука счастливымъ быть; 2) Языкъ; 3) Житіе и дѣла римскаго консула Цыцерона съ тремя частями о должности человѣческой, и за то его должно наградить; и такъ какъ за переводъ книги «Объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей» выдано поручику Ремезову 300 рублей, да отъ Академіи Наукъ за корректурный трудъ этой книги дано ему 46 экземпляровъ, да онъ же Ремезовъ перемѣненъ чиномъ, то, по мнѣнію канцеляріи, секретарь Волчковъ противъ Ремезова большаго награжденія достоинъ.

Въ началѣ 1748 года Академія объявила: «Понеже многіе изъ Россійскихъ какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ: того ради по указу ея и. в—ства канцелярія Академіи Наукъ чрезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англинскаго или съ другихъ какихъ языковъ, тобъ явились въ канцеляріи Академіи Наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ, буде най-

дется ихъ искусство довольно къ переводу книгъ, то дана будетъ книга для переводу, а какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ на чисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному, по напечатаніи съ его именемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той же книги» [268].

Сенатъ прислалъ въ Академію поручика Быкова, какъ знающаго китайскій языкъ. Академія донесла, что Быковъ въ манжурскомъ языкѣ искусенъ и учениковъ обучать можетъ, но по китайски можетъ только говорить въ просторѣчіи о всякихъ дѣлахъ; за великимъ множествомъ китайскихъ литеръ всего вытвердить не могъ, по этому и въ переводахъ будетъ недостаточенъ и учениковъ ему выучить невозможно; а такъ какъ при Академіи находится съ 1741 года прапорщикъ Разсохинъ, который китайскій и манжурскій языки довольно знаетъ, переводить и учениковъ учить въ состояніи, ученики же надобны такіе, которые въ латинскомъ и французскомъ языкахъ хорошее начало имѣли, слѣдовательно двоимъ учителямъ при Академіи быть не для чего. На основаніи этого доносенія Быкова велѣно представить къ другимъ дѣламъ [269].

Въ заключеніе приведемъ объявленія отъ академической книжной лавки, изъ которыхъ видно, какими книгами и за какую цѣну снабжались читающіе русскіе люди. Публиковалась книга Марка Аврелія по 1 рублю; Истинная Политика съ Катоновыми стихами по 35 коп.; Апофегмата по 25 коп.; Юности честное зерцало по 15 коп.; Троянская исторія по 50 коп.; Географія русская и нѣмецкая по 60 коп.; Основательныя примѣчанія на манифестъ прусскаго короля противъ курсаксонскаго двора по 30 коп.; Похожденіе Телемака сына Улиссова по 1 р. 50 коп. [270].

Въ 1748 году ассессоръ академической канцеляріи Тепловъ подалъ Сенату доношеніе: какъ для отвращенія при Академіи казеннаго убытка (ибо лишнія книги гніютъ), такъ и для удовольствія всякаго чина людей, желающихъ имѣть книги (а изъ Петербурга по дальности, дороговизнѣ и неудобству не выписывающихъ), учредить въ Москвѣ книгопродавочную палату, въ которой имѣютъ быть всякія книги, портреты, ландкарты, календари, россійскія и нѣмецкія газеты, по стольку же, сколько и въ петербургской книжной лавкѣ, ибо есть совершенная на-

дежда, что тамошняя продажа не меньше здѣшней плода приносить будетъ, и потому требуетъ назначить въ Кремлѣ, въ пристойномъ мѣстѣ двѣ палаты. Приказали: сенатской конторѣ велѣть находящіяся въ Москвѣ за Спасскими воротами палаты, въ которыхъ и прежде купцомъ Купреяновымъ продажа книгъ производилась, осмотрѣть, и если способны и никому не отданы, то отдать въ вѣдомство канцеляріи Академіи Наукъ [271].

Правительство рѣшительно потребовало университета и гимназіи отъ Академіи Наукъ; но мы видѣли, что въ Петербургѣ существовало учебное заведеніе, которое, по условіямъ тогдашней Россіи, не могло получить спеціальнаго военнаго характера, носило смѣшанный военно-гражданскій характеръ, Шляхетскій кадетскій корпусъ, назначенный для приготовленія дворянъ въ военную и гражданскую службы. Въ 1742 году предъ собраніе Сената представлены были присланные отъ Академіи Наукъ кадеты Колошинъ, князь Циціановъ, Ляпуновъ, Поповъ, которые въ Кадетскомъ корпусѣ обучались юриспруденціи, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ и были посланы въ Академію Наукъ для свидѣтельства. Профессора этой Академіи въ аттестатахъ показали, что князь Циціановъ, Ляпуновъ и Поповъ во всей юриспруденціи, универсальной исторіи и географіи нарочито упражнялись, по нѣмецки совершенно говорятъ и во французскомъ и латинскомъ языкахъ доброе познаніе получили, въ ариѳметикѣ и геометріи нарочито искусны; а Колошинъ въ натуральномъ и гражданскомъ правѣ нѣсколько упражнялся, въ универсальной исторіи, географіи, ариѳметикѣ нарочитое искусство показалъ, понѣмецки хорошо говоритъ и обратно съ него на россійскій переводитъ. Сенатъ приказалъ опредѣлить этихъ кадетъ къ правленію секретарской должности — Колошина въ юстицъ-коллегію, Циціанова и Ляпунова въ Вотчинную, Попова въ Судный приказъ [272]. Любопытно, что кадетскій корпусъ находилъ русскихъ людей, которые могли преподавать науки на иностранныхъ языкахъ, даже учить нѣмецкому языку и учить такъ, что Академія Наукъ признавала въ ихъ ученикахъ совершенное знаніе этого языка. Послѣ фельдмаршала Миниха корпусъ перешелъ въ завѣдываніе принца Гессенъ-Гомбургскаго, а преемникомъ принца былъ князь Репнинъ, который въ началѣ 1747 года доносъ Сенату, что велѣно въ корпусѣ преподавать фортификацію, и рус-

скимъ кадетамъ преподавали капитанъ-поручикъ Ремезовъ и поручикъ Пановъ, а иноземцамъ инженеръ-поручикъ Черицовъ. Ремезовъ умеръ, и по усмотрѣнію штабъ-офицеровъ корпуса оказалось, что того же корпуса служитель Мошковъ, по особенно ревностнымъ занятіямъ въ этой наукѣ и искусству, въ состояніи преподавать, и потому Репнинъ, по примѣру учителя нѣмецкаго языка въ корпусѣ поручика Брылкина, просилъ произвести Мошкова въ поручики и назначить преподавателемъ фортификаціи. Сенатъ согласился [273].

И въ кадетскомъ корпусѣ въ малыхъ размѣрахъ происходила борьба въ родѣ той, какую мы видѣли въ Академіи Наукъ, и Сенатъ долженъ былъ рѣшить распрю между преподавателемъ и канцеляріею. Нѣмецкій ученый Флюгъ заключилъ съ канцеляріею корпуса контрактъ на три года съ обязанностію быть адъюнктомъ юриспруденціи и обучать натуральному и гражданскому правамъ, также стилю нѣмецкаго языка съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ, съ квартирою и лѣченіемъ. Обучалъ онъ съ 1746 по 1748 годъ кромѣ упомянутыхъ наукъ еще логикѣ и нравоучительной философіи, и Академія Наукъ дала хорошій отзывъ о его ученикахъ. Но потомъ инспекторъ классовъ въ корпусѣ юстицъ-совѣтникъ фонъ Сиггеймъ сталъ требовать отъ него преподаванія латинскаго языка: старшій классъ онъ принялъ, но отъ младшаго отказался, представляя, что по штату не адъюнкту юриспруденціи, но дьякону велѣно помогать въ обученіи латинскому языку. Тогда Сиггеймъ представилъ въ канцелярію, что Флюгу при кадетскомъ корпусѣ никакого дѣла нѣтъ, а полатыни онъ учить не хочетъ. Первоприсутствующій въ канцеляріи полковникъ Сиггеймъ, братъ инспектора сказалъ Флюгу, что если онъ не приметъ обоихъ классовъ латинскаго языка, то долженъ просить увольненія, а если не будетъ просить, то уволятъ и безъ просьбы. Флюгъ отвѣчалъ, что онъ контракта нарушать не хочетъ, но пусть укомплектуютъ его настоящіе классы юриспруденціи или дадутъ ему доучивать оставшихся у него учениковъ; на это полковникъ сказалъ, что незнающими латинскаго языка укомплектовать нельзя; Флюгъ возражалъ, что философскія науки преподаются въ корпусѣ не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, и что есть кадеты, которые уже четыре года обучаются латинскому языку и къ философскимъ наукамъ

приготовлены. Не смотря на это, у Флюга отняли и послѣдніе классы нѣмецкаго стиля и уволили изъ службы. Флюгъ подалъ жалобу въ Сенатъ, который потребовалъ объясненія отъ канцеляріи корпуса. Та отвѣчала, что всѣ учившіеся юриспруденціи кадеты выпущены, потому Флюгу и было предложено, не хочетъ ли онъ занять латинскій классъ; но онъ отказался и потому уволенъ, а въ нѣмецкомъ штилѣ онъ не весьма искусенъ, и потому отъ него ученики взяты и переведены къ другимъ учителямъ. Но Сенатъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ въ кадетскомъ корпусѣ постоянно 24 человѣка обучались юриспруденціи по надобности въ нихъ для гражданской службы; недавно передъ тѣмъ генералъ-прокуроръ представилъ о необходимости наикрѣпчайше подтвердить канцеляріи кадетскаго корпуса, чтобъ 24 кадета, обучающіеся юриспруденціи, впредь въ военныя экзерциціи отнюдь употребляемы не были. И вдругъ Сенатъ узнаетъ изъ донесенія самой канцеляріи, что такихъ кадетъ вовсе нѣтъ! По этому приказали: Флюга оставить въ корпусѣ для преподаванія философіи и юриспруденціи, ибо всегда въ корпусѣ должны этимъ наукамъ обучаться 24 русскихъ кадета; кромѣ того канцелярія корпуса не исполнила контракта, въ которомъ сказано, что если Флюгъ не будетъ надобенъ, то объявить ему объ увольненіи за полгода [274].

Въ Петербургѣ существовало высшее спеціальное учебное заведеніе — Морская Академія. Въ 1739 году профессоръ этой академіи Фарфорсонъ, обучавшій ариѳметикѣ, геометріи, навигаціи, астрономіи, географіи и геодезіи, умеръ; вызывали на его мѣсто Англичанъ, тѣ просили по 500 фунтовъ жалованья и обязывались быть въ службѣ не болѣе 5 лѣтъ. Въ 1745 году математическихъ и навигацкихъ наукъ учитель Кривовъ, да подмастерья Четвериковъ, Костюринъ и другіе объявили, что такіе англійскіе профессора въ такое короткое время Морской Академіи никакой пользы не принесутъ по незнанію русскаго языка, а учениками англійскаго, да и переводчиковъ сыскать нельзя, знающихъ математическіе и навигацкіе термины, а мореплаваніе особенно сильно у Англичанъ и книги по этой части больше на англійскомъ языкѣ, которыхъ и въ Морской Академіи не мало и будутъ лежать безъ употребленія за неимѣніемъ переводчиковъ: по этому Кривовъ и подмастерья просятъ, чтобъ приказано бы-

ло, наградя ихъ рангомъ, послать нынѣшнимъ лѣтомъ въ Лондонъ на три года для обученія англійскому языку, а какъ обучатъ, то и безъ англійскаго профессора при Академіи можно будетъ исправиться, потому что они будутъ книги переводить и учениковъ обучать. Адмиралтейсъ-коллегія представила эту просьбу Сенату, который приказалъ: Кривова, Четверикова и Костюрина отпустить въ Англію съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ, да на подъемъ выдать по 100 рублей [275].

Въ 1745 году въ московской артиллерійской школѣ было сверхъ комплекта учениковъ, дворянъ и не дворянъ 128 человѣкъ, въ инженерной 45, и въ артиллерійской школѣ нѣкоторымъ сверхкомплектнымъ ученикамъ, по указу 1732 года, давалось на пропитаніе по одному четверику муки да по 30 копѣекъ денегъ. Теперь Сенатъ приказалъ: артиллерійской конторѣ разобрать школьниковъ и изъ нихъ годныхъ опредѣлить въ службу въ число артиллерійскаго и инженернаго штата: они могутъ, и будучи въ службѣ, оканчивать свои науки; также способныхъ къ наукѣ изъ шляхетства и дѣтей артиллерійскихъ служителей комплектное число оставить въ школѣ, а изъ разночинцевъ и солдатскихъ дѣтей отослать въ гарнизонную школу, потому что въ артиллерійскую школу кромѣ дворянъ никого и опредѣлять не слѣдовало; если за тѣмъ сверхъ комплекта явятся изъ шляхетства, такихъ присылать къ разсмотрѣнію въ герольдмейстерскую контору [276].

Мы видѣли, что при госпиталѣ въ Москвѣ находилась медицинская школа. Въ 1748 году госпитальный докторъ Блюментростъ жаловался Сенату что изъ славяно-греко-латинской академіи въ госпитальную школу прислано только 8 человѣкъ, ибо тамъ разночинскихъ дѣтей болѣе нѣтъ, а изъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей отпускать не велѣно. Этихъ 8 мальчиковъ Блюментростъ экзаменовалъ и оказались негодны, также въ латинскомъ языкѣ неискусны: давалъ онъ имъ переводить самое легкое и ни одинъ не умѣлъ, слѣдовательно ни одинъ не въ состояніи понимать его лекціи или какого-нибудь легкаго автора о медицинѣ и хирургіи; однако по нуждѣ и этихъ 8 человѣкъ приняли. Сенатъ приказалъ сообщить въ Синодъ вѣдѣніе: хотя св. Синодъ и опредѣлилъ, чтобъ въ госпиталь не отпускать священническихъ и причетническихъ дѣтей, ибо они обу-

чаются въ пользу священства, а отсылать разночинскихъ дѣтей; но такъ какъ теперь въ Спасской греко-латинской школѣ разночинскихъ дѣтей нѣтъ, то благоволитъ Синодъ потребное число учениковъ отослать хотя и изъ церковническихъ дѣтей, которые къ тому собственную охоту и натуральную склонность имѣютъ, ибо въ ученикахъ медикохирургической науки состоитъ крайняя надобность, а въ церковно-служителяхъ отъ такого малаго числа недостатка быть не можетъ. — Не надѣясь, что изъ Спасской академіи будетъ присылаться достаточное количество учениковъ, Сенатъ въ то же время послалъ запросъ въ Медицинскую канцелярію: не лучше ли будетъ при госпиталѣ содержать учителя для обученія наличныхъ госпитальныхъ служителей, также и разночинскихъ дѣтей, которые бы могли быть, по обученіи, опредѣлены въ медицинскіе чины. Медицинская контора отвѣчала, что имѣть въ госпиталѣ латинскаго учителя очень надобно; въ петербургскихъ и кронштадтскихъ госпиталяхъ есть студіозы для обученія подлѣкарей и учениковъ латинскому языку, и въ московскомъ госпиталѣ былъ, да умеръ, а на его мѣсто нельзя опредѣлить, потому что синодальное экономическое правленіе жалованья не даетъ [277].

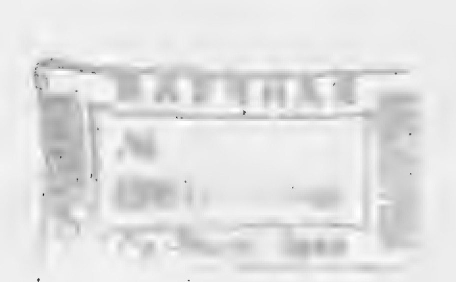
Тѣсное сближеніе Россіи съ западною Европою во время войны за австрійское наслѣдство, важное значеніе, пріобрѣтенное Россіею въ это время, когда столица русской государыни становилась ареною дипломатической борьбы, когда пріобрѣсти союзъ или даже настоять на нейтралитетъ Россіи считалось важнымъ дипломатическимъ торжествомъ, заставляли русскихъ людей, желавшихъ достигнуть высокаго положенія, пріобрѣтать европейскія средства, пріобрѣтать образованіе, чтобы достойно держать себя среди министровъ иностранныхъ. Въ слѣдствіе переворота 25 ноября Нѣмцы, стоявшіе на верху, попадали, высшее правительство очутилось въ русскихъ рукахъ; но иностранцы толковали, что этотъ переворотъ будетъ гибеленъ для Россіи, Русскіе, по своей необразованности, неумѣя вести дѣла, погубятъ то, что было создано искуснымъ Нѣмцемъ Остерманомъ или принуждены будутъ возвратить его изъ ссылки. Новое поколѣніе русскихъ людей, выведенное Елисаветою на верхъ, должно было постараться уничтожить мнѣніе, что безъ помощи иностранцевъ Россія не можетъ быть управляема, не можетъ

поддержать своего значенія, даннаго ей отцомъ Елисаветы, а необходимое средство для этого было образованіе. Алексѣй Разумовскій посылаетъ молодого брата своего учиться за границу; вице-канцлеръ графъ Воронцовъ ѣдетъ за границу какъ для поправленія здоровья, такъ и для образованія; молодой Иванъ Шуваловъ въ образованіи, въ сближеніи съ учеными, писателями готовитъ себѣ знаменитое мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Нѣмцы съ презрѣніемъ относились о необразованности Русскихъ; но когда Русскіе, въ поискахъ за образованностію, внимательнѣе посмотрѣли на Европу, то увидали, что сами Нѣмцы, столь гордые своимъ учительскимъ характеромъ въ Россіи, у себя дома рабски подчиняются вліянію французскому. Отсюда понятно, что русскіе люди непосредственно обращаются ко Франціи, къ ея языку, къ ея литтературѣ. Графъ Воронцовъ прислалъ изъ Берлина гувернантку, француженку, для дѣтей брата своего Романа Ларіоновича; и сынъ Романа Ларіоновича, Александръ такъ говоритъ о своемъ воспитаніи: «Мы нечувствительно выучились по французски. Я долженъ сказать, что воспитаніе намъ данное, не отличавшееся блескомъ и не стоившее огромныхъ издержекъ нынѣшняго воспитанія, имѣло однако въ себѣ много хорошаго: во первыхъ насъ учили по русски, чего теперь не дѣлаютъ. При дворѣ два раза въ недѣлю давались французскія представленія; отецъ возилъ насъ туда. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому что оно съ самаго ранняго дѣтства содѣйствовало развитію въ насъ рѣшительной склонности къ чтенію и литтературѣ. Отецъ выписалъ изъ Голландіи библіотеку, довольно хорошо составленную, гдѣ были лучшіе авторы и поэты французскіе и книги историческія, такъ что 12 лѣтъ я уже былъ хорошо знакомъ съ Вольтеромъ, Расиномъ, Корнелемъ, Буало и другими французскими писателями [278].

Въ заключеніе скажемъ о состояніи искусства въ Россіи въ описываемое время. Въ 1743 году встрѣчаемъ извѣстіе, что живописцу Ивану Вешнякову за написаніе для Сената портрета императрицы выдано 200 рублей по примѣру живописца Линдина, писавшаго портретъ императрицы Анны [279]. Въ томъ же году императрица велѣла послать свои портреты ко всѣмъ русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ; написать ихъ было поручено придворному живописцу полковнику Караваку, который

за 14 портретовъ, написанныхъ двумя кунштами, взялъ 1200 рублей [280]. Въ 1747 году призванъ былъ предъ собраніе Сената живописный мастеръ Иванъ Вешняковъ и объявлено ему, чтобъ онъ скопировалъ портретъ императрицы Екатерины Алексѣевны съ вывезеннаго изъ нѣмецкихъ краевъ и находящагося у вице-канцлера графа Воронцова; Вешняковъ принялъ порученіе, при чемъ ему подтверждено, чтобъ онъ копію снялъ съ оригиналомъ сходную, стоячую и платье изобразилъ по приличности [281]. И за этотъ портретъ онъ получилъ 200 рублей. Въ 1748 году Вешнякову въ Петербургѣ а въ Москвѣ находившемуся при Оружейной палатѣ живописному мастеру Адольскому поручено было смотрѣть, чтобъ портреты императрицы, великаго князя и великой княгини писаны и дѣланы были искуснымъ мастерствомъ [282]. Въ томъ же году Вешняковъ объявилъ, что велѣно ему находившійся въ Сенатѣ старый портретъ Петра Великаго исправить, и онъ исправилъ его весь вновь съ прибавкою длины и ширины противъ портрета ея величества; его наградили за это 50 рублями [283].

Въ 1745 году оберъ-архитекторъ графъ Растрелли объявилъ Сенату, что онъ выливаетъ изъ мѣди портретъ Петра Великаго, сидящаго на конѣ [284]. Упоминается и другой архитекторъ Бланкъ [285], также Осипъ и Петръ Трезины [286]. Въ 1747 году академическій мастеръ Иванъ Соколовъ вырѣзалъ на мѣди портретъ императрицы, который и былъ ею одобренъ [287].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сборн. Русск. Истор. Общ. VI, 506.
2. Дѣло Грюнштейна въ Государ. Архивѣ.
3. См. нашей Исторіи т. XVIII, стр. 13 и слѣд. 341 и слѣд.
4. 29 декабря 1741 года. Письмо въ Государ. Архивѣ.
5. Объ этомъ распоряженіи см. нашей Исторіи т. XXI.
6. Письма Татищева къ Черкасову въ Государ. Архивѣ.
7. Журналы и протоколы Сената подъ означеннымъ числомъ.
8. Оправданіе въ Государ. Архивѣ.
9. Доклады и мнѣнія по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ 1745 г. въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Журналы Сената 11 іюня.
10. Тамъ же 16 декабря.
11. Письма отъ 27 декабря въ Государ. Архивѣ.
12. См. нашей Исторіи т. XXI.
13. Журн. Сената 11 января, 1745 года.
14. Тамъ же 18 октября.
15. Тамъ же 11 іюля.
16. Тамъ же 14 марта.
17. Тамъ же 13 іюня.
18. Тамъ же 8 августа.
19. Тамъ же 7 мая.
20. Тамъ же 10 іюля. — Доклады и мнѣнія.
21. Собраніе постановл. по части раскола, I, 449 и слѣд.
22. Журналы Сената 16 мая.
23. Тамъ же, того же числа.
24. Синодскія дѣла въ Государ. Архивѣ.
25. Тамъ же. — Доклады и мнѣнія.
26. Журналы Сената 22 генв., 1 февр., 5 февр., 24 мая, 18 іюня, 25 іюня, 31 іюля, 4 сентября, 20 сентября, 27 сентября, 28 сентября, 12 ноября.
27. Тамъ же 8 марта.

28. Тамъ же 12 марта и 18 іюля.
29. Тамъ же 20 мая, 29 іюля, 9 декабря.
30. Тамъ же, 7 мая.
31. Тамъ же 8 марта, 7 іюня, 3 сентября, 24 сентября, 6 ноября.
32. Тамъ же 17 мая, 11 іюня, 20 іюня, 17 іюля.
33. Тамъ же 2 сентября, 3 октября, 26 ноября.
34. Тамъ же 18 января, 20 марта, 1 апрѣля, 1 іюля, 16 декабря.
35. Записки Штелина въ Государ. Архивѣ.
36. Mémoires de l'imperatrice Catherine II, p. 25.
37. Петербургскія вѣдомости.
38. Депеши англійскихъ посланниковъ въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.
39. Перлюстраціи 1745 г. тамъ же.
40. Mémoires de l'imperatrice Catherine II, p. 34.
41. Перлюстраціи 1745 г. въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д. — Тамъ же доклады и мнѣнія.
42. Архивъ князя Воронцова II, 122.
43. Депеша лорда Гиндфорда 1 октября.
44. Записки Штелина.
45. Депеша лорда Гиндфорда отъ 10 октября.
46. Доклады и мнѣнія. — Архивъ князя Воронцова II, 16. — Депеша Дальона 1745 года въ перлюстраціяхъ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
47. Переписку эту см. въ Архивѣ кн. Воронцова.
48. Дѣла Прусскія 1745 года.
49. Дѣла австрійскія того же года.
50. Дѣла Прусскія.
51. Дѣла Австрійскія.
52. Дѣла Англійскія 1745 года.
53. Дѣла Австрійскія.
54. Дѣла Прусскія.
55. Доклады и мнѣнія. — Дѣла Французскія.
56. Перлюстрація 1745 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
57. Дѣла Польскія 1745 года.
58. Бумаги елисаветинскаго царствованія, въ Государ. Архивѣ. — Доклады.
59. Депеша Гиндфорда. — Доклады.
60. Бумаги елисаветинскаго царствованія въ Государ. Архивѣ.
61. Дѣла Прусскія 1745 года.
62. Депеши Гиндфорда.
63. Дѣла Прусскія.

64. Histoire de mon temps, I, 317.
65. Тамъ же 338—342.
66. Дѣла Польскія 1745 года.
67. Histoire de mon temps, I, 350.
68. Дѣла Польскія 1745 года.
69. Бумаги елисаветинскаго царствованія въ Государ. Архивѣ. — оклады.
70. Депеша Гиндфорда отъ 20 декабря.
71. Перлюстрація Москов. Арх. въ Минист. Иностр. Дѣлъ 1745 г.
72. Дѣла Шведскія 1745 года.
73. Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д. Доклады и мнѣнія по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ 1745 года.
74. Дѣла Шведскія 1745 г. — Доклады.
75. Дѣла Датскія того же года.
76. Дѣла Турецкія того же года.
77. Письмо гофмаршала Миниха къ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской въ Государ. Архивѣ.
78. Дѣло о Брауншвейгской фамиліи въ Государ. Архивѣ.
79. Письма Миниха къ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской.
80. Бина имѣла отъ Ножевщикова ребенка.
81. Дѣло о Брауншвейгской фамиліи. — Письмо Бирона въ перлюстраціяхъ 1746 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
82. Журналы Сената 3 ноября.
83. Тамъ же 17 іюля.
84. Тамъ же 16—17 іюня.
85. Тамъ же 2 октября.
86. Тамъ же 7 и 9 января.
87. Тамъ же 12 и 16 сентября.
88. Тамъ же 9 іюля.
89. Тамъ же 5 марта, 19 іюня, 26 іюня, 7 ноября.
90. Тамъ же 9 декабря.
91. Тамъ же 29 мая.
92. Тамъ же 15 января, 14 мая.
93. Тамъ же 25 февраля.
94. Тамъ же 14 марта.
95. Пол. Собр. Зак. № 9332.
96. Журналы Сената 13 января, 10 марта.
97. Полн. Собр. Зак. № 9312.
98. Тамъ же № 9249.
99. Тамъ же № 9251.
100. Журналы Сената 22 августа.

101. Доклады 1751 и 1746 года.
102. Журналы Сената 13 марта.
103. Тамъ же 21 августа, 11 сентября.
104. Записки кн. Якова Петр. Шаховскаго.
105. Архивъ кн. Воронцова, кн. II.
106. Объ этомъ говоритъ лордъ Гиндфордъ въ своихъ депешахъ.
107. Архивъ кн. Воронцова, II. 145.
108. Тамъ же, стр. 144.
109. Тамъ же, стр. 154.
110. Дѣла Прусскія.
111. Перлюстрація въ Государ. Архивѣ.
112. Тамъ же, и перлюстраціи въ Москов. Архивѣ Минист. Ин. Д.
113. Письмо въ Государ. Архивѣ.
114. Депеши Гиндфорда.
115. Доклады.
116. Дѣла Австрійскія.
117. Дѣла Польскія.
118. Дѣла Прусскія.
119. Доклады.
120. Тамъ же; депеши Гиндфорда въ перлюстраціяхъ Москов. Архива Мин. Иностр. Д.
121. Дѣла Шведскія. — Письмо Нолкена къ Кейту о вступленіи наслѣднаго принца въ мосоны въ перлюстраціяхъ Москов. Архива Мин. Иностр. Д.
122. Доклады и дѣла Датскія.
123. Дѣла Турецкія.
124. Дѣла Англійскія.
125. Доклады.
126. Тамъ же.
127. Журналы Сената 27 января 1747 года.
128. Тамъ же 9 января.
129. Тамъ же 14 января.
130. Тамъ же 15 января.
131. Тамъ же 22 анваря.
132. Тамъ же 11 мая.
133. Тамъ же 4 іюня.
134. Тамъ же 3 декабря.
135. Тамъ же 10 апрѣля.
136. Тамъ же 3 августа.
137. Тамъ же 19 ноября.
138. Тамъ же 15 декабря.

139. Тамъ же 8 декабря.
140. Тамъ же 1 декабря.
141. Тамъ же 31 іюля.
142. Тамъ же 26 января.
143. Тамъ же 11 марта.
144. Тамъ же 7 октября.
145. Тамъ же 27 октября.
146. Тамъ же 18 іюня.
147. Тамъ же 14 августа.
148. Тамъ же 9 ноября.
149. Пол. Собр. Зак. № 9467.
150. Журналы Сената 25 мая.
151. Тамъ же 5 августа.
152. Тамъ же 12 августа.
153. Тамъ же 15 іюня.
154. Тамъ же 5 мая.
155. Тамъ же 12 марта.
156. Тамъ же 14 января.
157. Тамъ же 28 сентября.
158. Тамъ же 1 апрѣля.
159. Тамъ же 8 января.
160. Тамъ же 28 сентября.
161. Тамъ же 5 февраля.
162. Тамъ же 19 марта.
163. Перлюстраціи въ Государ. Архивѣ 1747 года.
164. Дѣла Англійскія.
165. Письмо 25 января 1748. Перлюстраціи Москов. Архива Мин. Ин. Д.
166. Дѣла австрійскія.
167. Дѣла Польскія.
168. Дѣла Прусскія.
169. Перлюстраціи въ Государ. Архивѣ.
170. Дѣла Шведскія.
171. Дѣла Турецкія.
172. Дѣла Персидскія.
173. Доклады 1747 года.
174. Журналы Сената 25 октября 1748 г.
175. Тамъ же 20 апрѣля.
176. Доклады 4 декабря 1747 г.
177. Журналы Сената 9 іюня.
178. Тамъ же 21 іюля.

179. Тамъ же 1 сентября.
180. Тамъ же.
181. Тамъ же 9 іюня.
182. Тамъ же 17 іюня.
183. Тамъ же 15 января.
184. Тамъ же 29 марта.
185. Тамъ же 8 іюня.
186. Тамъ же 27 октября.
187. Тамъ же 7 іюля.
188. Тамъ же 26 апрѣля.
189. Тамъ же 12 января.
190. Тамъ же 13 іюля.
191. Тамъ же 1, 2, 19 іюня, 18 августа.—Въ томъ же архивѣ дѣла Сената по Приказному столу № $\frac{31}{681}$.
192. Пол. Собр. Зак. № 9503, 9505, 9526, 9535.
193. Журналы Сената 4 марта.
194. Тамъ же 14 іюля.
195. Тамъ же 6 іюля.
196. Тамъ же 21 іюля.
197. Тамъ же 7 января.
198. Тамъ же 29 февраля.
199. Тамъ же 5 августа.
200. Тамъ же 13 сентября.
201. Тамъ же 16 ноября.
202. Тамъ же 8 марта.
203. Тамъ же 8 августа.
204. Тамъ же 13 іюня.
205. Таоъ же 11 августа.
206. Записка разговора въ Госуд. Архивѣ.
207. Депеша Финкенштейна 6 февраля.
208. Депеша 17 февраля.
209. Депеша 24 февраля.
210. Депеша 19 марта.
211. Депеша 2 апрѣля.
212. Депеша 7 сентября.
213. Депеша 10 сентября.
214. Дѣло Лестока въ Государ. Архивѣ.
215. Дѣла Англійскія 1748 г.
216. Дѣла Австрійскія.
217. Дѣла Польскія.

218. Дѣла Шведскія.
219. Дѣла Французскія.
220. Журналы Сената 2 іюля 1744 г.
221. Тамъ же 20 іюня 1745 г.
222. Тамъ же 15 и 21 января 1748 года.
223. Тамъ же 15 января 1746 года.
224. Тамъ же 19 декабря 1743 года.
225. Тамъ же 3 іюня 1746 года.
226. Автобіографія Каина, изд. Григорія книжника; осьмнадцатый вѣкъ, кн. III, статья Есипова—Ванька Каинъ.
227. Розанова, Исторія Московск. епархіальн. управленія. Часть II Кн. I.
228 Дѣло въ Государ. Архивѣ.
229. Журналы Сената 25 августа 1748 года.
230. Смирнова—Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинск. Акад.
231. Розанова Исторія Моск. епархіальн. управл. Ч. II, кн. I.
232. Дѣла Сената по Академіи Наукъ № $\frac{4}{1204}$ (Въ Архивѣ Министер. Юстиціи).
233. Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ. I, 33.
234. Тамъ же.
235. Дѣла Сената по Академіи Наукъ № $\frac{4}{1204}$.
256. Тамъ же.
237. Билярскаго, матеріалы для біографіи Ломоносова, 058.
238. Дѣла Сената по Академіи Наукъ № $\frac{4}{1204}$.
239. Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 663.
240. См. Куника—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ.
241. Дѣла Сената по Академіи Наукъ; Билярскаго матеріалы съ 20-й стр.
242. Дѣла Сената по Академіи Наукъ № $\frac{5}{1205}$.
243. С.-Петербург. Вѣдомости 1748 года.
244. Журналы Сената 3 октября 1745 г.
245. Тамъ же 17 января 1743 г.
246. Тамъ же 6 марта 1746 г.
247. Петербург. Вѣдомости 24 іюня.
249. Тамъ же 23 мая.
248. Журналы Сената 25 мая.

250. Тамъ же 19 августа.
251. Докладъ 2 августа.
252. Дѣла Сената по Академіи Наукъ № $\frac{5}{1205}$; Журналы Сената 16 января 1667 года
253 Дѣла Сената по Академіи Н. № $\frac{5}{1205}$.
254. Тамъ же.
255. Москвитянинъ 1852 г. № 12.
256. Журналы Сената 8 марта.
257. Петербургскія Вѣдомости.
258. Дѣла Сената по Академіи Н. № $\frac{5}{1205}$.
259. Билярскаго—матеріалы.
260. Пол. Собр. Зак. № 9425.
261. Билярскаго матеріалы.
262. Журналы Сената 24 декабря.
263. Билярскаго — матеріалы.
264. Журналы Сената 10 ноября.
265. Вѣстникъ Европы 1807 г. № 7.—Перлюстраціи 1747 г. въ Гос. Архивѣ.
266. Журналъ Сената 9 декабря.
267. Тамъ же 30 марта 1747 г.
268. Петербург. Вѣдомости 1 февраля.
269. Журналы Сената 16 іюня 1748 г.
270. Петербург. Вѣдомости 1745 и 1748 годы.
271. Журналы Сената 4 августа.
272, Тамъ же 10 іюня.
273. Тамъ же 9 февраля.
274. Тамъ же 7, 13 октября и 1 ноября 1748 г.
275. Журналы Сената 12 августа 1745 г.
276. Тамъ же 28 сентября 1745 г.
277. Тамъ же 23 мая и 22 августа 1748 года.
278. Архивъ Князя Воронцова, V, II и слѣд.
279. Журналы Сената 10 марта.
280: Тамъ же 7 сентября.
281. Тамъ же 7 апрѣля.
282. Тамъ же 4 февраля.
283. Тамъ же 14 іюня.
284. Тамъ же 14 марта.
285. Тамъ же 11 іюля 1745 г.

286. Тамъ же 27 января 1748 г,
287. Тамъ же 20 января.

ПОПРАВКА.

Въ XXI томѣ, на стр. 324, вмѣсто примѣчанія 330 поставлено 340 и въ томъ же порядкѣ продолжается до конца; должно считать отъ 330 до 352, а не отъ 340 до 362.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей дѣятельности.

Хотя всемилостивѣйшею моею самодержицею и государынею дѣла мои, которыя ея и. в—ству извѣстны, апробованы, но какъ изъ оныхъ такого нѣтъ, котораго бы мои ненавистники не старались порочить и изпровергать, а кольми паче тѣ въ заключеніи держать, о которыхъ еще доклады не поданы, не меньше того и то, что въ присутствіяхъ отъ меня предлагаемо было. Какая бы надобность могла быть подкрѣплять добродѣтель по причинѣ ея твердости, когда бъ ненависть не была ея спутникъ; равнымъ образомъ великъ порокъ говорить объ своихъ дѣлахъ, когда надлежащая справедливость имъ отдается, въ противномъ же случаѣ не токмо безпорочно, но и долгъ обязываетъ то дѣлать, дабы употребленный трудъ въ пучину забвенія погруженъ не былъ, а чрезъ то пріобрѣтеннаго не лишить потомковъ. Достиженіе арміи въ такое хорошее состояніе, въ какомъ оная при началѣ нынѣшней войны была, вопервыхъ увеличиваніемъ двоекратно, вовторыхъ приведеніемъ ея въ познаніе движеній и установленіемъ способнѣйшей экзерциціи, а чрезъ то полученіемъ проворныхъ добрыхъ офицеровъ и солдатъ; третіе исключеніемъ неспособныхъ и безнадежныхъ какъ генералитетъ, такъ и штабъ-офицеровъ, а чрезъ то способнѣйшимъ наблюденіе авантажей; плоды сего свидѣтельствуютъ побѣды одержанныя надъ непріятелемъ. Отъ чего жъ то произошло суть слѣдующее:

1) До поѣздки 748 году въ Москву, я будучи удостоенъ быть въ конференціи, гдѣ открыты мнѣ стали силы нашего непріятеля, за главное тогда основаніе принявъ обширность имперіи,

представя себѣ вокругъ лежащихъ ей сосѣдей и чаемую отъ нихъ опасность въ разсужденіи уменьшенія ихъ областей, а присовокупленія оныхъ къ намъ, о умноженіи войска моя пропозиція и учинена. Слѣдствіе сего произвело, что пятьюдесять батальонами армія увеличена, а полки сдѣланы трехбатальонные. Потомъ когда казалось войнѣ быть необходимою и 749 году собраніе при дворѣ сената, иностранной и военной коллегій было: тогда я представилъ, что по числу непріятельскихъ силъ въ разсужденіи нашихъ обстоятельствъ, не взирая на то, что пятьдесятъ батальонами армія увеличена, мы не въ такомъ еще состояніи, чтобъ безопасно войну производить могли, да и дѣйствительно сего ради настоялъ о умноженіи войскъ, которое и послѣдовало прибавкою во всякій полкъ 450 человѣкъ гранодеръ и знатнаго числа мушкатеръ, и такъ полкъ вмѣсто одной гранодерской роты получалъ три, которыя составляли 600 человѣкъ, а мушкатерскія увеличены жъ, а потомъ изъ ротъ гранодерскихъ отъ всякого полку по одной отдѣлено и сочинены гранодерскихъ четыре полка.

2) Когда я получилъ въ команду дивизію, то примѣтя людей не токмо весма худо экзерцированныхъ, но и такъ великую розницу, что одинъ полкъ съ другимъ ниже въ пріемахъ согласно дѣлалъ, а офицеры весьма слабо должности свои исполняли и объ нужнѣйшей вещи касающейся до марширования и обращенія корпусами худое понятіе имѣли, отъ всѣхъ моей команды полковъ хотя не здѣсь находились со всякой роты рядовыхъ,— отъ полку офицера и барабанщика къ себѣ взялъ, экзерцируя ихъ и приведя въ соглашеніе, въ полки отправилъ, а оные потому и поправились. Въ 753 году, будучи въ Москвѣ, истребовалъ 230 человѣкъ, которыхъ не токмо экзерциціею или маршировать, но и разныя обращенія дѣлать обучилъ, такъ что военная коллегія и генералитетъ, тогда тамъ находящійся свидѣтельствовалъ: и я доказывалъ необходимость въ томъ всей арміи. Сіе было основаніемъ слѣдующаго: 755 году по требованію моему дозволено мнѣ въ командѣ моей находящійся с.-петербургскій полкъ взять въ Петербургъ для установленія и обученія новой экзерциціи, марширования и эволюцій; равнымъ образомъ для кавалеріи лейбъ-кирасирскій полкъ, и какъ однимъ для инфантеріи, а другимъ для кавалеріи не токмо спо-

собнѣйшая экзерциція въ состояніе приведена, но эволюціи и марши до такова состоянія доведены, что по свидѣтельству Военной Коллегіи, всего генералитета, и высочайшей апробаціи всемилостивѣйшей государыни, всей арміи потому исполнять повелѣно и печатныя съ планами книги для того выданы; мнѣ жъ тогда повелѣно отъ всей арміи всякаго полку по штабъ-офицеру въ С.-Петербургъ взять и ихъ обуча отправить къ ихъ полкамъ для скорѣйшаго приведенія въ тожъ состояніе арміи, какъ и сіи полки, что мною и учинено.

3) Реформа генералитета и штабъ-офицеровъ по моему сочиненію сдѣлана, чрезъ что не токмо негодные, но и неспособные выключены, а способнѣйшіе, отъ которыхъ болѣе успѣху ожидать было можно, поступили на ихъ мѣста, сіи послѣдніе пользу сего съ успѣхомъ и доказали.

4) Артиллерійскій корпусъ до того доведенъ былъ, что по причинѣ наступающей войны самое нужное въ немъ поправленіе конференціею почтено, признано и представлено было что въ слабое и невыгодное состояніе пришедшій; къ поправленію того полагая надежду на меня, избрали и докладывали оный мнѣ поручить, что высочайшею конфирмаціею и послѣдовало; я не взирая на то, что уже при самомъ началѣ войны было, стараніемъ и попеченіемъ моимъ такъ исправилъ и въ такое состояніе привелъ, что съ лучшею, нежели когда бывало, пользою дѣйствуетъ, да ктомужъ мною изобрѣтенная артиллерія столько силу и преимущество предъ прежнею доказала, что какъ вся наша армія, такъ разумной свѣтъ да и самый непріятель должную ей справедливость отдаетъ.

5) Какъ вышеописанное умноженіе войскъ ни велико было, однакожъ оказалось при самомъ началѣ войны недостаточнымъ, чего ради по высочайшему повелѣнію еще корпусомъ въ тридцати тысячахъ человѣкъ арміи умножить опредѣлено, и какъ никто на себя сего дѣла взять не хотѣлъ, то повелѣно мнѣ оное учинить. Мое попеченіе и ревность не меньше въ семъ предуспѣла, какъ и въ прочемъ, ибо не токмо въ полугодовое время, сформированъ, обмундированъ новою амуниціею и новаго изобрѣтенія артиллеріею снабденъ, не мѣшало то, что люди со всего государства для основанія ротъ изъ гарнизоновъ были своженены, и три части и болѣе рекрутъ вступило, однакожъ въ сражені-

яхъ съ непріятелемъ самымъ дѣломъ соотвѣтствовалъ моему наставленію и попеченію и тѣмъ доказалъ, что онъ въ такое состояніе исправное приведенъ, какъ только желать можно.

6) Не довольно всего того какъ умноженія арміи, такъ исправленія и усиленія артиллерійскаго корпуса, полезными изобрѣтеніями, ниже сформированія тридцати тысячъ вновь войска, чтобъ тѣмъ только ограничено было мое къ службѣ моей всемилостивѣйшей государыни и пользѣ отечества стремленіе, но я, обращаясь въ государственныхъ изобрѣтеніяхъ, видя недостатки доходовъ и думая быть совершенному отъ того паденію, ибо состояніе оныхъ не токмо на умноженное число войскъ или на произведеніе войны довольно было, но ниже на тогдашніе обыкновенные расходы и прежнее число войска доставало, потому что ежегодный расходъ превосходилъ доходъ государственный милліономъ рублевъ, я изобрѣлъ способы, чрезъ которые доходъ государственный столько увеличенъ, что умноженныя войска содержать не токмо достаточно изъ онаго на всегда опредѣлено, но и многія государству полезныя учрежденія въ состояніи были установить, яко то банкъ, уничтоженіе таможень и прочее; какія же отъ сего полезности, сопряженныя съ сими изобрѣтеніями есть и послѣдуютъ, оставляю благоразумному и безпристрастному свѣту заключить, а только то упомяну, что доходу по моимъ изобрѣтаніямъ казна дѣйствительно получила 21427786 рублевъ и ежегодно во оную вступаетъ 2809164 рубли, а что сію не токмо надобность но и необходимость я предвидѣлъ, о томъ подробныя объясненія въ разныя времена о разныхъ способахъ изобрѣтенія доходу государственнаго изъ поданныхъ въ Сенатъ моихъ предложеній явно, гдѣ обо всѣхъ нужныхъ къ объясненію матеріяхъ трактовано.

7) Въ сатисфакцію всѣхъ сихъ трудовъ моихъ и попеченія представить одно то надобно, каковая нынѣшняя война была безъ умноженія войскъ, какъ бы одерживала армія побѣды безъ приведенія ея въ наилучшее предъ прежнимъ состояніе, и какой бы успѣхъ продолженія сей войны былъ безъ денегъ, и наконецъ моглаль бы супротивляться малая сила толь превосходящему непріятельскому вооруженію, да еще съ малочисленною и весьма посредственною противъ его бывшею предъ симъ артиллеріею, въ моежъ время мною изобрѣтенной донынѣ сдѣлано

741 орудіе. Показавъ касающееся до усиленія государства, въ войскѣ и доходахъ состоящее, равно важное какъ и вышеписанное упомяну, т.-е. о законахъ и государственныхъ дѣлахъ.

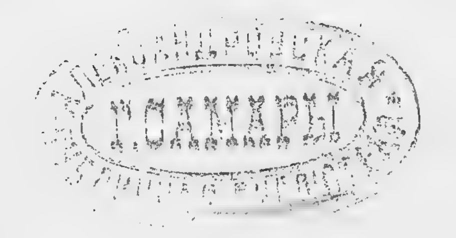
Сколько пресвѣтлѣйшій монархъ отецъ и государь Петръ Великій ни желалъ и какой трудъ къ тому ни прилагалъ, а последующіе государи о томъ же старались чрезъ сорокъ лѣтъ, а по благополучномъ восшествіи на престолъ всепресвѣтлѣйшей самодержицы матери и государыни нашей первое то и было, чтобъ законы разобрать и въ порядокъ привести, но продолжаясь чрезъ 13 лѣтъ безплодно было и со всѣми попеченіями и трудами успѣхъ не соотвѣтствовалъ желанію; мнѣ послужило счастіе сыскать къ тому такой способъ, которой высочайшей конфирмаціи удостоенъ, и по оному водинъ годъ двѣ части уложенья сдѣланы, а прочія двѣ изготовлены, матеріи жъ ко всѣмъ законамъ такъ приготовлены, что ежели бъ тому помочь была учинена, то бъ меньше годоваго времени обитатели пользовались ясными и достаточными законами, и чрезъ то совершеннымъ правосудіемъ.

Сверхъ сего умалчивая о произведенныхъ мною государственныхъ дѣлахъ, которыя въ своемъ теченіи находятся, яко то, обмежеванье всего государства, о безконечной соли вмѣсто той, которая уже не токмо уменьшилась, но и знатнымъ числомъ пресѣклась, отъ чего народъ терпѣлъ бѣдство, и тому подобныхъ; а назначу тѣ, которыя поданы близь пяти лѣтъ и лежатъ въ сенатѣ безплодно, а именно:

1) Объ учрежденіи надежныхъ форпостовъ въ сохраненіи уменьшенія народа и умноженія доходовъ и прочихъ потребныхъ предосторожностей ради. 2) О сохраненіи народъ положенный въ подушный окладъ отъ поборовъ рекрутъ такой пропорціи какая въ комплектъ потребна и армія безъ недостатку бъ была укомплектована, число жъ народа прежде въ то употребляемое, симъ способомъ оставшееся умножало бъ народъ къ земледѣлію, и о неупотребленіи изъ армейскихъ полковъ по внутреннимъ дѣламъ, отъ чего они приходятъ въ несостояніе, напротивъ того объ учрежденіи, кѣмъ то исправлять. 3) Для сохраненія поселянъ и притомъ порядочнаго удовольствія арміи провіантомъ и фуражомъ и отвращенія вредительныхъ интересу подрядовъ. 4) Средство охранять поселянъ и обитателей отъ

грабительствъ и прочихъ имъ притѣсненій донынѣ бываемыхъ, при чемъ и штатъ прилагается. 5) О полезностяхъ государственныхъ отъ общества свободное познавать мнѣніе и о экономіи, въ случаѣ жъ недороду хлѣба о безнужномъ пропитаніи народа и о вспоможеніи поселяномъ во время великаго урожая возвышеніемъ цѣны на хлѣбъ, безъ принужденія къ той коголибо покупки и безъ ущерба казеннаго интереса. 6) О приведеніи въ достойное состояніе людей къ правленію губерней, провинцей и городовъ, а чрезъ то довольное число имѣть способныхъ къ главному правительству безъ принужденія ихъ къ тому. 7) Главная коммерція и пропитаніе народа въ здѣшнемъ краю способнѣе происходитъ отъ сдѣланной водою коммуникаціи съ рѣкою Волгою; но какъ извѣстно многія затрудненіи въ семъ пути находятся, яко то въ сухія времена крайнее маловодіе и опасность пороговъ, отъ чего многажды съ крайнимъ разореніемъ промышленникамъ, кто что везетъ, а не меньше того какъ здѣшняго краю, такъ и комерціи не токмо отягощеніе, но я разореніе происходитъ, а паче всего что барки отъ пристаней, гдѣ нагрузки бываютъ, дошедъ сюда безповоротно пропадаютъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, какъ по дѣламъ явно, столько умалился лѣсъ и въ такъ высокую цѣну барки становятся, что уже сумнѣнія нѣтъ, дабы на продолженіе онаго стало, и тако хотя бъ суховодья и опасности пороговъ и не было, то по пресѣченіи лѣсовъ доставлять сюда ни товаровъ, ни провизей по сей коммуникаціи будетъ невозможно. Я, видя неминуемое бѣдство, которое грозитъ не токмо убыткомъ, но совершеннымъ разореніемъ, въ... году предложилъ Сенату, назначакъ новой коммуникаціи такія мѣста, которыя не подвергнуты ни одному изъ вышеписанныхъ опасныхъ обстоятельствъ, а именно, что суховодья никогда, пороговъ ни одного, и лѣсовъ на безконечность станетъ, съ тѣмъ порядкомъ, какой къ тому учредить слѣдуетъ, ибо изъ оныхъ за первый почесться долженъ тотъ, дабы суда растроены были по препорціи тѣхъ водъ, такимъ манеромъ и работою, чтобъ много въ себя нагрузить и многіе годы служить въ состояніи были, учредя станціи, до которыхъ мѣстъ возить и назадъ до своихъ мѣстъ обращаться: изъ сего и другая польза, какой нынѣ нѣтъ для усиленія комерціи послѣдуетъ, яко то привозимые товары изъ иностранныхъ земель къ здѣшнему пор-

ту, такъ равномѣрно водянымъ путемъ во все государство возиться будутъ, какъ нынѣ оттуда сюда. Оное такъ приготовлено, что отъ единаго приказанія зависитъ, ибо генералъ-поручикъ Рязановъ весь тотъ путь не токмо на планы положилъ, но профили и смѣту, во сколько станетъ, сдѣлалъ, которая въ..... году въ прав. сенатъ подана, а по оной потребно капитала на приведеніе въ совершенство меньше милліона рублевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка:	*Напечатано:*	*Должно читать:*
30	33	Юшковичь	Юшкевичь
37	20	везлѣ	везли
66	10	Канцлеру	вице-канцлеру
76	14	утвержденіе	утвержденію
88	20	легаціонъ—ротъ	легаціонъ—ратъ
92	26	къ намъ	къ нимъ
96	37	они	она
103	20	странную	страшную
107	17	дастъ	даетъ
119	37	получивъ	получилъ
127	25	актовъ	амтовъ
134	38	и съ тѣхъ поръ	до тѣхъ поръ пока
136	36	сіе	его
151	19	Стрингеръ	Спрингеръ
156	4	въ Швеціи	въ Швецію
179	19	по двѣ	по два
210	5	Пальмштрена	Пальмштерна
222	32	Крича	крича
242	11	предложны	предложены
—	35	въ три мѣсяца	три мѣсяца
244	27	исправильно	неправильно
250	28	другу	другъ другу
254	9	По предложенію	На предложеніе
276	25	мать	имать
288	10	упали ей въ ночи, жалуясь на Нортова	упали ей въ ноги, жалуясь на Нартова
298	9	Нортова	Нартова
299	19	промчатся	промчится
300	5	нсзоименитства	тезоименитства

